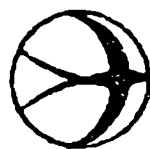


B. K.



Приходи
в воскресенье



НОВЫЕ СОВРЕМЕНИКИ

Вильям Козлов

Приходи
в воскресенье

Роман

«Современник»
Москва
1976

Козлов В. Ф.

K59 Приходи в воскресенье. Роман. Вступ. статья
С. Воронина. М., «Современник», 1976.
367 с. (Новинки «Современника»).

Роман Вильяма Козлова — о нашем современнике. Через двадцать лет приезжает его герой в город своей юности — Великие Луки. Изменился с тех пор этот город, который Максим со своими сверстниками восстанавливал после войны, в котором учился.

Изменился Максим. Он стал энергичным руководителем нового типа, который смело идет на острые конфликты, нимало не заботясь о своей карьере, бескомпромиссно борется за свои убеждения, мыслит масштабно, по-государственному. В родном городе он как бы заново открывает себя: к нему приходит зрелость, понимание своего назначения в жизни и настоящая любовь.

Книга написана по социальному заказу издательства.

К 70302— 17—75
M106(03)—76

P2

В мире
доброй любви

О творчестве
Вильяма Козлова

У каждого писателя свой творческий путь. Как правило, его определяет биография самого писателя, которая ложится в основу всех его наиболее значительных произведений. Ложится так, что произведения становятся как бы литературными аккумуляторами, в которых воедино собраны и характерные черты времени, и люди — типажи тех определенных лет, и зафиксированы те идеи, которые формировали сознание человека — гражданина именно того времени.

Одним словом, назначение литературы заключается в том, чтобы запечатлеть определенное время, создав портреты людей, живших в то время, в трех аспектах: в социальном, психологическом и нравственном.

Рассматривая творчество Вильяма Козлова, автора семнадцати оригинальных книг, с этих позиций, можно с уверенностью сказать, что его творчество является свидетельством того времени, в котором он живет и работает.

Детство Вильяма Федоровича Козлова пришлось на тяжелые годы Великой Отечественной войны. Оставшись без родителей — отец был на фронте, мать оказалась в Великих Луках с маленькими детьми, он, двенадцатилетний мальчуган, приехавший на каникулы к бабушке в Куженкино Калининской области, оказался надолго отрезанным от семьи. Но этого мало, с первых же дней войны ему пришлось работать то уче-

пиком столяра, то рабочим по расчистке взлетного поля на прифронтовом аэродроме, то в колхозе на прополке,— надо было себя кормить. А тут еще и сама война. «Фронт быстро продвинулся к Куженкино. Днем и ночью летали немецкие бомбардировщики. Станцию много раз бомбили,— так я мальчишкой почувствовал, что такое война»,— пишет в своей автобиографии Вильям Козлов.

Хочется остановиться на том, что формировало сознание будущего писателя, что запало ему в сердце и память на всю жизнь, о чем он должен был рассказать людям.

Война... война... Ее печать лежит на сознании того поколения, к которому принадлежит сам Вильям Козлов. Лишенное детства, это поколение раньше времени повзрослело. Оно обрело на всю жизнь гражданское достоинство и верность народу и родине. И отсюда светлое, жизнеутверждающее начало во всех книгах Вильяма Козлова. Вот почему многие герои его талантливых произведений находят такой щедрый отклик в сердцах и детского и взрослого читателя. Главный герой В. Козлова всегда бесстрашен, честен, отзывчив на помощь, целеустремлен в своих исканиях, тверд в своих убеждениях, жизнестоек.

Впервые я увидел Вильяма Козлова в редакции журнала «Нева», где я тогда работал главным редактором. Передо мной стоял стройный, черноволосый парень, с живыми, улыбчивыми глазами. Он принес рукопись своей повести «Трудный парень», которая и была напечатана. Ее заметила критика, в редакцию пришло много читательских писем, «Мосфильм» экранизировал повесть, поставив фильм «Где ты теперь, Максим?», «Лениздат» выпустил ее в свет отдельным изданием, под новым названием — «Я спешу за счастьем».

С этого времени писательская судьба Вильяма Козлова определилась ясно и четко. Он пишет и для детей, и для юношества, и для взрослых.

Но здесь следует еще поговорить о жизненном пути Вильяма Козлова. И прежде всего подчеркнуть, что этот путь для него был тем единственно необходимым, который нужен писателю, хотя был и нелегким, и порой мучительным в смысле поиска своего места в жизни, но бесспорно полезный, давший ему интересную, насыщенную биографию. Ибо нет ничего печальнее, когда человек, обладающий литературным талантом, не знает жизни, не постигает ее опыта на собственном примере. Такой человек, при всем своем даровании, ничего не может сказать народу, ничего не сможет принести на алтарь своего Отечества, дабы приумножить духовное богатство и наследие, оставленное ему Великими своей страны. Поэтому жизненный путь Вильяма Козлова при всех его, на первый взгляд, кажущихся метаниях молодого человека, интересен прежде всего тем, что он до предела насыщен жизненным материалом, который со временем и ляжет в основу многих книг писателя.

Я уже говорил ранее, кем работал Вильям Козлов в годы войны. Особенно тяжелой для него была военная зима 1941/42 года, когда есть было почти нечего. Какое-то время подростком он беспризорничает, шныряет по воинским эшелонам, подкармливаясь у наших солдат, мерзнет с лопатой в руках на большом заснеженном аэродроме, сбивает в кучку таких же, как сам, обездоленных полуголодных бродяжек, подбирает, что плохо лежит. И пробирается к матери на Урал, в далекую деревушку, случайно узнав от проезжавшего мимо Куженкино родственника, что она там. Разыскивает ее и предстает перед ней с хромовыми сапогами, выигранными в карты, тысячью рублями и двумя буханками хлеба.

При таком начале «самостоятельной» жизни не трудно было свернуть с пути истинного, но парень не избаловался, не потянулся за легким хлебом, стал работать в колхозе. Пас скот, боронил, помогал на уборке. И так до конца войны. Вернувшись в свои родные места — в разрушенный родной город Великие Луки, работал на вос-

становлении железнодорожного техникума, в котором собирался учиться. И учится. Но не пошла учеба. За годы войны отвык от тетрадей и книжек, привычнее держать в руках лопату, топор, молоток, и он стал геодезистом. Побродил с изыскателями и осел в конторе чертежником. И вдруг имя Вильяма Козлова появилось на афишах областного театра — он артист. Но и здесь ему не работается. Что-то его все время подталкивает, не дает покоя. И он уже носится на своем мотоцикле по совхозам и колхозам области с фотоаппаратом — он фотокорреспондент областной газеты «Великолукская правда». Но и там в редакции происходят с ним смены-перемены. Нет, он не уходит из газеты, но он уже не фотокорреспондент, а литературный сотрудник. Кажется, наконец-то нашел свой путь, свое место, но и тут судьба молодого человека круто меняется. Он — курсант авиационного училища.

Такая жизнь — это прежде всего многочисленные встречи с разными людьми, это обширнейший материал, это богатство для писателя.

«Писать начал неожиданно и много, — говорит о себе Вильям Козлов. — Сначала почему-то шли детские рассказы. Впоследствии из них получилась моя первая книжка — «Валерка — председатель».

А затем «Юрка Гусь», «Витка Грохотов и его компания», «Горсть рыболовных крючков» и вот «Президент Каменного острова» — любимая книга школьников.

В Ленинградское отделение издательства «Детская литература» каждый день почта приносит письма юных читателей.

Читая письма ребят, ясно видишь, какое глубокое влияние оказывает хорошая книга на умы, мировоззрение подрастающего поколения. Вильям Козлов пишет для дошкольников, для ребят младшего и старшего школьного возраста, для юношества. Как бы за руку от книги к книге он ведет своего читателя от детских игр в прекрасный мир природы (книги «Мы уходим из дома», «Куда улетаются ласточки», «Два Пети»).

Ведет через войну, через ее суровые и жестокие годы: «Юрка Гусь», «Витька Грохотов и его компания», «Горсть рыболовных крючков». В мирное сегодняшнее время — «Президент Каменного острова», «Едем на Вял-озеро». В самом обычном герою Вильяма Козлова находят романтику, приключения. Это, конечно, не только особенность самих ребят, в первую очередь — это особенность самого писателя Вильяма Козлова, видеть и заставить ребят увидеть в обычном — необычное, увлекательное, романтическое.

Его книги готовят наших детей к активному участию в строительстве нашего общества.

Одновременно с книгами для ребят Вильям Козлов работает и в прозе для взрослых.

Если проанализировать развитие нашей советской литературы на протяжении всех ее десятилетий, то я бы определил ее развитие прежде всего в тесной связи с теми социальными и общественными переменами в жизни нашей страны, нашего общества. Такова литература революции, гражданской войны, восстановительного периода, коллективизации, Великой Отечественной войны, восстановления народного хозяйства после войны, и так до наших дней. Сама жизнь определяла тематическое направление, обуславливало и то, что среди литераторов наступало как бы негласное соревнование на лучшую книгу по открытой теме, и в итоге, испытав проверку временем, оставались только наиболее талантливые произведения, хотя каждый период мог насчитывать сотни книг на одну и ту же тему.

Если же проанализировать эти самые лучшие произведения, то станет очевидным, что они остались жить еще и потому, что в них, кроме основной темы, затронута и разработана еще и нравственная сторона человека. Не только фронт, бои, победы и потери, но и раздумья писателя о том, как все это преломляется в сознании человека. Каким он становится? Как нравственно совершенствуется? Показать, что принесло ему время, как оно сформировало его сознание. Вот

ле задачи, которые всегда стояли и стоят перед большой литературой. Труд, быт, войны, экономика, социальное устройство — все это необходимый материал для писателя, чтобы помочь ему раскрыть духовное состояние своего героя, ту среду, в которой он живет, того, наконец, общества, представителем которого он является, но отнюдь не труд, быт или война сами по себе как задача литературного искусства.

В этом отношении направление творчества Вильяма Козлова идет правильным путем. И если говорить о его «взрослых» произведениях, то такие, как «Солнце на стене», «Три версты с таким», «Приходи в воскресенье», «Роман без названия», — это как раз и есть те произведения, в которых писатель прежде всего рассматривает нравственную сторону своего героя.

Вильям Козлов заставляет думать читателя — не навязывая своего авторского суждения, — что особенно ценно. Говорят и думают его герои, которым он доверяет свои самые сокровенные думы. Может, в чем-то они и спорны, что ж, пусть и над этим подумает читатель.

Книги Вильяма Козлова переведены на многие языки народов СССР, вышли в Польше, Чехословакии, ГДР, Японии.

Перед нами интересный, ищущий писатель. Он не боится сложных тем, не обходит острых углов современности. И то, что он творчески активен, — а работает он много, — обещает нам впереди не одну радостную встречу с его новыми книгами.

Сергей Воронин

Часть первая

1

Я всегда восхищался людьми, которые ясно видели свою главную цель в жизни, шли к этой цели и в конце концов добивались своего. По правде говоря, что они чувствовали потом, достигнув желаемого, я не знал, хотя однажды и попытался выяснить. Помню, в детстве (нам тогда было по пятнадцать—шестнадцать лет) через дорогу от меня жил Миша Пискунов. Весьма певзранный паренек: маленького роста, узкоплечий, большеголовый, весь в крупных веснушках, скошенный подбородок, рот с большими редкими зубами выдавался вперед, отчего Миша немного напоминал верблюда. А светло-серые глаза у него были добрые и всегда почему-то печальные. Будучи слабым, в наших мальчишеских драках он не принимал участия, однако мы терпели его в своей компании. Миша был безвредным парнем, умел держать язык за зубами и никогда никого не подводил. Так вот этот Миша Пискунов в четырнадцать лет твердо знал, что будет военным моряком. Он бессленно носил синие матросские парусиновые брюки клеш с откидным клапаном и вылинявшую от частых стирок тельняшку. Мы подтрунивали над ним — ведь мальчишки народ жестокий, — говорили, что во флот его никогда не возьмут. С таким-то ростом! К восемнадцати годам он с трудом набрал метр шестьдесят пять сантиметров. Рост Венеры Милосской.

И тем не менее Миша Пискунов стал моряком. Больше того, он дослужился к сорока годам до звания капитана первого ранга. Сейчас он где-то на Севере командует атомной подводной лодкой. Вот у него, у Миши Пискунова, когда мы с ним встретились в Ленинграде, я и стал выяснять, что же он сейчас чувствует, добившись в

жизни всего, чего хотел. Капитан первого ранга с суровым, обожженным полярными ветрами лицом пескoлько растерялся от такой постановки вопроса. У него даже простуцили поблекшие веснушки на скулах. Он стал говорить, что работа ему нравится, хотя на море, особенно в длительном походе, бывает ой как не сладко, сетовал на своего непосредственного начальника, который из-за какой-то чепухи взъелся на него, и теперь хоть увольняйся в запас или переводись в другое соединение. А выпив коньяка в ресторане «Парус», начал жаловаться на боли в пояснице: третий год мучают! А врачи лечили кто от чего: один от радикулита, другой от ревматизма... Я обратил внимание, что глаза у него все такие же печальные, как и тогда, в детстве.

Я восхищался людьми, идущими напролом к своей цели, еще и потому, что сам я не стремился к какой-то одной цели. В детстве я мечтал стать летчиком, а стал железнодорожником. Поезда и тепловозы мне понравились водить, поэтому я и поступил после железнодорожного техникума в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Я думал, что после института снова вернусь к своим тепловозам, но меня направили в Мурманск в строительное управление. Это дело мне тоже понравилось, и довольно быстро меня назначили сначала заместителем начальника управления, а потом и начальником, но через несколько лет меня перевели в Ленинград старшим инженером в трест «Севзаптрансгипрострой». После северных просторов и самостоятельной работы мне не очень-то понравилось сидеть в кабинете на Фонтанке и копаться в бумагах. Правда, скоро меня назначили главным инспектором треста, и я стал разъезжать по разным городам страны. В месяц одна-две командировки. Такая жизнь была по мне. Я любил встречаться с новыми людьми, окунался с головой в их дела и, надо сказать, довольно успешно разрешал их. Начальник треста это заметил и стал еще чаще посылать меня в командировки, причем на длительные сроки. Иногда я торчал на каком-нибудь строительстве по два-три месяца. И вот однажды, возвратясь из очередной командировки...

Впрочем, все по порядку.

Строительное управление, которое я некогда возглавлял, находилось в Мурманске. В двухстах метрах от него

на первом этаже громоздкого здания помещалось агентство Аэрофлота. По роду своей работы мне часто приходилось летать в Ленинград, Москву и другие города. И в одну долгую полярную ночь я познакомился в агентстве с черповолосой Ларисой, которая оформляла билеты. При неоновом свете лампы густые волнистые волосы Ларисы блестели. Блестели и карие, глубоко посаженные глаза. У Ларисы была певчая белая кожа, высокая грудь, полные ноги, обтянутые высокими сапожками, и ей очень шла серая летная форма. Но, очевидно, все-таки жене нужно выбирать при нормальном дневном освещении...

Когда наступил полярный день, я обнаружил в моей черповолосой жене массу недостатков. Впрочем, она утверждала, что я тоже не подарок. Какая жена потерпит, чтобы муж сутками пропадал на работе? А эти командировки, собрания, совещания? Не только в театр, в кино некогда сходить... Как бы там ни было, мы прожили с ней три года. Детей у нас не было. Что у меня осталось хорошего в памяти от нашей семейной жизни — это пельмени. Лариса умела делать великолепные пельмени. Впрочем, я ни разу досыта ими не наелся. Дело в том, что моя жена имела в Мурманске обширные знакомства, и у нас в доме всегда были гости. Главным образом моряки дальнего плавания и летчики Гражданского воздушного флота. Я ничего против них не имею, многие из них славные ребята, и мне они даже нравились, но когда в твоём доме без конца толкуются моряки и летчики — это начинает надоедать. Поэтому я обрадовался, когда мне предложили работу в Ленинграде. Уж там-то, думал я, мне будет спокойнее...

Лариса тоже обрадовалась моему новому назначению. Оказывается, ей давно уже надоели и Мурманск, и полярные ночи, и все эти одни и те же лица. А в Ленинграде она всегда мечтала пожить. Там столько музеев, театров, а какая архитектура!..

Однако музеи, театры и архитектура очень быстро наскучили моей милой жене. И в нашей новой квартире снова стали появляться моряки и летчики, — в этом отношении вкусы моей жены не изменились. Я только диву давался, когда Лариса успела оповестить своих многочисленных мурманских знакомых. Кроме мурманчан, к нам стали захаживать и ленинградские моряки и летчики.

Я понимал, что Ларисе скучно одной без работы, в пустой квартире, а я то и дело уезжал в командировки. Признаться, уезжал я в командировки с удовольствием: последнее время в своей квартире я стал чувствовать себя лишним.

Детей у нас по-прежнему не было: Лариса считала, что ребенок свяжет ее по рукам и ногам, а она хочет пожить в свое удовольствие. Меня-то воспитание ребенка не коснется, подчеркивала она, ведь я постоянно в разъездах. Если жена не хочет ребенка, понятно, мужу трудно настоять на своем. А потом наша семейная жизнь стала такой, что я и сам больше не заикался о ребенке. Мне хотелось, чтобы мои командировки никогда не кончались.

И вот однажды, когда я вернулся из командировки на несколько дней раньше... Впрочем, на эту тему существуют десятки анекдотов. Наверное, поэтому их так и много, что в жизни такое часто бывает. Я сам когда-то любил рассказывать такие анекдоты и смеялся громче всех. Не знаю, можно ли из того, что произошло на квартире в угрюмом доме на углу Староневского и Полтавской, сочинить новый вариант анекдота на эту избитую тему, но атрибуты были все: и разгневанный муж, и перепуганная жена, и застигнутый врасплох любовник...

Наш развод с Ларисой состоялся через два месяца. Надо отдать должное моей бывшей жене: на суде она вела себя благородно, и когда народный судья сказала, что, может быть, не стоит разрушать молодую советскую семью, Лариса печально улыбнулась и посмотрела на меня своими темно-карими загадочными глазами, — дескать, дорогой, я согласна вернуться в наше уютное гнездышко... Она и вернулась туда, а я, захватив чемодан, транзистор и рюкзак с книгами, перебрался в общежитие.

Иногда и теперь мне Лариса звонит и приглашает в гости на пельмени. Я слышу в трубке ее мелодичный грудной голос, слышу и другие голоса, мужские и женские, музыку и, мысленно ощущая запах горячих пельменей, вежливо отказываюсь. Должен сознаться, что иногда для этого требуются героические усилия. Лариса всегда была доброй женщиной и по-своему любила меня, а теперь вот согласна на дружбу. И очень бы хо-

тела, чтобы я на правах старого друга иногда заходил к ней. Это даже интересно: среди летчиков и моряков будет один железнодорожник...

Уже год, как мне дали однокомнатную квартиру. У меня мало мебели: письменный стол, диван-кровать, кресло, торшер и десятка два застекленных книжных полок. Ими заставлена вся стена. Есть у меня еще стереофонический магнитофон и проигрыватель. Музыкой я увлекаюсь со студенческих лет. Когда мне бывает грустно, я слушаю Моцарта, Вивальди, Баха, Бетховена, Чайковского. А когда боевое настроение — мой магнитофон выдает современные эстрадные мелодии. И, ей-богу, иногда мне бывает очень хорошо и одному.

Сегодня три часа назад я прилетел из Риги. Припал ванну и, включив торшер, улегся с книжкой на диван-кровать. И тут зазвонил телефон. Я отложил книгу в сторону и уставился на зеленоватый, тускло поблескивающий аппарат. Я решил считать гудки до пяти. Если не повесят на том конце провода трубку, то тогда встану и подойду к телефону. Аппарат прозвенел пять раз, и я снял трубку.

Позвонила Нина. В ее голосе была неподдельная радость, что я дома, она совершенно не надеялась застать меня. Думала, что я еще не вернулся из командировки. У нее есть билеты в Горьковский драматический на «Мещан», и если я... Я сказал, что только вылез из ванны и как-то сразу в театр... Нина решительно заявила, что билеты она отдаст подруге — та давно мечтала посмотреть этот спектакль, — а сама через час будет у меня. Она так давно меня не видела, что ради того, чтобы взглянуть на меня, готова пожертвовать билетами.

Мне ничего другого не оставалось, как по достоинству оценить эту жертву и подготовиться к встрече.

Первым делом я отправился в гастроном, который ярко сверкал зеркальными витринами у нас во дворе. Купив бутылку «Рислинга», колбасы и сыра, я вышел из магазина.

Нина, как и говорила, пришла через час. За это время я накрыл стол. «Рислинг» в холодильнике охладился в самый раз. Нина, щебеча про какой-то кинофильм с потрясающей актрисой, разыскала в прихожей тапочки, включила магнитофон, поставив бобину со своей любимой мелодией из кинофильма «Шербургские зонтики», уютно забралась с ногами на единственное мягкое крес-

ло и, держа в тонкой руке фужер, подняла на меня глаза.

Нина высокая, тоненькая и хрупкая. У нее хорошая фигура, высокий чистый лоб, овальное белое лицо, на котором ярко выделяются маленький рот и большие черные глаза. Что бы она ни делала: протягивала ли тонкую с узкой ладонью руку за сигаретами, поправляла ли за спиной густой пук пышных черных волос, которые она иногда заплетала в длинную косу или закручивала на затылке в тугой узел, брала ли со стола длинными пальцами фужер с вином, — любое ее движение было грациозным и женственным. Этому изяществу двигаться, держать себя, бросать на собеседника быстрый лукавый взгляд, чуть приметно улыбаться малепьким пухлым ртом невозможно научиться. Все это врожденное.

Нина умела, не перебивая, слушать, что совсем не свойственно многим женщинам, обладала чувством юмора, любила искусство. Судя по всему, жизнь у нее сложилась не очень удачно: она ушла из университета с третьего курса факультета журналистики и поступила на работу. Какова действительная причина ее ухода, я не знал. Мне же Нина сказала, что вовремя поняла, что из нее журналистки никогда не получится. Студенткой она влюбилась в преподавателя, но любовь была неразделенной. Я подозреваю, что это и было главной причиной ее ухода из университета. Сейчас она работала художником-модельером в Доме мод. Вот, собственно, и все, что я знал об этой двадцатилетней женщине. О себе она не любила рассказывать, и если я пытался что-либо выяснить, Нина мягко, но решительно обрывала этот разговор. Еще я знал, что она не замужем и живет с матерью.

Любил я в своей жизни однажды, очень сильно и безнадежно. Мне казалось, что я и Ларису любил, но потом понял, что это была не любовь. Когда мы расстались, я недолго переживал, даже, больше того, где-то в глубине души был доволен, что наконец все кончилось.

Нина мне правилась. Я чувствовал, что ей тоже безразличен. С некоторых пор я боюсь говорить «люблю». Моя бывшая жена при каждом удобном случае говорила, что любит меня. Наверное, то же самое говорила летчикам и морякам?..

Однажды, когда мне было очень одиноко и тошно и вдруг без звонка ко мне пришла Нина, я ей искренне предложил выйти за меня замуж. Бывает, у холостяков вдруг пробуждается жгучее желание поскорее жениться, наладить семейный быт, чувствовать всегда рядом женщину... Это чаще всего бывает после того, как ты побывал в гостеприимном семейном доме, где уютная милая женщина подает на стол, неторопливо ведет беседу, бросая на ухоженного умиротворенного мужа ласковые взгляды. Нарядные чистенькие дети подходят к родителям и говорят: «Спокойной ночи, папа! Спокойной ночи, мама!»

Когда я это сказал Нине, опа, точь-в-точь как сейчас, сидела в кресле, поджав под себя стройные ноги, и, наклонив голову, смотрела на меня.

— Замуж?— удивилась опа.— Ты это серьезно?

— Чего там,— сказал я.— Поженимся, и точка.

— Когда мне было восемнадцать, я мечтала поскорее выйти замуж, а теперь... теперь мне этого совсем не хочется.

— Почему?— наивно спросил я.

— Я не уверена, что мы подходим друг другу,— ответила она.— Ты сам-то уверен, что-либо получится?

Отрезвленный ее рассудительностью, я подумал, что она, пожалуй, права. А потом, вспоминая этот разговор, размышлял: женился бы я на ней, если бы она тогда согласилась? А если бы женился, был бы счастлив?..

— По-твоему, мы вечно должны быть одинокими?— сказал я в тот вечер Нине.

— Мы ведь не одиноки,— улыбнулась она.— Мы вдвоем.

— Но это может в любой момент кончиться.

— И ты думаешь, что брак что-либо изменит?

— У нас появятся какие-то обязанности...— неуверенно заметил я.

— Вот именно обязанности!— рассмеялась она.— А я не хочу быть никому обязанной. Да и ты мне ничем не обязан... Ты уезжаешь в командировки и не вспоминаешь про меня...

— Неправда!

— Хорошо, ты иногда вспоминаешь, но не думаешь обо мне. Ты приезжаешь и никогда ни о чем меня не спрашиваешь, как я тут была без тебя. И я тебя никогда

пи о чем не спрашиваю. Мы не ревнуем друг друга, не выясняем отношения... Пусть так и будет впредь.

Иногда у женщин бывает убийственная логика, и им невозможно возражать. Сейчас-то я понимаю, что мое предложение было вызвано минутным порывом, в противном случае я нашел бы убедительные слова и почти уверен, что смог бы уговорить Нину, но я не стал искать этих слов. Я прекратил этот разговор, и больше мы к нему не возвращались. Как-то в пылу откровенности Нина сказала, что она, наверное, любит меня, потому что совершенно точно знает тот день, когда я возвращаюсь из командировки. А такая интуиция бывает только у влюбленных. И еще она сказала, что, пока ей хорошо со мной, она будет приходить, когда я только захочу, но если встретит мужчину, который ей будет больше нравиться, чем я, она тут же уйдет от меня.

Я ответил, что в таком случае постараюсь не слишком сильно к ней привязываться, чтобы потом, когда она меня покинет, не очень-то переживать. Нина рассмеялась и сказала, что я умница и все правильно понимаю. Однако глаза у нее стали грустными, и позже, когда мы уже говорили о другом, Нина задумчиво сказала, что она надеется, мы еще не скоро расстанемся...

Нина взяла большое розовое яблоко, обтерла его бумажной салфеткой, надкусила. Я с удовольствием смотрел на нее. Было слышно, как вблизи по Московскому проспекту шуршали машины, иногда возникал густой раскатистый гул — это с аэропорта стартовал очередной пассажирский лайнер. Нина подняла фужер, чокнулась и сказала:

— С возвращением, Максим... Я соскучилась по тебе! Что же ты делал в Риге? — спросила она. — Волочился за белокурыми латышками?

В Риге я был всего полдня, а две недели провел в ста километрах от Риги на небольшой станции с незапоминающимся названием Выра. Здесь полным ходом шло строительство нового здания вокзала. До руководства треста дошли слухи, что строители используют для кладки здания бракованный кирпич и другой некачественный строительный материал. На месте эти слухи подтвердились, и по моему указанию сложное почти до крыши здание было разобрано... Кто был строителем, знает, каких трудов стоило мне уговорить рабочих ло-

мать все то, что они сделали под руководством перади-
вых начальников. Что это было хищение государственной
собственности, преступная халатность мальчишки-прора-
ба или что-то другое — это уже было не мое дело. Этим
занялись судебные органы. А эти стычки с начальником
строительства, прорабом, бригадирами, рабочими?! Я ло-
мал, долбил некачественный цемент, руками выворачивал
полусгнившие балки перекрытий, совал им под нос
отслуживший свой век кирпич, доказывал, что белое это
белое, а черное — черное... Увесистый обломок кирпича
с этого строительства каким-то образом пробил окон-
ное стекло в маленькой гостинице и упал на тумбоч-
ку, где лежали мои часы... Интересно, если начальни-
ку треста положить на письменный стол разбитые ча-
сы и потребовать, чтобы мне их заменили, что он
скажет?..

Не стал я Нине все это рассказывать, пусть думает,
что я провел эти две недели в Риге, волочась за белоку-
рыми девушками.

Нина поставила на журнальный столик, который
служил мне и обеденным, фужер с педопитым вином. Она
всегда оставляла на стекле розовую подковку губной по-
мады. Потянувшись ко мне через стол гибким движе-
нием, сказала своим немного высоким голосом:

— Максим, почему ты меня не целуешь?

Я шагнул к ней, и в этот момент требовательно за-
звонил телефон. Круто изменив направление, я подошел
к аппарату.

— Не снимай трубку! — встревоженно сказала Нина.
Но я уже снял.

— Максим Константинович, здравствуй... Ты не мог
бы сейчас приехать в «Асторию»?

Я не успел сказать и слова, как тот же голос властно
продолжал:

— Машина придет за тобой через полчаса... Напом-
ни твой адрес.

Я машинально взглянул на часы: было половина де-
вятого.

— Четыреста вторая комната, — рокотал в трубке го-
лос. — Мы тебя ждем с заместителем министра... Ты меня
слышишь?

— Я приеду, — сказал я и повесил трубку.

Это позвонил мне начальник нашего треста. Впервые

за все время моей работы в тресте «Севзаптрансгипрострой».

— Ты уезжаешь?— упавшим голосом спросила Нина и вяло, что было ей совсем несвойственно, опустилась в низкое кресло.

— Начальник треста и заместитель министра приглашают в ресторан «Астория»,— сказал я.— Мне еще не доводилось пить с таким высоким начальством... Разве я мог отказаться?

Нина молча налила в фужер вина и залпом, чего она никогда не делала, выпила.

— Можешь убираться ко всем чертям!— сказала она, закуривая.— Можно подумать, что если ты туда не поедешь, весь мир перевернется.

— Выходит, так,— сказал я и, нагнувшись, обнял ее за узкие плечи. Нина отворачивала в сторону лицо, пряча губы, но уж я-то ее хорошо знал: она не умела долго сопротивляться...

Спускаясь на лифте вниз — Нина осталась слушать музыку,— я еще раз подивился ее интуиции, когда она сказала, чтобы я не снимал трубку.

Кто знает, может быть, если бы я тогда не подошел к телефону, моя жизнь не изменилась бы так круто?..

2

В четыреста второй комнате гостиницы «Астория» я пробыл полчаса. В основном говорил заместитель министра, а мы с начальником треста помалкивали и слушали его. Вот что сказал замминистра: в городе Великие Луки Псковской области в этом году вступил в строй специализированный завод стандартного домостроения. Завод оснащен новейшим оборудованием, все трудоемкие процессы автоматизированы — в общем, не завод, а игрушка... Уже в конце этого года завод начнет выпускать свою продукцию — железобетонные детали для самого разнообразного городского, сельского и железнодорожного строительства.

Замминистра протянул мне пухлую папку с производственно-техническими данными завода. Я полистал папку и, все еще не догадываясь, куда он гнет, пробормотал:

— Все это очень интересно...

— Я знал, что вас мое предложение заинтересует,— живо подхватил заместитель министра.— Дело в том, что мы решили назначить вас директором этого завода... Я познакомился с вашей докладной запиской в министерство... Вы умеете брать быка за рога, великолепно разбираетесь в строительных процессах, даже были начальником строительного управления, значит, и работа с людьми вам не в новинку. И потом, вы хорошо знаете этот город... Если же ошибаюсь, вы родом из Великих Лук?

— Вы не ошибаетесь,— растерянно ответил я. Все это свалилось на меня как снег на голову.

— Министерство вашу кандидатуру утвердило...— замминистра взглянул на начальника треста.— Павел Васильевич тоже не возражает, хотя, должен признаться, мне стоило большого труда уломать его...

«Еще бы,— подумал я.— Какой еще дурак будет неделями болтаться по командировкам?»

— Ну так как, Максим Константинович? — с улыбкой посмотрел на меня заместитель министра.— Согласны?

— Я подумаю,— сказал я.

По лицу замминистра скользнула тень. Улыбка спорхнула с его чисто выбритого лица. Взглянув на часы, он сказал деловым тоном:

— Я улетаю завтра в Москву в час дня...— он озабоченно перелистал записную книжку.— В одиннадцать утра я буду в тресте у Павла Васильевича, и вы мне сообщите о своем решении...— Он встал, давая понять, что разговор окончен, и вручил мне папку.— На досуге полистайте... Завод весьма перспективный.

Я пожал крепкую костистую руку заместителя министра, потом мягкую ладонь Павла Васильевича. Мой начальник сочувственно взглянул мне в глаза, чуть заметно пожал массивными плечами, дескать, была бы моя воля, я ни за что тебя не отпустил, по начальство...

3

И вот сумрачным сентябрьским утром я шагаю по длинному Московскому проспекту на Фонтанку, где находится наш трест. Обычно я езжу на автобусе, а сегодня решил пройтись пешком, хотя путь и не близкий. От мое-

го дома до Фонтанки километров семь будет, не меньше. Времени у меня до одиннадцати достаточно. Небо низкое, серое, без единого просвета. Оно гигантской непрошицаемой шапкой нахлобучилось на город. Не слышно гула самолетов. Отменят рейс на Москву, и заместитель мистриса задержится в Ленинграде и даст мне возможность еще немного подумать.

Жил себе человек спокойно. Ходил на работу, ездил в командировки. Все у него более-менее благополучно: интересная работа, приличная зарплата, отдельная квартира, которую он обставил по своему вкусу, и даже серыми осенними вечерами не чувствует себя в ней одиноким волком. Есть у человека красивая женщина, которая ему нравится... и вдруг в один прекрасный день человеку говорят, что все это нужно бросить и уезжать в другой город, где построили новый завод... А если человек не хочет ехать в этот город, хотя он для него почти что родной? Если этот город двадцать лет назад обошелся с человеком жестоко? Не один год понадобился человеку, чтобы оправиться от безжалостного удара судьбы... И вот, когда годы притупили боль, а многие давние события поблекли, стерлись в памяти, судьба-злодейка снова швыряет меня в Великие Луки... Город послевоенной юности моей, моих юношеских несбывшихся надежд, первой большой любви. Город разочарований...

Я столкнулся со спешащим к автобусу прохожим и, извинившись, остановился. Увидел вдали влажно блестящие железные крыши монументальных гранитных зданий, построенных еще в тридцатые годы. Убегая вдаль, мерцали трамвайные и троллейбусные провода. По широкому Московскому проспекту, мокро шелестя шинами, скользили машины. Разноцветными маяками смутно светились вдали светофоры. На повороте трамвай высек несколько ярких зеленых вспышек.

Проходя мимо сквера, который начинался сразу за авторемонтным заводом, я увидел старушку в черном, с небольшой плетеной корзинкой в руке. В другой руке старушка держала за изогнутую рукоять большой свернутый зонт. Близоруко щурясь, она нагибалась к жухлой траве, усыпанной пожелтевшими листьями, тыкала острым наконечником зонта в землю, потом нагибалась и выковыривала скрюченными пальцами гриб. Я давно обратил внимание, что в этом сквере, тянувшемся вдоль

самого тротуара, собирают шампиньоны. И эта худощавая, с интеллигентным лицом старушка собирала их, наверное, еще в то время, когда здесь была окраина города. Когда не было этих гранитных домов, асфальта, трамвайных путей. Когда теплый ветер с залива шумел в березовых рощах, вольно раскинувшихся тут когда-то.

Опять вспомнились Великие Луки, остров Дятлинка, который огибает древняя Ловать, старый обшарпанный дом моего сурового друга детства Николая Бутафорова — вряд ли дом сохранился. Бело-розовые крепыши шампиньоны росли у них в огороде, меж грядок с капустой и морковкой, у изгороди, куда лопатой швыряли из хлева навоз...

Ничто уже давно меня не связывало с этим городом. Родители мои жили в Смоленске, друзья разъехались после института по разным городам страны. Как это обычно и бывает, первое время мы переписывались, а потом работа, житейские заботы, семья — все это захватило нас в плен, и студенческая переписка постепенно сама по себе заглохла. Или ты позабыл ответить на письмо, или тебе не ответили, или переехали на новую квартиру, а про то, что адрес переменился, забыли сообщить...

Шагая по Московскому проспекту, я перебирал в памяти все, что произошло со мной в том городе... Отчим, инженер Ягодкин, Швейк, дядя Корней, Алла, которая преподавала мне первый урок женского коварства. Впрочем, как подтвердила дальнейшая жизнь, этот урок так и не пошел мне на пользу. И, наконец, причина всех моих давнишних терзаний — Рысь... Ведь я с пей так и не встретился в Риге. Я обошел все морские училища, но никто мне не смог сказать, где сейчас находится стройная глазастая девчонка с острова Дятлинка по прозвищу «Рысь»... Я мог бы и не разыскивать ее. Динка не поступила ни в одно училище, потому что девчонок туда не принимали, и уехала в Севастополь, где когда-то командовал эсминцем ее герой отец. И там панились знакомые отца, которые помогли девчонке устроиться, так как никуда от моря она не захотела уезжать. Динку взяли официанткой на торговый корабль. Потом она все-таки закончила гражданское мореходное училище и плавала третьим штурманом на теплоходе «Степан Разин». Доби-

лась-таки своего! А потом... потом я больше ничего не слышал о Рыси. Кажется, она вышла замуж за военного моряка. Да и все это я узнал гораздо позже, когда встретился в ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта с Генкой Аршиновым. Я учился на четвертом курсе, а Генка только что поступил на первый. До сих пор не могу себе простить, что не разыскал тогда Рысь... И до сих пор мне снится иногда Ловать, поземка и длинноногая девчонка в пушистой мужской шапке, скользящая по блестящему льду на коньках, прикрученных веревками к стареньким валенкам. Я вижу канатный висячий мост через Ловать. Мост раскачивается, в лицо бьют колючие снежинки, а девчонка с глазами рыси хохочет... И еще мне снится пассажирский поезд «Москва — Рига», обледеневшее окошко в тамбуре, и снова огромные зеленоватые глазищи Рыси. Вот я лечу в белый снег под откос, потом мелькает черный фибровый чемодан, и с подножки прыгает она... Мы оба в сугробе, я совсем близко вижу ее сияющие глаза, заснеженные ресницы, полураскрытые губы...

Я понимаю, раз она мне не написала, значит, я ей был не нужен. Правда, тогда я не обратил бы на это внимания, и если бы узнал, где она находится, не раздумывая помчался бы вслед за ней... Это потом, гораздо позже, я понял, что никогда не нужно разыскивать женщину, которой ты не нужен. И все-таки до сих пор меня порой охватывает дикая тоска при воспоминании о Рыси. Почему так жизнь жестоко распоряжается судьбами людей? Если я кого и любил по-настоящему в своей жизни, то только ее, Рысь. И я ведь знал, что она меня тоже любила. Что же случилось с ней?

Я понимаю, она гордая девчонка: не захотела возвращаться домой побежденной, но почему она не написала мне? Три года я ждал в Великих Луках от нее письма. На неделе по нескольку раз наведывался на Дятлинку к ее тетке. По крайней мере, за те три года, что я учился в железнодорожном техникуме, Рысь не написала тетке ни одного письма. Впрочем, тетку это мало беспокоило...

После техникума меня направили помощником машиниста в Бологовское паровозное депо. Два года я водил скоростные пассажирские поезда по магистрали Ленинград — Москва. Потом был от Бологовского дело направ-

леп на учебу в ЛИИЖТ. После окончания института меня хотели оставить аспирантом на кафедре тепловозостроения, но я отказался, чем немало удивил руководство института: такая блестящая перспектива!

По правде говоря, учиться мне до чертиков надоело, захотелось уехать куда-нибудь подальше от большого шумного города...

Рядом затормозила машина, распахнулась дверца, и мой коллега из треста пригласил в кабину. Он, случалось, подбрасывал меня после работы до дома.

— Что-то видок у тебя того... — с превосходством непьющего человека, который, однако, снисходительно относится к любителям заложить за воротник, взглянул на меня коллега. — Копьячок пили? Или «сухарем» баловались?

Это мне тоже было знакомо: люди, которые раньше выпивали, а потом, как говорят, «завязывали», всегда с нездоровым любопытством интересовались, кто что пил и чем закусывал. И еще такие люди, сидя за праздничным столом и демонстрируя свою трезвость, любят другим наливать в рюмки, накладывать закуску и жадно смотреть в рот, спрашивая, как проскочила первая: соколом или колом?.. Как правило, такие «трезвенники» быстро «развязывали» и начинали, будто с цепи сорвавшись, глушить горькую.

— Не пил я, — огорчил я коллегу.

— Понимаю... — заулыбался он. — Блондинка или брюнетка?

Я промолчал. Отвратительная черта у этих владельцев собственных машин: если сидишь в их коробке, они считают себя вправе бесцеремонно задавать любые дурацкие вопросы.

Прижимаясь к обочине у здания треста, коллега сказал:

— В нашем отделе такой переполох: приехал заместитель министра, ну начальник и встревожился, а вдруг к нам зайдет? Верите, даже стекла в своем кабинете самолично протер и нас заставил все прибрать в кабинетах.

— Ну и как? — спросил я, вылезая из машины.

— Что как?

— Навели порядок?

— А как бы вы на моем месте поступили?

— Пожалуй, тоже протер бы стекла,— немного подумав, сказал я.

Коллега натренированным движением — не сильно, но и не слабо — захлопнул дверцу, поколдовал ключом на цепочке с брелоком и снова повернулся ко мне.

— Хлебнем кваску по кружечке? — кивнул он на желтую цистерну, что притулилась к серой стене старого дома на углу улицы.— Правда, должен заметить, что квасок холодный. Почему пиво подогревают, а хлебный квас — никогда?

Взглянув на часы — было пять минут двенадцатого, я сказал:

— Как-нибудь в другой раз... хлебнем кваску! Видите ли, меня замминистра ждет.

4

Когда поезд остановился напротив громоздкого серого вокзала, я еще из тамбура увидел, как к моему вагону направились двое: один в коричневой фетровой шляпе, высокий и представительный, по-видимому, главный инженер, и второй — коренастый паренек в голубой капроновой куртке и джинсах, заправленных в высокие сапоги. Это, конечно, шофер. Высокий внимательно вглядывался в лица выходящих из вагона пассажиров. Я знал, что меня должны встречать, но я знал и другое: никто в этом городе меня еще не видел. А встречаться сейчас с главным инженером и другими работниками завода мне совсем не хотелось. Мне хотелось одному в этот первый день побродить по городу, в котором я не был почти двадцать лет. С чемоданом в руке и плащом под мышкой я перешел в другой вагон и спустился на перрон. Встречающие меня все еще стояли у подножки, ожидая, когда я выйду. Рассудив, что мы еще успеем надоесть друг другу, я сдал чемодан в камеру хранения и пошел по хорошо знакомой мне дороге в город. Обернувшись, я увидел, как встречающие меня товарищи направляются к серой «Волге». На всякий случай я свернул с шоссе к путям и, спрятавшись за толстым тополем, подождал, пока «Волга» не прошелестела мимо. Высокий человек в коричневой шляпе сидел рядом с шофером, подняв воротник плаща, и лицо у него было озадаченное. Паренек в голубой куртке улыбался.

Скоро я забыл про них, на меня нахлынули воспоминания... Шестнадцатилетним мальчишкой сразу после войны приехал я на крыше вагона в город. Я шел по этой самой дороге — тогда она была покрыта выбитым булыжником, а по обеим сторонам чернели исчирканные осколками огромные пни довоенных лип, — и кругом были развалины и пожарища... Ничто сейчас не напоминало о прошлом. Асфальтовая дорога, поблескивая, убегала к Лазавицкому мосту, по сторонам двумя ровными рядами высились еще не тронутые осенью липы и тополя. Они, конечно, были не такими, как те, довоенные, но уже и сейчас некоторые не обхватить руками.

Позади трубно гукнул паровоз, послышался нарастающий шелестящий шум — это меня обогнал пассажирский «Ленинград — Полоцк», на котором я приехал. Пожалуй, лишь этот допотопный СУ-2729, который фыркнул, выпустив облако густого белого пара, и яростно пробуксовал огромными красными колесами, напомнил то далекое время. Точно такой же СУ, только с другим номером, привез меня когда-то в этот город... Ленинград — Полоцк — это, пожалуй, единственная здесь ветка, по которой еще бегают древние паровозики. Повсюду их вытеснили тепловозы и электровозы. И этот огромный завод, что раскинул свои корпуса налево сразу за путями, теперь ремонтирует тепловозы.

Был теплый осенний день. Не солнечный, но и не пасмурный: впереди за тополями и липами ярко голубела узкая полоска чистого неба. Над путями, собираясь в стаю, галдели галки. Они то летали по кругу, то, разорвав его, спиралью поднимались вверх, то круто спускались к самым путям и вновь взмывали. Отставшие птицы растягивались трепещущей лентой.

Следуя повороту шоссе, я нырнул под железнодорожный висячий мост и вышел на Лазавицкую улицу, где до войны в зеленом парке стоял наш деревянный дом. На этом месте теперь возвышались несколько кирпичных многоэтажных зданий. Под одним из них вечным сном покоится мой парабеллум... Вот здесь, как раз напротив современной из железобетона и стекла автобусной станции, я такой же поздней осенью 1946 года сидел на толстом пне — это все, что осталось от большого кленового парка, — и смотрел на поблескивающую булыжную мостовую. Помнится, с неба моросил мелкий дождик, а из-под

покоренного железнодорожного моста вынырнула полуторка. Из кузова грохнулся на мостовую белый ящик, и на мокрый булыжник весело брызнули блестящие гвозди... А если бы тогда не свалился с полуторки этот ящик и я не встретился бы с дядей Корнеем и Швейком, как сложилась бы моя жизнь?..

Кленового лня, на который можно было бы присесть и предаться мечтам, давным-давно не было и в помине, и я зашагал дальше. Меня неприятно поразила речка Лазавица, если можно было назвать речкой этот черный зловонный ручей, который лениво выползал из-под бетонного моста и по узенькому, заросшему рыжей осокой и тростником устью едва заметно двигался дальше, к железнодорожной насыпи. Черная густая жижа зловеще и жирно блестела, и ничто живое не нарушало ее медлительного движения в никуда. Отравленная сточными водами, Лазавица умирала, и уже ничто ее не могло спасти.

Я шел по бывшей Торопецкой улице, ныне Гагарина, и с трудом узнавал ее. Сразу за мостом еще кое-где стояли одноэтажные обветшалые стандартные домишки — в одном из них, кстати он сохранился, несколько месяцев пожил и я с родителями, — на месте же других высились пятиэтажные здания. Исчезла базарная площадь, где я когда-то купил на последние деньги в подарок Алле хрустальную вазу — здесь тоже стояли дома.

Когда я вышел на улицу Ленина, небо уже наполовину расчистилось и выглянуло солнце. Налево, где раньше было болото, шумела на ветру тополевая роща. В шевелящейся глянцево-зеленой листве огоньками вспыхивали еще редкие желтые листья. Вспомнился общегородской субботник по озеленению. В этом тополевом парке есть деревья, которые и я посадил... Надо отдать должное великолучанам: они превратили свой город в город-сад. Улицы утопают в зелени, очень много парков и скверов. И еще что меня поразило — это цветные фонтаны. Я таких еще нигде не видел. Когда спустились сумерки, фонтаны вспыхнули, как разноцветные факелы. Переливающиеся струи воды были окрашены в несколько цветов, и эти цвета менялись, переходили один в другой. Я обошел фонтан на площади Ленина кругом, но так и не разгадал секрет этой удивительной иллюминации. Позже я узнал, что фонтаны оформил местный художник. Это было его подарком городу.

Я долго стоял на мосту и смотрел на Ловать. Широкая она была здесь в центре города и чистая. Высокие деревья городского парка заслонили памятник Александру Матросову с Музеем комсомольской славы позади него. В парке карусель, чертово колесо, самолет-блеха и другие аттракционы, но сейчас здесь пустынно и лишь на зеленых скамейках пламенеют опавшие листья. Листья и на узких песчаных дорожках, и на крыше карусели, и в Ловати. Рассеянный луч солнца мазнул меня по лицу, лихо прыгнул с моста в свинцовую воду, которая сразу помолодела и вроде бы быстрее заструилась вниз по течению, затем ощупал каждое в отдельности дерево в парке, отчего листья вспыхивали и тут же гасли, будто лампочки на новогодней елке. Большое багровое солнце тяжело нависло над крышами. Снизу его подпирали продолговатые синие тучи, а луч, которому осталось жить меньше часа, резвился, прыгал с дерева на дерево, выхватывая из зеленого сумрака то черный липовый ствол, то полосатую зебру на молчаливой карусели, то застопоренную на помосте голубую лодку качелей. Вот луч скользнул выше на крепостной вал и будто зажег гигантскую свечу, так ярко вспыхнул высокий гранитный конус — памятник латышским воинам, павшим при освобождении города.

В парк я не пошел, меня неудержимо потянуло на Дятлинку. Отсюда с моста я тщетно пытался среди могучих деревьев рассмотреть старый дом, где жила моя Рысь... Дятлинка тоже изменилась. Канатного висячего моста, который протянулся с берега на Дятлинку, не было. Там раскинулся городской пляж с грибками, волейбольной площадкой. Висячего моста не было, зато были деревянные кладки. По этим кладкам я и перешел на остров. Доски подо мной прогибались и смачно шлепали по воде.

Дома, где жила Рысь, конечно, не было. На этом месте стоял белый коттедж спасательной станции, хотя кого здесь нужно было спасать, я не понимал, и в прежние-то времена в этом месте Ловать можно было вброд перейти. А вот и старая, наклонившаяся к воде липа. Вон на том суку притаилась с удочкой Рысь в тельняшке, а я сидел на замшелом с одной стороны камне и не подозревал, что как раз надо мной расположилась моя судьба...

Солнце исчезло за крышами, ранние осенние сумерки сгустились под деревьями и порывевшими кустами. По

бетонному мосту проносились машины, а здесь, на Дятлинке, было тихо, как на кладбище. Бродя по острову, я насчитал с десятков старых довоенных домов. Наверное, это последние деревянные дома, сохранившиеся в центре. А вот дом Рыси не уцелел. Правда, он и тогда-то был дряхлым и неказистым, — наверное, поэтому его и снесли в первую очередь. Интересно, жива тетка Рыси? Та самая здоровенная женщина, что приносила домой своих кавалеров под мышкой? Я стал вспоминать фамилию этой тетки, но так и не вспомнил. К ужасу своему, я не смог вспомнить и фамилии Рыси... Вот она наша мальчишеская беспечность! Достаточно знать имя девушки, а фамилия не обязательна. Рысь звали Диной, а вот фамилию ее не знал. Да и по имени-то я ее тогда редко звал. Рысь, Рысь... Где она сейчас, Рысь? Бороздит океанские просторы? Или стала примерной домохозяйкой, сидит дома и ждет из плавания своего мужа — военного моряка? Да нет, на нее это не похоже. Рысь не будет сидеть дома и кого-то ждать... И снова я упрекнул себя — уж в который раз! — за свое мальчишество: мог бы проглотить свою детскую обиду и поразмыслить, почему Рысь ничего не написала? Почему она так поступила? Значит, были для этого очень веские причины. Рысь — не такой человек, чтобы вот так просто уехать и перечеркнуть все, что было между нами... Это сейчас я так рассуждаю, а тогда ревность и злость душили меня. Просыпаясь утром, я приказывал себе не думать о Рыси... И я старался не думать, а ночью во сне Рысь сама приходила ко мне, и мы вели с ней долгие печальные разговоры, которые утром я никак не мог вспомнить...

В приемной я назвал свою фамилию и сказал, что хотел бы побеседовать с первым секретарем. Это была формальность: в городской комитет партии сообщили о моем приезде. Невысокая моложавая женщина с приветливым лицом сообщила, что первый секретарь уехал в Псков на бюро обкома партии, а меня примет второй секретарь.

Если бы я был повнимательнее, то наверняка бросил бы взгляд на дверь, где висела табличка с фамилией секретаря горкома, но я этого не сделал, поэтому, когда вошел в светлый, хорошо обставленный квадратный кабинет и увидел секретаря горкома за письменным столом,

мои глаза полезли на лоб, а рот, совсем как в детстве, изумленно раскрылся... С кресла с юношеской проворностью вскочил плотный широкоплечий человек с лицом, будто высеченным из бронзы, и серебряной головой и, распахнув руки, медведем пошел на меня.

— Максим! — рявкнул он. — Черт тебя поberi, Максим Бобцов!

— Кольк... Николай! — ахнул я, и в следующее мгновение мы стали сжимать друг друга в объятиях, хлопать по спине и плечам, хохотать, как одержимые, придирчиво рассматривать друг друга, тыкать пальцами в животы, проверяя, кто уже успел отрастить брюшко.

Это был Николай Бутафоров. Сильно изменившийся, постаревший и почти седой, но его пронизательные серые глаза, как и раньше, живо светились, а улыбка была обаятельной и молодой.

— Ты совсем молодой, чертяка! — с завистью говорил он, усаживая меня на кожаный диван и сам садясь рядом, — я понял: ему неудобно было со старым другом разговаривать сидя за большим письменным столом, который всегда служит барьером между людьми. — Худощавый, на брюхо и намекá нет, ни одного седого волоса... Наверное, не пьешь, не куришь и женщин не любишь?

Я, улыбаясь, смотрел на него: Николай Бутафоров! Мой напарник на строительстве техникума... Сколько потов он тогда с меня согнал! Последние три года, что я учился в техникуме, мы крепко сдружились с ним. Ездили вместе на мотоцикле рыбачить, летом спали у него на сеновале, вместе увлекались фотографией...

— Кто бы мог подумать, что из тебя получится директор крупнейшего завода! — говорил Николай. — Вроде бы смолóду ты никакими особыми талантами не отличался...

— Я тоже считал, что твой конек — это кирпичи класть на стену, — отпарировал я.

— Мы ведь хотели директором поставить своего местного человека... Так в министерстве заупрямились: завод сложный, кругом автоматика. Мы пришлем своего, опытного, талантливого работника — и называют твою фамилию... Ей-богу, я подумал, что это просто твой однофамилец... Могло ли мне в голову прийти, что Максим Бобцов — мой однокашник, мечтатель и лирик — стал крупным организатором?

— Какой я буду организатор, это еще неизвестно, — заметил я. — А вот лириком остался — это точно. Вместо того чтобы сразу — на завод, я весь день шлялся по городу...

— И даже не зашел первым делом представиться начальству...

— Это какой-то рок! — в притворном ужасе воскликнул я. — Через двадцать лет я снова попадаю под твое начало! Бежать, бежать из этого города!..

— Разве я был плохим начальником? — улыбнулся Николай. — Кто тебя в техникуме спас от справедливого возмездия, когда ты впутался в какую-то аферу?

— Спаси меня еще раз, — сказал я, вспомнив, что с утра крошки во рту не было. — Умираю с голоду... Хотя бы чашку чая и бутерброд.

— Теперь понятно, почему ты такой молодой! — загремел Бутафоров — голос у него и раньше был басистый, а сейчас еще больше огрубел. — Вместо водки гоняешь чай?! — Он снял трубку и пророкотал: — Машенька, накрой-ка стол... Встретил, встретил... Где он был? От меня весь день прятался... На Дятлинке загорал... Сейчас тебе привезу этого красавца!

Он повесил трубку и весело посмотрел на меня.

— Женка ждет! Коньяк в холодильнике...

— А это ты зря, — сказал я.

— И вправду не пьешь? — удивился Николай.

— Я говорю, зря коньяк ставишь в холодильник, — улыбнулся я. — Сухое вино, шампанское, водку — это другое дело, а холодный коньяк теряет свои вкусовые качества...

— Гляди, какой специалист! — подивился Николай и подозрительно покосился на меня. — А ты часом, браток, не того... не увлекаешься?

— Ишь тебя бросает из одной крайности в другую... — рассмеялся я. — А что, если, допустим, я зашибаю, на бюро обсудишь?

— А ты как думал? — сказал Бутафоров. — Не хватало нам директора — пьяницу. От своих некуда деваться. Полагаешь, если друзья-приятели, так тебе скидка будет?

Этого я не думал. Как-нибудь Николая я знал. Знал его прямо, честность и железную принципиальность.

Николай достал из шкафа светлый плащ, пушистый шарф, а вот головного убора у него не было. Он и рап-

ше-то надевал шапку, когда уже выпадал снег и ударяли морозы.

— Я тут рядом живу,— сказал он.— Прогуляемся?

Когда мы вышли на улицу, я спросил:

— Помнишь, в вашем доме жила девчонка одна... Рысь... Не знаешь случайно, где она сейчас?

Николай как-то странно через плечо посмотрел на меня и, помолчав, сказал:

— Это я мог бы у тебя спросить. Ведь ты... кажется, бежал за ней?

— А тетка ее? Ну, эта ведьма... Жива?

— А чего ей сделается? — пробурчал Николай и отвернулся.

Я ничего не понимал: чего это он? Брови нахмурил, губы поджал. Как будто я в чем-то виноват... Я спросил о другом:

— Машенька, это та...

— Та самая, — сразу подобрел Николай. — Артистка, которой я после спектакля цветы дарил. Помнишь, мы вместе с тобой забрались ночью в чужой сад, а на нас собака набросилась... Тебе еще, хм... штаны спустила.

— Ты забыл, старина, это тебе,— заметил я.

— По этой самой улице ты и драпал, сверкая голой задницей,— не слушая меня, продолжал Бутафоров.

— Не я, а ты,— снова поправил я.— И даже по этой самой причине не мог своей Машеньке цветы вручить — у нее как раз была премьера в театре,— пришлось мне от твоего имени...

— А я думал, это тебя тогда собака...— улыбнулся Николай.

— Меня собаки любят,— сказал я.

— Это мы сейчас проверим,— ухмыльнулся Николай.

— Как это проверим? — заинтересовался я.

— Моя Машенька тоже любит собак, ну и, понимаешь, завела волкодава... Теперь мои родственники боятся к нам в гости приходить...

— Гм,— сказал я.— Зачем вам волкодав? Завели бы болонку или пуделя.

— Струхнул? — захохотал Николай. — А раньше ты, брат, отчаянный был.

— То раньше,— вздохнул я.

Месяц пролетел, как один большой напряженный день. На меня обрушилось столько разных дел, что я забывал по утрам перекидывать календарный листок и поэтому не всегда точно знал, какой сегодня день. Завод нужно было запускать, а как это всегда бывает, после строителей осталась куча недоделок: в формовочном цехе № 1 два квадратных метра цементного пола не залили, а приемочная комиссия проглядела, потому что в этом углу какой-то болван шофер свалил железную арматуру, на складе готовой продукции протекала крыша, в котельную откуда-то стала просачиваться грунтовая вода, подвыпивший монтажник электросварщик озорства ради приварил к направляющим рельсам мостовой кран. Приревновал к мастеру крановщицу, на которой собирался жениться...

Начальник отдела кадров Колупаев то и дело подсовывал мне для ознакомления анкеты поступающих на завод. Этот хитрюга хотел заранее застраховаться от неприятностей. Людей принимаем разных, могут среди них быть и жулики и пьяницы. А потом вызову я его, спрошу: «Куда же вы смотрели, товарищ Колупаев?» А он в ответ: «Да ведь вы сами просматривали анкеты, товарищ директор». Когда Колупаев пришел ко мне с пачкой анкет в очередной раз, я сказал ему:

— Давайте договоримся сразу: я руковожу заводом, а вы ведаете набором кадров. Вы меня не отвлекаете от моих прямых обязанностей, а я — вас. Разумеется, со специалистами: техниками и инженерами — я обязательно буду беседовать, а уж рабочих оформляйте сами.

Колупаев — грузный рыхлый мужчина с незапоминающимся лицом — спорить не стал: захлопнул черную папку с надписью «К докладу» и тяжело затопал к двери. Сиплый, лоснящийся костюм мешком сидел на нем. На пороге Колупаев обернулся.

— Чужая душа — потемки, — проворчал он. — А я ведь тоже не рентген. Принять на работу недолго, а вот потом освободиться от бездельника — целая морока...

— Не принимайте бездельников, — посоветовал я, с трудом удерживая улыбку: Колупаев и впрямь мне напомнил громоздкую рентгеновскую установку. А папка в руках — рентгеновские снимки.

Вообще-то можно понять Колупаева. Приходит по объявлению в отдел кадров человек и говорит, что хочет работать на нашем заводе. Ему предлагают заполнить анкету, написать биографию... Как справедливо заметил Колупаев, на его веку, а он рабстает на этой должности уже пятнадцать лет, ни один еще поступающий на работу не написал о себе плохо. Что за человек этот новый рабочий, выясняется значительно позже. И тогда, даже если он был совершенно непригоден, — уволить его действительно очень трудно. Заводской комитет горой заступался за каждого члена профсоюза.

Инженерно-технические работники в основном уже были подобраны, и тут я полностью доверял Валентину Спиридоновичу Архипову — главному инженеру. Он был великолучанином и неплохо знал многих сотрудников. Архипов, по натуре человек немногословный, произвел на меня хорошее впечатление. Кстати, и Бутафоров о нем отзывался как о серьезном, прекрасно знающем свое дело работнике.

С Бутафоровым мне приходилось встречаться почти каждый день. Время дружеских излияний и юношеских воспоминаний миновало, и мы с ним вели в основном деловые разговоры. Второй секретарь горкома партии ведал вопросами промышленности и транспорта. Действительно, я снова попал к нему в подчинение. По партийной линии. Пока я об этом не успел пожалеть: Николай был опытным партийным работником, отлично знающим городскую промышленность и пользующимся большим уважением. В этом я убедился, когда он приехал к нам на завод. Он был знаком со многими инженерно-техническими работниками. И потом, когда речь заходила о Бутафорове, самые разные люди хорошо отзывались о нем как о справедливом, обязательном и принципиальном человеке. Причем никто не знал, что мы с ним старые друзья.

Николай помогал мне и словом и делом. В его кабинете мы иногда за несколько минут разрешали самые запутанные тяжбы завода и подрядчиков. Что и говорить, Бутафоров умел с самыми разными людьми находить общий язык. И помогал он мне не только из дружбы, он и сам спал и во сне видел, когда завод начнет выпускать продукцию. А заявки на стандартные блочные дома, железобетонные конструкции для сельского строительства, формы для литья сыпались на нас бумажным потоком...

Завод отнимал у меня все время. Приходил я туда чуть свет и уходил иногда в первом часу ночи, удивляя в первые дни охрану. Несколько раз оставался ночевать в кабинете, который помещался на втором этаже здания заводоуправления.

В первую ночь, когда я заработался в кабинете, пужно было разобраться и завизировать, наверное, сотню бумаг,— я без подушки и одеяла прикорнул на диване. Под утро под плащом стало холодно, и я стащил со стола заседаний зеленую скатерть и укрылся. Наверное, это обстоятельство не ускользнуло от светло-голубых глаз моего секретаря Аделаиды, потому что на следующий день в книжном шкафу, в нижнем отделении, я обнаружил полный комплект свежего постельного белья, подушку и теплое одеяло.

С секретарем партийной организации завода Анатолием Филипповичем Тропининым я познакомился в первый же день своего пребывания на заводе. Он пришел ко мне в кабинет под вечер, когда схлынул поток посетителей. Вошел он без стука, решительно направился к дивану, привычно уселся с краю и, ожидая, когда я закончу разговор с председателем завкома Голенищевым, достал сигареты, закурил. Был он невысокого роста, худощав, с острым удлинненным лицом и серыми внимательными глазами. Выпуская дым в потолок, он задумчиво смотрел на меня, по-видимому, не вникая в смысл нашего разговора. Однако когда Голенищев, горячась, стал доказывать, что туристскую базу в Сенчитском бору нужно строить немедленно, иначе райисполком передаст нашу территорию радиозаводу, Тропинин негромко заметил:

— Ты не пори горячку, Василий Семеныч. Еще на заводе не устранены недоделки, один цех под открытым небом, а ты тут со своей базой... Если боишься, что варяги захватят нашу территорию,— завози туда стройматериалы, а капитальное строительство начнем ранней весной.

Тропинин поддержал меня — я как раз эту мысль и растолковывал председателю завкома — и, конечно, сразу расположил меня к себе. Впрочем, даже если бы он меня и не поддержал в эту первую встречу, мы с ним все равно бы сошлись. Чем больше я узнавал этого человека, тем больше он мне нравился. Взгляд у него прямой, открытый, говорит коротко и только по существу, умеет защи-

тить свою точку зрения, а если окажется неправ, то открыто признает это, что далеко не каждому под силу...

Тропинин был неосвобожденным секретарем. В нашей парторганизации насчитывалось всего семьдесят четыре коммуниста. Конечно, это была большая сила, и я отлично знал, что мне есть на кого опереться. Анатолий Филиппович заведовал химической лабораторией, которая занималась анализом сырья, материалов, составлением рабочих смесей из местного сырья. Из этих смесей мы будем отливать железобетонные детали для строительства. В химической лаборатории работали девушки-лаборантки. Они колдовали с пробирками, тиглями, ретортами, приборами по определению качества и прочности железобетона. Потрескивали электрические пропарочные печи.

В белом халате с длинными пробирками в верхнем кармашке и в очках с черной оправой, он походил на молодого профессора.

Мы толковали о перспективах завода, об общественных мероприятиях, которые необходимо провести в ближайшее время. Незаметно перешли на «ты». И получилось это как-то совершенно естественно. Мы были с Тропининым почти ровесники. Говоря о специалистах, Анатолий Филиппович был очень осторожен в оценках. Мне понравилось, что он ни в чем не навязывает свое мнение. Обратил мое внимание на инженера-конструктора Любоудрова, очень способного молодого инженера, но со странностями, что, в общем-то, свойственно всем талантливым людям: замкнут, не общителен, почти ни с кем не дружен. И тем не менее он, Тропинин, убежден, что этот человек принесет большую пользу заводу...

Однажды мы вместе возвращались домой. С наслаждением курили. В домах зажглись огни, ярко светили над головой уличные фонари. Небо было темное, без звезд. Холодный ветер покалывал щеки, задувал в рукава. Я вдруг подумал, что у такого человека, как Тропинин, должны быть славная жена и трое, не меньше, детей. Эта мысль не давала мне покоя, но я постеснялся спросить его. И, будто прочитав мои мысли, Анатолий Филиппович сказал:

— Мой Мишка, паверное, нервничает... Это мой старший, — пояснил он. — А всего у меня их трое, сорванцов.

Я улыбнулся про себя: иногда я безошибочно угадывал самые удивительные вещи. Например, в каком доме

человек живет — хотя никогда не был на той улице — или какое у человека хобби... И чтобы еще раз себя проверить, сказал:

— Вы с сыном, наверное, что-нибудь мастерите? Не лодку случайно?

Он даже остановился и посмотрел на меня. И в глазах его изумление.

— Кто-нибудь вам сказал? — спросил он.

— Со мной бывает такое, — рассмеялся я. — Люблю угадывать.

— Я ведь во флоте служил, — сказал Тропинин. — Ну и увлекаюсь резьбой по дереву. Глядя на меня, и мой старший заразился... Сейчас мы с ним вырезаем парусник «Летучего Голландца».

— Вот и не угадал, — признался я. — Я ведь подумал, вы рыбак и мастерите с сыном обыкновенную лодку.

— Я заядлый грибник, — улыбнулся он. — Все грибные места в округе знаю. В прошлое воскресенье набрал корзину груздей и волнушек... — И тут Тропинин меня огорошил: — Я совсем не пью, — сказал он. — Ни капли.

— Желудок? Или печень? — полюбопытствовал я.

— Все так говорят, — улыбнулся он. — Да нет, со здоровьем у меня, тьфу-тьфу, все в порядке... Просто не нравится мне это. Не вижу никакой необходимости сидеть за рюмкой... то ли дело в лес по грибы! Вы не подумайте, что я ханжа и этакий одержимый поборник трезвости. Я ведь и на флоте не пил, — он усмехнулся. — Зато вот куревом небо копчу... Жена говорит, лучше бы ты водку пил, чем дымишь все время...

Мы распрощались.

Я шагал по пустынной улице и улыбался. Настроение у меня было приподнятое: что греха таить, я ждал встречи с секретарем партийной организации и боялся ее. Уж я-то знал, что многое зависит в нашей работе от того, как сложатся личные отношения между директором и партийным руководителем. Сейчас я мог себе смело сказать, что мне повезло: Тропинин именно такой человек, который и должен возглавлять коммунистов завода...

6

Утро было свежее, чистое. Солнце позолотило поредевшую листву в сквере. В чаше фонтана плавали желтые

кленовые листья. Когда я спустился по каменным ступенькам на площадь, ко мне подошел тот самый паренек в джинсах и голубой нейлоновой куртке, который встречал меня с Архиповым на вокзале. На стоянке я увидел серую «Волгу». В первый день, когда я знакомился с заводом и коллективом, машина мне была не нужна. Пообедал я в заводской столовой. В кабинете у меня все время толпился народ, и я как-то не обратил внимания на этого паренька, который весь день проторчал в приемной. Вечером за мной заехал Бутафоров, и я уехал вместе с ним. Это, конечно, была моя промашка: нужно было познакомиться с шофером и отпустить его. Правда, по его виду, когда он сидел в приемной, не было заметно, чтобы он скучал. Голубоглазая Аделаида печатала отчет на машинке, а он, посмеиваясь, что-то рассказывал ей.

— Я за вами,— улыбнулся паренек. Волосы у него светлые и немного курчавятся, улыбка хорошая.

Второй раз оставлять шофера в дурацком положении было бы просто некрасиво, и я без всякого энтузиазма уселся рядом с ним. Он, включив мотор, отрекомендовался: звали его Петр Васнецов. Поймав мой взгляд, улыбнулся и сказал, что его предки не имеют никакого отношения к известному художнику Васнецову, хотя в своем роде тоже были знамениты: прадед был конокрадом, дед — устанавливал Советскую власть в этом городе, а отец в Великую Отечественную войну похитил немецкого генерала, за что был награжден орденом Ленина.

— А вы? — вырвался у меня законный, но не совсем тактичный вопрос.

— У меня все еще впереди,— улыбнулся Петр и тронул с места.

Сначала я ничего не понял. Подумал, что паренек чуть ли не впервые сел за руль. «Волга» вдруг сделала резкий рывок и чуть не завалилась на правый бок. В следующее мгновение она со скрежетом и визгом развернулась почти на одном месте, и мы понеслись по улице, как торпеда. Даже бывалые шоферы, которых мы обгоняли, высовывались из кабин и, раскрыв рты, глазели на нас. Я сам автомобилист с приличным стажем, ездил почти на всех машинах грузовых и легковых, но никогда не подозревал, что у тяжелой на ходу «Волги» может быть такой

стремительный прием. А скорость она набирала, как мотоцикл «Ява». За несколько секунд под сто километров. Двигатель ревел, как дизель. Когда мы неслись по длинной и прямой Октябрьской улице, на спидсметре стрелка перевалила за сто километров. На наше счастье, на пути не попалось ни одного милиционера.

Так мог водить машину только незаурядный шофер. Я ничего не сказал Васнецову, хотя и заметил любопытные веселые огоньки в его светлых глазах: ему было интересно, какое впечатление произвела на меня его лихая езда. Поднявшись в кабинет, я позвонил заведующему гаражом и поинтересовался, что за двигатель установлен на директорской «Волге»? Завгар сначала осведомился, не отчудил ли чего-либо Васнецов? Я его успокоил, сказав, что все в порядке и шофер мне понравился. Тогда он сообщил, что Петя Васнецов двукратный чемпион области по автомобильному спорту, имеет звание мастера спорта и сам форсировал двигатель «Волги». После спортивной машины он, видите ли, не может ездить на этом цопотопном танке, так он назвал безотказную работягу «Волгу». А вообще, шофер исполнительный, за рулем ни-ни, комсомолец, в армии тоже водил машину, там и начал заниматься спортом.

Пообедать в тот день я решил в ресторане гостиницы, там сравнительно неплохо кормили. Петя Васнецов ждал меня у подъезда. До этого он зубоскалил в приемной с Аделаидой, но когда я вышел из кабинета, он быстро спустился вниз.

— Разреши, я сяду за руль? — попросил я.

— Не могу, — твердо сказал шофер. — У вас прав нет.

Я достал из бумажника профессиональные права, — кстати, там у меня лежали и мотоциклетные, — и протянул Васнецову. Петя взглянул на красную книжечку и присвистнул:

— Первый класс!

Действительно, права у меня были первого класса. Еще в институте я закончил факультативные курсы шоферов, а потом в Мурманске несколько лет ездил на грузовых и легковых машинах. На Севере я был не так загружен, как здесь, и потом в длинные полярные ночи, чтобы не подохнуть от скуки, готов был любым делом заниматься: кто в ресторанах ошивается, кто из кино не вылезает, а я предпочел всему этому изучение разных

автомобилей. На третий год моего пребывания в Мурманской области я сдал на права шофера первого класса. И как часто случается, после этого очень редко садился за руль. Правда, мои ленинградские знакомые, пронюхав, что я неплохо разбираюсь в автомобилях, стали эксплуатировать меня. Почти каждый год кто-нибудь из моих знакомых-автолюбителей обязательно уговаривал отправиться во время отпуска на их машине в путешествие. Я уже давно понял, что человеку, прилично разбирающемуся в автомобилях, совсем необязательно иметь собственную машину: в твоём распоряжении автомобили друзей.

Я сел на место водителя, и мы поехали. Такой «Волгой» мне ещё не приходилось управлять! Можно было подумать, что под капотом не четыре цилиндра, а шесть и лошадиных сил не семьдесят пять, а сто двадцать. Мне так понравилось за рулем, что я не поехал к гостинице, а развернулся и мимо завода понёсся по Невельскому шоссе за город...

Когда мы вернулись и я затормозил у гостиницы, лицо у моего симпатичного шофера было сумрачным.

— Зачем вам шофер? — сказал он. — Вы водите как бог!

Я понимал, что происходит в душе парня: его, как лучшего водителя, определили к директору, а директор, оказывается, сам шофер...

— Мы вот что с тобой сделаем, — подумав, сказал я. — В городе мне до зимы действительно шофер не нужен... Тут, собственно, и ездить-то некуда.

— Вы что же, будете пешком ходить? — недоверчиво взглянул на меня Петя.

— В общем, в городе я буду ездить сам...

Лицо у Пети вытянулось, он отвернулся и, нанизав на палец кольцо с ключами на цепочке, стал медленно крутить. Я обратил внимание, что когда Петя недоволен, он совсем по-мальчишески надувает губы. Мне все больше нравился этот парень.

— Я буду ездить на «газике»... — сказал я. — Это моя любимая машина.

Я ему правду сказал: из всех автомашин я почему-то предпочитал безотказный вездеход.

Губа у Пети вмиг подобралась, а в светлых, опущенных белыми ресницами глазах мелькнул интерес.

— На «газике»? — переспросил он.

— Ты будешь возить главного инженера и других сотрудников, а когда мне понадобится, я тебя вызову... — сказал я. — Кстати, «газик» в каком состоянии?

— Новый! — воскликнул Петя.

Когда я уже поднимался по ступенькам в ресторан, Петя догнал меня и сказал:

— Спасибо, Максим Константинович...

— За что же?..

— Да так... — засмущался Петя, а потом вскинул на меня глаза и, улыбаясь, выпалил: — Вы сами знаете, за что!

Сверкнув улыбкой, повернулся и застучал сапогами по бетонным ступенькам.

«Чудак, — подумал я, открывая дверь в ресторан, — неужели ты думал, что я способен отобрать у тебя машину, из которой ты сущего дьявола сделал?..»

7

Завод еще не работал на полную мощность, но в цехах сновали рабочие, под высокими застекленными потолками бесшумно скользили красные мостовые краны, а их было шесть штук, трещали вибростолы, укладывая раствор в формы, визжали в арматурном цехе электроконтактные сварочные машины. Будто два локомотива, стояли рядом огромные пропарочные камеры с герметическими закрытыми люками. В этих камерах под большим давлением застывал газобетон. И в цехе готовой продукции уже громоздились разнокалиберные железобетонные блоки. Они свежо и влажно белели. Из этих плит и панелей будут собираться стандартные дома для села, путевые постройки, здания небольших типовых вокзалов. Наш специализированный завод производил детали не из дерева, как другие комбинаты, а из железобетона.

Некоторых рабочих я уже узнавал в лицо. В основных формовочных цехах № 1 и № 2 была молодежь. Парней гораздо больше, чем девушек, и все поглядывали на меня с законным любопытством, — дескать, что за птица новый директор?..

Аделанда, мой секретарь, тоже держалась со мной настороженно.

Первые дни я ходил по цехам, знакомился с инженерами, техниками, рабочими. Часто меня сопровождал Тропинин. Завод поражал своими размерами, огромными цехами, новейшей сложной техникой. Длина основных цехов около ста двадцати метров.

Хотя завод формально еще не считался пущенным в строй, цеха работали и на склад готовой продукции уже поступали железобетонные изделия. Архипов не терял зря время: рабочие осваивали новую технику в деле. Были и срывы, на площадке перед складом громоздились выбракованные плиты и блоки... Глядя на эту грудку стройматериала, я подумал, что неплохо бы снова превратить все это в исходное сырье... Я невольно улыбнулся, поймав себя на мысли, что уже чувствую себя рачительным хозяином и готов драться за экономию, прибыль, качество...

Бродя по территории завода, я залюбовался цементным хранилищем. Солнце осветило заостренные и вытянутые, как ракеты, гигантские серебристые емкости. Желто светились за оградой настоящие терриконы песка и щебня. Там как сумасшедшая грохотала камнедробильная установка. Немного в стороне шло строительство теплого зимнего хранилища.

Завод мне нравился. Здесь действительно ощущался размах, простор... Я вспомнил 1946 год, жалкую технику-мотовскую мастерскую, где я с ребятами ремонтировал мотоцикл. Тогда токарный станок казался мне верхом технического совершенства. Как далеко мы шагнули вперед за каких-то двадцать пять лет. Мог ли я тогда подумать, что на пустыре за Сеньковским переездом вымахнет такой могучий заводище?..

Длинные панелевозы увозили огромные пепельные плиты. Территория еще не вся была заасфальтирована, и на глинистых дорогах сверкали лужи.

Прямо на меня двигались двое рабочих, толкая перед собой металлическую тележку, нагруженную синеватыми арматурными прутьями. Кругом великодушная техника, автоматика, а тут такая допотопность...

Когда рабочие поравнялись со мной, переднее колесо соскользнуло с глинистой дороги в лужу, и тележка резко накренилась. Рабочие не растерялись и, прыгнув в лужу, уперлись грудью в накрепившийся край тележки.

Я видел, как побагровели от напряжения их лица. Один из рабочих, высокий и широкоплечий, с косой светлой челкой, спустившейся из-под заливхватски сбитого на затылок берёта, посмотрел на меня веселыми глазами.

— Не стыдно, гражданин? — хрипловато, с натугой произнес он. — Рабочий класс пуп надрывает, а вы стоите и сигаретку покуриваете...

Упрек был справедливый. Выплюнув сигарету, я бросился к ним и, заляпав в луже новые ботинки и брюки, тоже уперся в острый край тележки. Сообща мы выкатили ее на сухое место. Второй рабочий, немолодой человек с морщинистым лицом, подобрал из лужи несколько упавших туда прутьев и все так же молча положил в тележку.

— Разрешите сигаретку? — попросил бойкий быстроглазый парень с челкой. На левой руке его было выколото: «Леня».

Я протянул пачку. Леня взял, а его напарник отказался, пробурчав, что не курит.

— Зато пьет, — ухмыльнулся Леня. — И представьте себе, никогда не закусывает...

Рабочий мрачно взглянул на него мутноватыми глазами, но ничего не сказал.

— Это он с похмелья такой сердитый, — продолжал зубоскалить парень. — А выпьет — веселый. Тыщу анекдотов знает... Гриша, расскажи про попугая в холодильнике?

— Черт бы побрал наших начальников, — ругнулся мрачный Гриша. — Дорогу не могут сделать.

— Я же говорю,дохлое дело с ним разговаривать без рюмки, — засмеялся Леня.

— Ты нынче больно веселый, — огрызнулся Гриша.

— Я в лотерею рупь выиграл!

— Даже на маленькую не хватит, — вздохнул Гриша.

— У голодной куме одно на уме... — Леня взглянул на мои ноги. — Ай-яй! Ботиночки-то как испачкали...

— Чего же это вы вручную? — спросил я. — Разве нет электрокаров?

— По этой-то дорожке? — пробурчал Гриша, подходя к тачке.

— В другой раз резиновые сапоги надевайте, —

посоветовал Леня, становясь рядом с напарником.— За помощь и сигаретку благодарствую...— и, помахав рукой, вместе с Гришей покати́л дальше свою тачку, а я, обмыв в луже ботинки, направился в заводоуправление.

8

Я решил долго на заводе не задерживаться, у меня было одно важное дело, однако уйти мне пришлось уже в восьмом часу. Пришел главный инженер Архипов с начальником производства, и мы битый час толковали о том, когда можно официально сообщить в министерство, что завод начал выпускать готовую продукцию, понятно, еще не на полную мощность: необходимо было в основных цехах устранить кое-какие недоделки, оставленные строителями. Сроку у нас был еще целый месяц, и Архипов предлагал пока ничего не сообщать в министерство: пусть завод наращивает свою мощь, выпускает про запас продукцию, а мы будем пока помалкивать, выдерживать срок, зато потом, когда у нас на складе будет солидный задел, можно и рапортовать. Полная гарантия, что мы квартальный план перевыполним... Я понимал главного инженера: за это время можно устранить все недоделки, прикинуть, кто на что способен и по праву ли занимает свое место, а главное, дать возможность рабочим глубже освоить новую сложную технику, войти, так сказать, в производственный ритм. Я не видел необходимости оттягивать пуск завода, тем более что завод уже второй месяц действует и рабочие имели полную возможность освоить незнакомое производство.

Начальник производства Пантелеев, массивный человек с седой челкой на багровом лбу, то соглашался со мной, то с Архиповым. Мне это надоело — не любил я людей, не имеющих собственного мнения,— и я решил проучить его:

— Владислав Семенович, у нас получается замкнутый круг: Архипов за то, чтобы пустить завод пятнадцатого декабря, я за то, чтобы пятнадцатого ноября, ваша точка зрения мне неизвестна, а вы ведь начальник производства... Вот и будьте нашим судьей: как вы сейчас скажете, так и будет.

И я с интересом воззрился на Пантелеева. Такая постановка вопроса его не на шутку смутила: я видел, как любагровели у него не только лоб и щеки, но даже запылали уши. Архипов молча улыбался. Я вообразил удивительную картину: мысли человека, застигнутого врасплох, заметались в голове, как птицы в клетке, затем стали перелетать с одного места на другое, кружиться, прыгать, тщетно ища выхода... Я уже подумал, не слишком ли непосильную задачу поставил перед Пантелеевым, когда он, судорожно глотнув так, что кадык наподобие машинного челнока несколько раз скользнул вниз-вверх, хрипло выдавил из себя:

— Пожалуй, пятнадцатого ноября... Это реальный срок,— и, оттерев тыльной стороной ладони свой пылающий лоб, облегченно вздохнул. И я понял, что сейчас этот человек победил самого себя.

Оказывается, Пантелеев никогда и ничего не решал сам, предпочитал, чтобы это делало за него пачальство. Заводские шутники рассказывали, что дома жена за него решает, какие сигареты ему курить и какую рубашку после бани надевать... И вместе с тем Пантелеев был хорошим работником и все производство знал как свои пять пальцев.

А в тот вечер, спускаясь вместе с Архиповым к машине, я не понимал, чего он ухмыляется в усы. Кстати, тогда на вокзале я и не заметил, что у него отпущены усы. Наверное, потому, что они были светлыми и аккуратно подстриженными. Интеллигентные такие усики. Архипов и был интеллигентом. Всегда со всеми вежлив, никогда не повышал голоса, изысканно одевался — я его еще ни разу без галстука не видел — и был завзятым театралом. Они с женой не пропускали ни одной премьеры в театре, а в отпуск всегда уходили осенью, чтобы побывать в Москве и Ленинграде на лучших спектаклях сезона. Случалось, что они выезжали из Великих Лук в Москву или Ленинград в пятницу вечером и возвращались в понедельник утром. Как всегда без опоздания, чисто выбритый, по невыспавшийся, с красноватыми глазами главный инженер приходил на работу. Как-то увидев его таким в понедельник утром, я грешным делом подумал, что он крепко выпивает, но он, проницательно отгадав мои мысли, мягко улыбнулся и сказал, что они с женой в семь утра вернулись из Ленинграда, где по-

смотрели два новых спектакля. А как-то однажды в городской газете я обнаружил подпись «В. Архипов» под голковой театральной рецензией на премьеру местного театра.

Выезжая на «газике» из проходной завода, я покосился на развеселившегося Архипова и спросил:

— Вы ничуть не огорчены? Ведь Пантелеев поддерживал меня.

— Он меня сегодня убил,— сказал Валентин Спиридонович.

Я ничего тогда не понял, а он не стал продолжать, хотя краем глаза я видел, что он все еще улыбается.

Я подбросил Архипова до дома.

— Максим Константинович, я, видите ли... то есть мне...— Валентин Спиридонович смущенно запнулся.— Вы на «газике»... (Вон оно в чем дело!) А я разъезжаю на вашей «Волге»... Как-то неудобно получается?

— Удобно, удобно...— рассмеялся я.— Не думайте об этом. Я ведь рыбак,— не говорил вам? А на «Волге» не проберешься туда, куда проскочит «газик».

— Максим Константинович,— предложил Архипов.— На днях приезжает к нам на кратковременные гастроли Псковский театр. Они привезли отличную постановку... Не составите нам с женой компанию?

— Это идея,— согласился я. Надоело мне убивать длинные осенние вечера в гостинице.

— Билеты я закажу,— обрадовался Архипов.

Он пожал мне руку и пошел к своему освещенному электрической лампочкой подъезду. Я видел, как навстречу ему со скамейки поднялась невысокая женщина в осеннем пальто с поднятым рыжим меховым воротником. Из окон падал рассеянный свет, и я разглядел овальное милостивое лицо молодой женщины. Она что-то сказала ему, он ответил, и они оба повернули голову в мою сторону. Сообразив, что меня сейчас пригласят на чай или кофе, я включил фары и, едва не зацепив за ствол молодого тополя, вырулил на дорогу. Мне сейчас было не до кофе...

9

Я медленно еду по улице Лизы Чайкиной, ощупывая фарами стены домов с номерами. А вот и тот самый дом, который мне нужен. Обыкновенный кирпичный четырех-

этажный дом. Я прижимаюсь к обочине и выключаю мотор. Чувствую, как начинает стучать сердце. Я знаю, сейчас эти далекие глухие толчки крови наберут силу, поднимутся выше и начнут неприятно бухать в груди, голове, руках. Достая из кармана пачку сигарет, долго ищу зажигалку — я закуриваю, лишь когда волнуюсь — и наконец прикуриваю. Мне почему-то не хочется вылезать из машины...

Навстречу брызнул в глаза яркий свет фар. Освещенный изнутри, мимо проплыл большой желто-красный автобус. В окнах чужие отрешенные лица. В автобусе, самолете или поезде человек чувствует себя одиноким и, как правило, начинает ковыряться в своей душе, а это всегда отражается на лице, хочешь ты этого или нет.

Захлопнув дверцу, я поправился к подъезду. Номера квартир над дверью не были освещены, и я стал чиркать зажигалкой, чтобы разглядеть их. Рассеянно сунул в рот сигарету. Длинный неровный огонек метался на ветру, гас. Нужная мне квартира находилась в последнем подъезде. Я поднялся на второй этаж, позвонил и только тут обнаружил у себя во рту изжеванную сигарету. Слыша, как в прихожей шлепают чьи-то шаги, нагнувшись, приподнял крышку мусорного бака и бросил туда окурки.

Дверь отворила она... Я сразу узнал ее, хотя, еще поднимаясь сюда по лестнице, не мог вспомнить ее лицо. Сильно постаревшая, ссутулившаяся, она даже ростом, кажется, стала меньше. Да, это была не та могучая женщина с зычным голосом, которую я знал и побаивался двадцать пять лет назад. Это была старуха с изможденным, вдоль и поперек изрезанным морщинами лицом. На верхней губе выделялась бородавка с длинными седыми волосинками. И все-таки это была не старушка с благостным безмятежным личиком и добрыми выцветшими глазками. Старушка, которой любой готов помочь подняться в автобус и уступить место... Старость не смягчила грубые черты ее лица, а наоборот, выставила напоказ все его пороки: бегающие неопределенного цвета глазки, тонкие жующие губы, вылезавшие из-под нечистого платка седые клочья засаленных волос, весь в маленьких дырочках розоватый отвислый нос и редкую седую щетину на подбородке.

— Здравствуйте, Елизавета Гавриловна, — сказал я, все еще стоя на пороге. — Я бы хотел...

— Нету ее дома, — ворчливо перебила старуха. (Она, конечно, меня не узнала.) — Пришла с работы, повертелась у зеркала, напялила на толстую задницу широченные штаны, — господи, что за мода пошла! — и за дверь! И даже ужипать не стала. Рази нынче с нами они считаются? Мы для них никто, пыль под ногами... И когда заявится, не знаю: хочет придет домой, хочет не придет... Что ж, она птица вольная!

— Я к вам, — прервал я обрушившийся на меня поток слов.

— Ко мне? — удивилась старуха и, моргая воспаленными глазами, долго рассматривала меня. — Что-то, мил человек, я тебя не припоминаю... Не из милиции часом? Аль агитатор? Я, милочка, завсегда на участок прихожу вовремя... Закон блюду.

— Мне нужно с вами поговорить, — сказал я.

Старуха нехотя посторонилась, и я вошел в комнату. Эта была типичная однокомнатная квартира. Две стены — две кровати, старый и явно не для малогабаритной квартиры шкаф, занимающий почти всю стену. На шкафу два потертых чемодана.

Вешая плащ в тесной мрачноватой прихожей, я бросил взгляд на кухню: там белела давно не чищенная газовая плита, у окна приткнулся маленький стол, на гвоздях, вбитых в растрескавшуюся стенку, висели кухонные принадлежности. Кастрюли и сковородки стояли на крашеном разъехавшемся деревянном полу.

— Об чем тебе толковать со мной, старой? — старуха обеспокоенно заглядывала мне в глаза. — Я уж десятый год как на пенсии. Живу, людям худа не делаю... Чем же это я прогневила милицию?

— Не из милиции я... — и, вмиг забыв про старуху, шагнул к стене, где в изголовье кровати увидел фотографию... Это была Рысь!.. Взрослая Рысь в форме моряка гражданского флота с шевронами на рукавах. Рысь, чуть улыбаясь, пристально смотрела большими светлыми глазами на меня, как будто чего-то хотела спросить или сказать...

— Племянница моя, — сказала старуха и перекрестилась на фотографию. — Царствие ей небесное...

— Что?!— Я, резко повернувшись к старухе и не помня себя, схватил ее за костлявые плечи.— Что вы сказали?!

— Ай знал ее?— вытаращила она на меня глаза.— Померла она, сердешная, давно уже...— звучно всхлинула и, утерев кончиком платка глаза, продолжала:— Господи, жить бы ей и жить: молодая, красивая... Вот у меня соседка: и сына, и дочь похоронила, осталась одна-одинешенька. Рази это справедливо? Молодых на погост, а старики чужой век живут?..

Я не слушал ее. Бухање в груди было таким сильным, что я вынужден был прислониться к подоконнику и потереть ладонью то место в левой стороне, где, казалось, сейчас рубашка треснет пополам. Рысь умерла! А ведь я ехал с тайной надеждой ее увидеть... Здесь, на гостиничной койке, мне снились сны, будто мы с Рысью, взявшись за руки, счастливые и молодые, бежим под теплым дождем... Мимо кладбища, через линию, по крутому травянистому обрыву. Внизу бурлит в камнях широко разлившаяся Ловать, конский щавель хлещет нас по ногам...

Натыкаясь на стены, я добрался до прихожей и достал из кармана плаща бутылку водки, которую специально захватил, зная, что старуха любит выпить.

Старуха все еще что-то говорила, и ее грубый сиплый голос доносился будто из другой квартиры. Она не видела моего лица и поэтому не знала, что сейчас творится со мной. Заметив бутылку в моей руке, она заулыбалась — я так и знал, что у нее почти не осталось зубов, — и хлопотала насчет закуски. Бородавка весело запрыгала на ее губе. Один вид бутылки прибавил ей прыти, она бодро семенила из комнаты на кухню, хлопала дверцей кухонного стола.

— Господи!— бормотала она, ставя на стол тарелку с зелеными помидорами.— Человек-то пожаловал культурный, а я и про вилки забыла...

— Не надо вилки,— сказал я. Сковырнул желтую металлическую пробку, налил себе в граненый, захватанный пальцами стакан и, позабыв про все правила приличия, опрокинул в рот. Тупо жуя терпкий зеленый помидор, я поймал вопросительный взгляд старухи: на этот раз я сначала налил в ее стакан, потом в свой, хрипло сказал:

— Расскажите мне все про нее...

Водка вмиг преобразила старуху: она перестала суе-
титься и с подозрением смотреть на меня, сморщенные
скулы порозовели, в тусклых глазах появился блеск.
Старуха, казалось, помолодела.

— Откуда ты знаешь мою племянницу? — спросила
она и, не дожидаясь ответа, продолжала: — Динка-то все
больше с мальчишками дружила... Девчонок не любила,
говорила, глупые они, все о куклах да о тряпках.

— Пейте, — налил я еще старухе.

Она выпила, достала из кармана поношенной корич-
невой жакетки носовой платок, трубно высморкалась, по-
том кончиком платка вытерла выступившие на глазах
слезы — это не печаль, а крепкая водка выжала их — и
начала свой рассказ.

— Уж я ли ее девчонкой-то не носила на руках...
(Кого Горохова носила на руках, я отлично знал!) Всю
душу отдавала ей, ведь сиротой досталась она мне. Мать
померла, а батька погиб на фронте. Героем Советского
Союза был, да ведь она, война, никого не щадила: ни
героев, ни обыкновенных... Бывает же такое! Взбрело
Динке-то, как и батька, моряком заделаться! Не бабье,
понятно, это дело, а поди ж ты, достигла... Закончила мо-
реходку и на пароходах стала плавать... Да, а замуж-то
она ранехонько выскочила. Там, в Севастополе. Еще и
восемнадцати не исполнилось, тоже за моряка какого-то...
Только я думаю, она это со зла. Был тут у ней в городе
один парнишечка, на мотоцикле все катал ее, однажды
чуть не убил, паразит. На шоссе где-то кувыркнулся с
мотоцикла вместе с ней... Бывало, как услышит трещот-
ку эту, так аж с лица меняется: коли обедает — ложку
на стол и за порог. Влюбилась, видно, дурочка, что с
них, малолеток, возьмешь... Уж и не знаю, что у нее
вышло с этим парнишечкой, только когда она вернулась
домой из Риги — в училище-то она там не поступила, —
два дня ревмя редела. Я думала, из-за того, что не посту-
пила, ан нет, все из-за этого, что на мотоцикле к ней при-
езжал... Правда, ничего такой из себя, черненький, гла-
застый, только ростом не вышел. Динка-то, не гляди,
что моложе, а почти с него была...

— Она приезжала из Риги сюда? — переспросил я, чув-
ствуя, как в лицо ударила краска, а в груди опять за-
бухало.

— Три денька тут пробыла и все плакала... Чем-то обидел ее этот парнишка. Видно, крепко обидел: я ее раньше плачущей-то и не видела никогда. Случалось, и поколочу, за дело, попятно, зубы сожмет, глазами зыркает, аж страшно... А тут уткнется в подушку и часами воет, даже жуть берет. Потом вещички свои собрала, с этого комсомольского учета снялась... Куда, говорю, тебя леший понесет? Стоит ли убиваться из-за какого-то молокососа? Оп тебе в мужья-то не годится, почти ровесник... «Я, отвечает, не из-за него уезжаю, просто мне в этом городе противно жить, а его...» — к старости совсем память отшибло: забыла как звать-то этого парня?

— Не важно,— сказал я.— Ну и что «его»?

— А его, говорит, ненавижу! И всю жизнь буду ненавидеть! А если он когда-нибудь придет, ничего ему не говори, ни одного слова! Для меня больше этот человек не существует... Помер, говорит, он для меня, в пыль превратился». Как сейчас помню ее лицо: осунувшееся, бледное, одни глаза на нем... Паренек, который провожал ее, взял чемоданишко, и они ушли на вокзал... Не сказала, куда и поедет, девчонка-то она с норовом была. Сказала, что напишет... А первое письмо пришло годов через пять.

— Какой из себя паренек?— спросил я.— Ну, что провожал ее?

— Не помню, родимый, столько годов прошло. Динка-то, она всегда добрая была, для человека ничего не пожалеет... И деньги, когда стала зарабатывать, присылала, и посылки... Про мужа ничего не писала, все больше интересовалась, не встречала ли я в городе этого парня с мотоциклом... Написала я ей, что он не один год, после того, как она уехала, обивал порог: нет ли для него письма? Я только отмахивалась, сама ведь просила не разговаривать с ним... Походил, походил мальчишечка-то и перестал. У молодых-то все быстро проходит: и горе, и любовь... Не видела я его больше ни разу, а и увидела б, так не признала. Годы идут, люди меняются и на обличье, и внутри...

— Как она погибла?— помолчав, спросил я. Во время этой паузы старуха вылила остатки водки в свой стакан и выпила. Я обратил внимание, что она не закусывает. Взяла сморщенный помидор, помяла в пальцах, повюхала и снова положила на тарелку.

— Узнала я об этом, считай, через полгода... Муж ей-чый написал, он ведь и сам чудом живой остался... Зарабатывали с мужем, видно, хорошо, ну и купили на свою погибель машину. Поехали из Севастополя в Ялту, что ли. А дороги там — сам, наверное, знаешь какие, цождь прошел или что другое, только закувыркались они на крутом повороте по камням вниз... За рулем-то сама Динка была. Ее и до больницы не довезли — померла, а муж в госпитале три месяца провалялся... Подлечили его, заштопали, а в море больше не пустили. На берегу работает, в штабе. Оно и лучше, хоть за дочкой будет присматривать. Без родительского-то глаза они и вырастают отщепенными... Вон возьми мою внучку! Два года назад заявляется... Я отворила дверь и обомлела: Динка! Осеняю себя крестным знаменем, думаю спьяна... гм, какой-то праздник был... померещилось, думаю. А это внучка моя, Юлька. Из райцентра приехала в город. Видишь ли, там ей не нравится жить: тоска зеленая! И даже школу один год не доходила, пошла работать. У Аннушки-то, дочки моей, их пятеро, так она ее особенно и не удерживала. Отец Юлькин — Анисим, три года назад под поезд попал... Сцепщиком он на станции работал, ну и что-то там случилось... И осталась Аннушка одна с пятерыми ребятами. Юлька-то с каждой зарплаты посылает по почте матери, да все равно Аннушке-то трудно с такой оравой. Правда, старшенький мальчишка уже тоже работает, да что он там на молокозаводе получает?.. А Юлька-то как-то была в Севастополе, когда еще Дина-то жива была, и вот с Динкой сошлись... Видно, характеры у них одинаковые... Эта-то тоже с поровом! Вон и фотографию Динкину прилепила над своей кроватью. Разве что богу на нее не молится... Куда на ночь глядя ушла? Никогда не скажет... Работала она крановщицей на стройке, хорошо зарабатывала. А сейчас какой-то новый завод за Сеньковским переездом пустили — их много сейчас понастроили, — так она на мостовом кране работает... Динка-то, когда девчонкой была, и не знала, что такое выпивка, да и с парнями, хотя и любила хорошиться — они ее за свою считали, — никогда не позволяла себе ничего такого, а Юлька совсем другая: курит, на танцульки бегают, этот магнитофон всю ночь крутят... Мне и слова не дает поперек сказать: глазщи вытаращит... Я боюсь с ней и связываться. Она как приехала,

и то выглядела настоящей девицей, а сейчас ей двадцать два. Воп они теперь какие растут здоровенные да рослые... Как-то привела домой подружек, запустили этот магнитофон и давай отплясывать. А танцуют не так как раньше, все с вывертами, задницами вертят. Я уж спать легла, а эта шарманка гремит, подружки-то и то отказались, совестливые, кивают в мою сторону, мол, человеку спать мешаем, а она засмеялась и говорит: «Не обращайтесь внимания, она глухонемая...» И так мне, мил человек, обидно стало...

— У вас письма не сохранились?— спросил я, видя, что старуха настропалилась всплакнуть.

— У меня нету,— ответила она.— Разве что у Юльки письма да карточки где-нибудь запрятаны...— Старуха перевела взгляд с пустой бутылки на меня. Глаза у нее снова потускнели, однако шевельнулось в них что-то. Старуха, моргая, уставилась на меня. По привычке она пожевала губами, и волосатая бородавка ее зашевелилась, как живая, задвигав волосинками-усиками.

— погоди, родимый, а ты не тот самый парнишка, что на мотоцикле к ней кажинный день приезжал? Вроде бы обличье мне твое знакомое?— сказала она.— Да нет... тому уже должно быть к сорока, а ты еще молодой, вон на голове ни одной седой волосинки не видно... И тот был ростом куда пониже.

— Можно мне эту фотографию?— спросил я, хотя и догадывался, что ответит старуха.

— Юлька мне глаза выцарапает,— сказала она.— Я как-то ляпнула не так про Динку-то — она ей вроде бы двоюродной сестрой приходится, так она на меня, как кошка, набросилась!

Надев плащ и стоя на пороге, я взглянул в выцветшие старушечьи глаза и спросил:

— За что же Рысь так жестоко обиделась на этого парнишку... с мотоциклом?

Спросил просто так, зная, что на этот вопрос мне старуха не ответит. Да, пожалуй, теперь и никто не ответит.

— Зеленая была,— сказала старуха.— Один бог знает, что ей тогда в голову вдарило? Стоит ли об этом печалиться?..

Хитрая старуха все-таки догадалась, кто я. И сейчас мучительно соображала, какую она выгоду сможет из-

влечь из этого неожиданного визита. Я это видел по ее лицу, глазам. Движения ее снова стали суетливыми, а губы, будто бы существуя независимо от нее, играли в пятнашки с бородавкой. Я уже отворил дверь в слабо освещенный коридор, когда она легонько хлопнула себя по морщинистому лбу и сказала:

— Окаянная память! Этот парнишечка, который ее провожал на вокзал, тоже приходил ко мне... Дай бог не соврать... Когда же это было? Ох, давно, не вспомнить...

— Зачем он приходил?

— Тоже вот интересовался, нет ли письма...— старуха задумалась.— Кажись, какое-то письмо было... Я ему отдала.

— Вспомните, кому было адресовано письмо?— закричал я, нагибаясь к ней.— Это очень важно. Вспомните, как выглядел этот парень. Высокий, здоровый, со светлыми волосами? Или худой, черный?

— Не высокий,— морщила лоб старуха.— Полный из себя, но не высокий... И волос у него не светлый. Скорее темный... Да и не приглядывалась я к нему, родимый.

— До свидания, Елизавета Гавриловна,— совершенно подавленный сказал я.— Может быть, еще зайду.

— Я подумаю,— пообещала старуха,— хоть голова и дырява, а может, чего и вспомню?

Я вышел из подъезда и прислонился к озябшему тополю. На небе меж туманных, серебристо подсвеченных ущербной луной облаков, мирно посверкивали звезды. Прохладный ветерок обдувал мое разгоряченное лицо. Над головой со свистом захлопала крыльями большая птица, негромко крикнула, и мне на плечо бесшумно опустился узкий желтый лист. Я выпил полтора стакана и был абсолютно трезв. Я наконец сообразил, что произошла какая-то неслыханная несправедливость... Мелькали лица друзей, знакомых той далекой поры, когда я жил в Великих Луках и учился в техникуме... «Кто, кто мог так бесцеремонно вмешаться в мою жизнь, в жизнь Рыси и все перевернуть вверх дном?»

«Кто?!»— я, наверное, это выкрикнул, потому что птица снова завожилась в листве и мимо лица спланировал на тротуар еще один зазубренный красный лист.

Я собирался заглянуть в формовочный цех — там вышел из строя вибратор, — когда пришел он. Выше среднего роста, широкоплечий, с короткой вьющейся челкой и небольшой коричневой бородкой, он скорее походил на студента-филолога, чем на инженера-конструктора. Под мышкой у него была большая серая палка, в таких держат свои эскизы художники. Под мягкой кожаной курткой надет серый свитер с широким воротом, джинсы заправлены в сапоги с «молнией». На отвороте куртки маленький спортивный значок Ленинградского студенческого общества. Редко кто из выпускников носил «поплавки». В основном заочники. Признаться, я и сам институтский значок привинтил только один раз, когда фотографировался для факультетского альбома.

Я знал, что инженер-конструктор Ростислав Николаевич Любомудров — коренной ленинградец. После института был направлен в Великие Луки, строил этот завод и вот остался работать на нем инженером в конструкторском бюро. Ему около тридцати, но до сих пор еще не женат. На планерках Любомудров больше помалкивал, устремив задумчивый взгляд в окно. (Что греха таить: подчас в моем кабинете велись пустые никчемные разговоры.) Я до смерти не любил долгих заседаний на планерках и старался как можно побыстрее закруглиться. Не любил я и длинных речей. Поначалу, присматриваясь к людям, я никого не останавливал, но постепенно стал приучать народ высказываться только по существу и коротко. А если нечего сказать, лучше помолчи. Иногда я ловил на себе внимательный изучающий взгляд Любомудрова. У него была не очень-то приятная привычка во время выступлений пристально смотреть на оратора и чуть приметно усмехаться. Я видел, что это некоторых сбивает с толку. Однако когда я подводил итоги, он никогда не усмехался. Сам Любомудров высказывался редко. Если я или Архипов его о чем-либо спрашивали, он отвечал односложно: да или нет. Голос у него густой, глуховатый. О том, что он способный инженер, я слышал и от Архипова и от Тропинина. Последнее время ко мне часто стали приходиться по личным вопросам инженеры, техники, рабочие. В основном все интересовались, скоро ли им предоставят жилплощадь. Еще до моего приезда было заложено

два четырехэтажных жилых дома для работников завода и общежитие для учащихся ПТУ. Один дом вот-вот должен был заселяться — уже заканчивались сантехнические работы. Правда, его еще не приняла государственная комиссия. Многие инженеры и техники приехали в Великие Луки из других мест и, понятно, жилье для них было вопросом номер один. Да и молодые рабочие, вернувшиеся из армии и приехавшие к нам из других городов, остро нуждались в общежитии. Я каждый день бывал на стройке и знал, что дом для молодых рабочих раньше чем к новому году не сдадут. То не хватало досок для пола, то застряли где-то в дороге трубы и батареи парового отопления, то пожарники приостановили работы в котельной... Я мотался по городу — нет худа без добра: поближе познакомился с руководителями самых различных организаций — и выпрашивал у них дефицитные стройматериалы, которые мне охотно давали, недвусмысленно намекая, что, возможно, и им со временем что-либо от меня понадобится. Но об этом я пока не думал...

Я выжидательно взглянул на Любомудрова, он присел на кресло и внимательно изучал тесемки своей солидной папки. Он пришел ко мне вот так, без вызова, впервые. И хотя мне нужно было идти в формовочный цех, я не проявлял никакого нетерпения. Такие люди, как Любомудров, очень тонко чувствуют настроение другого человека и, чуть что, могут обидеться и надолго замкнуться в себе, а мне как раз хотелось поближе узнать Любомудрова. Я еще не мог определить свое отношение к нему, но чем-то он мне нравился. Может быть, даже тем, что напоминал мне институт, студенческие годы. Немного продолговатое лицо его было приятным, в умных темно-серых глазах — глубокая затаенная ирония. На лбу глубокая вертикальная складка, я даже сначала подумал, что это шрам. И бородка его ничуть не портила. Она была почти черная, а усы светлые.

Молчание затянулось, и я нетерпеливо шевельнул рукой, он тотчас поднял на меня глаза и сказал:

— Я могу и в другой раз...

— Что у вас? — мягко задал я дежурный вопрос.

По его твердым губам скользнула легкая усмешка, тут же лицо стало серьезным. Складка на лбу стала глубже. Рассеянным движением он погладил бороду, негромко кашлянул. Он пристально взглянул мне в глаза, будто

раздумывая — начинать разговор или встать и уйти. И уйдя он из кабинета со своей большой папкой, возможно, ничего бы и не произошло.

Любомудров вздохнул и вяло, будто нехотя, сказал:

— Я хочу предложить вам совершенно новые проекты жилых домов для села. Не имеющие ничего общего с той безликой стандартной продукцией, которую мы собираемся выпускать. Я убежден, что такие дома, детали для которых нам поручено изготавливать, не отвечают современным эстетическим требованиям людей. И лучше все поломать сразу, чем раскачиваться годы. И это может сделать только молодой решительный директор завода... — Он запнулся. — Я хотел сказать, что такая задача не под силу руководителю с консервативными взглядами...

— Вы еще не знаете, какие у меня взгляды, — несколько растерялся я после такого вступления, изложенного коротко, конкретно и по-деловому. Правда, скучным, бесцветным голосом человека, который ни на что не надеется. Первое, что я подумал, слушая Любомудрова, что было бы здорово, если бы все пачальники цехов так же сжато выражали свои мысли на планерках.

— Здесь все расчеты и документация, — кивнул Любомудров на папку. — Любой мой проект возможно осуществить на нашем заводе. Даже больше того, не потребуется изменять всю технологию. Переход на производство нестандартных строительных деталей существен, но не отразится на наших заказчиках. Конечно, новые дома будут несколько дороже. Мы выполним принятые заказы и затем предложим свою новую продукцию... И вы увидите...

— Сомневаюсь, что мы что-либо подобное увидим, — перебил я его. — Все, что вы говорите, — это очень интересно, и я с удовольствием познакомлюсь с вашими проектами, но сдается мне, что в ближайшее время ваше предложение, если даже оно технологически обосновано, вряд ли осуществимо... И дело тут не в молодости директора завода или в консервативности его взглядов, просто — в здравом смысле. Мы имеем государственное задание, и наш долг — как можно лучше его выполнить, а если повезет — перевыполнить.

— А я другого и не ожидал, — усмехнулся Ростислав Николаевич. — Известная истина: тот, кто хочет, делает больше, чем тот, кто может...

— Вы ожидали, что я плюну на государственный план и начну экспериментировать с вашими проектами? — раздражаясь, сказал я. — Меня на следующий же день снимут с работы.

— Все верно, — поднялся Любомудров. Подумав, взял папку с письменного стола. Губы его искривила усмешка. — От плохого начала и конец плохой.

— На ваш афоризм я тоже хочу ответить афоризмом: пытаться сделать все сразу — значит ничего не сделать.

Когда он был уже у двери, я остановил его:

— Я бы хотел взглянуть на ваши проекты.

Он подбросил папку на ладони, подержал немного, будто взвешивая, и с улыбкой повернулся ко мне:

— Я слышал, вы железнодорожник?

— В ваших проектах я как-нибудь разберусь, — сухо ответил я. Он вызывал у меня одновременно и злость и симпатию.

Мягко ступая по ковру сапогами на толстой резиновой подошве, Любомудров подошел к столу и небрежно положил на край папку.

— Говорят, не хочешь услышать отказ — не проси, — сказал он и снова пристально взглянул мне в глаза. — Разве я для себя? Хотите я подарю вам эту папку? А? Просто так, на память...

Он улыбаясь смотрел на меня. А глаза невеселые, и сам он будто бы осунулся.

— Дня через два зайдите, — сказал я.

— Теперь... не к спеху, — ответил он, сделав ударение на слове «теперь».

Уже взявшись за ручку двери, он остановился и небрежно уронил:

— Архипов тоже считает мои проекты пустым проектерством...

— Свое мнение, если вам это интересно, я выскажу, ознакомившись с проектами, — холодно заметил я.

— Только, пожалуйста, не торопитесь с выводами, — сказал он. — Как говорили древние греки: обидно разбить кувшин у самых дверей...

И вышел, плотно затворив за собой дверь. Я поднялся с кресла, подошел к окну и закурил. Накрапывал мелкий дождь. Откуда-то сверху срывались капли и вдребезги разбивались об оцинкованный карниз. Внизу, надсадно

завывая, медленно прополз панелевоз. На железобетонной стене с оконным проемом кто-то мелом написал «Наша Маша!» Что за чушь?.. Разговор с Любомудровым поселил во мне смутную тревогу. Бесспорно, человек он не простой. Чувствуется воля, ум. Не обольщается и себя не щадит. И сумел, черт бы его побрал, чувствительно задеть мое самолюбие. Я бросил взгляд на серую папку: так ли он талантлив на самом деле, как утверждает Архипов?..

Я снова уселся за письменный стол и, стряхнув пепел в большую, темного стекла пепельницу, развязал тесемки... Чертежи, схемы, расчеты, выкладки. А вот и проекты самых разнообразных жилых домов: одно-, двух-, трех-, четырехквартирных. Действительно, эти здания ничего общего не имеют с нашими однотипными стандартными домами... Дома Любомудрова скорее напоминали загородные дачи самой разнообразной архитектуры, хотя собирались почти из таких же самых блоков и панелей, как и наши дома. Любомудров не отказывался от всего, что производил завод, — наоборот, максимально использовал стандартные детали, немного изменяя их, дополняя, совершенствуя... А вот схема перестройки технологического процесса завода... Проект цеха по изготовлению железных форм, подсобный деревообделочный цех для производства отделочного и облицовочного материала, новый экспериментальный цех...

Я вспомнил про формовочный цех № 1, где вышел из строя вибростол. Судя по всему, его еще не отремонтировали... Я с сожалением захлопнул папку — вечером всерьез займусь ею — и вышел из кабинета.

Аделаида как-то странно взглянула на меня и безразличным голосом сообщила:

— Я забыла вам утром передать: вчера звонили из Ленинграда.

Я вопросительно взглянул на нее.

— Спросили вас, и все... Женский голос.

Ах, вот оно что! Директору позвонила женщина... Теперь есть техническому секретарю над чем поломать голову! Ведь моя личная жизнь никому не известна. Аделаида проводила красным карандашом параллельные линии на большом листе бумаги, что не мешало ей внимательно изучать мое лицо.

— Что вы чертите? — спросил я.

— Валентин Спиридонович попросил к трем приготовить ему две схемы для графика.

«Интересно, учится она где-нибудь? — подумал я. — Работа не бей лежащего. Сиди себе, отвечай на звонки и читай учебники...» Вспомнив, что Аделаида совсем недавно с утра до вечера не разгибалась над машинкой, печатая и несколько раз перепечатывая пространное сообщение в министерство, упрекнул себя в несправедливости... Пока я еще ни в чем не мог пожаловаться на эту довольно симпатичную голубоглазую девушку. А то, что любопытна, — так все секретарши любопытны...

— Что сказать, если опять будут звонить из Ленинграда?

На этот раз Аделаида не смотрела на меня: глаза ее были прикованы к линейке и карандашу. В гуще светлых, взбитых на затылке волос розовело маленькое ухо с блестящей сережкой.

— Передайте, что я очень скучаю без нее, — проникновенно сказал я и, пряча усмешку, вышел из приемной, оставив девушку в растерянности: как ей воспринимать мои слова — в шутку или всерьез?..

11

Огромный формовочный цех № 1 непривычно молчал. Лишь в самом конце негромко урчал красный мостовой кран, извлекая из формы застывшую бетонную панель. Туго натянутые тросы вибрировали, издавая тонкий мелодичный звон. Слышно было, как шелестел по застекленной крыше дождь.

На двухтавровой чугунной балке под потолком устроились два голубя и равнодушно смотрели вниз. А внизу, на подоконниках, на бетонных плитах, сидели рабочие в брезентовых робах и курили. Дым от папирос и сигарет сизыми пластами стлался над умолкнувшей поточной линией.

У полуразобранного вибратора колдовал механик — щуплый паренек в новой спецовке. Двое рабочих ему помогали: один ключи подавал, второй поддерживал что-то. Ко мне подошел начальник цеха и сказал, что сгорела обмотка статора.

— И на это понадобилось почти полдня? — удивился я.

— Видите ли... — замялся начальник. — Механик по ремонту станков еще неопытный. И месяца на заводе не работает.

— Чтобы обнаружить в моторе сгоревшую обмотку, не обязательно быть механиком.

— Вы правы, — усмехнулся начальник. — Неисправность я сразу нашел, но на складе не оказалось нового мотора. Я сходил к нашим соседям на высоковольтный и выпросил у них займы мотор... Пока принесли, да сгоревший сжигали... — начальник взглянул на часы. — Через полчаса линию пустим.

Мне стало неудобно за резкий тон: в обязанности начальника цеха совсем не входит бегать к соседям на другой завод и выпрашивать займы моторы...

— Шляпа у нас кладовщик, — примирительно сказал я и, услышав дружный хохот, взглянул на рабочих, расположившихся на подоконнике. В центре — верзила в ватнике и с шеей, кокетливо обмотанной зеленым цветом платком. Он что-то веселое рассказывал. Вот хлопнул себя по коленке и первый, засверкав белыми зубами, засмеялся.

Я подошел, и рабочие сразу замолчали, хотя на лицах еще не угасли улыбки.

— Здравствуйте, — поздоровался я.

Вразнобой ответили: кто здравсте, кто привет, а кто и промолчал, с любопытством разглядывая меня. У верзилы светлые волосы, косой челкой спускающиеся на узкие хитроватые глаза. На широкой в кисти руке выколото имя: «Леня». Не изменяя позы — он сидел, подогнув под себя одну ногу, как обычно делают гитаристы, — снисходительно смотрел на меня, дескать, если начальство желает потолковать с рабочим классом, пожалуйста, мы-де с полным удовольствием...

Я его сразу узнал: это был тот самый рабочий, который крепко устыдил меня, когда тележка с арматурой чуть не опрокинулась. Я еще помог им вытащить ее из лужи... Однако парень и виду не подал, что узнал меня, хотя в глазах его посверкивали веселые искорки.

— И давно скучаете? — спросил я и поморщился: вопрос был не из умных. Во-первых, я отлично знал, сколько часов они «скучают», во-вторых, «скучают» не по своей воле.

Рабочие зашевелились, кто-то уже открыл было рот, но, поймав быстрый взгляд Лени, промолчал. Судя по всему, с этим зубоскалом считаются.

— Вы слышали последний анекдот про Чапаева? — ухмыльнулся Леня. — Обхохочешься...

Будь бы анекдот про кого-нибудь другого, я с удовольствием послушал бы и, может быть, вместе со всеми посмеялся, но все эти тупые анекдоты про Чапаева, Петьку и Анку-пулеметчицу я не терпел и не понимал тех людей, которым они нравились. Когда я был мальчишкой, Чапаев был моим кумиром, я, наверное, раз десять смотрел про него фильм, читал и перечитывал книжку Фурманова. Да и став взрослым, я ничуть не утратил уважения к легендарному герою гражданской войны. Кому понадобилось превращать этого человека и его соратников в идиотов и кретинов? Да, Чапаев был малограмотным и «академиев» не кончал. Такое было горячее время. Такие, как Чапаев, в страшную для нашей Родины годину, не щадя своей жизни, отстояли Советскую власть, давшую всем нам возможность учиться в институтах и академиях. Так неужели теперь можно похохатывать над героями гражданской войны, которых чья-то злобная воля превратила в «героев» пошлейших и глупейших анекдотов?..

Все это я постарался объяснить молодым рабочим. Сначала кое-кто из них отводил глаза в сторону, перемигивался с приятелем, мол, поглядите-ка, какой наш директор правильный. Потом улыбки исчезли. А когда я замолчал, Леня (кто-то из ребят назвал его Харитоновым) стащил с головы коричневый берет и почесал им широкий нос. Все молчали, ожидая, что он сейчас отколет... На лицах парней прямо-таки было написано желание услышать от товарища что-нибудь этакое, заковыристо-задиристое, чтобы всем разом оглушительно грохнуть...

— А ведь и правда, чего мы ржем? — наконец сказал Харитонов. И лицо его было серьезным. — И над кем ржем, как кони? Над Чапаевым! Вот ведь какое дело: слушаем и не думаем... Лишь бы смешно было! Я ведь тоже Чапаева уважаю и книгу про него читал, и кино видел... Как этого артиста-то, что его играет? Бабочкин! Здорово играет, — он обвел взглядом рабочих. — Знаете, я понял, почему сейчас ходят анекдоты про Чапаева. Дру-

гих-то нет? Было раньше армянское радио, да куда-то сплыло... Товарищ директор, правда говорят, что за границей вышли два тома анекдотов из серии «армянское радио»?

— И про Чапаева выйдут,— сказал я.— Там с удовольствием выпускают любую чепуху, лишь бы порочила русских людей и наш строй.

— Кто же все-таки сочиняет такие анекдоты? — задумчиво посмотрел на меня Харитонов.— Ежели вдуматься, ничего в них и смешного-то нет...

— Ну вот видишь,— сказал я.

— Я понимаю, что Чапаев герой и все такое, а когда услышу анекдот, хохочу как дурак...— сказал худощавый паренек с узким лицом, на котором выделялись большие глаза с длинными, как у девчонки, ресницами.

— Дурак и есть,— хохотнул кто-то.

— От того, что я смеюсь, мое уважение к Чапаеву не меньше,— задумчиво продолжал паренек, не обратив внимания на реплику.

— Смех, говорят, жизнь продляет,— ввернул рабочий в замызганной робе, которая делала его похожим на волаза.

— В таком случае смейтесь,— сказал я.

— Товарищ директор,— обратился ко мне рабочий, который сказал, что смех жизнь продляет,— когда же нам туристскую базу построят?

Я точно не помнил, в каком месяце будущего года строители должны сдать базу, но не удержался и пообещал, что весной вместе откроем рыбацкий сезон. И тут же, упрекнув себя — директору не пристало бросать слов на ветер,— решил проследить за строительством базы.

Нашу беседу прервала пулеметная очередь — это механик включил отремонтированный вибратор. Голуби встрепнулись, но не улетели. Рабочие поднялись и направились к конвейеру. Ко мне подошел Сидоров, начальник цеха — это был сорокапятилетний крепыш с покатыми круглыми плечами. Я видел по его лицу, что он переживает. Дело в том, что из-за вибратора была остановлена вся поточная линия. Месяц кончался, и такая задержка могла ощутимо отразиться на итогах выполнения плана.

— Мы наверстаем, Максим Константинович,— пообещал он и вдруг взорвался: — Черт бы побрал этого Колу-

паева! Принял на должность механика желторотого мальчишку прямо из техникума... С него грех и спрашивать.

— А что же старший механик? — поинтересовался я.

— Ногу сломал, — сообщил Сидоров. — Футболист. Играет в сборной города.

Из цеха я отправился в заводскую столовую. По дороге никак не мог вспомнить отчества начальника цеха. Сидоров Григорий... а вот как отчество — не мог вспомнить. И это меня злило. Второй месяц на заводе, и вот не запомнил отчества начальника одного из главных цехов завода! А я по опыту знал, как неприятна людям, которые работают с тобой бок о бок, такая непростительная забывчивость. Впрочем, упрекать себя было глупо: я ведь в разговоре с Сидоровым не назвал его никак. Это все-таки лучше, чем перепутать имя-отчество. Я решил, что, как вернусь в кабинет, обязательно возьму список руководящих работников завода и еще раз как следует проштудирую. У меня была дурная привычка: один раз перепутав чье-либо имя или отчество, потом все время повторять эту ошибку. Повторять даже после того, как меня неоднократно поправят.

Столовая помещалась на первом этаже в здании заводоуправления. Там почти никого не было, обеденный перерыв давно кончился. Ко мне подошла официантка и посоветовала взять гороховый суп со свининой и гуляш с пюре. После того как я первый раз пообедал в столовой, мне захотелось вызвать заведующего к себе и потолковать с ним по душам... Но потом, поразмыслив, я решил подождать и, вместо того чтобы делать выговор заведующему, попытаться понять, отчего в столовых кормят так невкусно?

Обедал я здесь уже много раз и пока понял одно: заведующий виноват меньше всего. Во-первых, блюда стоят дешево, рабочий может за полтинник взять обед из трех блюд. Во-вторых, приходят сюда рабочие в спецовках и робах, так что о стерильной чистоте и мечтать не приходится. В-третьих, шеф-повар и его помощники зарабатывают в заводской столовой гораздо меньше, чем их коллеги в фирменных столовых или ресторанах. Так что надеяться заполучить сюда высококвалифицированного повара — чистейшая утопия.

Я допивал компот, когда в зал вошла довольно рослая девушка в джинсах и короткой нейлоновой курточке.

Темно-русые с блеском длинные волосы небрежно спускались на спину. Девушка мельком бросила на меня безразличный взгляд и подошла к буфету. У нее была великоленная гибкая фигура, и туго обтягивающие джинсы лишь подчеркивали это. Девушка стояла ко мне спиной и что-то говорила буфетчице. Я слышал, как звякнула о прилавок мелочь, девушка взяла бутылку молока, открыла ее и тут же у буфета, запрокинув голову, стала пить. Поставив порожнюю бутылку, она повернулась, и я снова встретился глазами с девушкой. И что-то дрогнуло во мне, я чуть не выронил стакан: эта незнакомая девушка вдруг напомнила мне Рысь... Нет, она не была похожа на девчонку с острова Дятлинка. Эта старше, выше ростом, настоящая цветущая девушка. Рысь всегда больше походила на мальчишку-подростка, чем на девушку. Но в фигуре, взгляде, повороте головы что-то было от Рыси. Какого цвета у этой девушки глаза, я не разглядел.

Я сидел с недопитым стаканом компота и смотрел на дверь, в которую вышла девушка, напомнившая мне Рысь... Странно, ведь я Рысь впервые увидел в брюках, хотя тогда еще не было у девчонок моды носить брюки. В брюках и тельняшке. Приехав в город, я первые дни бродил по улицам, жадно вглядываясь в лица прохожих. Теперь я понимаю, я бессознательно искал среди этих лиц единственно дорогое мне лицо... Потом, узнав о ее смерти, я перестал искать в толпе это далекое, неуловимое лицо. И вот сегодня высокая стройная девушка опять напомнила мне о Рыси... Неужели так до конца дней своих я и буду в каждой встречной девушке искать ту, которую безвозвратно потерял?..

Я ушел из столовой, позабыв рассчитаться. Уже в коридоре спохватился и, вернувшись, заплатил улыбающейся официантке за обед.

— Заплатили бы в другой раз, — заметила она.

— Кто эта девушка... Ну, высокая, молоко пила? — спросил я.

Я видел, официантка удивилась. Узенькие подбритые брови ее полезли вверх, она, по-видимому, хотела ответить шутливо, но встретившись со мной глазами, согнала уже было появившуюся на крашенных губах улыбку и равнодушным голосом сообщила:

— Так это ж Юлька. Крановщица из первого цеха. Ее все на заводе знают...

Я как-то не придавал значения этим словам. Кстати, истолковать их можно было как угодно. Гораздо позже я сам убедился, что Юлька действительно популярная личность на заводе...

Я присел на широкий подоконник и задумался, глядя в окно. Батареи парового отопления еще не включили, и в кабинете было прохладно. Солнце бледным круглым пятном проглядывало сквозь пелену облаков и снова исчезало. Из окна я видел железнодорожную ветку, подведенную к заводу. Небольшой тепловоз толкал перед собой несколько платформ, нагруженных железобетонными плитами. Немного в стороне короткими очередями полыхала электросварка. Там из тавровых балок варили формы для заливки бетона. В луже буксовал порожний грузовик. Я подумал, что весной обязательно надо будет заасфальтировать дорогу. Это тоже недоделки строителей. Впрочем, они и будут асфальтировать, я об этом уже толковал в горькое...

Мои мысли снова вернулись к Рыси. Я уже в который раз отчетливо, как на экране, увидел нашу последнюю встречу перед разлукой. Она мне врезалась в память на всю жизнь. Это было в начале лета. Я заехал на мотоцикле за ней, и мы укатили за город. Был жаркий безоблачный день, асфальт плавился, а я все жал и жал на газ. Я любил быструю езду. Наконец Рысь не выдержала и замолотила по спине кулаками.

— Я тоже хочу! — кричала она мне в ухо. — Остановись, Максим!

Я притормозил у белой березы, одиноко стоявшей на обочине, и выключил мотор. Береза была такая белая, что глазам больно смотреть на нее. И хотя еще был день, над ней жужжали майские жуки. И тишина. Благословенная тишина после шума и ветра в ушах и тягучего треска мотоцикла.

Мне хотелось постоять под березой и послушать тишину, но Рысь завела мотоцикл, оседлала его и поехала, а я остался один. Я не боялся за Дипку: она научилась ездить не хуже меня. Единственное, что мне не нравилось, так это то, что она не хотела останавливаться. Уж если села за руль, то готова была ехать по прямой, пока бензин не кончится. Поэтому я не пошел за ней, а ос-

гался под березой, надеясь, что в ней заговорит совесть и она далеко не уедет. Рысь слилась с мотоциклом и быстро удалялась в сторону Невеля. Она была в трикотажных спортивных брюках и выпущенной поверх тельняшке. Желтым пламенем трепыхались ее густые, растрепанные ветром волосы. Вот она взлетела на пригорок, и, мотоцикл, оставив клубок синего дыма, исчез из глаз. Я долго стоял под березой, ожидая ее, потом мне это надоело, и я зашагал по шоссе. Я прошел вперед, наверное, с километр, когда услышал приближающийся треск мотоцикла. Но вот треск оборвался, и стало тихо. Поднявшись на холм, я увидел одиноко стоявший у поворота на проселок мотоцикл, а Рыси нигде не видно. Когда я подошел к мотоциклу — слышно было, как что-то потрескивало в остывающих цилиндрах, — раздался голос Рыси:

— Максим! Иди-и сюда-а!

Я ее не видел, но голос доносился из березовой рощи. Я нашел Рысь на берегу озера. Она сидела на поваленной молнией сосне, макушка которой купалась в воде, и смотрела на камыши. И взгляд ее был какой-то отрешенный.

— Там ветер, свист в ушах, — сказала она. — А здесь тихо и рыбы в воде плавают... Как ты думаешь, они умеют разговаривать?

Я заерзал по сосне, не зная, что ей ответить. В воду посыпались опметки коричневой коры, и мелкие рыбешки сначала испуганно стреканули в разные стороны, потом снова собрались у нас под ногами, хватая медленно опускающиеся на дно комочки и тут же их выплевывая.

— Я в рыбах не очень-то разбираюсь, — пробормотал я. Рысь подвинулась поближе ко мне — я почувствовал своим плечом ее твердое горячее плечо, — потом ладонью осторожно дотронулась до моих волос, ущипнула за ухо, рука ее скользнула по моей груди и задержалась на колене. В зеленоватых глазах совершенно мне незнакомое выражение, пухлая нижняя губа ее оттопырилась, я увидел крепко стиснутые зубы и услышал учащенное дыхание.

— Тебе холодно? — спросил я и сам понял, что сморозил глупость: всюду светило солнце и было жарко.

— Холодно? — насмешливо фыркнула она. — А что, тебе холодно?

Я не успел ответить. Она вскочила на ствол. На меня она не смотрела. Первое ее движение было перешагнуть через мои ноги и выскочить на берег, но она почему-то раздумала. Быстрым движением стащила через голову геленяшку — никакого лифчика у нее и в помине не было, — пружинисто нагнувшись, сбросила трикотажные брюки, чуть поколебавшись, спустила и белые трусики, переступила через все это и, выпрямившись во весь рост, замерла, вся облитая солнцем. Трудно сказать, что я тогда испытывал, ошеломленно глядя на нее, память не сохранила ощущений, но зато намертво запечатлела образ юной обнаженной девушки. Тоненькую талию можно было пальцами обхватить, молочко белели не тронутые загаром бедра. Такой я запомнил на всю жизнь мою Рысь... В следующее мгновение она взмахнула руками и по-мальчишески головой вперед прыгнула в озеро. Темная блестящая вода раздалась по сторонам и сомкнулась над ней, скрыв от меня всю эту невиданную красоту.

Честное слово, я ничего не понимал! И хотя рядом со мной на поваленной сосне сидела вполне уже сформировавшаяся девушка с оттопырившей застиранную теленяшку острой грудью и округлыми бедрами, я все еще не мог к ней относиться как ко взрослой, хотя из нас двоих, наверное, более взрослой была она. Девчонки в таком возрасте всегда раньше развиваются.

Купаться я не стал: меня ошарашила выходка Рыси и я ушел в рощу — и не видел, как Рысь вышла на берег и оделась. Волосы облепили ее лицо, когда она отвела их в сторону, я снова увидел обыкновенную девчонку, вздрагивающую от озноба: вода в озере еще была холодная...

Я вел мотоцикл, а Рысь тихо сидела сзади, обхватив меня тонкими руками за плечи. Горячий ветер обдувал мое пылающее лицо. Все, что там, на берегу озера, испытывала Рысь, сейчас ощущал я. Правда, с большим опозданием. Когда она один раз приподнялась в седле и совсем по-кошачьи потерлась своей шелковистой щекой о мою, мне захотелось развернуться и помчаться обратно в березовую рощу... Но я этого не сделал. И вот уже двадцать с лишним лет жалею об этом. Может быть, тогда все было бы по-другому? Ни в какую Ригу она не поехала бы и мы были вместе?

Вот о чем я вспомнил, сидя в своем кабинете на подоконнике. Из прорехи в облаках выскочил узкий солнеч-

вый луч и рассек пополам застекленную крышу одного из цехов. Небольшая лужа на дороге жарко вспыхнула. Низко пролетели две вороны. Окунувшись в луч, как по волшебству превратились в сказочных жар-птиц. Синюю прореху скоро затянула огромная серая заплатка. Лужа погасла, а две жар-птицы снова стали черными воронами, лениво махающими крыльями.

— Максим Константинович! — словно издалека услышал я голос Аделаиды. — Вас вызывает Ленинград...

Я присел на краешек письменного стола и снял трубку. Высокий нежный голос Нины: «Милый, я так скучаю без тебя... Ты не представляешь, как мне здесь тошно... Уже месяц от тебя ни строчки... Я понимаю, у тебя работа и все такое... Были бы у меня крылья...»

— Я тоже скучаю, — резко прервал ее я. — К черту крылья! Есть поезд... Обыкновенный поезд на электрической тяге, садись в пятницу вечером и приезжай...

— Не могу, милый... В субботу у подруги день рождения... Я уже подарок ей купила. Приезжай лучше ты, а?..

Голос в трубке становился все тише, замирал и совсем замолк. «С вами будет говорить Москва», — сухо сообщил металлический голос телефонистки. И затем: «Бобцов? У вас что, телекс испортился? Говорит Башин из министерства. Почему вы не прислали сводку за вторую декаду этого месяца?..»

Часть вторая

1

Сегодня я уволил с завода Степана Афанасьевича Кривина. Уволил за неоднократное появление в цехе в нетрезвом состоянии и трехдневный прогул по этой же причине. Председатель завкома Голенищев и секретарь партбюро Тропинин поддерживали мое решение. Кривин работал бетонщиком в формовочном цехе, ему сорок восемь лет. Во второй раз он пришел ко мне, когда приказ уже был подписан. Пришел в старом ватнике, разбитых кирзовых сапогах и, стащив с седоватой головы шапку, остановился у двери. Вся его длинная нескладная фигура выражала покорность и смирение. Он был небрит, и вислый, сизоватый нос — красноречивый свидетель его порока — уныло смотрел вниз. На скулах красные склеротические прожилки.

— Виповат я, тут уж ничего не попишешь, — начал он. — Грешен, закладываю, будь она неладна... Но за что же вы меня рубите под корень? — он потряс выпиской из приказа. — Кто же меня с такой желтой бумагой возьмет на работу? За систематическое пьянство... Да у меня, может, горе какое? Пью, верно. А почему пью? Вот то-то и оно, товарищ начальник... У меня ведь трое малых детишек и парализованная теща... Недвижима уж который год! Товарищ директор, можно по собственному желанию? А?

Во время разбора его дела я узнал, что Кривин уже сменил с десятков заводов и фабрик и нигде больше двух-трех месяцев не задерживался. В городском медвытрезвителе побывал двенадцать раз. Один раз с приятелем напились в привокзальном буфете и учинили драку, за что получил один год условно... Обычная биография закорене-

лого пьяницы. И все-таки, глядя на этого человека, во мне шевельнулась жалость. Действительно, с таким документом ни один здравомыслящий руководитель не примет Кривина на работу. А как же дети — он говорит, у него их трое — и парализованная теща? Что я еще знаю об этом человеке, кроме того, что он неисправимый пьяница? Может быть, он неплохой отец и добрый человек? Разумеется, когда трезвый. И его увольнение явится снова жестоким ударом для жены, детей, парализованной тещи?..

— Ладно, — сказал я, — напишите заявление.

— Уже написал! — сразу воспрянул духом Кривин. — Вот оно, — и ловко выхватил из кармана ватника сложенный пополам листок бумаги.

Я вызвал Аделаиду и велел ей перепечатать приказ об увольнении.

— В трудовую книжку тоже запиши, что по собственному, — распорядился Кривин.

Аделаида взглянула на него как на пустое место и ничего не ответила. Мне это не понравилось, и я подумал, что при случае нужно сказать ей, чтобы повежливее обращалась с людьми, пусть даже такими, как Кривин.

— Спасибо вам, товарищ директор! — поклонился Кривин. Нос его хотя и остался таким же сизым, но уже не был унылым. Поворачиваясь, чтобы уйти, он зацепил за дорожку. Низко нагнулся и аккуратно поправил. Из-под ватника выглянула старая клетчатая рубаха. Еще раз кивнув головой, осторожно притворил за собой дверь.

Он ушел, а я глубоко задумался. Внешний вид этого человека, его подбострастность, нескрываемая радость по поводу изменения формулировки в приказе и даже то, как он низко нагнулся и поправил дорожку, — все это меня разбредило. Я задумался о том, почему вот так поразному складывается у людей жизнь: один человек вынужден увольнять с работы другого? А ведь жизнь могла и по-иному распорядиться: он мог быть директором завода, я — таким, как он... Я ведь не могу сказать, что у меня все было гладко. Этакое благополучное восхождение на гору... Ничего подобного! У меня в жизни всякое бывало: и год беспризорничества во время войны, и воровская компания, и приводы в милицию, и крепкие выпивки... Но что бы ни происходило со мной в те далекие годы, во мне всегда жил внутренний протест против всего этого. И, наверное, когда уже готов покатиться в прощаль

по наклонной плоскости, я всегда останавливался на краю этой пропасти. А некоторые люди, очевидно, не могут остановиться. Они катятся вниз, пока или не сопьются, как Кривин, или не попадут в тюрьму, как некоторые мои бывшие знакомые... Когда-то, разъезжая с забубенной шпаной на крышах вагонов, я считал, что так оно и падо. Существуют люди, которые набивают барахлом свои мешки и чемоданы (это было во время войны), а есть и другие, которые освобождают их от этой тяжести... Но очень скоро я понял, что так жить нельзя. Это ненормальная жизнь. И как бы отпетые уголовники, скитающиеся по тюрьмам, ни идеализировали для желторотых дурачков свою «вольную» жизнь, это, конечно, не жизнь, а прозябание. Как серый волк, будет такой человек всю свою жизнь скитаться по чужой для него земле и почти постоянной берлогой для него станет тюрьма.

Моя юность прошла в жестокие годы войны, но куда бы кривая тропинка ни вела меня в те годы, я всегда умел вовремя остановиться и задуматься: а что же будет дальше?.. И надо сказать, на моем жизненном пути всегда попадались настоящие Люди с большой буквы, которые незаметно, непазойливо направляли мою буйную энергию в пужное русло. Я помню, сразу после войны каких трудов мне стоило заставить себя пойти учиться! Обыкновенная школа казалась чем-то далеким, канувшим в прошлое. Настоящим были голод, бомбежки, новые города, чужие люди вокруг. Бывало, утром ты не знаешь, где будешь вечером. А чистая с простынями и одеялом койка была такой же голубой мечтой, как и круглое вафельное мороженое... Я работал и учился в то время, когда мои бывшие приятели вели праздный образ жизни, гуляли, веселились... И так почти до тридцати лет: работа и учеба. Учеба и работа.

И вот я директор крупного завода. В моем подчинении сотни людей. И сегодня уволил человека, которым, может быть, мог бы стать и сам...

2

Я поставил «газик» у гостиницы и увидел Бутафорова: Николай стоял в сквере у фонтана и смотрел на меня. Воротник темного плаща поднят, ветер разлохматил тронутые сединой волосы.

— А я к тебе собрался,— сказал я, здороваясь с ним.

— Чего это ты на «газике» разъезжаешь? — усмехнулся он.— Если тебе «Волга» не нужна, отдай ее Аршинову — он уж который год мечтает о персональной машине.

— Генка Аршинов здесь? — воскликнул я.— Что же ты мне раньше не сказал?

Николай взглянул на часы:

— Я тебе сегодня устрою с ним встречу... В половине шестого он будет у меня.

— Я слышал, после института его направили в Арзамас.

— Как видишь, рано или поздно все в родные края возвращаются,— философски заметил Николай.— После Арзамаса он несколько лет проработал в Псковском отделении дороги, и вот уже три года, как в Великих Луках. Заместитель начальника дистанции пути.

— А кто еще здесь из наших?

— Я же тебе говорил,— удивился Николай.

Когда я у него был в гостях, он мне действительно называл несколько знакомых фамилий, но я с трудом мог вспомнить лица этих ребят. Все они были с другого курса, и я был мало с ними знаком.

— А Рудик? Ну, помнишь...

— Помню, помню,— улыбнулся Николай.— Машинист исторического паровоза, на котором ты с Аршиновым практику проходил... Лучший машинист тепловоза в нашем депо. Член горкома, недавно был награжден орденом Ленина.

— Надо бы его повидать...— пробормотал я.

— В свободные дни, как и раньше, пропадает на рыбалке.

— Вот мы с ним и махнем на моем «газике»,— сказал я.— Давно не рыбачил.

— У него свой «Москвич»... А на рыбалку надо бы как-нибудь выбраться... Я ведь тоже не прочь посидеть с удочкой...

— Вот именно «как-нибудь»...— сказал я.— Я вот уже второй месяц собираюсь. Вот что, старина, давай без трепотни: в эту субботу железно едем на рыбалку? Я тут два таких озера откопал! Одни названия чего стоят: Янтарное и Жемчужное...

— И когда ты таким хитрым стал? — рассмеялся Николай. — Так и скажи, что хочешь взглянуть, как там движается строительство вашей турбазы.

— Ну, приятное с полезным... — сказал я и, придав голосу инквизиторские нотки, спросил: — Да, а что ты делал в рабочее время у фонтана?

— Понимаешь, назначил одной симпатичной девушке свидание, а она, чертовка, не пришла...

— Плохи твои дела!

— А что, уже никуда не гожусь? — приосанился Николай. — Думаешь, вышел в тираж?

— Успокойся, девушки как раз любят таких представительных, с серебром в волосах.

— А вот жена, видно, разлюбила, — вздохнул Николай. — И на полчаса не вытащишь из театра!

— Ты любил еще кого-нибудь, кроме своей Машеньки? — спросил я.

— Иди ты к черту! — огрызнулся Николай и даже отвернулся, но тут же снова расплылся в улыбке: — Так и быть, доверю тебе одну тайну: мы ждем ребеночка!

— Это, действительно, событие.

Николай был оживлен, и лицо его сияло.

— Сам подумай, нам уже за сорок, — позже некуда.

— Возьмешь меня крестным отцом?

— Ей надо больше бывать на свежем воздухе, а она репетирует в накуренной комнате, — озабоченно говорил Николай. — Это ведь вредно для ребенка?

— Не знаю, — сказал я. — У меня ведь никогда не было детей.

Николай замолчал и взглянул на меня.

— Почему ты не женишься? — спросил он.

— Действительно, почему? — усмехнулся я.

До Дома Советов три минуты ходьбы. Еще не было пяти, и я предложил Николаю прогуляться вдоль Ловати. Он взглянул на пасмурное небо с бегущими облаками и сказал, что будет дождь. Но пока дождя не было, а так, мелкая дождевая пыль. Скоро у меня и у Николая лица стали мокрыми, а на бровях и ресницах пристроились крошечные капли. Листья под погами тоже были мокрые и при сильном порыве ветра с тихим шорохом скользили по площади Ленина.

Мы вышли на набережную. Тонкие липы почти облетели. В городе здания защищали от ветра деревья, а здесь

он на воле гулял по набережным, сметая опавшую листву в реку. Очевидно, в верховьях Ловати прошли сильные дожди, и вода была мутной с желтоватым оттенком. У бетонного моста, отбрасывающего в воду густую тень, сидел на камне пожилой человек в брезентовом плаще с капюшоном. В руках раскрытая книга. От двух кольев, воткнутых в песчаный берег, убегали в речку две поблескивающие жилки. Ничего не скажешь, цивилизованный рыбак.

— Аршинов, наверное, на меня до сих пор зуб точит,— сказал Бутафоров.— Когда в конце лета разрешили охоту на водоплавающую дичь — все как с цепи сорвались! Давай палить во все живое. Ну и одна дикая утка прилетела в город искать защиту от охотников... Это же надо сообразить! Здесь в центре города и жила. Плавала себе у берега и на людей внимания не обращала. Тут ведь пляж рядом. Люди купаются, загорают, и никто утку не трогал. Дело было в воскресенье. Лежим мы с женой, загораем, смотрим, как утка у берега плескается, и вижу, как какой-то толстяк с палкой в руках крадется по камышам к ней. Не выдержал я, подскочил к нему, палку вырвал и говорю: «Как, гражданин, вам не стыдно?..» Оборачивается, а это Аршинов. Тут я его, не стесняясь, обложил как следует... Ну, действительно, нельзя же такой скотиной быть! Сколько людей любовались на эту несчастную утку, и ни у кого, даже у мальчишек, не поднялась на нее рука... А этот с палкой! Смотрит на меня, аж покраснел от злости... «Тебе что, жалко? — говорит мне.— Не я, так кто-нибудь другой ее прихлопнет...» Ну ты подумай только, какая скотина, а?

— Толстяк, говоришь...— сказал я.— В техникуме он был худущий.

— Отъелся,— буркнул Николай.

— Ты это из-за утки? — покосился я на помрачневшего приятеля.

— Он мне и раньше не очень-то нравился... Это ведь вы были друзья.

— Ну, а как она? — спросил я.

— Кто?

— Утка.

— Улетела,— сказал Николай.— А может быть, и впрямь нашелся какой-нибудь пегодяй и прикончил.

— Жалко.

— Кого жалко? — свирепо посмотрел на меня Николай. — Утку?

— Ну да, ее, — сказал я и, чувствуя, что он меня сейчас тоже обложит, прибавил: — Я вот о чем думаю: целоваться мне с Аршиновым или просто пожать руку?

— Перестань морочить голову! — огрызнулся Николай.

3

Я сразу не узнал его. Худощавый подвижный Аршинов с красивыми волнистыми черными волосами, которые с ума сводили девушек, и этот совершенно лысый толстяк со скудной седой растительностью на висках и затылке... Эти три подбородка и тяжелые, с красными прожилками, отвисшие щеки. Если бы я встретил его на улице, то ни за что бы не узнал. Правда, немного позже на этом жирном лице проступили знакомые черты того прежнего Гечки Аршинова.

— Такие-то, браток, дела, — невесело усмехнулся он после того, как мы пожали друг другу руки (раскрыть объятия никто из нас не сделал попытки). — Не ты один — никто не узнает, — он с сердцем хлопнул себя пухлой рукой по выпирающему животу. — Растет и растет, проклятое... И в горы поднимался, и бегал этой... рысцой по улице каждое утро, и не жрал неделями — ни черта не помогло. А теперь махнул рукой... Больше чем полжизни прожито.

Аршинов был года на четыре старше меня. Я стал что-то вспоминать, рассказывать, старался растормошить его; Аршинов улыбался, кивал, однако глаза его были безразличными. О себе он почти ничего не рассказывал. И, видно, думал о чем-то своем, потому что один раз прервал меня и, с хитроватой усмешкой взглянув на Бутафорова, спросил:

— Директором-то тебя сюда назначили по рекомендации горкома?

Я сказал, что получил назначение от министерства. Николай промолчал. Только брови сдвинул. Он распечатал пачку «Беломора» и закурил. Я обратил внимание, что пепельница на столе топорщится окурками. Видно, смолит одну за другой.

— Не поддерживает секретарь своих однокашников, — снова поддел Николая Аршинов.

— А я не люблю слабых, которых нужно поддерживать, тащить, прощать ошибки и смотреть сквозь пальцы, как они разваливают одну организацию за другой... — спокойно сказал Николай.

— Это камень в мой огород! — засмеялся Аршинов и вдруг резко повернулся к Бутафорову, что для его громоздкой фигуры было несколько неожиданно. — Если бы ты не выступил против на бюро, меня утвердили бы начальником вагонного депо! Один ты был против!

— В отличие от других, я тебя хорошо знаю, — сказал Бутафоров. — Ставлю голову на отсечение, что через год тебя пришлось бы снимать со строгим выговором по партийной линии... Точно так же, как тебя сняли в Пскове с должности начальника отдела.

— Видишь, как он меня? — кисло усмехнулся Аршинов. Но хорохориться больше не стал и даже оживился, когда я пригласил их поужинать со мной в ресторане.

— Там отличные бифштексы с картошкой фри подают, — заулыбался Аршинов.

Николай мое приглашение принял без всякого энтузиазма, но и отказываться не стал. Не знаю, что его больше смущало: безрадостная перспектива провести вечер в одной компании с Аршиновым или нежелание появляться в ресторане — все-таки секретарь горкома, — где по вечерам бывало довольно многолюдно и шумно.

Впрочем, вечер прошел хорошо. Аршинов больше не задибался, — очевидно, и вправду неплохой бифштекс привел его в хорошее настроение. Он много и жадно ел, поминутно вытирая сальные губы бумажными салфетками. Их накопилась целая горка возле его тарелки. Потом мы поднялись ко мне в номер и еще немножко посидели. Разговор что-то не клеился. Николай не мог скрыть своей неприязни к Аршинову и, чтобы не сцепиться с ним, молчал. А Генка завел нудный разговор о даче, теще, которая «потрясающе» капусту и огурцы солит...

Я проводил их до автобусной остановки. В ресторане Аршинов говорил, что нужно в ближайшее время обязательно встретиться и как следует посидеть... Я думал, он пригласит меня к себе домой, но он ничего про это не сказал. А тут и автобус подошел. Аршинов тяжело втиснулся в дверь и, с трудом повернув к нам багровую шею,

улыбнулся какой-то чужой, незнакомой улыбкой и помахал рукой.

— Я тебе позвоню,— сказал он.

Бутафоров жил совсем близко от гостиницы, и я его проводил до дому. Мелкий теплый дождь шуршал в поникшей листве. Вокруг каждого уличного фонаря желто-голубой светящийся ореол. Николай попытался затащить меня к себе, но я отказался: мне хотелось побыть одному. Встреча с Аршиновым снова всколыхнула во мне далекие воспоминания...

— Ну как он? — спросил Николай.

— Изменился... — неопределенно ответил я.

— Ты имеешь в виду внешность?

— Помнишь, у него были великолепные вьющиеся волосы,— сказал я.— С волпой.

— Если бы ты был не директором, а машинистом тепловоза, он бы тебе больше обрадовался,— заметил Бутафоров.

— У меня это еще впереди. Вот как завалю квартальный план выпуска этих чертовых коробок для села...

— Товарищ Бобцов,— сделал официальное лицо Николай.— Мне эти разговорчики не нравятся... — и рассмеялся.— Я первому секретарю сказал, что за тебя готов поручиться собственной головой. Так что если завод угробишь, обе наши головы покатаются с плеч!

— А как ты с Куприяновым? — спросил я.— Ладишь?

— По-разному,— неохотно ответил Николай.— Мужик он сложный... Как-то спрашивал про тебя, удивлялся, что редко к нему заходишь.

— А зачем заходить-то? — поинтересовался я.— Все производственные вопросы мы с тобой разрешаем... Просто так, чтобы отметить? Так я это не люблю.

Холодная капля скатилась за воротник, я передернул плечами и поежился. Дождь припустил сильнее. Ветер громыхнул на крыше сорванным железным листом и, монотонно зашумев мокрой листвой, подхватил с тротуара красные распластанные листья и весело погнал их через дорогу на другую сторону улицы. Откуда-то взявшаяся почная бабочка, пестрая и красивая в свете уличного фонаря, зигзагом метнулась к ближайшему дереву и прилепилась к серой коре, тотчас слившись с ней.

Я с трудом отыскал эту улицу на окраине города. Фары «газика» выхватывали из темноты черные стволы деревьев на обочинах, влажные серые доски заборов. Давно позади остались корпуса тепловозо-вагоноремонтного завода. Когда-то здесь начинались избы деревни Ориглодово, а в стороне, на глинистом холме, виднелась Коровья Дубрава. Теперь я не узнавал этих мест. Город давно вообрал в себя эти деревни.

Я свернул с асфальта на заблестевшую лужами улицу. Рядом с двухэтажными городскими зданиями лепились и старые деревянные домишки. В слезящихся окнах неясно струился желтый свет. Когда я свернул на эту окраинную улицу, то подумал, что нужно искать самую захудалую хибару. Однако дом оказался солидным пятистенком с крепкой оградой, фруктовым садом и огородом. Одно окно было тускло освещено, второе — ярко. Поднимаясь по деревянным ступенькам, я услышал музыку. В коридоре было темно и пахло прокисшими огурцами. Я постучал в дверь и, не дождавшись ответа, отворил. В ярко освещенной большой комнате было накурено, на полную мощность гремел магнитофон. Популярные мелодии из кинофильмов. На широкой тахте сидели две девушки, третья, в брюках, полулежала, закинув нога на ногу.

Увидев меня, одна девушка поднялась с тахты, остальные две даже не повернули головы в мою сторону.

— Отец там, — небрежно кивнула на перегородку девушка, даже не ответив на мое приветствие. Не предложила она мне и раздеться, что дало мне повод подумать, что знакомые ее отца не очень-то желанные гости в этом доме.

Я толкнул фанерную, покрашенную белой масляной краской дверь, как оказалось ведущую в кухню, и тут услышал за спиной насмешливый голос девушки:

— Еще один появился...

— Спроси, есть у него сигареты? — произнес другой голос, показавшийся мне знакомым. Что ответила на это хозяйская дочь, я не расслышал, но сигарет никто у меня спрашивать не стал.

За накрытым клеенкой кухонным столом лоб в лоб сидели два изрядно хмельных человека: Степан Афанасьевич Кривин, которого я уволил с работы, и крепкий муж-

чина с массивной челюстью боксера и маленькими, беспрестанно моргающими глазками. Можно было подумать, что он подмигивает сразу обоими глазами. Перед ними стояла начатая бутылка водки, на тарелке — дряблые, размокшие огурцы, запах которых я еще почувствовал в коридоре, алюминиевая миска с отварной картошкой. На подоконнике поблескивала уже опорожненная бутылка.

Кривин некоторое время смотрел на меня, надо сказать, без всякого удивления, потом сделал широкий жест рукой, приглашая к столу.

— Садитесь, коли не побрезгуете нашей компанией... — поглядев за перегородку, заорал: — Машка! Дай рюмку из буфета!

Из-за перегородки доносилась музыка. Теперь пел Рафаэль. Впрочем, хозяин особенно и не рассчитывал, что дочь тут же прибежит и принесет рюмку, скорее всего это он крикнул так, для порядка. Когда он стал подниматься из-за стола, я предупредил его, что зашел на минутку и сам за рулем, так что пить мне совсем ни к чему.

— Ваше дело, — снова опустился на стул Кривин и, поймав вопросительный взгляд своего собутыльника, пояснил с ухмылкой: — Директор завода... Я говорил тебе, что уволился оттуда по собственному желанию... так вот, видишь, сам пришел звать меня обратно...

Человек с квадратной челюстью вскочил, ладонью услужливо смахнул с табуретки невидимую пыль и, подвинув мне, протянул крепкую руку: «Тима». На широком лице его появилась улыбка. Я тоже улыбнулся: его мощная грузная фигура совсем не вязалась с этим детским именем.

— А может, стаканчик за компанию, а?

Я снова отказался и присел на табуретку. Оба выжидательно уставились на меня и даже забыли про водку, а я и не знал, что им сказать... Мысль прийти к Кривину возникла у меня в тот же день, когда я подписал приказ об увольнении. Я не задумывался над тем, что я ему скажу и сумею ли чем-нибудь помочь, но я знал, что до тех пор, пока я с ним не увижусь, передо мной все время будут стоять эта согбенная фигура, заискивающая улыбка и покорное старательное движение, когда он нагнулся и поправил в кабинете завернувшийся конец ковровой дорожки... Сейчас передо мной сидел совсем другой человек.

В нем ничего не было заискивающего, рабски-покорного. Даже сутулые плечи его распрямились, а глаза смотрели прямо и настороженно. И он совсем не чувствовал себя обиженным или расстроенным. Я сидел на табуретке и молчал. За перегородкой заливался соловьем модный итальянский певец. И я подумал: как же парализованная теща? Наверное, ей до чертиков надоело слушать эту музыку.

— Ведь по-ихнему ни в зуб погой, а уши развесили,— сказал Кривин.— И не надоест!

— Это ты, Степан, зря, музыка — дело хорошее,— заметил Тима.— Я всех хороших певцов по голосу узнаю. Вот это поет Муслим Магомаев.

Он произнес это таким уверенным голосом, что я не стал его разочаровывать.

— А как же ваша теща? — полюбопытствовал я.— Ее это не утомляет?

— Какая теща? — удивленно вытаращился на меня Кривин.

— Парализованная.

— У меня ни тещи, ни жены нет,— сказал он.— Одна дочка, и та батьку ни во что не ставит.

— Жена от него в позапрошлом году ушла,— пояснил Тима и выразительно посмотрел на бутылку.

Кривин перехватил его взгляд и нахмурился.

— Баба с возу — коню легче,— проворчал он и, взглянув на пустую рюмку, потянулся было за бутылкой, но на полпути к ней вдруг раздумал и поскреб ногтем небритый подбородок.

— А теща того...— сказал Кривин,— померла.

— Вспомнил! — хмыкнул богатырь Тима.— Когда это было!

— Дряпная была бабенка, царствие ей небесное,— ухмыльнулся Кривин.— И жепка моя вся в нее...

— Яблоко от яблони...— нашел нужным вернуть его приятель.

Я уже понял, как только пришел сюда, что мой визит никому не нужен: ни мне, ни хозяину этого дома. Кривин обыкновенный пьяница, который ни на одной работе долго не задерживается. И для него увольнение совсем не трагедия, он привык к этому. Так же, как привык произносить начальству одни и те же слова, напускать на себя вид эдакого несчастенького, замученного

жизнью человека, чтобы вызвать сострадание, а потом тут же за бутылкой водки обо всем этом забывал. Как забыл про мифическую парализованную тещу. И о чем нам с ним говорить? Все, что я мог бы ему сказать, он тысячу раз слышал от других, да и он бы мне ничего нового не сообщил. Я заметил, как они переглянулись, недоумевая зачем я сюда пришел. В бутылке еще было больше половины, и им не терпелось ее опорожнить, но мое присутствие мешало им. Я понимал, что пужно встать и уйти, но что-то меня удерживало на месте. Наверное, нужно было как-то объяснить, зачем я сюда пожаловал? Однако это тоже было трудно. Как можно объяснить человеку, которого ты уволил, что сочувствуешь и хочешь помочь? Очевидно, это было естественным, если бы человек глубоко переживал, а Кривин и не думает переживать. Он прекрасно себя чувствует в своем собственном доме, сидит за столом с приятелем и приканчивает уже вторую бутылку. По его порозовевшему лицу и багровому лоснящемуся носу видно, что ему хорошо и спокойно. Да и на работу он, наверное, уже устроился. Поработает с месяц, а может быть, и больше, пока снова не погорит и его не уволят...

Будто угадав мои мысли, Кривин сказал:

— Я нынче определился на трикотажку. Вот и отмечаем с дружкой... Кочегаром в котельную... зарабатывать, оно конечно, буду поменьше, чем у вас, да много ли мне одному надо?..

— На водку и закуску хватит,— ухмыльнулся Тима.

— Работа спокойная и, главное, не на людях...

— Выпил, завалился в уголок у котла и кимарь,— никто к тебе не касается,— снова вставил Тима.

— Это начальство переживает, убивается, когда его снимают с должности, а рабочему человеку это не страшно,— спокойно продолжал философствовать Кривин.— Мне ведь людьми не командовать. Не ломать голову, как план выполнить...— Он посмотрел на свои растопыренные руки с грязными ногтями.— Вот этими рычагами я команду, а для них всегда дело найдется. У нас не за границей, безработицы нет. Что бетон месить, что уголь лопатой в тонку кидать, что поганой метлой по улицам шаркать... Рабочие покамест у нас везде нужны.

— Рабочие — да, а вот...

— Пьяницы? — подхватил его приятель.— Это верно,

ньяницы никому не пужны, но они ведь есть? Существуют? И с этим фактором тоже надо считаться.

— Вот, скажем, почему я пью? — с подъемом начал Кривин. — Вы знаете? Нет. То-то и оно! А я пью, может быть... — Кривин вдруг замолчал и потер ладонью лоб, на котором собрались морщины.

— Он и сам не знает, — заметил Тима. Ему не откажешь в чувстве юмора.

— А вы знаете? — спросил я.

— А как же? — оживился тот. — Я нынче выиграл по лотерее пылесос. А на кой хрен он мне нужен? У меня жена такая чистюля: в доме соринки не увидишь. Ну я и рассудил: раз пылесос нам ни к чему, куплю-ка я жене в подарок шерстяную кофточку...

— Ну и дурак, — наливая в рюмки, сказал Кривин. — Надо было все на пропой.

— Я отмечаю сразу два редчайших события: выигрыш по лотерее и подарок жене.

— За это стоит, — сказал я.

Они чокнулись, немного стесняясь меня, аккуратно выпили и стали закусывать огурцами. Воспользовавшись паузой, я поднялся с табуретки и пошел к двери.

— Ежели вы насчет Васьки Петрова, так я тут ни при чем, — сказал вслед Кривин. — Когда он, дуrolом, на складе руку сломал, меня и в цехе не было... Я за водкой бегал... Спросите, любой вам скажет.

Какой Васька Петров? И когда он сломал руку? Убей бог, я ничего об этом не слышал. Я взялся за ручку двери, но тут она сама распахнулась, и на пороге показалась Маша. Я только сейчас обратил внимание, что она смахивает на отца. Я отступил, и она вошла на кухню и молча поставила на стол третью рюмку. На этот раз она с любопытством посмотрела на меня и, улыбнувшись, ушла в компату, где стало тихо. Наверное, пленка кончилась.

Кривин налил в рюмки и повернулся ко мне:

— Обижаете, товарищ директор.

— Такой редкий гость, — поддакнул Тима. — Одна-то вам не повредит?

Я подошел к столу, поднял рюмку и залпом выпил. Хотел взять огурец, но раздумал: больно уж неказистый у них вид. Кривин и его друг смотрели на меня с явной симпатией. И я понял, что это было единственное правильное мое движение в этом доме на окраине города.

Поблагодарив и распрощавшись, я ушел. Открывая дверь в коридор, я услышал голоса девушек, смех, и опять голос одной из них показался мне знакомым, но оглядываться было неудобно, да и потом откуда у меня могут быть здесь знакомые? У калитки я остановился и закурил. Мелкие дробные капли застучали по козырьку кенки. После света глаза все еще не могли привыкнуть к темноте. Окна в домах стали темными, было уже поздно. У калитки горели стоячные огни моего «газика». Дождь стал потише. С шелестящей крыши дома капало в переполненную бочку. И каждая капля звучно отпечатывалась в ночной тишине. Я уже собирался идти к «газику», как услышал стук двери, яркая полоска света магнула по мокрому крыльцу, потом дверь закрылась, и по ступенькам затарахтели каблуки. К калитке приближались две фигуры.

— Ой, тут кто-то стоит! — негромко воскликнула одна из девушек и остановилась.

— Если в город, могу подвезти, — предложил я.

— А, это вы... — сказала девушка, что первой остановилась.

Они подошли совсем близко, однако лица было трудно рассмотреть. Обе были в плащах с поднятыми воротниками. Одна полненькая, невысокая, вторая рослая, в пушистом шарфе. Из окна падал свет, и на ворсистом шарфе блестели мелкие капли. Отвернувшись, девушки о чем-то пошептались, и полненькая, пройдя мимо меня, зашлепала по лужам вдоль улицы, а высокая насмешливо спросила:

— Вы ко всем своим рабочим приезжаете домой? Сначала к нам, теперь сюда...

Я узнал этот голос: передо мной стояла Юлька! Та самая девушка, которую я увидел в столовой. В комнате я не разглядел ее, потому что она лежала на тахте и сидящая рядом подружка заслоняла ее.

И еще одно я вспомнил: имя Юлька я услышал от Гороховой, когда был у нее и узнал о смерти Рыси. Вот почему Юлька сказала, что я навещаюсь на квартиры к рабочим. Юлька ведь тоже работает на заводе...

— Как вы догадались, что я был у вас? — спросил я.

— Я знала, что вы придете, — просто сказала она.

Надо отдать должное этой Юльке: разговаривает она смело, откровенно и без малейшего намека на девичье

жеманство. Я уже различал ее лицо, большие с блеском глаза, длинную жесткую прядь русых волос, высунувшуюся из-под шарфа.

— Что же мы стоим под дождем? — сказал я.

Под нашими ногами чавкала грязь, я поскользнулся и чуть не шлепнулся в лужу. Юлька подхватила меня под руку и тоже очутилась в луже. Я почувствовал, как холодная вода просочилась в ботинки. Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Чего вы смеетесь? — вдруг став серьезной, спросила она.

— А вы?

— Мне показалось, что вы сейчас протянете руку и скажете, как вас зовут. И я завтра расскажу подружкам, как познакомилась с нашим директором ночью в луже...

— Что ж, это романтично, — улыбнулся я. — Меня звать...

— Я знаю, — перебила она. — А вот как звать меня, вы не знаете.

— Мы так и будем стоять в луже, Юля? — сказал я.

— Вы же можете простудиться и заболеть... — рассмеялась она. — Как же мы без вас-то?

Я выбрался на сухое место. В ботинках чавкала вода.

— Машка сейчас рвет волосы на голове, — смеясь, сказала Юлька. — Она ведь вас приняла...

— За папашиного дружка, — подсказал я.

— И даже рюмку не дала...

— Она что, тоже работает на заводе? В каком цехе?

— Не скажу... А вдруг вы ее тоже уволите?

— Это мне раз плюнуть, — в тон ей ответил я.

Я думал, она сядет рядом со мной, но Юлька забралась на заднее сиденье. Мне очень хотелось поговорить с ней, но я не знал, с чего начать. Мне хотелось спросить ее о Рыси... Кажется, старуха сказала, что она ей доводится двоюродной сестрой?.. И потом, Юлька была в Севастополе и видела Рысь... И еще старуха сказала, что у Юльки письма Рыси...

Мы уже миновали автовокзал, когда Юлька наконец нарушила молчание:

— Я знаю, бабка вам с три короба наговорила про меня, только мне на это наплевать!

— Я ведь знал ее раньше, когда она еще жила на Дятлинке...

— Ну ее к черту! — зло оборвала этот разговор Юлька. Я довез ее до дома, вылез из машины, откинул сиденье и подал руку.

— Вы, оказывается, галантный кавалер...

— Гм... Кавалер? — пробормотал я. Мне все еще было трудно привыкнуть к ее манере разговаривать. И тут она меня снова огорошила.

— Вам ничего не говорит такая фраза: «Приходи в воскресенье»? — спросила она.

— Приходи в воскресенье... — повторил я. — Это что, царь? Или вы меня приглашаете в гости?

Юлька нагнулась и стала мыть в луже боты. Я видел ее нахмуренный профиль, крепко сжатые полные губы. Русая прядь спустилась на глаза, и девушка резко отбросила ее. И мне показалось, что этот жест был раздраженным.

— Юля, вы говорите загадками, — сказал я, не дождавшись от нее никакого ответа.

Она разогнулась и прямо взглянула в глаза. Лицо ее снова стало насмешливым.

— Спасибо, товарищ директор, — нарочито нараспев произнесла она. — Премного вам благодарны... А в гости я вас, может быть, и приглашу когда-нибудь...

Улыбнулась и, блеснув глазами, скрылась в парадной. Мне сразу как-то стало одиноко и неудобно. Я переступил с ноги на ногу, и в ботинках противно запищало. Холодные струйки скатывались за воротник плаща.

Я стоял на тротуаре и, не обращая внимания на снова припустивший дождь, ломал голову: что бы все это могло значить? Приходи в воскресенье... Когда она меня об этом спросила, в голосе не было насмешки. Наоборот, серьезность и ожидание... Будто Юлька надеялась услышать от меня продолжение этой странной фразы или, по крайней мере, какой-то отклик, понимание... Но я ничего не понимал.

С клена сорвался мокрый лист и прилепился к рукаву. Прямо в лицо дунул холодный влажный ветер, где-то на этаже хлопнула форточка. Деревья над головой вздрогнули и яростно зашумели. Меня обдало брызгами.

«Чертовка! Издевается она надо мной или разыгрывает?.. — думал я, все еще стоя на тротуаре, хотя мог бы предаться размышлениям и в машине. — При чем тут какое-то воскресенье?»

После того, как еще один порыв ветра, более мощный, будто дробью выстрелил в меня каплями, я очнулся от своих невеселых мыслей и зашагал к машине. Ботинки мои хлюпали, воротник рубашки промок и тер шею, ветер задувал в рукава. Была та самая мерзкая осенняя погода, когда человек, оказавшийся в такую пору под открытым небом, как о манне небесной мечтает о теплой светлой комнате, о печке, в которой потрескивают сухие поленья, и о чашке горячего чая... В гостинице все еще не топили — меня ожидал неуютный холодный номер, грустные размышления о сегодняшнем вечере и долгая бессонная ночь в постели, когда для того, чтобы заснуть, нужно уговаривать себя ни о чем постороннем не думать или уныло считать до... бесконечности.

5

Эти ватманы Любомудрова меня всерьез заинтересовали. Любомудров предлагал вместо типовых железобетонных деталей изготавливать самые разнообразные детали, из которых можно собирать непохожие друг на друга дома. Он убедительно доказывал, что все это можно сделать в пределах отпущенной нам сметы. Необходимо лишь отлить новые формы для заливки бетона, а это не столь уж сложное дело, если учесть, что формы свариваются на нашем заводе. Дома Любомудрова выгодно отличались от серых типовых коробок, которые мы пекли, как блины.

Как инженер-строитель, я был восхищен хитроумным проектом Любомудрова, но, как директор завода, понимал, что этот проект почти невозможно в ближайшие годы провести в жизнь. Завод наш только что вступил в строй. Вся продукция, которую мы выпускаем, утверждена министерством, и нам никто не позволит изменять государственные стандарты. И потом, строители, которые имеют на руках типовые проекты жилых и служебных зданий, просто не примут от нас нетиповые детали. Ни министерство, ни заказчики не позволят нам произвольно изменять утвержденные проекты зданий. И кроме всего прочего, завод мгновенно собьется с ритма, снизится производительность труда: изготовление новых деталей потребует от рабочих определенного навыка. Короче говоря, только что с таким трудом налаженное производство начнет давать перебои, спотыкаться...

И так увлекся проектами Любомудрова, что не заметил, как пришел главный инженер Архипов. Наверное, он некоторое время стоял за моей спиной и тоже смотрел на чертежи, потому что первые его слова были такие:

— Талантливый парень этот Ростислав, но...

— Но проект его, вы хотите сказать, для нас неосуществим? — спросил я.

Архипов уклонился от прямого ответа. Улыбнувшись, он сказал:

— Мне нравится его идея.

— Мне тоже, — признался я.

— И тем не менее вы положите проект под сукно.

— Я возьму его в Москву и покажу в министерстве, — сказал я.

— Там его тоже положат под сукно, — усмехнулся Архипов. — Наша задача не экспериментировать, а выпускать готовую продукцию, которую от нас ждут.

— И все-таки я верю, что придет такое время...

— Любомудров не будет ждать, — перебил Архипов, схватив мою мысль на лету. — Я полагаю, что он и остался на заводе лишь потому, что рассчитывал внедрить свой проект в жизнь, хотя я ему и говорил, что это пустая затея.

— Вы только посмотрите, какие он спроектировал дома? — кивнул я на разложенные ватманы. — И ведь не такая уж большая ломка типового проекта. На один дом — пять-шесть новых оригинальных форм, а какая разница? Разве можно сравнить вот этот изящный удобный дом с типовой плоской коробкой, которую мы выпускаем?

— Я знаком со всей документацией, — сказал Архипов. — И будь я на вашем месте...

— Рискнули бы? — быстро взглянул я на него.

— Нет, не рискнул бы, — твердо сказал Архипов. — Сейчас — это было бы безумием. Нас никто бы не понял.

— А потом? Ну, через год или два?

Архипов отошел от стола, как бы подчеркивая, что с этим покончено, взглянул в окно и снова повернулся ко мне. Лицо его тронула смущенная улыбка.

— Максим Константинович, сегодня у нас небольшое семейное торжество... Если у вас вечер не занят, мы с женой просим к нам...

— Спасибо, но вы не ответили на мой вопрос.

Архипов пригладил узкие светлые усики, посмотрел на меня спокойными серыми глазами.

— Хорошо, я вам отвечу. Мое мнение — перестройку технологического процесса лучше всего начинать сейчас, пока завод не набрал полной мощности, но мы-то с вами понимаем, что это невозможно. И никто нам не разрешит! А потом... потом будет гораздо труднее... Легче ведь заткнуть в плотине дыру, пока она маленькая, а когда прорвет — уже не остановишь поток...

— Сейчас, когда есть такая возможность, нельзя ничего изменять, иначе нам головы снимут, а потом даже и такой возможности не будет? — подытожил я.

— К сожалению, не мы с вами разрабатываем перспективные планы развития народного хозяйства.

— И плохо, что не мы! На месте-то виднее, что делать. Я за то, чтобы директору завода дали полную свободу в решении вот таких вопросов. — Я и сам почувствовал, что мои слова прозвучали излишне горячо и резко. На лице Архипова промелькнула и тут же исчезла неуловимая улыбка. Я не понял, сочувствует он мне или, наоборот, в душе смеется над моей мальчишеской горячностью.

Он так ничего и не ответил, лишь пожал плечами, дескать, подобные проблемы бесполезно обсуждать.

— Я возьму проект в Москву, — остывая, сказал я.

— Максим Константинович, вы тоже не ответили на мое приглашение, — мягко напомнил Архипов.

— С удовольствием приду к вам, — сказал я. И это была истинная правда: гостиница надоела мне до чертиков! И перспектива провести вечер в семейном доме меня вполне устраивала, и потом, Архипов мне нравился. Хотелось посмотреть, каков он в домашней обстановке: такой же спокойный и уравновешенный? Или вдруг откроется совершенно с неожиданной стороны, как часто случается при встречах с малознакомыми людьми... Я поймал себя на том, что мое желание получить узнать человека ничего общего не имеет с вполне допустимым интересом руководителя к своему подчиненному. С какой стати я поперся домой к Кривину? Как будто и так было не ясно, что это за тип?..

— Кстати, у нас будет и Ростислав Николаевич... — прервал мои размышления Архипов. Он осторожно по-

гладил ватман, лежащий на столе.— Жаль будет, если он уйдет с завода.

Архипов ушел. Я потянулся к телефонной трубке, но тут дверь отворилась, и вошел Тропинин.

— А я как раз тебе звонить собрался,— сказал я.

Тропинин нагнулся над чертежами:

— Что это у тебя за выставка?

Я подошел к столу и, тыча тупым концом карандаша в чертежи, увлеченно стал рассказывать о проектах Любомудрова. Несколько раз Анатолий Филиппович хотел прервать меня — у него было ко мне какое-то свое дело,— но потом мой рассказ захватил его.

Мы продвигались вдоль длинного стола для заседаний и внимательно рассматривали каждый ватман. Тропинин часто переспрашивал меня — он был не специалист этого дела, но объяснения мои правильно схватывал... А я опять поймал себя на мысли, что чересчур уж близко к сердцу все это принимаю. И не столько убеждаю Тропинина, сколько самого себя в пользу проектов Любомудрова...

— Так давай остановим завод и переоборудуем оба основных цеха? — загорелся Тропинин.— Разве эти красавцы дома сравнить с нашими сараями?

Я рассмеялся, сразу отрезвев. А Тропинин — рискованный мужик! Интересно, будь он на моем месте, решил бы на такую перестройку?..

Уже другим, спокойным тоном я образно нарисовал ему картину того, что произойдет, если мы плюнем на государственное задание, на наших заказчиков и начнем партизанить...

— Черт возьми, а жаль...— пробормотал он, задумавшись.

— Чего жаль?

— Обидно, что эти дома,— он кивнул на ватманы,— останутся на бумаге...— прошелся по кабинету и вскинул на меня загоревшиеся, живые глаза.— Давай хоть один такой дом соберем в нерабочее время и выставим на территории рядом с нашей спичечной коробкой?! Пусть все посмотрят, что мы делаем и что мы можем делать.

— А это идея,— улыбнулся я и не стал ему объяснять, что для того, чтобы сделать детали даже для одного оригинального жилого дома, нужно варить новые формы, изменять на поточной линии всю конвейерную технологию...

Пока я собирал со столов ватманы в большую серую папку, Тропинин рассказывал мне о том, что на той неделе состоится заводское комсомольское собрание, на котором пужно выбрать секретаря. Горком комсомола рекомендует молодого инженера-плановика Саврасова...

— Послушай,— с улыбкой перебил я.— У нас тут весь Русский музей собрался: Васнецов, Тропинин, Саврасов... Не хватает только Репина!

— Репина нет,— без улыбки ответил Анатолий Филиппович,— а Суриков есть. В арматурном цехе работает... Так вот я не очень-то верю в Саврасова. Не спорю, хороший инженер и от общественной работы не бегаёт, но, понимаешь, Максим Константинович, нет в нем, как бы это сказать... стержня, что ли. Куда ветер подует, туда и он...

Я несколько раз видел Саврасова — правда, на фамилию его я тогда не обратил внимания,— мне он казался выдержанным, толковым инженером.

— А кого ты предлагаешь? — поинтересовался я.

— Вот тут-то и вся загвоздка,— вздохнул он.— На кого я рассчитывал, наотрез отказывается...

— Не верю, Анатолий Филиппович, чтобы ты не смог уговорить...

— Его жену угораздило в прошлом месяце тройню родить! — выпалил он.— Об этом в нашей газете писали...

— Причина уважительная,— рассмеялся я.

— Саврасов в приемной...— сказал Тропинин.— Я его сейчас позову, и потолкуем с ним по душам... Может, я и ошибаюсь? Он ведь член горкома комсомола, а там, как видишь, его ценят...

У Архипова отмечался день рождения его жены Валерии Григорьевны. Предполагая нечто в этом роде — Архипов не сказал, что у них там за праздник,— я зашел в магазин и купил красивую керамическую вазу, которую и вручил виновнице торжества.

Валерии Григорьевне исполнилось тридцать два года, о чем она и сообщила без тени женского жеманства. Выглядела она гораздо моложе своих лет: я ни за что не дал бы ей больше двадцати пяти. Зеленое платье подчеркивало ее девически стройную фигуру. Короткие, открывающие высокую белую шею темные волосы были заколоты на затылке белым гребешком с блестящими камнями, в

карих глубоких глазах мельтешат огоньки. Лицо несколько вытянутое, с острым подбородком, маленький нос чуть-чуть вздернут, что придавало молодой женщине задорный вид.

— Я вас представляла себе совсем другим.— Это были первые слова, которые я от нее услышал.

— Каким же? — поинтересовался я.

— Вы такой молодой,— окинув меня оценивающим взглядом, она улыбнулась,— и современный.

У нее была привычка во время разговора, чуть склонив набок голову, пристально смотреть в глаза и покусывать пухлую нижнюю губу. Невольно казалось, что за обычными, ничего не значащими фразами стоит нечто большее, о чем ты должен догадываться сам.

Гостей было немного: из заводских — я, Любомудров, инженер-плановик Геннадий Васильевич Саврасов с женой — я и не предполагал, что через несколько часов после нашей продолжительной беседы у меня в кабинете снова встречу с ним на вечеринке, и еще две незнакомые пары. Архиповы познакомили нас, но, как это всегда бывает, я тут же забыл, как их звать. Стол был накрыт в квадратной светлой комнате с хрустальной люстрой на низком потолке. У Архиповых была неплохая двухкомнатная квартира. Мебели очень мало, зато много застекленных книжных секций. В основном, как я заметил, они собирали книги по искусству, кино, театру. Была и художественная литература: собрания сочинений Достоевского, Драйзера, Чехова, Тургенева. У стены желтое малогабаритное пианино «Петроф». Пожимая тонкую белую руку Валерии Григорьевны, я обратил внимание, что у нее длинные музыкальные пальцы. Очевидно, на пианино играет она. Мне трудно было представить за этим маленьким полированным пианино долгового, с негнущейся спиной Валентина Спиридоновича Архипова.

Когда все уселись за стол, Валерия Григорьевна хватилась, что нет Любомудрова. Изящно выскользнув из-за стола, она вышла из комнаты и немного погодя за руку привела хмурого неулыбчивого Ростислава Николаевича.

— Окопался с Полем Гогеном на кухне, — сообщила хозяйка.— И забыл про все на свете.

В руках у Любомудрова была большая желтая книжка «Письма Поля Гогена». Он с сожалением поставил ее на полку и уселся на единственный свободный стул рядом с

женой Саврасова. Признаться, я ему не позавидовал: более неприятной женщины я не встречал. Круглое надменное лицо, совиные глаза с белыми ресницами зорко следят за каждым движением моложавого худощавого мужа. И не только за движениями, но и за взглядами: стоило Генпадию посмотреть на какую-нибудь женщину, как его жена мгновенно перехватывала его взгляд и, не мигая, уничтожающе смотрела бесцветными круглыми глазами на мнимую соперницу. И жирный двойной подбородок ее трясся от негодования. Я от всей души пожалел бедного Саврасова, этого мягкого, вежливого человека с пышной коричневой шевелюрой и добрыми серыми глазами, спрятавшимися за толстыми стеклами очков. Рядом со своей массивной фурией женой он выглядел провинившимся мальчиком-подростком, которого в любую минуту могут поставить в угол. Бывают же на свете такие нелепые пары! Если в одном человеке сосредоточились ум, доброта, человечность, то в другом: глупость, самодовольство и жестокость. И вот живут два таких непохожих существа и считают, что так и надо. Бывает и так: тот, кто с первого взгляда активно нам не понравился, при дальнейшем знакомстве оказывается милейшим человеком. С Альбиной, женой Саврасова, ничего подобного не произошло: чем больше я ее узнавал, тем больше она мне не нравилась. Из всех присутствующих лишь жена Архинова с ней находила общий язык. Больше никто не пытался вступать с надменной Альбиной в беседу. В том числе и собственный муж.

Когда Любомудров — ее сосед по столу — достал сигареты и закурил, Альбина наморщила свой крошечный курносый нос и голосом, напоминающим воронье карканье, сварливо произнесла:

— Я не выношу запаха табака... — и чтобы несколько смягчить свою резкость, прибавила: — Если бы вы знали, сколько мне стоило трудов отучить мужа от этой дурной привычки.

В это было трудно поверить: казалось, стоит ей прикрикнуть — и муж не только бросит курить, но и дышать перестанет...

Любомудров извинился и, скомкав сигарету, сунул ее в бронзовую пепельницу.

Геннадий Васильевич хотел было встать, пробормотав: «Я на минутку...», но жена властно посадила его на место.

— Сейчас тост будут говорить! — сказала она.

Люди собрались воспитанные, и никто и вида не подавал, что замечает маленькую семейную сцену. Гости накладывали дамам на тарелки закуски, наливали в фужеры вино. Любомудров — сама любезность — налил Альбине шампанского, она в ответ нагнула голову, прибавив к двум подбородкам третий.

Архипов встал и, подняв бокал, сказал, что они с женой очень рады видеть всех нас у себя в этот день и первый бокал ему хочется поднять за свою жену...

Все встали, чокнулись с новорожденной и выпили, после чего Валерия, умоляюще сложив руки на груди, попросила:

— Ради бога, больше не надо никаких тостов в мою честь. Мы будем просто веселиться. танцевать, петь...

— Гена, подай мне апельсин, — потребовала Альбина.

Муж потянулся к вазе с фруктами и опрокинул фужер с шампанским. Фужер разбился, а шампанское залило брюки Любомудрову.

— Раззява! — прошипела Альбина.

— К счастью, к счастью! — воскликнула Валерия и, собрав осколки, побежала на кухню за тряпкой. Любомудров невозмутимо достал платок из кармана и вытер брюки. И пока растерянный Геннадий Васильевич хлопал глазами под толстыми стеклами очков, Любомудров, подождав, пока Валерия вытрет стол, налил из бутылки еще шампанского в другой фужер, достал апельсин и все это поставил перед Альбиной. На этот раз даже на ее невыразительном лице прорезалось что-то наподобие улыбки.

— Вы очень любезны, — каркнула она и с презрением посмотрела на несчастного мужа, ковырявшего вилкой в тарелке с винегретом. Она ничего не сказала, но не нужно быть и физиономистом, чтобы во взгляде ее можно было прочесть: «Дома я с тобой поговорю, мой милый!..»

«Черт побери! — думал я, глядя на них. — Лучше всю жизнь прожить холостяком, чем жениться вот на такой ведьме. Ведь она подавляет его, третирует на каждом шагу, а он молча все это терпит... А ведь неглупый мужик... Будет руководить комсомольской организацией завода... Все-таки как много в нашей жизни значит женщина! Умная, тонкая жена поднимает мужчину до такого уровня, до которого он бы сам не поднялся, а глупая, грубая, наоборот, и умного превратит в дурака...»

Где-то в глубине души у меня зашевелился червячок сомнения: правильно ли мы с Тропининым сделали, что поддержали его кандидатуру на пост секретаря?..

Любомудров, прихватив Гогена, ушел на кухню курить.

Я тоже вышел из-за стола.

Любомудров сидел на подоконнике. Сегодня он был в темном с искрой костюме, белой рубашке и галстукe, коричневая бородка аккуратно подстрижена. И еще я увидел на предпоследнем пальце левой руки красивый перстень с печаткой. Раньше этого перстня я не замечал.

— Я познакомился с вашими чертежами,— сказал я.

Он быстро взглянул на меня и снова уставился в окно. На губах мелькнула улыбка, однако он ничего не сказал.

— Все это очень интересно...— продолжал я, сам понимая, что слова мои бледные и звучат скучно,— но...

— Вот именно, все дело в «но»,— перебил Любомудров.

— Вы умный человек и понимаете, что никто нам сейчас не разрешит изменять технологию только что налаженного производства, но позднее, может быть...

— Может быть! — усмехнулся он и на этот раз пристально и внимательно посмотрел на меня.— Год, два, а может быть, и больше мы будем штамповать коробки, в которых и жить-то людям будет скучно, а потом может быть!.. А может и не быть! Дорога ложка к обеду, товарищ директор...

— А что вы предлагаете? — спросил я, понимая, что возразить мне нечего.

Любомудров отвернулся к окну, выпустил сизую струю дыма, скомкал сигарету и вышвырнул в форточку.

— Взгляните, какой снег,— помолчав, сказал он.— Еще с деревьев листья не облетели, и снег.

За окном падал снег. Густой, крупный. Падал медленно и бесшумно. И не таял. Все вокруг стало празднично белым: крыши зданий, тротуары, скверы перед домами, деревья. В снежной круговерти туманно светились окна домов. Мне захотелось высунуть руку в форточку и поймать на ладонь снежинки. Такое желание одновременно возникло и у Ростислава Николаевича: он встал на подоконник и по плечо выставил руку в форточку, но снежинки не пожелали приходить к нам в гости — все до единой растаяли на его ладони.

— Мне хочется, чтобы люди жили в красивых удобных домах,— сказал Любомудров.— И это сделать в наших силах. Я еще в институте ломал над этим голову. Почему раньше строили на века? Возьмите Ленинград? Да и другие города. А сейчас мы строим на двадцать—тридцать лет вперед, а потом все эти примитивные постройки нужно к черту спосить и строить заново. Я понимаю, людям необходимо жилье и, конечно, многоэтажную коробку можно в несколько раз быстрее построить, чем добротное красивое здание. И потом, коробку в сто раз легче спроектировать, чем оригинальное современное здание, непохожее на другое... Все это я понимаю, но простите, решительно не принимаю! По-моему, сейчас архитекторам просто делать нечего... Если так пойдет и дальше, эта старинная почетная профессия выродится... Нужен ли талант, чтобы спроектировать, например, такой дом, в котором мы сейчас с вами находимся? Нужно строить прочно, добротно, красиво! Люди, которые получили отдельные квартиры в новых домах, безусловно, считали себя счастливыми. Еще бы, выбраться из коммунальной дыры в отдельную квартиру! Не беда, что потолки два с половиной метра, в кухне не повернуться, а звукоизоляция такая, что слышно, как сосед за стеной в постели ворочается. Главное, отдельная квартира! Прошло несколько лет, и люди возненавидели свои отдельные квартиры. Сейчас они снова рвутся в центр, и некоторые готовы обменять отдельную квартиру снова на осточертевшую коммунальную с трехметровыми потолками и прочными капитальными стенами. Я убежден, что дешевизна типовых многоэтажных зданий — это кажущаяся дешевизна. Наспех построенные дома уже через несколько лет требуют капитального ремонта, а в будущем вообще пойдут на снос, так не лучше ли сразу строить настоящие дома, которые будут стоять века? Как храмы и соборы? Пусть это будет медленнее, но зато прочнее, красивее и долговечнее. Когда я попадаю в новые жилые районы, мне становится тоскливо: сплошное однообразие. Сотни домов-близнецов! Тысячи! Хотя, безусловно, в новостройках есть и свои преимущества: простор, воздух, зеленые насаждения.

— Я полностью с вами согласен,— сказал я.— Но проект ваш пока неосуществим. Можно все понимать, соглашаться, но остановить запущенную машину мы не можем, и, по-моему, вы это тоже отлично понимаете.

— Понимаю,— бесцветным голосом подтвердил Ростислав Николаевич.— И от этого вдвойне грустно.

— Я на той неделе еду в Москву с квартальным отчетом и покажу в министерстве ваш проект. Он мне нравится.

Любомудров промолчал, не выразив ни радости, ни сожаления.

— С чего-то начинать надо...— сказал я.

Он снова взглянул на меня темно-серыми глазами и улыбнулся.

— Спасибо,— сказал он.— И хватит о проекте, а го хозяйка обидится...

Стол был отодвинут к окну, и гости танцевали под звуки пианино. Улыбающаяся Валерия сидела за инструментом. Саврасов танцевал со своей женой. Ростом Альбина была выше его почти на полголовы, да и толще в два раза. Танцевали они молча, не глядя друг на друга. Архипов с бокалом шампанского стоял у пианино и с улыбкой смотрел на танцующих.

Валерия играла легко, с удовольствием. Пальцы ее так и летали над клавишами, едва касаясь их.

— Ваша жена превосходно играет,— заметил я.

Архипов чокнулся со мной и, улыбаясь жене, сказал:

— За тебя, Валерия!

Она взглянула на нас и в знак признательности наклонила голову. На губах легкая улыбка. И снова мне показалось, что в ее взгляде какая-то недоговоренность. Мне было приятно, что они такая славная пара. А это было сразу видно, так же как видно, что Геннадий Саврасов и Альбина совсем не подходят друг другу. На остальных гостей я как-то не обращал особенного внимания и не задумывался об их супружеских взаимоотношениях. В том же, что Архиповы на редкость счастливая пара, у меня тогда никаких сомнений не было...

Потом я танцевал с Валерией.

Она танцевала легко, угадывая малейшее движение партнера. Ее смуглые руки были обнажены до плеч, от пушистых волос пахло жасмином. Немного приподняв голову, она открыто и дружелюбно смотрела мне в глаза. Возле немного расширенных зрачков щедро рассыпаны янтарные крапинки.

— После Ленинграда, наверное, скучаете здесь? — спросила она.

— Я и там скучал,— сказал я.

— Дело не в городе,— согласилась она,— а в нас самих... Валентина после института направили в Ржев. Там Островский написал «Грозу». Старинный патриархальный городок, в нем есть своя прелесть. Хотя я и коренная москвичка, а по-настоящему была счастлива в Ржеве...

— А как вам правятся Великие Луки?

— Здесь летом очень хорошо: много зелени, Ловать... А какие пригороды! Мы с Валентином почти каждую субботу выезжали в Опухлики. Удивительно живописное место на берегу озера Большой Иван. А какие там сосны... Что я вам рассказываю...— спохватилась она.— Ведь вы родом отсюда.

— Почти двадцать лет я не был тут,— сказал я.— Хотя сейчас мне кажется, что тоже по-настоящему был счастлив только в этом городе.

— Любовь?— осторожно спросила она и тут же отвела глаза, как бы давая мне право не отвечать на этот вопрос.

— Неудачная любовь,— усмехнулся я.

— Когда приходит любовь — это прекрасно,— сказала она.— А удачная она или нет — это уже другое дело... Скажите мне: бывает удачная, благополучная любовь?

— Вот у вас, например...

Она пристально посмотрела мне в глаза, уголки губ дрогнули в легкой мимолетной улыбке.

— Вам, мужчинам, в гостях тот же самый хлеб с сыром кажется гораздо вкуснее, чем дома...

Ее слова меня озадачили: это как понимать? Просто пустая реплика или намек на какие-то внутренние семейные сложности? Я всегда радовался, встречая дружные семейные пары. Когда в такой семье царит мир и любовь,— и у самого на душе становится легче и радостнее. Зато какую тоску нагоняют ненавидящие друг друга супруги! Встретив свежего человека, они с двух сторон набрасываются на него и начинают один другого поливать грязью. Побывав у таких людей раз в гостях, во второй раз ни за что не пойдешь. Особенно бывает не по себе, когда они, не обращая на тебя внимания, без всякого стеснения примутся ругаться. Не знаю, как другие, а я в таких случаях шапку в охапку и за порог... И потом еще долго не избавиться от неприятного ощущения, будто босой ногой в грязь наступил...

— А почему вы не женаты?— спросила Валерия.

— Жениться — это значит наполовину уменьшить свои права и вдвое увеличить свои обязанности,— усмехнулся я.— Это сказал известный женоненавистник Шопенгауэр.

— В таком случае вам больше подходит изречение Оскара Уайльда: любовь к самому себе — роман, длящийся всю жизнь...— рассмеялась Валерия.

— Я давно знаю, что закоренелые холостяки в глазах женщины всегда выглядят подозрительно... Действительно, какое имеет право мужчина уклоняться от самим богом предназначенной ему женщины? Я был женат, но неудачно. Не всем же везет, как вам с мужем?

Она снова пристально посмотрела в глаза и улыбнулась:

— Уже позавидовали? В таком случае вы еще не потерянный для семейной жизни человек!

— Вы думаете?

Валерия бросила взгляд через мое плечо и сказала:

— Вон еще стоит одно сокровище. Скоро тридцать, а он все в холостяках гуляет...

Я оглянулся: у стены стоял Любомудров и смотрел на нас. И взгляд у него был напряженный, я бы даже сказал — несчастный. Мне даже показалось, что он и не видит нас вовсе.

— Женщины сейчас сила,— продолжала Валерия, ловко отворачивая меня в сторону: я чуть было не налетел на танцующую пару.— А умная женщина любого мужчину в практических делах за пояс заткнет... вам не кажется, что наступает век матриархата?— она рассмеялась.— У вас даже лицо вытянулось... Как вы боитесь утратить свою мнимую власть над женщиной! А того и не подозреваете, что женщины давно уже держат вас в руках, только вы этого не замечаете...

— Почему не замечаем?— осторожно кивнул я на Саврасовых.

— Это не та власть...— усмехнулась Валерия.— Это типичный деспотизм. Настоящую власть умной женщины мужчина никогда не почувствует... Он сделает все, что ему скажет женщина, и вместе с тем будет думать, что все ответственные решения он принимает самостоятельно...

«Черт возьми! — думал я, танцуя с ней.— А в этой маленькой нежной женщине железная воля...»

— А ваш муж...— начал было я, но она мягко перебила:

— Мой муж умный человек.

— Кем же вы тогда руководите?— задал я прямой вопрос.

— Сейчас?— ловко увернулась она от такого же прямого ответа.— Вами...— и, сжав мое плечо тонкими сильными пальцами, повернула в другую сторону — я опять чуть было не налетел, только на этот раз на другую пару.

— Ростислав Николаевич опять сбежал на кухню,— сказал я, заметив, что Любомудрова нет на месте.

— Он почему-то всегда у нас чувствует себя неуютно,— сказала Валерия.

— Странно, у вас так хорошо.

— Ростислав вообще немного странный человек...— сказала она.— Вы не находите?

— Мне он нравится,— ответил я.

Валерия весело рассмеялась. Янтарные пятнышки в ее глазах плясали.

— В таком случае вам мой муж должен не нравиться!

— Простите, я не вижу здесь никакой логики,— озадаченно ответил я.

— А вы и не ломайте над этим голову... Существуют в жизни такие вещи, в которых даже философам очень трудно разобраться...— она взглянула на меня смеющимися глазами.— Давайте выпьем шампанского? На брудершафт? Не смущайтесь, мой муж совсем не ревнивый...

Танцуя с Валерией, я приглядывался к двум незнакомым парам. Мужчины были примерно одного возраста, что-то около тридцати пяти, женщины несколько моложе. Лица у женщин были такие будничные и обычные, что встретить я их завтра на улице, вряд ли узнал бы. Я стал вспоминать, как их всех зовут, но так и не вспомнил. Один мужчина был невысокий, светловолосый, с приятным открытым лицом, второй — выше ростом, с горбатым носом и просвечивающей сквозь темные, зачесанные назад волосы лысиной. Когда мы оказались от танцующих на приличном расстоянии, я тихо поинтересовался у Валерии, кто эти товарищи.

— Заместитель начальника городской милиции и заведующий кафедрой филологии пединститута,— сообщила она.

— Улыбающийся блондин — ученый, а горбоносый со стальными глазами — заместитель начальника, — мгновенно сориентировался я.

— Как раз наоборот, — рассмеялась она. — Вот они плоды поспешных выводов...

Моя наблюдательность явно мне изменила. По-видимому, большинство наших ошибок происходят от нашей излишней самоуверенности. А почему бы этому голубоглазому симпатичному мужчине не быть заместителем начальника городской милиции, а суровому, с проницательными глазами лысеющему брюнету — заведующим кафедрой института?..

Валерия рассказала, что заместитель начальника милиции Сергей Павлович Добычин закончил в Ростове университет, работал в школе, а потом по комсомольскому призыву был направлен в милицию. Оказался очень способным работником угрозыска и уже подполковник. А Михаил Андреевич Веревкин вдвоем с профессором палисали талантливый учебник по теории западной литературы. И еще она сказала, что оба они заядлые театралы. На этой почве и подружились семьями. Не пропускают ни одной новой постановки. Жаль, что нет гитары, а то Добычин под аккомпанемент Веревкина что-нибудь спел бы. У них это здорово получается, особенно когда оба поют.

— И что же они исполняют?

— Все.

— Завидую людям, которые умеют на чем-нибудь играть, — сказал я, взглянув на Архипова, склонившегося над клавишами. — Вы, наверное, с мужем в четыре руки играете?

Я и сам не знаю, зачем я задал этот глупый вопрос. Валерия быстро без улыбки взглянула на меня, и мне даже показалось, что она сделала такое движение, будто хотела остановиться посередине комнаты и, оставив меня одного, повернуться и уйти, но тут Архипов каскадом сильных ударов по клавишам завершил фокстрот и встал.

— Валерия, спасай! — улыбнулся он жене и помахал пальцами. — Не гнущся.

— Мой муж редко садится за пианино, — сказала Валерия.

Потом она ушла на кухню и принесла поднос с маленькими белыми чашками. Любомудров молча поставил

на стол вазу с печеньем, а сам уселся на стул и снова раскрыл Гогена. Валерия бесцеремонно отобрала книгу и спрятала в нижнюю секцию. Любомудров полез за сигаретами, но, взглянув на Альбину, снова засунул пачку в карман. С отсутствующим выражением на лице он уставился на занавешенное окно.

После кофе гости заторопились домой. Первым ушел Любомудров. По-моему, он уже с трудом высидел до конца. Я успел выкурить на кухне по сигарете с Добычинным и Веревкиным. Во время нашего короткого разговора выяснилось, что они не только театралы, но и рыбаки. И мы даже условились, что как-нибудь, когда станет лед, вместе выберемся на первую зимнюю рыбалку. Они знают одно озеро, где щука берет на живца, как сумасшедшая, а вот летом не очень. Я тоже расчувствовался и всех пригласил на новоселье: мне уже ордер в горисполкоме выписали на двухкомнатную квартиру в новом доме. Кое-кто уже въехал, а на моем этаже после приемной комиссии все еще устраняли разные недоделки. Квартира была светлая и выходила окнами во двор, что меня очень обрадовало: после заводского шума хотелось настоящей глубокой тишины, хотя бы за окном.

Вышли мы все вместе, но скоро мои новые знакомые, распрощавшись, свернули в переулок, а я один зашагал в гостиницу. Снег все еще падал, хотя и не такой крупный. Как-то непривычно было отпечатывать на девственно чистом тротуаре свои следы. В этом белом безмолвии город притих, преобразился. Даже самые невзрачные здания стали роскошными дворцами из новогодней сказки. Не слышно машин, не видно прохожих. Белыми ночными бабочками роились снежинки вокруг уличных фонарей. Снегу столько налипло на проводах, что он иногда сам по себе срывался и падал под ноги. Причем не так, как обычно падает снег, срываясь с крыши, а неторопливо и бесшумно, как при замедленной съемке. Как будто для него не существует закона притяжения. У автобусной остановки я увидел парочку. Парень и девушка обнимались, а на их шапках, воротниках налип снег. Когда я проходил мимо, они даже не пошевелились. Оказывается, влюбленным тепло не только при луне, но и в снегопад.

Заставив яростно плясать в ярком свете фар снежинки, прошелестела мимо машина, а вслед за ней, какой-то

одинокий и печальный в снежной свистопляске, тихо промурлыкал большой, облепленный снегом автобус. И снова стало тихо, так тихо, что я услышал, как под карнизом возвышающегося надо мной здания завожился во сне голубь.

То ли приятно проведенный вечер, то ли падающий в городе тихий снег повлияли на мое настроение, но, поднимаясь по ковровой дорожке к себе в номер, я напевал ту самую красивую мелодию из какого-то фильма, которую мастерски сыграла на пианино Валерия.

Часть третья

1

Что-то последние годы стало непонятное твориться с погодой. Вроде бы, как и раньше, исправно вращается вокруг солнца наша древняя планета, плывут по синему небу облака, грохочут грозы, из узкого серпа месяца в положенный срок нарождается желтощекая красавица луна, могучие таинственные океанские турбины точно по графику накатывают на размытые берега приливные волны, все те же в ясные ночи мерцают над головой созвездия, а вот со сменой времен года что-то случилось. В сентябре выпадает щедрый белый снег, в ноябре ударяют пятнадцатиградусные морозы, а в декабре и январе идут дожди с грозами, на обочинах проклевывается молодая травка и даже тянутся к солнцу бледные цветы, а в лесах из-под ржавых опавших листьев на свет божий появляются пежлые сыроежки. Конечно, свежие грибы к повогодному столу — это прекрасно, но когда за мокрым окном не снежинки кружатся, а сыплется дождь, в душе пробуждается какое-то беспокойство и разукрашенная сверкающая елка кажется случайной гостьей, сбившейся с пути и нечаянно забредшей в твой дом. Испокон веков в средней полосе России в новогоднюю ночь было белым-бело и трещали крепкие морозы. А теперь вот уже четвертый год подряд я встречаю Новый год под стук дождя в окно. И не морозные елочные лапы пышным цветом расцвели на окнах, а мутные извилистые струйки бегут по запотевшим стеклам.

Новый год я встречаю вдвоем с Ниной. Она сообщила мне о своем приезде 30 декабря. Меня пригласили к себе Архиповы, и поэтому в доме ничего не было. Пришлось 31 декабря наводить порядок в квартире, мотаться по

магазинам, стоять в длинных очередях. Как бы там ни было, к половине одиннадцатого вечера стол был накрыт, шампанское стояло в холодильнике, в углу в тележном колесе красовалась настоящая зеленая елка, и вся комната благоухала лесом, запахом хвои, морозной свежестью.

Это мой шофер Петя Васнецов привез ее из лесу и где-то по дороге подобрал выброшенное колесо. Отмыл грязь, отскоблил и приспособил вместо крестовины под елку. И надо сказать, получилось красиво. Недаром у Пети фамилия Васнецов, есть у него художественное чутье... На елку я повесил ядреные яблоки и мандарины, на колесо набросал ваты и к тонкому стволу прислонил деда-мороза, которого сам смастерил из подаренной мне знакомым ленинградским художником языческой деревянной скульптурки, которую он сделал сам. У деда-мороза был восточный разрез глаз и огромные оскаленные зубы. И вообще он больше напоминал разбойника из детской сказки.

Я даже раздобыл в цветочном магазине гвоздику. Засунул букет в деревянный туесок из-под меда — вазы у меня не оказалось.

Нина приехала вечерним и, переступив порог моей новой квартиры, бросилась на шею.

— Мне у тебя нравится, — еще не раздевшись, заявила она. — Какая чудесная елка!

В коротком шерстяном коричневом платье, высоких мягких сапогах, которые пятакиваются на ноги, как чулки, оживленная и порозовевшая с улицы, она, блестя черными глазами, стремительно двигалась по комнатам, распространяя запах хороших духов. И хотя у меня почти не было никакой обстановки, Нина восторгалась цветными шелковистыми шторами, картиной в старинной буквой рамке, которую я купил в комиссионном магазине. Это был лесной пейзаж. Опушка леса, стог сена, толстые ели, сосны, березы. В общем, глухомань. Я как только увидел в магазине этот спокойный пейзаж неизвестного художника, так сразу влюбился в него.

Разбирая чемодан, Нина заодно выкладывала свои последние ленинградские новости: художественный совет утвердил ее эскиз нового фасона зимнего платья... Где-то на Саперной улице обвалился один этаж старого дома, жертв почти не было, потому что почти все были на ра-

боте, идет новая постановка: билетов не достать... Не вникая в смысл слов, я с удовольствием слушал ее приглушенный грудной голос, наблюдал за плавными гибкими движениями ее тоненькой стройной фигуры. Лицо чистое, свежее, без единой морщинки под глазами. Красивые волосы распущены. Нина тщательно следила за своей внешностью. Мне всегда нравились высокие, крепко сбитые женщины. Нина была исключением. Нельзя было сказать, что она худая, как палка. При всей своей худощавости и хрупкости у Нины была красивая фигура. Она как-то сказала мне, что вычитала в одном иностранном журнале, что средний вес современной европейской женщины меньше, чем вес русской женщины на четырнадцать килограммов. Так вот, Нина выдерживала европейский стандарт.

Глядя на нее, я подумал, что неплохо, если бы она осталась у меня насовсем. Хотя она и говорила, что замужество ей ни к чему, все это ерунда: если по всем правилам повести атаку, Нина сдастся. В конце концов, наши разговоры о женитьбе носили чисто теоретический характер. По-настоящему я не делал ей предложения. В Ленинграде я редко бывал дома: командировки, разъезды, да и темп жизни там совсем иной — некогда предаваться грустным мыслям и скуке, а в Великих Луках все по-другому: я веду оседлый образ жизни. Заводские дела отнимают у меня большую часть дня, а вечера свободные. В театре я просмотрел почти все спектакли сезона: Архиповы в этом смысле взяли шефство надо мной. И надо сказать, театр в городе неплохой и актеры подобрались приличные.

С месяц я с удовольствием занимался благоустройством своей новой квартиры: покупал разные вещи, приколачивал в ванной и на кухне полки, клая несокрушимый железобетон, долбил шлямбуром дырки в капитальных стенах, развешивал любимые офорты и картины, которые вот уже много лет при случае покупал, сам выстругал, покрасил лаком и приколотил к стене большую книжную полку. В секциях мои книжки уже не помещались. А когда все это сделал, заскучал. Домой меня вечерами перестало тянуть: какая радость одному в большой, пусть и благоустроенной, квартире?

С тех пор как я уехал из Ленинграда, у меня не было ни одной женщины. И последнее время я все чаще и

чаще вспоминал Нину. Бывая в цехах и заводоуправлении, я иногда останавливал взгляд на девушках и молодых женщинах. И, наверное, в моем тоскующем взоре было нечто такое, что несколько озадачивало женщин, вызывая у них тоже ко мне интерес. Ни капли не смущаясь, некоторые из них оценивающе разглядывали меня, вызываясь улыбались. Я спохватывался — все-таки я директор и нечего пялить глаза на молодых работниц — и, не оглядываясь, уходил, провожаемый их взглядами. Как-то в заводской столовой я снова увидел Юльку. Она сидела за столом с тремя девушками. Одну из них я узнал — Машу, дочь уволенного мною с завода Кривина. Я поздоровался с ними. Юлька улыбнулась, сверкнув белыми зубами, а Маша без улыбки внимательно посмотрела на меня. Обедая за другим столом, я несколько раз ловил на себе пристальный и, как мне показалось, недобрый взгляд этой девушки. «Уж не за отца ли на меня обижаются? — подумал я. — Только вряд ли, она привыкла, что его часто увольняют...» И потом, встречая в цехе или в коридоре заводоуправления Машу, я всегда наталкивался на ее пристальный серьезный взгляд. Такое впечатление, что она хочет мне что-то сказать, но не решается. Маша была постарше Юльки и совсем неинтересная: грузная фигура, крупная голова на короткой шее, светленькие завитые волосы, толстый нос, но у нее были умные серые глаза и очень белая кожа. Возможно, если бы она со вкусом оделась, то стала бы симпатичной. Хотя ноги у нее и полные, но довольно стройные.

Всякий раз при мимолетной встрече с Юлькой я надолго выбивался из колеи: Юлька по-прежнему остро, до щемящей боли, напоминала мне Рысь... Несколько раз я специально приходил в формовочный цех, где она работала на мостовом кране, надеясь увидеть ее, но Юлька журавлем в небе проплывала на своем кране и не замечала меня. Огромная бетонная панель, зацепленная крючьями за арматурные петли, будто самолетное крыло, скользила над прокатным станом, волоча за собой неровную колеблющуюся гень. Как-то я завел разговор о Юльке с начальником цеха Григорием Андреевичем Сидоровым. Собственно, даже не о ней, а вообще о молодежи: как работают, отдыхают, где учатся... Харитонов, тот самый верзила, что рассказывал анекдоты про Чапаева, прекрасно играет на гитаре, танцует и учиться в вечер-

нем индустриальном техникуме. Неделю назад его назначили бригадиром. Я только подивился про себя: Леня Харитонов произвел на меня совсем другое впечатление: мне он показался типичным зубоскалом, разболтанным и равнодушным к своему делу. Где же моя интуиция, черт подери?! Худощавый паренек с девчоночьими глазами — его звать Вася Конев, — в этом году поступил в институт, избран в комитет комсомола... Может быть, Сидоров ничего и не сказал бы о Юльке, но, проследив за моим взглядом (я в этот момент смотрел на Юльку, притормозившую над нами), заметил:

— Родионова, по-моему, нигде не учится...

Вот как, ее фамилия Родионова!

— ...В художественной самодеятельности участвует, — продолжал начальник цеха. — Поет, танцует... Вы бы посмотрели, как она пляшет! Лучшая крановщица цеха... Вот только...

— Что только? — взглянул я на него, видя, что начальник замялся.

— Какая-то неактивная во всем остальном, кроме самодеятельности... Свое отработает — и до свиданья! Никакие общественные мероприятия ее не интересуют. Попросил я ее заметку в стенгазету написать — наотрез отказалась, а знаю, пишет стихи... Правда, никому не показывает...

«Откуда же ты знаешь, если не показывает?» — подумал я.

— И на язык остра... — продолжал Сидоров. — Любого как бритвой обрежет! Тут Саврасов сунулся было к ней с каким-то поручением — отскочил с красными ушами. Что она ему ответила, так и не сказал... А на сцене — артистка! Ее всегда на «бис» вызывают.

Действительно, Юлька пела и танцевала великолепно. Тридцатого декабря в заводском клубе состоялся праздничный концерт художественной самодеятельности. Довольно приличный хор исполнил несколько песен. Все девушки были в белых кофточках и черных юбках. Ребята — в вечерних костюмах. У каждого выпущен из верхнего кармашка пиджака аккуратный белый треугольник носового платка. Правофланговым возвышался Леонид Харитонов. Светлая вьющаяся челка косо спускалась на лоб. Вид у бригадира внушительный, как и подобает солисту.

Юльку я тоже сразу узнал: она стояла в первом ряду и была выше всех своих подруг. Я впервые увидел ее в юбке, а не в джинсах. Талия тонкая, стройные длинные ноги — ноги балерины. Наверное, Юльке наплевать на кавалеров, если она прячет такие красивые ноги в брюках... В хоре много симпатичных девушек, но Юлька выделялась из всех. И стояла она гордая, недосыгаемая, равнодушно глядя холодными светлыми глазами в зал...

Танцевала Юлька действительно здорово. Вихрем носилась по сцене в огненном азартном танце. Я сидел на первом ряду и видел, как покраснелось ее лицо, а глаза потеплели, засияли. Слышно было, как жесткая юбка шелкала ее по длиннущим ногам, потом раскрывалась, как зонтик, когда она приседала. Высокие блестящие сапожки на высоких каблуках, рассыпая по сцене барабанную дробь, выбивали чечетку. Вокруг Юльки крутились парни с завитыми чубами в шелковых красных рубашках с опояской, надрывался звучный баян, но весь зал не сводил глаз с Юльки. Я не слышал, что говорил мне на ухо сидевший рядом Архипов, танец захватил меня, я просто не мог оторвать глаз от этой девушки... Ей долго хлопали, вызывали снова и снова. Она не выходила из-за кулис и не кланялась, а зал гремел... Несколько раз ведущий бегал за ней, но всякий раз возвращался один и разочарованно разводил руками, дескать, танцовщица не хочет выходить...

Она так и не вышла. На сцену высыпали балалаечники и ударили по струнам...

И только тогда до меня стали доходить слова Архипова:

— ...ее смотрела сама Надеждина, когда у нас была на гастролях «Березка». Говорят, приглашала в свой ансамбль, но Родионова отказалась. А ведь какие могли быть у нее перспективы: слава, заграничные гастрольные поездки! Вы ведь знаете, каким успехом пользуется за рубежом наша «Березка»?

— Конечно, конечно,— сказал я.

— У нее талант,— продолжал Архипов.— Я как-то с ней разговаривал на эту тему, и знаете, что она мне заявила?

— И что же?

— Я, говорит, танцую, когда мне нравится, а мне не всегда нравится танцевать... А в ансамбле танцуют и тан-

цуют, без передышки. И утром и вечером. Не жизнь, а сплошной танец. Я через неделю возненавидела бы такую работу!..

— Может быть, она и права,— сказал я.

— Не знаю, не знаю,— покачал головой Архипов.— Не многие рассуждают, как она... Другая бы ухватилась за такую возможность обеими руками.

Архипов еще что-то говорил, но я уже снова не слышал его. Я вспомнил осень 1946 года, полуразрушенный клуб в городке, и Рысь в чудовищных тетушкиных туфлях и с красной помадой на губах... Герка-барабанщик наяривает палочками в барабан, трахает тарелками, а длинная угловатая девчонка с широко раскрытыми сияющими глазами зачарованно смотрит на меня и крепко сжимает мою ладонь горячей рукой... А в зале душно, тесно, нас толкают со всех сторон, но девчонка ничего не замечает, она танцует. Танцует в настоящем клубе с парнем первый раз в жизни...

Обо всем этом я думал в новогодний вечер, стоя в своей квартире у окна. На улице тихо шелестел дождь, и за моей спиной шумела вода: Нина наполняла ванну. Мои окна выходят во двор, где когда-то будет сквер, цветочные клумбы, детская площадка, а пока здесь кучи строительного мусора, зеленый дощатый фургон и развороченная бульдозером, продавленная толстыми шинами самосвалов, жирно поблескивающая в свете электрических лампочек мокрая земля. По узкой тропинке, протоптанной через пустырь новоселами, торопится человек в плаще и шляпе. В руках свертки, под мышкой поблескивают серебряной фольгой две бутылки шампанского. Человек ступил на тротуар и зашлепал к соседнему подъезду. Внезапно остановился и проводил взглядом большую пушистую кошку, сиганувшую из подъезда на улицу. Стыдливо оглянувшись, трижды сплюнул через плечо и юркнул в подъезд. Кошка вскарабкалась по доскам, прислоненным к фургону, на крышу и, брезгливо переставляя лапы по мокрому крашеному железу, не спеша пересекла крышу и исчезла во тьме. Гулко хлопнула дверь вниз, затем вторая глуше — и снова стало тихо.

В половине двенадцатого мы с Ниной сели за стол. Она уже успела переодеться, феном высушить свои длин-

ные пушистые волосы и теперь сидела на стуле и с улыбкой смотрела на меня. Я откупорил бутылку шампанского, налил в высокие хрустальные фужеры, которые мне посчастливилось купить в хозяйственном магазине, и приготовился уже было произнести какие-то значительные слова, но Нина опередила меня. Подняв сверкающий, искрящийся пузырьками бокал, она сказала:

— У тебя миленькая квартирка... Признавайся, были здесь женщины?

— Нина... — начал было я. — За полчаса до Нового года я хочу...

— А где музыка? — снова перебила она. — Заведи, пожалуйста, что-нибудь веселенькое.

Я встал и включил магнитофон. Нине не понравился музыкальный ансамбль «Песняры», который я любил, и мне пришлось доставать другие бобины с записями. Три раза я переставлял катушки, прежде чем отыскал запись, которая была Нине по душе.

А потом уже пора было пить за минувший год и ждать наступления Нового года. И я решил, что в новом году скажу Нине все хорошие слова, что вертелись у меня на языке, и на полном серьезе сделаю ей предложение. Хватит жить одиноким волком! Когда появилась женщина в доме, сама атмосфера изменилась: стало уютно, тепло и довольно просторная квартира показалась мне тесной...

Но случилось так, что я не сказал Нине эти хорошие слова...

2

Под какой-то тягучий блюз мы медленно кружились в комнате. Где-то внизу под нами и вверху, над головой, тоже гремела музыка, доносились голоса, топот. Праздник в самом разгаре. А за окном все так же моросил противный осенний дождик. Чтобы не видеть запотевшие мокрые окна, я задернул их шторами. Елка почему-то покосилась, а у деда-мороза отвалилась ватная борода, и он, стоя на тележном колесе, зловеще скалился на нас огромными красными зубами. Мне было хорошо с Ниной, и я сказал ей об этом. Уткнувшись лицом мне в плечо, она засмеялась. Я еще теснее прижал ее к себе, но она, отстранившись, уже без улыбки взглянула на меня.

— Я впервые встречаю Новый год вдвоем,— сказала она.

— Ну и как? — спросил я.— Нравится?

— Ты даже друзей еще здесь не завел?

— Я как-то не подумал, что тебе будет скучно,— скрывая досаду, сказал я.— Но все еще можно поправить... Мы на английский манер нагрянем с тобой к Архиповым... В Англии в Новый год никто никого не приглашает домой, но любой, кто ни придет,— желанный гость.

— То в Англии,— сказала она, но я видел, как заискрились радостью ее черные глаза.

Вот оно опять наше мужское самомнение! Я думал, Нине будет приятно провести новогодний вечер вдвоем, а ей вот скучно. А я-то думал, это будет совсем по-семейному... Нине хочется, чтобы кругом было много людей и ею любовались, приглашали на танцы, говорили комплименты. Вот какая она сегодня нарядная и красивая...

— Архипов будет рад,— сказал я.

— Может быть, не стоит? — сказала она.— Нам и вдвоем не скучно...

От Нины не отнимешь, она все-таки тактичная женщина.

— Тебе там понравится,— ответил я.

Мы оделись, я захватил с собой бутылку коньяка, шампанское и цветы для Валерии. И, шлепая по лужам, мы отправились к Архиповым. Нина достала из сумки складной зонтик, раскрыла, и капли звучно защелкали по нему. Наверное, смешно было видеть со стороны в повогоднюю ночь куда-то идущих людей с раскрытым зонтиком. Об этом я подумал потом, а когда мы, обходя глинистые желтые лужи, разлившиеся на нашем дворе, пробирались к тротуару, мне вовсе было не смешно. Мне было грустно.

У Архиповых ничего такого не произошло, что бы могло повлиять на наши отношения с Ниной, и все-таки что-то случилось. Нина быстро перезнакомилась со всеми гостями, охотно пила, танцевала, веселилась. Сумела даже расшевелить флегматичного Любомудрова. Он, кажется, два танца станцевал с ней и с вниманием слушал ее. Я видел, она понравилась всем: женщины охотно заговаривали с ней, а мужчины наперебой приглашали танце-

вать. Не забывала Нина и про меня: тоже нет-нет да и вытаскивала на середину комнаты или приносила фужер с шампанским, чокалась и, заглядывая в глаза, спрашивала, что это я сегодня такой мрачный. Тормошила за руку, кокетничая, приказывала улыбнуться. Я улыбался, в душе опасаясь, что моя улыбка точь-в-точь как у языческого идола, которого я переквалифицировал в деда-мороза, но даже по ее просьбе развеселиться не мог.

Подошла Валерия — она сегодня была тоже не очень-то веселая, и мы с ней поговорили.

— К вам приехала такая миленькая женщина, а вы совсем не обращаете на нее внимания, — улыбнулась она. — Смотрите, отобьют!

Нина как раз танцевала с Любомудровым. Блестя черными оживленными глазами и улыбаясь, она что-то рассказывала ему. Ростислав Николаевич, немного отстраняясь от нее — танцуя, Нина имела милую привычку прижиматься к партнеру, — вежливо слушал, однако взгляд у него был рассеянный.

— Вы тоже с мужем почти не танцуете, — заметил я.

— То с мужем, — сказала она.

Танец кончился. Архипов поставил новую пластинку и пригласил Нину. Исполняли битлсы одну из своих зажигательных песен. Две пары танцевали по старинке, как танцуют быстрый фокстрот, а Валентин Спиридонович и Нина показали класс модного современного танца. То, что Нина прекрасно танцует, я знал, но главный инженер удивил меня: он ничуть не уступал Нине. Юношей вертелся вокруг нее, приседал, извивался, в такт музыке все ускоряя темп, без усталости работал руками и ногами. Ему стало жарко, и он, расстегнув ворот белой рубашки, немного приспустил красивый галстук с широким узлом. Светлая прядь, нарушив безукоризненный пробор, спустилась на глаза. У Нины был достойный партнер. С ними, конечно, никто не мог состязаться. Все смотрели на изящную быструю пару и отпускали одобрителные замечания. А они и не слышали никого: горящими глазами смотрели друг на друга и яростно работали руками, ногами, всем телом.

Когда музыка смолкла, все гости зааплодировали. Архипов галантно поцеловал Нине руку и пошел переворачивать пластинку, а Нина, возбужденная и ничуть не уставшая, подошла к нам.

— Ваш муж потрясающе танцует,— сказала она, с интересом взглянув на Валерию.

— Это вы его вдохновили,— улыбнулась та.— С другими у него так не получается.

— А с вами? — спросил я.

— Мы давно не танцевали,— сухо ответила Валерия. И посмотрела мне в глаза своим странным взглядом. Эта женщина, даже не переставая приветливо улыбаться, могла любого осадить, поставить на место, как, например, меня сейчас.

Заиграла музыка, и я пригласил Валерию. Нина с улыбкой проводила нас взглядом, и я понял — она рада, что я не пригласил ее. Танцор я не ахти какой, и после такого триумфа кружиться со мной в вальсе было бы скучно.

— Почему бы вам не жениться на ней? — сказала Валерия. Рука ее доверчиво лежала на моем плече, а карие глаза пристально смотрели на меня. На этот раз доверчиво и открыто. Наверно, на моем лице отразилось смещение, потому что она тут же прибавила: — Это шампанское... Я задаю вам нетактичные вопросы!

— Вы попали в самую точку,— неестественно бодрым голосом сказал я.— Действительно, почему бы мне не жениться? Я сегодня весь день об этом думаю.

— И что же вы надумали?

— Я, как та скала, подточенная волнами: достаточно упасть на нее камню — и она обрушится в океан... Не хотите быть этим камнем?

— Не хочу,— быстро ответила она.

— Жениться все-таки мне или не жениться? — настаивал я. Шампанское и коньяк тоже ударили мне в голову.

— Вы никогда на ней не женитесь, и прекрасно это знаете,— сказала она.— И к чему тогда весь этот разговор?

— Вот именно,— сказал я.

— Боже мой! — рассмеялась она.— Вы разве не знали, что женщины не терпят логику?

— Теперь знаю,— сказал я.

— И все-таки она очень миленькая женщина...

— Все-таки,— усмехнулся я.

— Максим Константинович, — вдруг доверительно спросила Валерия,— почему Ростислав все время дуется

на меня? Вы заметили, ни разу даже потанцевать не пригласил?

— Хотите, я ему выговор сделаю? — улыбнулся я.

— Пусть себе злится, ему ведь будет хуже... — без улыбки сказала она и отвернулась, а я поймал взгляд Любомудрова, и этот взгляд — он смотрел на Валерию, по привычке подпирая стену, в руке рюмка с коньяком, — был ожесточенный и дикий... Заметив, что я за ним наблюдаю, Ростислав Николаевич быстро отвернулся. Он был не из тех людей, которые умеют мгновенно менять выражение своего лица.

Больше в этот вечер, вернее, почь мы не разговаривали с Валерией, а около часов пяти утра мы распрощались и отправились домой. Дождь больше не лил, а на небе, в просветах голубоватых высоких облаков, появились туманные звезды. Холодный северный ветер высушил асфальт и пытался заморозить желтые лужи. Покрыть их льдом не удалось, но по краям плавали тоненькие, слюдянисто поблескивающие пленки. Ветер лениво гонял в придорожных канавах обтрепанные листья, шуршал жухлой хрупкой травой. Из раструбов водосточных труб свисали тоненькие прозрачные сосульки. Было еще темно, и все это я видел в колеблющихся, неряшливо размазанных пятнах света, отбрасываемых уличными фонарями.

Нина зябко ежилась в своем легком красном пальто с беличьим воротником и почти засыпала на ходу. Я бережно поддерживал ее под локоть. Глаза ее на осунувшемся и сразу ставшем некрасивым лице не блестели, прятались где-то в темных провалах глазных впадин, а ее белый высокий лоб, всегда меня восхищавший, выпукло и уродливо торчал из-под пушистой меховой шапки.

— Бр-р, как холодно, — пробормотала она. — Максим, я замерзла!

— Скоро придем, — сказал я с раздражением.

3

Вечером я проводил Нину на вокзал. В той стороне, где зашло неяркое солнце, высокие облака зловеще пламенили. Над вокзалом кружились галки. Их резкие крики заглушали густые гудки тепловозов. На перроне было не многолюдно: все еще праздновали Новый год.

Мы стояли у купейного вагона и молчали. Унылый голос диктора объявил, что до отправления пассажирского поезда «Великие Луки — Ленинград» осталось пять минут, провожающие должны выйти из вагонов, а пассажиры занять свои места.

— Я очень рада, что повидала тебя, — произнесла Нина дежурные слова.

Она опять была красивая и свежая. Когда-то мне не нравились накрашенные, на помаженные женщины, а теперь я понял, что современная косметика для женщин — это необходимость. Что бы делала Нина, если бы не подкрасила свои ресницы и узенькие выщипанные брови? Их бы просто никто не заметил. На помаженные губы стали четкими и яркими, а без помады вялые, бледные.

— Это здорово, что ты приехала, — сказал я. Однако и сам почувствовал, что в голосе не хватает теплоты.

— У тебя такие милые друзья... Валерия просто прелесть.

— Ты ей тоже понравилась.

— И муж у нее симпатичный. А как танцует!.. Мне кажется, они очень счастливы.

— Я тоже так думал, — сказал я.

— Разве это не так?

— Не знаю, — пожал я плечами. Действительно, я теперь не знал, счастливы ли они.

Я проводил глазами одинокую галку, которая, со свистом махая крыльями и каркая, догоняла свою стаю, а когда снова взглянул на Нину, то заметил, как она быстро отвела глаза от станционных часов.

— Через две минуты отправление, — сказал я. Конечно, с моей стороны это было жестоко: не надо было ей этого говорить. Последние минуты на вокзале всегда тягостны.

— Ты не собираешься в Ленинград? — спросила она.

— Мое министерство в Москве, — сказал я.

— Я буду рада, если ты приедешь, — с холодком в голосе сказала она. Все-таки я ее разозлил.

Тут гукнул тепловоз, и Нина заторопилась к тамбуру. Мы поспешно поцеловались. Я посадил Нину на подножку, и она еще раз крепко поцеловала меня. На этот раз сердечно.

— Я тебе позвоню, — сказала она, когда вагон двинулся с места.

— Конечно,— сказал я.— Звони.

— Будь умницей! — крикнула она.

Я кивнул, хотя и подумал, что она опять сморозила глупость: такие советы впору давать школьникам, да и то они пропускают их мимо ушей.

Нина высунулась из тамбура и помахала рукой. Я тоже помахал. Наверное, нужно было пройти немного рядом с вагоном, пока он не набрал скорость, хотя бы как вон тот высокий паренек в меховой шапке. Он не только прошел рядом с вагоном, но и пробежался до конца перрона, что-то крича своей девушке и размахивая руками. И на лице у него была глупая улыбка.

Я шел домой, а в голове все еще звучали ее последние слова: «Я буду рада, если ты приедешь...» Она не сказала «я буду тебя ждать...».

Там, в Ленинграде, наши отношения были легкими и приятными. Когда она приходила ко мне, я всегда был рад. Я и теперь очень обрадовался ее приезду, но что-то было не так. Никто из нас не стал друг к другу относиться хуже. Все было как прежде, за исключением разве одного — времени и расстояния. Как раз того самого, что чаще всего убивает чувства. Я не могу сказать: любовь,— потому что вряд ли мы с Ниной любили друг друга. Встретились, понравились друг другу и посчитали, что этого вполне достаточно... Я не видел Нину три месяца. И за эти три месяца что-то с нами произошло. Мы вдруг стали чужими, хотя оба и не догадывались об этом. Поэтому ей и не захотелось оставаться со мной вдвоем в квартире, да, признаться, и я, хотя и не сразу это понял, обрадовался, что мы уходим в гости. Просто Нина быстрее это почувствовала. Сгоряча я чуть было не сделал ей предложение. И очень хорошо, что не сделал: еще слепая по лужам к Архиповым, я понял, что никогда не смог бы жениться на Нине. Это была бы большая глупость.

Время и расстояние разлучили нас. И, наверное, еще что-то...

Телефон сегодня как с ума сошел: не успеешь повесить трубку, снова звонок,— и так все утро. В кабинете сидит председатель крупнейшего колхоза в области Иван Семенович Васин. Дожидается меня. А я ору в трубку Бутафорову, что сегодня никак не могу присутствовать на

городском совещании руководителей промышленности и транспорта, тем более что я не готовился к выступлению. Он говорит, что совещание исключительно важное, мне и сказать-то нужно пару слов, — я отвечаю, что у меня сидит Васин и мы сию минуту отправляемся в дальнюю бригаду, где из наших железобетонных панелей и блоков собираются жилые дома для колхозников. Прораб уже ждет нас... Васин улыбается и кивает головой, дескать, ни в коем случае не соглашайся! В конце концов я договариваюсь с Николаем, что вместо меня приедет на совещание Архипов... Перед тем как повесить трубку, Бутафоров упрекнул меня за то, что я давно не был у него и даже не поздравил в Новый год... Это, конечно, свинство с моей стороны, мог бы и позвонить, тем более что жена его, Маша, перед Новым годом звонила мне и приглашала в гости... Я обещаю в конце недели заглянуть к нему и вешаю трубку.

Грузный толстый Васин с добродушным лунообразным лицом поднимается с дивана, но тут снова трещит телефон. Я с ненавистью смотрю на аппарат, но трубку все-таки снимаю. Свирено спрашиваю, кто звонит и что надо, и тут же сбавляю на полтона ниже: это из министерства начальник четвертого отдела Алексей Тихонович Дроздов, которому я месяц назад оставил папку с чертежами Ростислава Любомудрова. Дроздов примерно сказал все то, что я и ожидал: проект интересный, но совершенно бесполезный. Кто же согласится изменять установленные стандарты? Заводы выпускают продукцию, заказчики довольны, к чему все эти излишние премудрости, которые грозят анархией всему производству? Представляет себе этот ваш Любомудров, что такое изменить государственный стандарт? Ведь нам заказывают не один дом, не два, а сотни и тысячи! И если каждый дом будет отличаться от другого и его станут собирать из разных нетиповых деталей, то все это вдесятеро удорожит продукцию, и заказчики пошлют нас ко всем чертям! Наша задача — удешевлять строительство новых помещений, а вы мне тут предлагаете черт знает что... В голосе начальника отдела зазвучали сердитые нотки. Переведя дыхание, он уже спокойнее сообщил, что показал проект нескольким директорам заводов железобетонных конструкций, и он никого из них всерьез не заинтересовал... Оно и понятно: кто же враг самому себе?..

Я попросил Дроздова прислать чертежи обратно. Помолчав, начальник отдела заметил, что, судя по всему, Любомудров способный конструктор и не мешало бы за инициативу отметить его как-нибудь, премию дать, что ли?..

Мне было приятно слышать это от Дроздова. Я несколько раз встречался с ним, и он произвел на меня хорошее впечатление: умный, деловой и решает вопросы без задержки. Чувствовалось, что проект Ростислава тоже задел его за живое, иначе зачем бы он показывал его директорам заводов? Но даже начальник отдела министерства не в силах что-либо изменить.

Я уже натянул куртку, когда раздался еще один телефонный звонок. Обычно всегда трубку снимала Аделаида, но она вот уже вторую неделю сдает зачеты и экзамены в вечернем институте, и телефон теперь беспрерывно дребезжит на моем письменном столе. Васин хмыкнул, глядя на меня, а я с убитым видом смотрел на надрывающийся телефон, не решаясь снять трубку. Тяжело вздохнув, все же снял. Звонил Геннадий Аркадьевич Аршинов (он так себя отрекомендовал!). Голос у него по телефону звучал начальственно, так разговаривают люди, привыкшие руководить, вести беседы с начальством, отчитывать подчиненных, решать важные проблемы и насущные дела. И все по телефону.

«Константиныч! — рокотал в трубку его баритон. — Выручай, дорогуша: позарез машина нужна! Понимаешь, ко мне приехала теща из Поречья, ну и купила на базаре поросю... хе-хе... Купила баба поросю! Так вот, в автобус с поросенком не пускают, что за порядки?! Надо бы старуху подбросить до райцентра... Ты понимаешь...

— Понимаю, — сказал я. — Куда машину прислать?

— Выручил, Константиныч! — обрадовался Аршинов. — Да, ты чего не заходишь? (Как будто когда-нибудь приглашал меня!) Теща к рождеству заколола борова — отменного сальца подкинула, так что закуска первый сорт... Обязательно приходи! (Но как и прошлый раз, адрес свой не дал.) А машину пришли ко мне на работу. Такой приземистый домик, сразу за вокзалом... «Волгу» дашь или «газик»?

— «Газик», — сказал я и, поспешно попрощавшись, повесил трубку. И чуть ли не бегом выскочил из кабинета.

Все-таки без секретарши трудно! Умная толковая секретарша всегда сумеет оградить тебя от бесполезных звонков и разговоров.

По дороге я зашел в лабораторию к Тропинину и захватил его с собой. Свою машину я отослал Аршинову, и мы с Тропининым забрались в «Волгу» Васи́на. Там нас уже дожидался Ростислав Николаевич Любомудров. Он был в коротком черном полушубке и заячьей меховой папке. В зубах сигарета, а в руках небольшая квадратная книжка. Усаживаясь рядом, я взглянул на название: «Вино из одуванчиков». Рей Бредбери. Оказывается, инженер-конструктор увлекается фантастикой! Правда, хорошей фантастикой. Я тоже с удовольствием читал Бредбери, Станислава Лема, Айзека Азимова и других. Обычно читал, когда на душе было тошно. И так приятно было по воле автора покинуть грешную землю и забраться с героями-космолетчиками куда-нибудь в созвездие Центавра или на Вегу...

Васин сел за руль. Любомудров засунул томик в карман полушубка и, пригладив бородку, уставился в окно. Он первый никогда молчание не нарушит, из него нужно каждое слово вытаскивать будто клещами. О таких, как он, говорят: молчание серебро, а слово — золото. Любомудров никогда не повышает голоса, не выходит из себя. Где он бывает, какие у него интересы, есть ли любимая женщина? Таких мужественных немногословных мужчин женщины любят. И все-таки мне трудно было представить Любомудрова вдвоем с женщиной. Так же молчит или читает книжку? Вряд ли он способен говорить женщинам ласковые слова... А может быть, наоборот: с женщинами он разговорчив и нежен? И может быть, даже сочиняет стихи? У Архиповых я несколько раз ловил взгляд Валерии, задумчиво устремленный на Ростислава. Впрочем, жена Архипова на всех смотрела таким же пристальным и задумчивым взглядом. В том числе и на меня. И потом, она, помнится, пожаловалась мне, что Любомудров совсем не обращает на нее внимания... Я так и не понял: в шутку она это сказала или всерьез?..

Болтливые люди не вызывают у меня желания размышлять о них. Наверное, потому, что сами, того не замечая, все выбалтывают о себе и очень быстро становятся понятны и ясны. А вот таких людей, как Любомудров, не так-то просто понять. Крепкий орешек...

Хотя Валентин Спиридонович и предупреждал меня, что если с проектом ничего не получится, Любомудров уйдет с завода, сам он пока об этом не заговаривал. И сегодня я специально позвонил ему и предложил поехать в колхозную бригаду, где рабочие монтировали первые папельные дома, сделанные на нашем заводе. Иван Семенович Васин — наш самый крупный заказчик. У него идея построить своим колхозникам настоящий поселок городского типа.

Тропинин уселся рядом с Васиным и тоже помалкивал. Я не успел ему объяснить, зачем он вдруг так срочно понадобился. Он даже не снял белый халат, так и надел поверх него теплое зимнее пальто. Впрочем, если бы Тропинин спросил меня, зачем я вытащил его из лаборатории, — я затруднился бы ответить. Но Тропинин молчал и ни о чем меня не спрашивал.

Мы ехали через город в сторону Новосокольнического шоссе. В городе было мало снега. Он громоздился грязными кучами на обочинах дорог, островками лепился на железных крышах домов, и лишь Ловать блистала непорочной белизной. Кое-где реку пересекали узкие, протоптанные пешеходами тропинки. Слегка порошило, но снег был сухой и не приставал к стеклу. Он сыпался на капот и таял, превращаясь в мелкие дрожащие капли.

Васин через плечо с улыбкой посмотрел на меня.

— Ты что это, Максим, никак недовольный? Сказал бы спасибо, что я тебя вытащил из кабинета на свежий воздух...

— Я и радуюсь, — сказал я.

С Васиным я познакомился на совещании в горкоме партии. Это был полный мужчина лет пятидесяти, с широким открытым русским лицом. У него все крупное: нос, щеки, губы, подбородок. В темных живых глазах такая мужицкая хитринка. Как и все деревенские жители, он немного растягивал слова и окал. «В парни-иках-то-о наших уже какой уро-ожай лука по-оспел...» — выговаривал он, кивая на длинные застекленные помещения центральной усадьбы, мимо которых мы проезжали.

Когда-то здесь был маленький паршивенький колхозик, который не сводил концы с концами. Из него все колхозники разбежались. По призыву партии в пятидесятых годах в колхозы были направлены специалисты, партийные работники, хозяйственники. Васин работал дирек-

тором типографии и тоже был направлен в самый отстающий пригородный колхоз. За двадцать лет он превратил его в цветущее хозяйство. И если раньше люди бежали из колхоза в город, то теперь осаждали правление, пытались получить любую работу. Колхозники зарабатывали большие деньги и жили в хороших квартирах. На командных должностях у Васи́на работали специалисты с высшим агрономическим образованием. Колхоз «Рассвет» считался одним из богатейших в области. Два года назад Ивану Семеновичу Васину было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Несмотря на все почести — Васин был депутатом, членом обкома КПСС, — он оставался простым и душевным человеком. И всегда пребывал в неизменно хорошем настроении. Будучи широким по натуре, никогда не жмотничал, выручал, чем мог, соседей, хозяйственников. А не было у него только птичьего молока... Как передовой хозяйственный руководитель, он приобретал новейшую сельскохозяйственную технику, станки для мастерских, механизмы, облегчающие ручной труд. Когда я по совету Бутафорова обратился к нему с просьбой помочь с шифером, Васин без лишних слов дал.

На заводе он был несколько раз, долго выбирал подходящие проекты. А потом пришел ко мне и сделал самый большой заказ на производство деталей жилых домов для колхозников. Такие заказы мы еще ни от кого не получали. И пообещал, если мы поставим ему хорошие добротные дома, заказать нам еще на несколько сот тысяч рублей железобетонных изделий для производственных и промышленных построек.

И вот сегодня мы едем на строительную площадку, где наши специалисты собирают из железобетонных плит и панелей жилые дома. Мне это было очень интересно, потому что пока я лишь видел наши неказистые детища на бумаге, а теперь вот пощупаю руками. Васин, конечно, не один раз бывал на строительной площадке, но пока помалкивал, не высказывал своего мнения о нашей продукции. А вчера вечером позвонил мне и предложил съездить с ним на строительство.

Сразу за городом почувствовалась настоящая зима: на полях ядреный снег, далекие заиндевелые деревья стоят в легкой туманной дымке. Сразу за городом лесов нет, одни поля. И лишь там, где они копчуются, виднеются невысокие заснеженные кусты. На невысоком холме сто-

ит коническая тригонометрическая вышка, хитроумно сложенная из старых серых бревен. На нижних опорах тускло поблескивает наледь. Когда-то мальчишкой я забирался на такие вышки и, замирая от сладкого ужаса, подолгу простаивал на самом краю шаткой площадки, разглядывая вдруг широко раздвинувшийся во все стороны мир. Почему-то до сих пор один вид деревянных тригонометрических вышек вызывает у меня легкую грусть по моему куцему далекому детству...

Мы свернули с шоссе и поехали по заснеженному проселку. Здесь в чистом поле свободно разгуливал ветер, со свистом швыряя в окна колючую крупу, на накатанной до блеска дороге змеилась поземка. Наискосок по белому полю неспешно шагала запряженная в дровни гнедая лошадка с кивающей обындевелой мордой, с облепленными снегом ресницами. На дровнях, свесив ноги в серых валенках, сидела молодая жепщина и задумчиво смотрела прямо перед собой. Руки в карманах полушубка, а ременные вожжи — на коленях.

Слева показалась колхозная ферма: длинные животноводческие постройки, крытые волнистым шифером, какие-то механизмы под навесами. К постройкам тянулись санные колеи. Снег припорошил конские голышки и протрусившееся при перевозке сено.

— Я ведь помню, здесь ничего не было, — сказал я, показывая на ферму. — Трава и кусты... Да еще камни-валуны... Мы бегали сюда с удочками карасей в озере ловить... Как же называлось озеро?

— Кислое, — подсказал Иван Семенович. — Мне часто задают такой вопрос и журналисты, и писатели, и партийные работники: как вы все это сумели? Ведь колхоз был нищим, всего одна захолустная деревенька, а теперь тут целая республика...

— Как же вы все-таки это сумели? — покосился на широкую председательскую спину Тропинин.

— Я отвечал им так: под ногами валялось золото, да никто не догадался поднять его. Так и ходили по этому золоту, не глядя под ноги. Даже подведенное брюхо не научило местных людишек никакому ремеслу. Колхозные земли начинаются сразу за городом. А городу что нужно в первую очередь? Свежие ранние овощи, фрукты, ягода разная, чтобы рыба была круглый год. С этого я и начал: построил теплицы и стал зимой выращивать лук и огур-

цы. На словах-то, конечно, все просто, а как все на самом деле нам доставалось, не расскажешь и за два дня... Начинать-то пришлось на пустом месте. Сам ездил в Белоруссию к знакомому председателю, чтобы поглядеть своими глазами, как это выращивает зимой свежие овощи гидропонным способом... Слыхали про такой? А тогда гидропоника была в новинку. Потом из Белоруссии — в Кировскую область и там выклянчил несколько тонн гидропонных шариков... Ты спрашивал про Кислое озеро? Вон за теми кустами... — Васин показал налево. — Сейчас мы отсюда каждую осень берем десятки тонн зеркального карпа, а как все это досталось? Осушали озеро, очищали дно от всякого мусора, и все, поверьте, вручную, тогда у нас никаких машин не было. Я принял колхоз с двумя неисправными полуторками, а и коней на конюшне раздва, и обчелся... Трудностей было много, но самое главное, что народ поверил. С войны люди ни копейки в колхозе не зарабатывали, жили на собственное натуральное хозяйство. Кто помоложе да покрепче — работали в городе, а в колхозе тянули лямку старики да одинокие бабы. А когда народ увидел, что можно хозяйство наладить и зарабатывать не хуже, чем в городе, так снова поперли в колхоз. А сейчас никто в город не просится: ни парни, ни девчонки. Закончат школу — и в колхоз. И зарабатывают поболее, чем на твоём заводе, Максим!

— На заводе тоже не жалуются, — сказал я.

— И с завода, и с железной дороги приходят ко мне паниматься, — продолжал Васин. — Сейчас рабочей силы хватает, не то, что раньше. Каждый человек был на счету. Приходил в правление в пять утра, а уходил в десять вечера. Уставал — жуть! Поужинаю — и спать, как мертвый. Жена чуть не ушла от меня... Ей-богу! Так вот, начал сдавать в магазины овощи, садовую землянику, рыбу. Пошли хорошие деньги. Часть колхозникам, часть на стройматериалы, оборудование, технику. Сейчас у меня этой техники не сосчитать... Не стеснялись, ездили учиться к богатым соседям в другие города и республики. Учились все: и я, и специалисты, окончившие институты, и рядовые колхозники... А сейчас к нам приезжают учиться. У нас секретов нет, глядите, люди добрые, перенимайте на здоровье, а если сами можете чем похвастать, мы тоже люди не гордые, с удовольствием поучимся. Приезжали к нам сам председатель Совета Министров нашей

республики. Ну, понятно, с сопровождающими. Три дня прожили у нас в колхозе. Все я им показал, даже в финскую баню свозил на берег озера... Ну и, прощаясь, председатель Совета Министров и говорит: «Иван Семенович, как ты смотришь, если мы откроем у тебя тут школу передовиков сельского хозяйства? Будут люди приезжать, учиться, опыт перенимать». Я и говорю ему, кто захочет поучиться, сам приедет, а нам работать надо, а не заделываться преподавателями. Мы ведь колхоз, а не академия. Рассмеялся он и согласился со мной. Все одно, многие и так приезжают. Гостям мы всегда рады. Даже гостиницу для них отгрохали. Двухэтажную...

— Иван Семенович, а где эта твоя финская баня? — поинтересовался я. — Сколько живу, а ни разу в такой бане не был.

— Я бы тоже с удовольствием попарился в финской бане, — подал голос Тропинин.

Любомудров промолчал. По-моему, до самого поселка он так рта и не раскрыл.

— Это можно устроить, — тут же согласился Васин. — У меня на турбазе дед Андрей заведует этой баней. Специалист! Температуру нагоняет до ста семидесяти градусов...

— А мы не испечемся? — поинтересовался я.

— Ничего вам не сделается! — рассмеялся Васин.

4

Деревня называлась весьма поэтически: Стансы. Почему и кто ее так назвал, не знали даже древние старики. Когда-то здесь проходил старый тракт, и по этой самой дороге ездил на перекладных из Петербурга в село Михайловское Александр Сергеевич Пушкин. Уж не здесь ли на почтовой станции за самоваром он сочинял свои великолепные стансы?..

Деревушка стояла на берегу небольшой извилистой речушки Сыти. Десятка три деревянных изб были разбросаны на холме. Перед каждым домом фруктовый сад, а за хлевами простираются огороды. Вдоль всей широкой улицы голые липы, тополя, березы. На копьках изб и на деревьях разнокалиберные скворечники, сделанные из дуплистых пней и сколоченные из досок. Летние птички

квартиры пустовали. Откуда-то выпорхнула стайка снегирей и опустилась на дорогу. Красными раскаленными угольками замерцали они на белом снегу. Из труб домов вертикально метров на пять поднимался сизый дым, а затем, очевидно попадая в воздушный поток, завихрялся и расползался. Ветер относил его к речке. И не поймешь, то ли это дым стлался над замерзшей Сытью, то ли паром курились на морозе проруби.

На берегу реки стояли восемь готовых и шесть еще не собранных панельных домов. Все они были одноэтажные, четырехквартирные, похожие один на другой, как близнецы. Пока мы ходили по строительной площадке, разговаривали с рабочими, заходили внутрь помещений, осматривали жилые комнаты, кухни, ничего особенного не заметили, а на обратном пути, когда мы подыались на холм, хитрый Любомудров попросил Васина остановиться якобы по своим неотложным делам, а потом не без умысла позвал нас полюбоваться окрестностями. Все мы выбрались из машины. С этого белого холма открывался прекрасный вид на раскинувшуюся перед нами деревню, извилистую замерзшую речку, наше строительство. И отсюда железобетонные коробки показались жалкими и нелепыми. Они выглядели инородными телами рядом с речкой и обжитой деревней и навевали тоску. У деревни был свой стиль, порядок, настроение. А наши дома — типичные унылые бараки, в которых спокойно могли разместиться производственные мастерские или птицеферма. Белый берег реки, и на одной прямой линии восемь одинаковых домов-близнецов. Серых и безжизненных. Совершенно лишних на этом живописном фоне. И такое ощущение возникало не оттого, что дома были нежилые и сейчас зима, — они так же неприкаянно будут выглядеть и весной, и летом, и осенью. И зеленые насаждения не спасут эту серую унылость... И как безмолвный укор нашему строительству — старая деревня на холме. Здесь ни один дом не похож на другой. У каждого свои неповторимые линии, своя особенная статья. Вот один, как курицанаседка распахнул свои крылья — крышу, поддерживая по бокам две застекленных крашенных верапды, другой, наоборот, вытянулся вверх, поблескивая окнами верхней надстройки, третий, приземистый и кряжистый, подобрался как бы для прыжка. Шесть окон с резными наличниками весело глядят на дорогу, четвертый, легкий, изящ-

ный, как часовня. Только вместо креста к коньку крыши прибита длинная жердь с тремя скворечниками один над другим. Перед каждым домом палисадник из тонких жердин, по которым ребятишки любят на бегу проводить палкой, и тогда забор поет, как ксилофон. Перед изгородью скамейка. Летом хорошо посидеть на ней в кружевной тени огромной березы или тополя и послушать, как гудят над головой майские жуки, позванивают колокольчики возвращающегося с поля стада, звучно хлопает кнут пастуха, а с речки доносятся смачные удары тяжелых вальков по мокрому белью...

Мы стояли возле негромко пофыркивающей машины — Васин не выключил мотор — и смотрели на деревню. Снег по-прежнему вяло летел с неба, припудривая наши шапки и воротники. Неподалеку дорогу пересекла лошадь, тащившая дровни, доверху нагруженные коричневыми комками торфа. Паренек в ватнике и кубанке издали взглянул на нас и кивнул. Шлепнув лошадь натянутыми вожжами, задорно крикнул: «Н-но, шалая!» «Шалая» лениво отмахнулась хвостом и даже не прибавила шагу. Сани скрылись за кустами, а канифольный скрип железных полозьев все еще слышался.

— М-да... пейзажик не в нашу пользу, — заметил Тропинин. — Прямо-таки скажем, не смотрятся наши дома... А, Максим Константинович?

— А зачем на них смотреть? — ответил я. — В домах надо жить, так я понимаю? — я взглянул на Васина, но он промолчал: шарил по карманам, отыскивая папиросы и спички. Мне тоже захотелось закурить.

— Где бы вы хотели жить, Максим Константинович, — спросил Ростислав Николаевич. — В деревянной избе или в нашей железобетонной коробочке?

Это был коварный вопрос: не мог же я при Васине не лестно отозваться о нашей продукции? Бросив на него красноречивый взгляд, дескать, сейчас неуместны такие разговоры, я довольно оптимистически сказал:

— Меняются времена. Сейчас век всевозможных заменителей и железобетона. А деревянные избы вообще скоро исчезнут.

— Это будет катастрофа, — возразил Любомудров, не пожелав правильно истолковать мой взгляд. — В городах каменные, кирпичные и железобетонные дома давно вытеснили деревянные, и это было исторической необходи-

мостью. Города стали расти не только вширь, но и ввысь, а деревне это пока ни к чему. Представьте на этом пустынном месте огромные многоэтажные коробки... Ведь это нелепость!

— Вы что, против прогресса? — не выдержав, вступил я на опасный путь бессмысленного спора.

— Я не против прогресса, — сказал Ростислав Николаевич. — Я против вот этой дикости и безвкусицы! — кивнул он на наши дома. — Дураки будут колхозники, если переселятся в эти бараки... Посмотрите, какие у них дома? Они удобны, естественны, прекрасно вписываются в ландшафт. А это что такое? Типичные индустриальные декорации. Только в отличие от нас киношники, снимающие фильм о передовом колхозе, разбирают их и увозят с собой, а мы собираемся оставить здесь это чудо двадцатого века навсегда.

— Что же вы предлагаете? — спросил я, подумав, что не надо было брать с собой Любомудрова.

— То, что я предложил, вы отвергли, — с горечью произнес Любомудров. — Я понимаю, что в этой местности леса мало, и надо строить дома из современного материала. В конце концов деревня — это не Кижы. Можно и нужно строить из наших панелей, но дома должны быть разными, непохожими друг на друга! И это можно сделать. Изменить формы, изготавливать негабаритные детали, смело вводить на фасадах облицовку древесиной. Деревянные балки можно впрессовывать в железобетон. Такой же четырехквартирный дом можно сделать двухэтажным и поставить его не в один ряд, а чуть пониже, где берег спускается к речке. А еще лучше разбить поселок вон в той березовой роще. Я бы здесь все заново перепланировал...

Любомудров, оседлав своего любимого конька, говорил увлеченно и убедительно. Невозмутимое лицо его оживилось, в темно-серых глазах появился необычный блеск. Иван Семенович Васин даже подался вперед, слушая его. Полное лунообразное лицо председателя не выражало ничего, но темные живые глаза внимательно следили за каждым движением жестикулирующего Ростислава Николаевича. Анатолий Филиппович тоже слушал с интересом. Хотя и не осуждал Любомудрова за «крамольные» речи — я это по его лицу видел, — но и в открытую не поддерживал его. А Ростислав Николаевич красноречиво раз-

взращивал перед нами картину современной деревни, такой, какой он видит ее: красивые панельные дома, отделанные крашеными деревянными балками, живописные приусадебные участки с фруктовыми садами, пасеками, подсобными помещениями. И даже про гаражи для личных автомашин колхозников не забыл...

— Ну это ты перехватил,— засмеялся Тропинин.

— Четырнадцать человек в нашем колхозе приобрели автомобили,— невозмутимо заметил Васин.

— Надо вперед смотреть,— сказал Любомудров.— Дороги строят, и количество автомашин у колхозников с каждым годом будет увеличиваться.

— Красиво ты все это нам нарисовал... па воздухе, а вот вопрос: есть ли такие проекты? — поинтересовался Васин.

— Есть,— коротко ответил Любомудров. Он остыл и снова стал молчаливым и немногословным.

Васин перевел взгляд на меня и, кивнув на строительную площадку, сказал:

— Чего же вы тогда... уродуете мне местность?

Я заговорил о том, что завод выпускает стандартную продукцию, утвержденную министерством. И на наши изделия большой спрос. И странно, что Ростислав Николаевич — инженер-конструктор завода, прекрасно знающий наши возможности, ударился в фантастику... Впрочем, все мы любим помечтать о прекрасном... И в шутку заметил, что, по-видимому, научно-фантастический сборник Бред-бери так на него подействовал...

Любомудров в упор посмотрел на меня, и по губам его скользнула ироническая усмешка. Так усмехался он, слушая демагогические выступления начальников цехов на заводских планерках.

— Когда-нибудь и мы будем выпускать такие дома,— дипломатично заметил Тропинин.

— Мне сейчас нужно, а не когда-нибудь,— отрезал Васин.

— Вот построим один поселок, потом другой,— начал было я.

— Другой поселок будет другим,— перебил Васин.

Мы с Тропининым переглянулись, но ничего не сказали.

— Мечты, мечты,— улыбнулся Ростислав Николаевич.

Я так и не понял, кого он имел в виду: себя или Васина?

Иван Семенович подбросил нас до завода. Был он задумчив и рассеян. Прощаясь, задержал руку Любомудрова в своей большой пухлой ладони и сказал:

— Покажи мне свои проекты.

Любомудров равнодушно пожал плечами, мол, показать можно, а что толку?

— Завтра же,— сказал Васин. И взглянул на меня: — Максим, отпусти его утром ко мне? Добро? — И снова Любомудрову: — Я пришлю за тобой машину.

Когда Васин уехал, Ростислав Николаевич с любопытством взглянул на меня.

— Вы, наверное, пожалели, что взяли меня?

— Если бы я был владелец этого завода, а вы мой инженер, я сегодня же уволил бы вас,— ответил я.

— Мне повезло, что в нашей стране ликвидирована частная собственность на средства производства,— сказал Любомудров.

— Дома-то действительно хреновые,— ввернул Тропинин.

— Из вашей затеи с Васиным ничего не получится,— сказал я.

— А вдруг?

— Даже если он закажет нам детали для петиповых проектов жилых домов, мы не сможем их сделать.

— Я знаю,— согласился Ростислав Николаевич.— И все-таки мы не имеем права строить для людей эти коробки, если даже они утверждены министерством или хоть самим господом богом!

— Мы не строительная организация, а завод. А заказы сыплются со всех сторон. Не все же наши колхозы такие богатые, как «Рассвет»?! То, что вы предложите Васину, будет стоить в два раза дороже того, что сходит с нашего конвейера. Если Васину это по карману, то другим колхозам — нет!

— Максим Константинович, я и не предлагаю роскошные дворцы! Но мало-мальски приличные дома мы можем изготавливать? Металл для форм у нас есть, а их и нужно-то десятка два-три! Заказчики всегда сумеют договориться с подрядчиками, и те будут строить по тем проектам, которые им дадут. Сырье для негабаритных деталей найдется...

— Где же оно лежит, если не секрет? — поинтересовался Тропинин. Это уже по его части.

— В тридцати километрах от города по Торопецкому шоссе после строительства дороги остались разработанные карьеры, так вот химический состав смеси песка, глины, щебня очень близок к используемым у нас компонентам...

— М-да, при соответствующих добавках это сырье можно использовать, — авторитетно подтвердил Тропинин.

— Вот видите!

Но я разбил и этот довольно веский довод.

— А кто будет платить рабочим за изготовление металлических форм? Кто будет разрабатывать карьеры, возить сырье? Кто будет отливать негабаритные детали? Мы ведь не можем переключиться с выпуска основной продукции на незапланированную второстепенную. Может быть, вы посоветуете мне при заводе открыть подпольный цех выпуска оригинальной продукции для любителей прекрасного?

Наверное, я доконал Любомудрова, потому что он сорем сник: опустил голову и даже зябко передернул плечами. Ветер швырял в нас пригоршни сухого колючего снега. Прямо на узком асфальтовом тротуаре намело синеватые ступенчатые сугробы.

— До свиданья. — Любомудров вяло пожал мою руку и, сторбившись, зашагал к подъезду.

Тропинин вздохнул и полез за папиросами.

— Подождите! — окликнул я инженера.

Он остановился, пастороженно глядя на меня; я улыбнулся как можно теплее и сердечным тоном сообщил, что завтра приказом по заводу премирую его месячным окладом.

— За что же? — равнодушно спросил он. — За красивые мечты?

— И за это, — сказал я.

5

В Великие Луки наконец пришла настоящая зима с обильными снегопадами, звонкими морозами, разухабистыми метелями. Дворники по утрам яростно скребли широкими лопатами тротуары, медлительные снегоочисти-

тельные машины сгребали на обочины выпавший за ночь снег. Озябшие голуби жались по карнизам домов. Лишь отважные воробьи все так же весело сповали на тропинках. Прохожих на улицах было мало, мороз и детишек загнал в теплые квартиры. Прогуливаясь вечерами по своей улице, я иногда слышал, как негромко потрескивали старые липы и протяжно на одной ноте гудели телеграфные столбы. А ночи были ясные, звездные. По серебристому небу совершала свой ночной обход полная луна с ухмыляющимся ликом усатого запорожца.

Последнее время у меня вошло в привычку прогуливаться поздними вечерами. Вокруг тихо и пустынно, редкий торопливый прохожий проскрипит по замерзшему, с морозными блестками, тротуару и исчезнет в парадной. Мой дом на улице Гагарина, бывшей Торопецкой. Это сейчас самая длинная улица в городе.

Новые дома выросли на Лазавицкой улице, где когда-то в кленовом парке стояла желтая железнодорожная казарма. В ней жил я с родителями до войны. Все изменилось, и ничто не напоминает старые времена, разве что висячий железнодорожный мост, перекинувшийся через почти совсем пересохшую Лазавицу.

В городе не осталось ни одного разрушенного здания. Типичный современный город. И все-таки кое-что напоминало о старине: на улице Гагарина сохранились два больших деревянных дома. Эти дома стояли, когда меня и на свете не было. И вот пережили войну, перепланировку и еще, наверное, лет пять-шесть проскрипят, не больше, потому что я видел в кабинете главного архитектора генеральный план застройки города. На месте послевоенных, отживших свой век четырехквартирных стандартных домов и этих деревянных долгожителей будут построены пятиэтажные здания.

Гуляю я по ночам еще и потому, что долго не могу заснуть, а после прогулки все-таки быстрее засыпаешь. Я слышу далекие паровозные гудки, металлический грохот товарняка, проходящего через старый железнодорожный мост, тяжелые вздохи работяги-автобуса, отваливающего от остановки, сдержанное посвистывание ветра в замерзших водосточных трубах, мертвый костяной стук обледепелых ветвей.

Во время одной из таких прогулок мне и пришло в голову купить в спортивном магазине лыжи, ботинки и про-

чее. Весь вечер провозился я, привинчивая крепления. Но выбраться на лыжах за город мне удалось лишь в конце февраля. Сначала было некогда — на работе приходилось задерживаться до десяти вечера, — потом ударили морозы, да такие лютые, что детишкам с неделю не разрешали ходить в школу.

С двадцатого февраля морозы пошли на спад, выпал обильный снег, и я в первое же воскресенье, испытывая радостное возбуждение, с лыжами через плечо через весь город бодро зашагал в Верхи, где еще мальчишкой любил с крутых гор кататься.

Обычно идешь по городу, редко когда знакомого встретишь, а тут нос к носу столкнулся сразу с несколькими знакомыми: на улице Ленина, возле автобусной остановки, со мной поздоровался бригадир бетонщиков из формовочного цеха Леонид Харитонов. Он был в зеленой нейлоновой куртке с вязаным воротником, лохматой зимней шапке и ярко-красном пушистом шарфе. Рядом с ним стояли несколько парней и три девушки. Наверное, тоже с нашего завода. Все стали таращиться на меня, негромко обмениваясь короткими репликами. Экая невидаль, директор в лыжном костюме вышагивает по улице! Тем не менее Харитонов и его компания пялили на меня глаза, как будто я, по крайней мере, слон, которого в басне Крылова по улице водили. Подбросив лыжи на плечо, я поздоровался и прошествовал мимо. На всякий случай свернул с оживленной улицы в сквер, что примыкает к театру, и прямо перед собой увидел Валентина Спиридоновича Архипова и Валерию. Здесь, понятно, кивком не отделаешься, и я остановился.

— Я и не подозревала, что вы такой заядлый спортсмен! — с улыбкой защебетала Валерия. Она была в каракулевой шубке с норковым воротником и норковой шапочке. Высокий представительный муж — в коричневой дубленке с белым воротником и пыжиковой шапке. Он галантно поддерживал жену за локоть.

— Да вот в первый раз выбрался, — начал я, будто оправдываясь.

— Как я вам завидую! — воскликнула Валерия. — Небо, воздух, белая равнина с лыжней... Стремительный спуск и свист ветра в ушах! И потом возвращение домой под звездным небом...

— Что же вас останавливает? — улыбнулся я.

— Сущий пустяк,— ответил Валентин Спиридонович.— Валерия никогда на лыжи не становилась.

— Муж не научил,— сказала Валерия. Матовые щеки ее порозовели, из-под шапочки выбивается каштановая прядь.— Научите меня? — Валерия по привычке пристально посмотрела в глаза.

— Я не уверен, что съеду даже с самой малепькой горки,— сказал я.— Года четыре не становился на лыжи.

— Испугались, испугались! — засмеялась Валерия.

Архипов улыбнулся мне из-за ее плеча, дескать, не принимайте всерьез женскую болтовню... Валерия перехватила его взгляд и насмешливо заметила:

— Мой муж признает только два вида спорта: художественную гимнастику и танцы на льду. Ни одной передачи не пропускает по телевизору...

— Мы, наверное, задерживаем Максима Константиновича,— мягко заметил Архипов. Лицо у него чисто выбритое, светлые усы чуть прихвачены инеем.

— Валя, мы сегодня же купим лыжи и в следующее воскресенье отправимся за город,— твердо сказала Валерия.

— Хорошо, дорогая,— терпеливо сказал Валентин Спиридонович.

Но возбуждение уже покинуло ее — я обратил внимание, что у Валерии быстро меняется настроение — и она, сникнув, кисло улыбнулась:

— Никакие лыжи мы не купим и никуда не поедем... А вам счастливой прогулки!

— У нас билеты в театр,— сказал Архипов, подставляя жене согнутую в локте руку.

— Мы на лыжах не катаемся,— с едкими нотками в голосе сказала Валерия.— Мы в театр ходим и в филармонию. Концерты тоже не пропускаем... Лыжи нам противопоказаны.

— Валерия, ты много говоришь на морозе, а у тебя горло простужено,— заметил муж.

Я проводил их взглядом: рядом шла нежная влюбленная пара, так подумал бы всякий, увидев их, но я только что слышал их разговор. Это был разговор не влюбленных. Ровно столько было раздражения в словах Валерии, сколько снисходительного терпения у ее мужа.

Размышлять о семейных отношениях Архиповых мне сегодня совсем не хотелось. Мне хотелось поскорее вы-

браться за город, встать на просмоленные новенькие лыжи и, взяв в руки палки, проложить на высоком берегу Ловати свою собственную лыжню.

Я сидел в снегу и смеялся. Благополучно скатился с обрыва, и уже внизу, на заснеженной Ловати, мне вздумалось лихо, по-спортивному, выбросив вперед лыжу, развернуться и затормозить, как я это когда-то умел делать, но вместо красивого разворота я, выронив палки, посом зарылся в снег, а сорвавшаяся с ноги лыжа со свистом припустила по снежному насту и уткнулась в другой берег. Весь вывалянный в снегу, с горящей щекой, которой проехался по лыжне, я громко хохотал, и гулкое зимнее эхо разносило этот дурацкий смех на всю округу. На крутом берегу толпились несколько лыжников, готовясь к стремительному спуску. Наверное, они слышали мой смех, потому что все разом повернули головы в мою сторону. Я приветственно помахал им рукой, и стоявший на краю обрыва парепь в вишневом лыжном костюме поднял палку. В следующий момент он оттолкнулся и, пригнувшись, яркой запятой понесся вниз. Его красная шапочка снегирем замелькала сквозь заснеженные кусты. Лыжи шуршали, посвистывали. И вот парень вымахнул на Ловать и, выпрямившись, понесся по чистому ровному пространству. Немного не доезжая до берега, развернулся и классически затормозил. Победно взглянул на своих приятелей, все еще стоявших на обрыве, и заскользил обратно.

Короткий зимний день кончался. В голубое небо над обрывом будто кто-то добавил темно-синей краски, и оно густо потемнело. Солнце уже давно спряталось.

Я поднялся, отряхнул снег и пошел за лыжей. Защелкнув замки креплений, выпрямился и замер, глядя на поросший кустарником обрывистый берег Ловати. Много-много лет назад я вот так же точно стоял и смотрел на обрыв, а там, на самой кромке, рельефно вырисовывалась в вечернем небе стройная девичья фигурка в красном свитере... Это была Алла. Девушка, с которой я впервые в жизни поцеловался. Вот тут, в снегу. Алла... самая первая девушка в моей жизни. Где она теперь? Эта красotka с равнодушными глазами на миг обожгла и прошла мимо, даже не оглянувшись. Надо обязательно спросить у Бу-

тафорова — оп-то ведь почти не уезжал отсюда, — как сложилась ее жизнь и где она теперь.

Я катался, пока не взошла луна и длинные тени от кустов не перечеркнули глубокую лыжню.

Медленно скользя по накатанной лыжне к железнодорожному мосту через Ловать, я услышал за спиной приближающийся скрип лыж и негромкие девичьи голоса. Спешить было некуда, и я сошел с лыжни, уступая им дорогу. Две девушки в пушистых свитерах и нейлоновых брюках в обтяжку прошли мимо. Одна из них, что пониже ростом и поплотнее, оглянулась и что-то тихонько сказала подруге. Та рассмеялась и, воткнув палки в снег, остановилась. Уже было темно, мерцали неяркие звезды, так что лиц я их не разглядел, но голос одной из них сразу узнал.

Высокая стройная девушка, которая первой остановилась, насмешливо сказала:

— А я думала, вы только на машине умеете ездить... А вы еще и спортсмен?

Юлька! И что за чертовщина, всякий раз неожиданно встречаясь с ней, я не могу сразу найти нужных слов. А девушки, опершись на палки, смотрели на меня. И за головами их темнело небо и мерцали звезды. И лыжи сами по себе издавали мелодичные скрипичные звуки. Я тоже смотрел на них и молчал, хотя отлично понимал, что вот сейчас они рассмеются — самый распространенный ответ на нашу мужскую ненаходчивость — и пойдут дальше своей дорогой, а мне мучительно хотелось задержать Юльку, посмотреть на ее лицо, услышать ее голос, смех...

И когда они, как я и ожидал, весело рассмеялись и Юлька, пробуксовав лыжами на одном месте, уже выдернула из снега жалобно пискнувшие при этом палки, я торпливо произнес первые пришедшие в голову слова:

— Не хотите горячего чаю?

Юлька и Маша Кривина — я узнал ее подругу — переглянулись, потом озадаченно уставились на меня.

— Если я не ослышалась, вы нас приглашаете в гости? — уточнила Юлька.

— На чай? — сдерживая смех, прибавила Маша.

Я видел, что они колеблются, не зная, принять это неожиданное приглашение или отказаться.

— А что скажет ваша жена? — поинтересовалась Маша.

— В этом отношении все в порядке,— усмехнулась Юлька.— Наш директор холостой.

— Надо же,— хихикнула подруга.

— У меня есть самовар,— с подъемом сказал я. Небольшой медный самовар действительно был у меня — давно-давно я нашел его на чердаке бабушкиного дома и с тех пор повсюду таскаю с собой — но дело в том, что из этого самовара я ни разу не пил чай. Чистить его чистил, так что он блестел, но вот разжигать не приходилось.

— Я никогда не пила из самовара,— сказала Юлька.

— Я тоже,— поддакнула Маша.

— Замечательный самовар,— сказал я.— С медалями.

Раскрасневшиеся с мороза девушки сидят на тахте и пьют чай. Только не из самовара, а из обыкновенного алюминиевого чайника. На низком полированном журнальном столике прямо на бумаге — нарезанная любительская колбаса, масло, сыр, конфеты «Белочка» и печенье. Все это я купил по дороге домой, и вот угощаю проголодавшихся девушек. За день на свежем воздухе здорово проголодался и я сам. И поэтому, когда закуски на столе поубавилось, я достал из холодильника банку сардин, сухую колбасу.

Девушки прихлебывают из высоких белых чашек крепкий чай и слушают музыку. Я тоже пью чай и с удовольствием смотрю на них. В освещенной торшером комнате стало уютно. Запахло морозом, еле уловимым запахом духов. Давно я не чувствовал себя здесь вот так хорошо и спокойно. Даже когда приезжала Нина. Медленно крутятся бобины на магнитофоне, проникновенный голос Эдит Пиаф. С хорошими записями мне повезло: в Ленинграде, в нашем тресте, работал один инженер, помещенный на современной зарубежной музыке. Дома у него была целая фонотека, которую и за год не прослушаешь. Мне он записал с десятков бобин. Те песни и мелодии, которые мне понравились. И он очень удивился, когда я попросил несколько пленок стереть и записать что-нибудь другое. «Это же Джеймс Ласт! — восклицал он.— А это группа «Роллинг стоунз»! Неужели тебе не нравится?!»

Мне вполне было достаточно битлсов, а все остальное из записанного приятелем казалось мне перепевами этих длинноволосых молодцов. Приятель, наверное, понял, что мне падо, и записал песни Френка Синатры, Рея Конифа, и популярные мелодии из зарубежных кинофильмов.

Юлька и Маша понимали толк в музыке. Они то и дело обменивались восхищенными взглядами, узнавая мелодии. Я был рад, что им нравится музыка. А записи были сделаны на совесть. Когда же из колонок полилась грустная и сильная мелодия из кинофильма «Любовная история», девчонки как по команде поставили на стол чашки и сосредоточенно стали слушать. И потом несколько раз заставляли меня перематывать бобину и снова слушали эту мелодию...

— У вас великолепные записи,— сказала Юлька, стряхивая с себя оцепенение, в котором пребывала, слушая «Лав стори».

Я поставил другую бобину: старинные русские мелодии, но больше ни одна песня не взволновала так моих девчонок, как «Лав стори». Я не стал далеко убирать бобину, так как знал, что они на прощание обязательно попросят поставить ее.

— Вот, значит, как вы живете,— разглядывая комнату, сказала Юлька.

— Так и живу.

— И не скучно вам? — спросила Маша.

— Было бы не скучно, не позвал бы нас,— заметила Юлька.

— Позвал бы,— сказал я.

Юлька внимательно посмотрела на меня, хотела что-то сказать, но промолчала.

А я наконец разглядел, какого цвета у нее глаза: светло-серые с зеленым ободком. У Рыси были ярко-зеленые, потому я ее и прозвал Рысью. Правда, когда Юлька нервничала или возбуждалась, зеленый ободок расширялся, и в больших, отененных длинными ресницами глазах начинала плескаться зелень. В такие моменты ее глаза можно было назвать зелеными, но когда Юлька успокаивалась, глаза светлели, зеленый ободок сужался. Взгляд у Юльки был пристальный, жесткий, и она никогда первая не отводила глаз. Темно-русые с бронзовым отливом волосы челкой спускались на выпуклый лоб, сзади густой волной скатывались на плечи. Хотелось взять в руку прядь и почувствовать ее тяжесть. Когда она со мной разговаривает, да и, наверное, не только со мной, припухлые яркие губы трогает легкая ироническая улыбка. Движения порывистые, резкие. При всей Юлькиной статности и красоте ей не хватало женственности. Впрочем, этим отличалась и

Рысь. Когда я впервые познакомился с Рысью, я вообще принял ее за мальчишку.

Как я заметил, Юльку мало трогали ее внешность и манеры. Нарядной я ее видел всего один раз — это на новогоднем вечере, когда она, выделяясь своей стройной фигурой, стояла в первом ряду с хористками. Обычно Юлька носила джинсы, просторные свитера, шерстяные мужские рубашки.

К таким, как Юлька, парни не пристают на улицах: не долго получить такой отпор, что на весь день настроение испортится.

Обо всем этом я подумал во время нашего чаепития. Юльке не понравилось, что я с любопытством разглядываю ее, и она спросила:

— Вам моя прическа не нравится?

— У вас красивые волосы, — сказал я.

— А некоторым не нравится моя прическа.

Слово «некоторым» она подчеркнула, хотя я и не понял зачем.

— Пленка кончилась, — заметила Маша.

Мне подоела легкая джазовая музыка, и я, оставив магнитофон, поставил на проигрыватель пластинку с записью романсов Чайковского. Я думал, девчонки протестуют, но они с вниманием выслушали прекрасные русские мелодии. Потом я поставил Первый концерт Чайковского, патристическую симфонию Бетховена, концерт Моцарта. Я наблюдал за ними, полагая, что они слушают из любезности, но и Юлька и Маша слушали с удовольствием.

— У вас можно курить? — взглянула на меня Юлька.

Я пододвинул им коробку с сигаретами, чиркнул зажигалкой и поднес огонек сначала одной, потом другой. Девушки переглянулись, и Юлька, с наслаждением выпустив дым, сказала:

— Ого! «Мальборо»! Давно я таких не курила...

Сигареты оставила Нина. Это она где-то доставала американские сигареты, а я предпочитал курить наши, отечественные.

— Странно, — сказала Маша. — Сидим в гостях у директора, чай пьем, музыку слушаем...

— Курим «Мальборо», — прибавила Юлька.

— Расскажи кому-нибудь — не поверят, — сказала Маша.

— Можно, мы похвастаем подружкам? — с улыбкой посмотрела на меня Юлька.

— Я рад, что вы зашли, — сказал я.

— А вообще, вы не похожи на директора, — продолжала Маша. — Директор завода должен быть солидным и с рабочими общаться только в приемные часы...

— А вы к рабочим домой ходите, — ввернула Юлька.

— И к себе приглашаете, — сказала Маша.

— Наверное, я никудышный директор...

— Завод-то работает, — философски заметила Юлька.

— И даже план перевыполняет, — прибавила Маша. — Сама во вчерашней газете читала.

Действительно, план за первый квартал мы перевыполнили. Правда, не на много. Всего-навсего на восемь процентов. Бутафоров первый меня поздравил по телефону и откровенно признался, что не ожидал от нас такой прыти: все-таки завод только что вступил в строй, еще не исправлены кое-какие недоделки, не налажено снабжение. А мы вдруг без всякой раскачки взяли да и перевыполнили квартальный план. Из министерства тоже пришла поздравительная телефонограмма. От того самого замминистра, который уговорил меня поехать сюда.

— Как ваш отец? Работает? — спросил я Машу Кривину.

— Работает, — взглянула она на меня с вызовом. — А что?

— Я рад за него, — пробормотал я, не поняв, чего это она разозлилась.

— Не он один пьет, — сказала Маша.

— Когда он трезвый — душа-человек, — прибавила Юлька.

— Он мой отец, и я не стыжусь за него, — сердито взглянула на нее Маша.

— Учитесь где-нибудь? — перевел я разговор на другое.

— Теперь вы заговорили, как директор, — съехидничала Юлька. — Спросите заодно и про наше семейное положение.

— Я знаю, — сказал я.

— Я учусь на заочном в Политехническом, — сообщила Маша, стараясь сгладить свою резкость.

— А я нигде не учусь, — с вызовом сказала Юлька. — Не вижу в этом смысла.

— Это ты сейчас так рассуждаешь, — возразила подруга. — А потом будешь локти кусать.

Юлька откинулась на спинку тахты, положила ногу на ногу и насмешливо уставилась на Машу.

— Ты ошибаешься, — сказала она. — Я никогда не жалею о том, что было...

— Пожалеешь, — не сдавалась Маша.

— Ты, возможно, и пожалела бы, если бы не поступила в институт... — сказал Юлька. — А я — нет.

— Почему это я пожалела бы, а ты — нет? — покраснев от возмущения, спросила Маша.

Я с интересом слушал их. Казалось, девушки забыли обо мне и продолжали свой старый спор. Юлька гибким движением — ее волосы, попав в свет торшера, золотисто вспыхнули, — небрежно сунула в пепельницу сигарету и тут же закурила новую. Глаза ее блеснули болотной зеленью, когда она снова взглянула на подругу.

— Есть женщины, которые не верят в то, что когда-нибудь выйдут замуж, — продолжала она. — Такие женщины рассчитывают только на себя. Они хорошо в школе учатся, стремятся в институты, в общем, хлопочут о своем будущем...

— Я догадываюсь, каких ты женщин имеешь в виду. — Маша еще больше покраснела.

— Я имею в виду некрасивых женщин, которым трудно выйти замуж, — беспощадно отрезала Юлька.

— Можно подумать, что в институтах учатся одни уроды... — усмехнулась Маша.

— Я бы принимала в институт только некрасивых девушек, — продолжала Юлька. — От них больше проку. Они закончат институт и будут работать, а красотки еще во время учебы повыскакивают замуж, чтобы остаться в большом городе, обзаведутся детишками и спрячут свой диплом в сундук... — Юлька взглянула на меня. — Скажите, есть на заводе хотя бы одна хорошенькая жепщина-инженер с высшим образованием? Ну, которая работала бы в цехе и приносила пользу?

Юлька права: жепщин-инженеров на производстве нет. В заводууправлении работают несколько женщин с высшим образованием, среди них главный бухгалтер. И Юлька совершенно права: никого из них красотками не пазовешь.

— Какой же смысл учиться в институте, а потом нянчить детишек и готовить мужу обеды? Это можно делать и без института... Кстати, большинство мужей предпочитают, чтобы их хорошенькие женушки не работали, если даже и детей нет... Ты скажешь, институт дает общее развитие, приобщает к культуре и так далее... Умная любознательная женщина и без института может приобрести все эти качества. А дура никакой институт не поможет.

— Ты, конечно, умная,— съязвила Маша.

— Я знаю, что я хочу,— сказала Юлька.

— Что же ты хочешь? — спросил я, даже не заметив, что перешел с ней на «ты».

— Это никого не касается,— отрезала Юлька.

— И все-таки я с тобой не согласен...— начал было я, но Юлька волчицей взглянула на меня и перебила:

— Воспитательной работой займетесь со мной на заводе, если есть у вас такое право...

— Юль, нельзя же так! — укоризненно посмотрела на нее подруга.

— Продолжай,— сказал я, с интересом глядя на Юльку.

— Я считаю, что каждый нормальный человек должен жить так, как ему хочется. Разумеется, не нарушая морали и законы нашего общества. Легче всего советовать человеку поступать так или иначе. И дураки те люди, которые слушаются чужих советов. Какой-то мудрец сказал, что совет — это самая мелкая разменная монета, которая ничего не стоит... Мне все уши прожужжали: заканчивай десятый класс и поступай в техникум или институт! А зачем, спрашивается? Все так делают? Так вот я всю жизнь ненавидела учиться! Я была самая недисциплинированная в школе. Сплошные тройки за поведение. Я лучше сама дома готовлюсь за десятый класс и сдам экстерном, но в школу или в институт меня и на аркане не затянешь!

— Я знал одну очень красивую девушку, которая решила овладеть мужественной мужской профессией,— стал рассказывать я.— Никто в это не верил, думали, девичья блажь. Так вот она добилась своего и стала...

— Штурманом дальнего плавания,— сказала Юлька, и когда она подняла на меня глаза, я увидел, как погас в них малахитовый блеск.— Моя троюродная сестра была необыкновенной женщиной. Таких больше нет.

— Это правда,— сказал я.

— Пора и честь знать,— скрипнув пружинами, Юлька резко поднялась с тахты. Маша последовала ее примеру.

— Спасибо за угощение,— поблагодарила она.

На лестничной площадке я сказал:

— Давайте в следующее воскресенье вместе на лыжах, а?

Девушки переглянулись. Даже при тусклом свете лампочки было заметно, как у Маши горят полные щеки. А я так и не понял, почему Юлька так резко прервала разговор о Рыси. Мне о многом хотелось ее расспросить, ведь она ездила в Севастополь и несколько месяцев жила в доме Рыси...

И все равно я рад был, что затащил их к себе. За сегодняшний вечер я немного лучше узнал Юльку Родионову, родственницу моей Рыси...

— Мы всегда в выходной ходим на лыжах в Верхи,— дипломатично сказала Маша и снова посмотрела на подругу. Маша бесспорно признавала Юлькино старшинство. Это я почувствовал еще во время спора: лишь только в Юлькиных глазах появлялась знакомая зелень, Маша сразу умолкала и больше не перебивала подругу. Вот и сейчас она выжидательно смотрит на Юльку. И я знал, как Юлька скажет, так и будет.

Мне очень хотелось наедине поговорить с Юлькой. Маша каким-то образом догадалась об этом и, прижав локтем лыжи к боку, медленно стала спускаться по лестнице. Юлька, кивнув мне, пошла было за ней, но я взял ее за руку.

— Юля,— сказал я,— что же все-таки означают эти два таинственные слова: «Приходи в воскресенье»?

Отодвинув варежкой прядь волос с глаз, она сбоку посмотрела мне в глаза. Зеленый ободок сузился, стал чуть заметным.

— Надо же,— улыбнулась она.— Не забыли?

— У меня это не идет из головы,— сказал я.

— Потом,— сказала она, мягко высвобождая руку.— Когда-нибудь потом я вам расскажу...

— Когда это будет «потом»? — настаивал я.

— Приходи...те в Верхи в воскресенье! — рассмеялась она и, задевая лыжами за перила, застучала лыжными ботинками вниз по каменным ступенькам.

Я слышал, как внизу хлопнула дверь, потом донеслись

приглушенные девичьи голоса, скрип снега под ногами, а я все стоял, прислонившись к перилам. Сквозняк гулял по этажам, сначала попытался захлопнуть, а потом еще шире распахнул дверь в мою квартиру. Неожиданно передо мной, как привидение из мрака, возник худой черный кот с белой отметиной на груди. Включив два маленьких зеленых светофора, изучающе посмотрел мне в глаза, затем, задрав хвост-палку, важно прошествовал в квартиру.

— Ты куда, приятель? — удивился я такой бесцеремонности.

Кот даже ухом не повел. Не закрывая дверь, я отправился за ним. Не обращая на меня никакого внимания, черный кот с белой отметиной степенно обошел все мои владения, небрежно бросая взгляды то направо, то налево. Немного подольше задержался у стола, где на бумаге лежали остатки сыра и колбасы, но ничего не тронул и, бесшумно вспрыгнув на тахту, преспокойно уселся там. Несколько раз уморительно провел лапой по хитрющей уса-той морде, как обычно кошки моются, и лишь после этой непродолжительной, но важной процедуры соизволил наконец более внимательно взглянуть на меня. И взгляд его примерно выражал следующее: «Квартира мне понравилась, хотя я против подобного беспорядка на столе, и, в общем, я ее занимаю. Вопросы есть?»

Вопросов у меня не было... Покачав головой, я решительно подошел к тахте и протянул руку, намереваясь схватить нахала за шиворот и безжалостно вышвырнуть вон, но тут кот удивил меня: вместо того чтобы спрыгнуть на пол и восвояси убраться, он, прижмутив яркие зеленые глаза, громко умиротворенно замурлыкал и доверчиво потерся шелковистой мордой о мою дрогнувшую карающую руку.

И я уступил. После такого явного проявления дружелюбия нужно быть скотиной, чтобы попросить, пусть даже незваного, гостя за порог.

— Черт с тобой, живи, — подумав, сказал я коту. — А звать тебя, братец, я буду Мефистофелем.

Кот не возражал. Весь его благодушный вид говорил, что хоть горшком зови меня, только в печку не ставь.

И должен сказать, что впоследствии я не пожалел, что пустил к себе в тот воскресный вечер черного кота, которого, не долго думая, окрестил Мефистофелем, хотя и доставил он мне массу хлопот.

В широкие окна кабинета врывался яркий солнечный свет. Металлический стаканчик для карандашей пускал в глаза веселых зайчиков. Я стоял у окна и курил. В раскрытую форточку медленно уползал дым. Заводской двор был залит солнцем. Было морозно, голубоватый кристаллический снег искрился, скрипел под ногами рабочих, разгружающих у котельной грузовики с силикатным кирпичом. В это мартовское утро ветер принес ко мне в кабинет запах пробуждающейся от зимней спячки земли, едва ощутимый аромат лесных деревьев, в артериях которых буйно забродил хмельной сок.

У меня только что закончилось совещание по итогам выполнения плана первого квартала. В черных стеклянных пепельницах еще дымились окурки, на ковровой дорожке отпечатались пыльные следы разнокалиберных ботинок и сапог, стулья отодвинуты вкривь и вкось. Все ушли, остался лишь Архипов.

Я понимал, у него ко мне дело — просто так Валентин Спиридонович в моем кабинете не задерживался, но я продолжал стоять у окна, вдыхая свежий воздух. Совещание длилось больше часа, и я устал. Мне захотелось закрыть кабинет, сесть в «газик» и укатить куда-нибудь за город.

Я докурил сигарету, с трудом пристроил окурочек в переполненную пепельницу, и мы с Архиповым вышли в приемную, а оттуда к нему. В кабинете главного инженера было солнечно и душно. Архипов боялся простуды и никогда не открывал форточку. И одевался он зимой тепло: под пиджаком — шерстяной пуловер, зимнее пальто на меху, клапаны пушистой ушанки всегда опущены.

— Вчера после обеда приезжал Васин, — сказал Валентин Спиридонович. — Вы были в горькоме, ну он и зашел ко мне. Хочет сделать нам большой заказ...

— Ну и прекрасно, — заметил я.

— Вы так думаете? — усмехнулся Архипов.

Про будущий заказ я слышал от самого Васина и не мог понять иронии главного инженера. Поймав мой вопросительный взгляд, Архипов согнал с лица улыбку и озабоченно сказал:

— Дело в том, что заказ не совсем обычный...

Я молчал, терпеливо дожидаясь, что он дальше скажет, но Валентин Спиридонович не спешил. Он подошел к

письменному столу и стал перекладывать пухлые папки. Наконец нашел нужную и молча протянул мне.

Я раскрыл большую серую папку и увидел знакомые ватманы с чертежами Любомудрова. Проекты двух- и четырехквартирных жилых домов для колхозников. Эти самые чертежи я отвозил в Москву и показывал начальнику отдела Дроздову.

— Ну и что вы сказали Васину? — поинтересовался я.

— Сказал, что наш завод сейчас не может изготавливать детали к таким домам, — Валентин Спиридонович взглянул на меня. — Что я еще мог ему сказать?

— Да, конечно, — кивнул я, просматривая чертежи. Здесь было несколько новых проектов. И совсем новое — это проект двухэтажного здания правления колхоза. Если бы не надпись внизу, я подумал бы, что это проект дома отдыха. Великолепное красивое здание, даже на чертеже радующее взгляд.

— Для того чтобы выполнить заказ Васина, мы должны остановить все наше производство, — сказал Архипов. — А это нереально.

— Какого же черта Любомудров подсунул ему эти проекты? — взорвался я, сообразив, что теперь с Васиным не так-то просто будет столкнуться. В конце концов Васин нас может послать ко всем чертям и заключить договор с любой строительной организацией, которая охотно построит ему из кирпича все, что он захочет. А деньги у него есть. Васин может не только вот такое правление отгрохать, а и настоящий дворец!

И снова я подумал, что не нужно мне было тогда брать в деревню с поэтическим пазванием Стансы Любомудрова... Видно, спелись они с Васиным, а мы теперь расхлебывай!

— Я Ивана Семеновича хорошо знаю, — сказал Архипов. — Упрямый мужик! Он заявил, что будет строить дома только по этим проектам, а на наши коробки и глаза бы его не смотрели... Так и сказал. Уж те, что построили в Стансах, пусть стоят, не разрывать же фундамент? А в других деревнях будет строить дома только по проектам Любомудрова.

— А если на него через горком нажать? — предложил я.

— Васин горкому не подчиняется.

— Тогда в обком?

— Васин член обкома, и с ним там считаются... Да и нам не стоило бы с Иваном Семеновичем ссориться.

Это я и сам понимал: Васин не только наш заказчик, но и ближайший сосед. Земли колхоза «Рассвет» вплотную примыкают к территории завода.

— Черт бы побрал вашего Любомудрова,— проворчал я.

— Он такой же мой, как и ваш,— спокойно отпарировал Архипов.

— Главного нашего заказчика взбаламутил...— не мог успокоиться я.

— Максим Константинович, но ведь наши коробочки действительно того... мягко говоря, весьма неказистые на вид. И если быть честными, Васин прав.

— Что же вы предлагаете? — в упор посмотрел я на Архипова.

— Я ничего не предлагаю,— ответил тот.— Высказываю свое мнение.

— Хорошо, давайте завтра остановим производство и начнем большую перестройку... С чего мы должны начинать? Очевидно, варить новые железные формы — интересно, где железо достанем? — дальше, откроем плотницко-столярный цех, ведь Любомудров предлагает впрессовывать в железобетонные панели деревянные балки, они, видите ли, придают зданию ажурность, легкость и изящество...

— Любомудров тысячу раз прав,— ввернул Архипов.— Удивляюсь: почему наши архитекторы до сих пор до этого не додумались?

— К черту план, государственные стандарты, технологию! Зато будем изготавливать детали для красивых удобных домов, и колхозники нам скажут свое спасибо...

— Не знаю, что нам скажут колхозники, а вот что скажут в горкоме партии, догадываюсь... Положите, товарищи, на стол партийные билеты! Вот что нам скажут в горкоме.

— А министерство еще раньше снимет нас обоих с работы,— добавил я.

— Мы с вами разговариваем, как сообщники уже о решенном деле,— натянуто улыбнулся Валентин Спиридонович.— Что касается лично меня, я бы никогда не рискнул пойти на такое.

И удивленно взглянул на него. Что-то в его тоне меня насторожило.

Архипов, обычно всегда спокойный, вдруг стал нервничать: зачем-то взял со стола массивное пресс-папье и стал промокать собственную ладонь. На меня он не смотрел. Все внимание его сосредоточилось на этом нелепом занятии. Наконец он спохватился, поставил мраморную штучку на место и, смахнув пылинку с безукоризненно отутюженного пиджака, примирительно сказал:

— Я полагаю, мы с Васиным договоримся... Не будет же он от нас требовать невозможного? И потом, мы ему поставляем детали не только для домов, а и для птицеферм, скотников, складских помещений.

— А Любомудров как же? — поинтересовался я. — Он ведь несколько новых проектов сделал? И, по-моему, очень удачных. Специально для Васина?

— Ему не привыкать работать впустую, — сказал Архипов, и что-то снова не понравилось мне в его голосе.

А может быть, я начинаю придираться к нему? Вся эта катавасия с проектами, конечно, вывела меня из себя, а когда человек вспылит, ему всегда хочется на ком-нибудь зло сорвать... Вот и я прислушиваюсь с раздражением к каким-то неуловимым интонациям в его голосе. А что он такого сказал? Все правильно. Почему главный инженер должен разделять бредовые фантазии своего директора? И тут я понял, где собака зарыта! Я до этой минуты даже не мог сам себе признаться, что проекты Любомудрова захватили меня! И я, будь это в моей воле, немедленно остановил бы производство и начал изготавливать железобетонные детали по его проектам. Я это еще понял там, в деревне Стансы, когда мы вылезли из машины и издали увидели наши убогие коробки. Уже тогда перед моими глазами замаячили своеобразные дома Любомудрова, которые великолепно вписались бы в сельский пейзаж.

И нечего мне придираться к Архипову. Будучи умным и трезвым человеком, он раньше меня почувствовал мои же собственные сомнения... И деликатно попытался меня отрезвить. И все равно, пусть мы эти детали никогда не будем делать, помечтать-то можно немного?..

Я вернулся в свой кабинет и только тут заметил, что папка с чертежами у меня в руках. Хотел было снова вернуть ее Архипову, но почему-то оставил у себя...

В кабинете стало чисто и свежо. Дым из-под потолка выветрился, пустые вымытые пепельницы тускло поблескивали на зеленом сукне, два ряда стульев снова спрятались под длинный стол. Лишь гнутые спинки желтели. Я подтащил к письменному столу тяжелое кресло из самого дальнего угла кабинета — уселся в него и пододвинул текущие бумаги, положенные секретаршей на видное место, но углубиться в них не успел: приоткрылась дверь, и вошла Аделаида. Она была сегодня особенно нарядной, на голове затейливо взбитая и щедро окропленная блестящим лаком высокая прическа.

— К вам по личному вопросу.

Я еще не успел настолько обюрократиться, чтобы принимать посетителей лишь в приемные часы, но беседовать сейчас с кем бы то ни было мне не хотелось.

— Пусть зайдет, — без всякого энтузиазма сказал я.

Аделаида выплыла, унося в своей прическе солнечное сияние, а вместо нее появилась... Маша Кривина — Юлькина подруга. Еще с порога улыбаясь, она довольно бойко поздоровалась и подошла к письменному столу. Уселась в кресло неподалеку от меня и закинула ногу за ногу. Несмотря на свободную позу, я почувствовал в ее лице напряженность. Ее взгляд, обежав кабинет, остановился на пачке сигарет, лежавшей на краю письменного стола; я думал, сейчас попросит закурить, но она не решилась. А мне тем более не хотелось предлагать.

— Мы с Юлькой в прошлое воскресенье катались на лыжах, — сообщила Маша. — А вы что же?..

— Я был занят, — ответил я. В прошлое воскресенье я до вечера просидел у себя дома за срочным отчетом для министерства, хотя и подмывало бросить к черту эту бумажную канитель и выбраться в Верхи на лыжах. Я знал, что девушки там.

— Погода была отличная... — продолжала Маша.

Я промолчал. То, что погода была великолепная, я и сам знал.

— Юлька — вот отчаянная голова! — с трамплина прыгнула и лыжу пополам сломала... Так что мы рано вернулись.

Предаваться разговорам о лыжной прогулке у меня не было времени. Передвинув бумаги, я взглянул на девушку и спросил:

— У вас ко мне дело?

— Подпишите, пожалуйста,— Маша улыбнулась мне и протянула сложенный вдвое листок.

Я развернул бумажку и прочел. Маша Кривина просила отпуск за свой счет на две недели. Для чего ей нужен отпуск, не указано. Отпусками инженеров, мастеров и рабочих ведали начальники цехов, и с такими просьбами ко мне никто не обращался.

— Зачем вам отпуск? — спросил я, еще не зная, как мне поступить.

— Нужно,— сказала Маша.

— Почему вы не обратились к своему начальнику?

— Я обращалась, да он не подписывает.

— И вы решили, что я подпишу? — взглянул я на девушку. На ее скулах выступили розовые пятна, толстые губы упрямо сжались, очертив большой рот, а маленькие серы глаза стали еще меньше. Ресницы у нее редкие и короткие, а черные брови широкие, как у парня. Да, Машу Кривину красавицей не назовешь! Правда, тогда с мороза, у меня дома, она показалась мне симпатичнее.

— Вы же директор! — сказала она.

Я сложил листок пополам и вернул ей.

— Начальнику виднее,— сказал я.

— Но мне очень нужно! Понимаете?

Я не стал объяснять, что никогда не вмешиваюсь в компетенцию начальников цехов. Им, действительно, на месте виднее, можно дать внеочередной отпуск или нет. Я не отменяю распоряжения начальников цехов, если даже они мне не нравятся. Уже на опыте проверено: стоит раз вмешаться в дела, которые находятся в компетенции подчиненных, как они тут же перекладывают на тебя и все остальное. Почему-то многие руководители отделов, цехов предпочитают, чтобы директор решал за них все вопросы, и сложные, и простые. И если директор шляется, ему постепенно перекладывают на плечи всю работу. К такому шляпе-директору, которому кажется, что он один тянет весь завод и поэтому незаменим, с утра до вечера тянутся все кому не лень по любому пустячному вопросу. Вплоть до завхоза, который просит подписать накладную для получения со склада электрической лампочки взамен перегоревшей...

Я выжидательно взглянул на девушку. Розовые пятна пылали не только на скулах, но и на толстых щеках. По-видимому, Маша не ожидала отказа и растерялась.

— Так вы не подпишете? — все еще не веря, спросила она.

— Не подпишу,— ответил я.— Такие вопросы решает только ваш непосредственный начальник.

Девушка резко встала, сдвинув с места тяжелое кресло, и быстро пошла к двери. Широкая спина ее в коротком халате выражала такое откровенное негодование, что я с трудом удержался, чтобы не рассмеяться. Вот ведь глупая девчонка! Если мы знакомы, чай вместе пили, на лыжах катались, так, значит, я теперь должен исполнять все ее желания.

— В это воскресенье, надеюсь, покатаемся на лыжах? — дружелюбно спросил я.

Маша даже не обернулась: с сердцем рванула за медную ручку и с треском захлопнула за собой массивную дверь. Немного погодя совсем рядом кто-то шумно с облегчением вздохнул: это поролоновое кресло, прогнувшееся под тяжестью девушки, приняло прежнюю форму.

7

Я все-таки вырвался в конце недели за город. Сразу после планерки взял из гаража «газик» и, никому ничего не сказав, укатил по Невельскому шоссе в сторону Опухлик. Дни стояли солнечные и морозные. На днях щедро выпал мягкий пушистый снег, и все кругом сверкало, искрилось. Заводы и котельные еще не успели припудрить эту праздничную белизну черной копотью. Не доезжая Сеньковского переезда, я увидел на автобусной остановке Любомудрова. Он невозмутимо стоял у искрящегося телеграфного столба и курил. Перчатки зажаты под мышкой. Коричневый воротник его черного полушубка с накладными карманами тоже искрился. На голове меховая ушанка с отогнутым вперед клапаном. Не знаю почему, но я остановился и окликнул Ростислава Николаевича. Он выбросил в снег окурок и подошел ко мне. Лицо невозмутимое, лишь в глазах легкое недоумение. Любомудрову нужно было совсем в противоположную сторону, однако я его пригласил в машину. Он уселся рядом и ничуть не удивился, что я повез его за город.

— Зима вот-вот кончится, а я и в лесу еще не был,— сказал я.— А вы были за городом?

— Был, — коротко ответил он.

— Наверное, рыбак?

— Скорее, охотник.

Это было для меня неожиданностью. Любомудров охотник! На кого же он, интересно, охотится: на кабанов, зайцев, лосей? Я глубоко убежден, что охотиться в наше время — это варварство. Дичи в лесах почти не осталось, а в лосей стрелять, которых люди зимой подкармливают, — это то же самое, что стрелять в домашних коров. Ученые-биологи, зоологи на весь мир бьют тревогу: не убивайте зверей! Их так мало осталось! Десятки видов на грани полного уничтожения. Даже извечный враг человека — серый волк — в некоторых областях взят под защиту, я уже не говорю о медведях. И вот еще находятся люди, которые хищно рыщут с ружьем по лесам, добывая последнюю живность...

— Я знаю, о чем вы думаете, — улыбнулся Любомудров. — Я действительно охочусь с ружьем за зверями и птицами... Только оно не стреляет, а фотографирует... Слышали про фоторужье? Как-нибудь покажу вам свои альбомы. Есть очень любопытные фотографии. Мне как-то повезло, и я сфотографировал длиннофокусным объективом кукушку. Она подбросила яйцо в гнездо сойки. Я засек его и каждый день наведывался... И мне повезло: я заснял тот самый любопытный момент, когда неоперившийся кукушонок выбрасывал из гнезда своих приемных братьев... Однажды сфотографировал на пустоши улыбающуюся лису. Сидит красотка на задних лапах, прихорашивается, как дамочка-модница, во всю пасть ухмыляется.

— Это и есть ваше хобби? — спросил я.

— Хобби... — повторил Любомудров. — Мне это слово не нравится. Еще лет пятнадцать назад оно не было в нашем обиходе. Туристы завезли. А теперь то и дело слышишь: «Хобби, хобби»! Какое-то неприятное слово!

— Сейчас многие любят щеголять иностранными словечками, — сказал я. — Комильфо, се ля ви...

Ростислав Николаевич рассмеялся.

Городские постройки остались позади, и перед нами во всю ширь раскинулись заснеженные поля. Вдаль, не разбирая дороги, наискосок через шоссе, размашисто прошагала линия высоковольтной передачи. Снег сверкал так, что глазам было больно. А над занесенной снегом землей яр-

ко-синим хрустальным куполом сияло небо. И ни одного облака. Обледеневший асфальт на крутых поворотах посыпан желтым песком. Иногда от шоссе то вправо, то влево убегают санные пути. Прочерченные железными полозьями, колеи канифольно поблескивают.

Сразу за Сеньковым начинаются березовые рощи. Они далеко просвечивают, пронизанные солнцем. Березы молодые, тонконогие. В белом поле белые березы. А на каждой ветке тоненькие сверкающие кружева, сотканые из золотых и серебряных снежинок.

Уже можно было бы остановиться и побродить по роще, проваливаясь в пушистом снегу, но я еду дальше. Березовые рощи хороши весной, а зимой хочется забраться в зеленый сосновый бор. А начинается он, немного не доезжая до поворота на Опухлики. И уже сейчас среди белых берез, бледно-зеленых осин, орешника, ольхи величественно возвышаются красностволые сосны и могучие ели. В колючих лапах зажаты охапки рыхлого снега.

Любомудров с интересом смотрит по сторонам. Пушистая шапка сбита на затылок, на лоб спускается короткая прядь густых темных волос. Борода вроде бы еще больше отросла и внизу курчавится. Под глазами синеватые тени. Видимо, работает по почам... Года два Любомудров жил в общежитии. Лишь месяц назад получил отдельную однокомнатную квартиру. В отличие от многих, ко мне он ни разу не приходил узнавать насчет жилплощади. И не только ко мне — ни к кому. Его и в списках-то на получение жилплощади не было. В самый последний момент вспомнил Архипов. Ни Тропинин — секретарь партбюро, ни Голенищев — председатель завкома не возражали. И я внес Любомудрова в список.

Молчание затянулось, и я, чтобы разрядить его, без всякой задней мысли спросил:

— Я слышал, Валерия заболела гриппом... Поправилась?

Ростислав Николаевич как-то сразу весь встрепенулся, метнул на меня косой взгляд и не очень-то вежливо ответил:

— Откуда я знаю?

— Я думал, вы дружите с Архиповыми и часто бываете у них.

— Не так уж часто, — помолчав, сказал он. — Валерию я уже с месяц не видел. Кстати, не знал, что она заболела.

— Вы ведь устраивались на новой квартире,— вспомнил я.

— И серьезно она заболела? — спросил Любомудров. В голосе его я уловил беспокойство.

— Этот чертов грипп, как стихийное бедствие... Каждый год накатывается откуда-то, и все время разный. В прошлом году был азиатский, теперь австралийский.

— У Валерии слабое сердце,— сказал Ростислав Николаевич.— Лишь бы обошлось без осложнения.

— Валентин Спиридонович как-то обмолвился, что вроде бы дело идет на поправку. Была очень высокая температура.

— Сегодня же зайду,— сказал Любомудров, глядя прямо перед собой.

— Мне кажется, они прекрасная пара, — продолжал я.

Любомудров молча смотрел вперед.

— В наше время это так редко.

— Что редко? — спросил он, будто бы и не слышал, что я до этого говорил.

— Приятно, говорю, видеть счастливую семью,— сказал я.

— А с чего вы взяли, что они счастливы?

— Видно же.

— Не все то золото, что блестит,— огорошил меня Ростислав Николаевич.

— Я думал, вы друзья,— после неловкой паузы сказал я.

— Тем более друзьям не пристало притворяться,— мрачно заметил он.

Получалось, будто я выпытываю у него подробности семейной жизни Архиповых, поэтому я решил переменить тему разговора.

— Если вы не возражаете, мы потом заедем на нашу рыболовную базу? По-моему, с этого шоссе где-то должен быть поворот.

Но Любомудров, казалось, меня не слышал. Подняв пушистый воротник,— я прибавил скорость, и в кабину стало задувать,— так что видны были только его усталые глаза и темная прядь на лбу, Ростислав Николаевич мрачно продекламировал из монолога Гамлета:

Жизнь — это только тень, комедиант,
Паясничавший полчаса на сцене

И тут же позабытый; это повесть,
Которую пересказал дурак:
В ней много слов и страсти,
нет лишь смысла...

Он повернулся ко мне:

— Вам не кажется, что Шекспир попал в самую точку?

— Вы слишком уж мрачно смотрите на жизнь,— сказал я.

— Не я — Шекспир,— улыбнулся он.— А как вам нравится это?

Вот так, подобно призракам без плоти,
Когда-нибудь растают, словно дым,
И тучами увенчанные горы,
И горделивые дворцы и храмы,
И даже весь — о да, весь шар земной.

— Вы любите Шекспира? — спросил я.

— Я люблю умную поэзию, а Шекспир пока не превзойден никем.

— Эти стихи сегодня созвучны и моему настроению,— сказал я.— Иначе с какой бы стати я удрал с работы да еще и вас прихватил? И все-таки жизнь прекрасна. Я имею в виду всю нашу землю, это голубое небо, солнце, снег, облака, рощи, реки... Смену времен года. Наверное, инопланетянам понравилась бы наша земля. Миллиарды лет трудилась природа, чтобы создать все, что вокруг нас. И это не может не поразить звездных пришельцев. Любое животное, птица или насекомое — удивительно совершенны! Сколько природой затрачено материала на создание каждого вида. Мы поражаемся новинкам науки и техники, любимся механизмами, а какая-то крохотная букашка в тысячу раз совершеннее самого сложного механизма... Мне все живое в природе дорого. Наверное, поэтому я не терплю охотников, которые превращают все живое — истинное произведение природного искусства — в прах... Это я отвлекся. Я хотел сказать, что жизнь удивительна и прекрасна вообще, а для кого-то в частности и самый чудесный день хуже темной ночи, а кому-то и в осеннюю слякоть счастливо. Кто-то мается, не находит себе места в роскошном дворце, а кому-то в тайге, в лесной сторожке, весело и жизнерадостно. Наверное, наше счастье, хорошее настроение,— внутри нас самих. Какой-то философ сказал, что неожиданное случается

в жизни чаще, чем ожидаемое. И еще вспомните Сократа: «Нужно есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть».

— Вы оптимист,— улыбнулся Ростислав Николаевич.

Замедлив ход, я свернул на проселок. И сразу «газик» обступили могучие сосны. Они были пятнистыми, как маскировочный брезент. Это насквозь пронизывающее зимний бór яркое солнце разбросало свои цветные блики. Отъехав с километр от шоссе, я прижался к обочине и выключил мотор.

И сразу стало тихо. Так тихо, что слышно было, как осыпался с высоченных сосен снег. Откуда-то сверху демоном налетал в гущу бора порывистый ветер и начинал прыгать с ветки на ветку; завихряясь и кружась, голубоватая снежная пыль искрящимся водопадом обрушивалась вниз, а у самых синеватых сугробов неожиданно широким рассеянным хвостом снова взметывалась вверх, но не высоко: едва достигнув нижних ветвей, легкая снежная крупа, будто обессилев, медленно просыпалась на слежавшийся снег. Вокруг каждого дерева множество маленьких белых кратеров: это следы упавших с ветвей снежных комков. Там, где поработал дятел, скопились сучки, сухая хвоя, коричневая пыль.

Проваливаясь по колена в сугробах, мы шагаем с Ростиславом Николаевичем в глубь бора. Я в ботинках на меху, он — в высоких сапогах на «молнии», заправленных в брюки. Ему легче: снег не попадает в сапоги, а я уже ощущаю холодное жжение. Ничего не поделаешь, придется идти по целине. В бору тропинок и дорожек нет. Зато изредка встречаются цепочки звериных следов. Я не разбираюсь в следах, а спрашивать у Любомудрова — раз он следопыт, фотографирует диких животных, должен и в следах разбираться,— не хочется. Иди, вдыхай полной грудью чистейший морозный воздух со смолистым запахом хвои, наступай ботинками на солнечные пятна, упавшие с неба в снег, обходи голубоватые с глубокими тенями маленькие овраги с засыпанными до самых верхушек молодыми елками и наметенные метелью высокие сугробы, да смотри во все глаза... Здесь самая настоящая зима. Будь бы покрепче мороз, можно было бы услышать протяжное потрескивание деревьев. Но больших морозов больше не будет, да и зима в сосновом бору уж не долго продержится. Ветер сметет снег с ветвей, развеет по лесу, солнце осадит сугробы, и подо льдом зажурчат первые

ручейки. А потом и снег, желтея и съезживаясь, начнет таять. Лишь под огромными елями, что опустили свои колючие лапы до самой земли, еще долго будут лежать под осыпавшейся хвоей ошметки снега, да в глухих оврагах, заросших ольхой и орешником, где и летом-то сыро и промозгло, снег продержится до середины мая. В апреле заголубеют в бору нежные подснежники. Шильцами проклюнутся они на буграх, на полянках рядом с еще не растаявшими снежными островками.

Я рад, что попал в зимнее царство соснового бора, а вот в мыслях уже весна. Это, наверное, потому, что весной в лесу звенят птичьи голоса, а сейчас тихо, мертво. Даже дятла не слышно. Не мелькнет среди ветвей рыжая белка, не пролетит над головой гордый отшельник черный ворон. И даже сороки куда-то запропастились. Вокруг нас сосны и ели. Стройные, высокие — настоящая корабельная роща. На прогалинках, опушках, полянках примолкли в сугробах маленькие елки. Некоторые из них совсем спрятались под снегом, лишь розоватые с редкими зелеными иголками маковки торчат. Ветер гуляет вверху и швыряет в нас горсти снежной крупы. Ветер слабый, и ему не под силу сбросить с ветвей налипшие на них крупные комки снега.

Ростислав Николаевич идет впереди, прокладывает путь, а я за ним. Если вот так идти прямо через весь бор, то придешь на озеро Большой Ивап. Когда-то давно я рыбачил там с машинистом Рудиком.

— Ростислав Николаевич, — неожиданно говорю я. — Мне нравятся ваши дома. Была бы такая возможность, хоть завтра начал выпускать для них детали.

Любомудров долго молчит. «Шурх-шурх-шур!» — продавливают его сапоги на толстой подметке слежавшийся наст. Я ступаю за ним след в след. Мои ботинки издают совсем другой звук: что-то вроде мышиного писка. На шапке и мохнатом воротнике его полушубка сверкают снежинки.

— Я знаю, — не оборачиваясь, роняет он.

— А что, если рискнем? — говорю я. — Не останавливая конвейера, сварим новые формы, подготовим арматуру и запустим в отливку на последней поточной линии?

— Рискуете-то вы. — Ростислав Николаевич остановился и повернулся ко мне. Лицо у него непроницаемое, но в глазах зажегся веселый огонек. Сняв перчатку, он

достал из кармана платок и вытер заиндеветшие усы. Увидев рядом с исполинской сосной пенек, я подошел к нему, смахнул перчаткой снежную шапку, уселся и вытряхнул снег из ботинок. Любомудров устроился на другом пне, метрах в пяти от меня.

Сидя на пнях в безмолвном сосновом бору, мы продолжили нашу беседу. И кто знает, не заведи я этот разговор в лесу, где каждое сказанное слово звучало значительно и весомо, может быть, наш разговор и остался бы просто разговором. И не произошло бы всего того, что произошло.

— В конце концов нам дали большой заказ на жилые дома новой конструкции, и мы не вправе от него отказаться... Я с Васиным толковал, он обещал достать железных балок для форм, хотя бы на первое время. Думаю, что не откажет мне и директор литейного завода... Меня вот что смущает: на наш счет переведены миллионы рублей от совхозов, колхозов, различных организаций, которым мы будем поставлять и уже поставляем свою продукцию. Новые детали мы не можем им выдавать, как вы понимаете, у них утвержденные проекты, многие строительные бригады уже собирают из наших блоков и панелей типовые дома, эти самые коробки, которые нам с вами так не по душе...

— Ну, на них свет клином не сошелся,— заметил Любомудров,— с ними мы рассчитаемся. Они получают свои дома.

— А где мы найдем заказчиков на новую продукцию? Ну, хотя бы десяток-другой. И таких же солидных, как Васин?

— Я убежден, когда мы построим Васину по новым проектам поселок, заказчики нас будут атаковать. Ведь русскому человеку все нужно самому глазами посмотреть и руками пощупать.

— А до этого нам придется обманывать государство и выплачивать рабочим и инженерам зарплату как за...— я запнулся, очень уж не хотелось мне произносить это слово! — за левую продукцию... И все опять же за счет плановой продукции.

— Не завидую я вам,— усмехнулся Ростислав Николаевич.— Не бойтесь последствий?

— Кто боится ответственности, тот не может быть настоящим руководителем,— сказал я и сам почувствовал,

как напыщенно прозвучали эти слова в тихом сосновом бору. Но Любомудров не обратил на это внимания. Закуривая, он заметил:

— Боюсь, что вам не долго быть руководителем, если вы серьезно решили пойти на это.

— Черт возьми! — воскликнул я. — В конце концов ведь для себя же мы все это делаем?! Много вы заработали на своих проектах?

— Дело не в деньгах...

— Я тоже хочу, чтобы наш завод выпускал настоящую продукцию, а не типовые казармы... Хочу, чтобы люди жили в красивых удобных домах и радовались... Сейчас не послевоенное время, и мы имеем возможность строить добротные красивые дома. И не на пятнадцать—двадцать лет, а хотя бы на одно поколение...

— Ваша яркая речь не убедит разгневанную комиссию из министерства... — сказал Ростислав Николаевич. — А она нагрянет очень скоро. Я знаю... срыв плана, потеря премии, и люди забеспокоятся, потребуют выяснения обстоятельств... И во многом они будут правы... Ведь мы не можем сразу раскрыть все карты? Иначе мы и одного-то дома не сумеем выпустить...

Тогда я в пылу самопожертвования не обратил внимания на эти слова, а зря. Любомудров действительно знал, что говорил...

— Что же такое получается... — рассмеялся я. — Не вы меня уговариваете, а я — вас!

— Максим Константинович, я не прощу себе, если из-за меня у вас будут крупные неприятности... А они будут наверняка. Может, не стоит все-таки пока затевать все это?

— Никак трусили? — взглянул я на него.

Любомудров стряхнул с полушубка пепел, снял зачем-то шапку. Темные волосы его по-мальчишески встопорщились на затылке. Глядя в сторону, где на сосновых стволах мельтешили красноватые солнечные блики, он сказал:

— Я буду считать, что не напрасно прожил на свете твои тридцать лет, если наш завод начнет выпускать детали к спроектированным мною домам. Ведь все мои проекты сделаны применительно только к нашему заводу, местным условиям. Короче говоря, если их здесь не осуществить, то и нигде больше... Но я не мальчик и знаю, чем это грозит вам, да и, наверное, не только вам. И я

спрашиваю себя: имею ли я моральное право рисковать карьерой, благополучием других людей? Даже которые разделяют мои идеи. Поэтому я и не ходил к вам, не уговаривал. А сейчас вот, когда вы вдруг решились, даже пытаюсь отговорить...

— Нам бы успеть, хотя бы построить всего-навсего один поселок,— задумчиво сказал я.— А потом привести туда эту самую... комиссию.

— Вот он, один из парадоксов плановой системы,— сказал Ростислав Николаевич.— Все понимают, что новые дома лучше тех, которые мы делаем, но остановить запущенную машину не можем. План определил движение нашей продукции на год вперед, если не больше. И этот план непосредственно затрагивает десятки предприятий и организаций. И изменить цикл — значит нарушить движение во всех ответвлениях единой линии!

— Некоторые изменения мы можем вносить,— возразил я.— Есть в инструкции один пункт... За него-то мы и ухватимся!

— Некоторые изменения...— усмехнулся Любомудров.— Эти изменения поставят под угрозу выпуск всей нашей продукции. Кто захочет покупать у нас запланированные коробки, когда узнают, что мы можем делать настоящие красивые дома? Даже пусть если они будут немного дороже.

— Кто-то хорошо сказал: парадоксы нужны, чтобы привлечь внимание к идеям,— сказал я.— Не будем загадывать, что произойдет с нами...

— С вами, — поправил Ростислав Николаевич. — Я ведь решительно ничем не рискую. Рано или поздно мои проекты пригодились бы...

— Ростислав Николаевич, я это решил не сейчас, и очень прошу вас: не будем толковать о моей личной ответственности. Моя совесть чиста: я уверен, что это дело стоящее и в конечном счете принесет большую пользу. А за благое дело и пострадать не грех. И иду я на этот шаг не ради вас, а руководствуясь своими собственными принципами и государственными интересами.

— Еще один парадокс: вы намереваетесь принести пользу государству, а министерство вам за это доброе намерение приготовит дубинку покрепче!

— Будем уповать на старинное изречение «победителей не судят»,— сказал я, поднимаясь с пня. Холод про-

пик через зимнее пальто, пальцы ног в ботинках за-
ныли.

— Максим Константинович, — сказал Любомудров, — считайте меня своей правой рукой. Поручайте мне любую работу, даже самую черновую. Сегодня же засяду за детальную разработку своих проектов, применимую к сегодняшнему дню.

— Я думал, у вас все готово.

— Я говорю о деталях. И еще одно: я постараюсь так все рассчитать, чтобы выпуск новых панелей хотя бы первое время не очень отразился на общем ритме завода. Мы сначала все подготовим, сварим новые формы, я придумал несколько важных приспособлений, которые помогут в вязкий бетон впрессовывать деревянные балки... Если вы не возражаете, я с завтрашнего же дня начну работу. Площадкой будет цех по изготовлению форм... Я знаю, что он не оборудован и крыши нет, но на дворе весна, а к осени, как я слышал, цех будет полностью под крышей?

Я кивнул. Мы возвращались к машине. На этот раз я шел первым, старательно попадая в старые следы. Со стороны города надвигались тяжелые облака. Одно, лохматое и большое, наползло на солнце, и веселые солнечные блики на красноватых сосновых стволах поблекли, а затем совсем стерлись. От стволов вытянулись тени. Особенно они были густые в ложбинах и между сугробами. Хотя солнце и скрылось, снег по-прежнему искрился.

— Как вы считаете, стоит оповещать непосредственно связанных с перестройкой рабочих, инженеров о нашем начинании? — спросил Ростислав Николаевич.

«Деликатный мужик! — подумал я. — О нашем начинании... Да, черт побери — это действительно наше начинание!.. Но вот каков будет конец?..»

Я отогнал эти горькие мысли. Обычно, приняв решение, я уже не терзался сомнениями. Они могли только повредить. Вкладывал всю свою энергию, чтобы добиться успеха, но это дело, мягко говоря, было не совсем обычное... И со стороны высокого начальства можно посмотреть на него по-разному. Главное, добиться первых результатов. Сделать хотя бы один поселок из новых домов. И очень хорошо, что Иван Семенович Васин — наш союзник. Если даже прикроют наше начинание на корпю, он сумеет довести это дело до конца, он упрямый мужик!

А проекты Любомудрова, судя по всему, его захватили, как и меня...

— Пока не стоит афишировать, — ответил я.

— Когда вы говорили о зацепке, вы имели в виду запланированный экспериментальный цех? — продолжал Любомудров. — Я тоже думал об этом... И это единственная зацепка... Насколько я знаю, экспериментальный цех запланирован на будущий год, но мы можем начать строительство и сейчас... На кой леший нам конструкторское бюро, если мы выпускаем продукцию по готовым стандартам? А теперь, создав экспериментальный цех, по крайней мере не зря будем зарплату получать.

Я понимал, что как ни называй новый цех, очень скоро специалисты поймут, что на заводе затевается нечто необычное. Поэтому нужно идеально подготовиться, собрать всю необходимую документацию, рассчитать смету и поставить коллектив инженеров и техников уже перед совершившимся фактом.

— На Архипова не рассчитывайте, — будто отгадав мои мысли, сказал Любомудров.

— Я знаю, — ответил я. На главного инженера рассчитывать не приходится, это он мне недавно сам дал недвусмысленно понять. Но помешать-то он нам не может?

И снова Ростислав Николаевич ответил на мой безмолвный вопрос:

— Он не только не поддержит — будет против.

— Почему вы так уверены?

— Я просто хорошо знаю его.

Я ожидал, что он еще что-нибудь скажет, но Ростислав Николаевич больше не прибавил ни слова.

— В конце концов я директор, — пробормотал я.

— А он — главный инженер, — в тон мне ответил Любомудров.

— Спасибо, а я и не знал, — подковырнул я его.

— Архипов сразу же сообщит обо всем в министерство, — сказал он. — Он как раз тот человек, для которого утвержденный план — закон.

— А если я попрошу его не мешать нам?

— Не подумайте, что он это сделает за вашей спиной, — сказал Любомудров. — Он честный человек, но моих... то есть наших, взглядов на будущее завода не разделяет.

— Отправить его в отпуск, что ли?

— Это идея!

— За месяц можно сделать многое,— продолжал я.— А согласится ли он сейчас пойти в отпуск?

— Думаю, согласится. Театральный сезон в разгаре... А летом театры на гастролях. Он чаще всего берет отпуск или весной, или поздней осенью.

— В одном нам уже повезло,— повеселел я.

Когда мы уселись в «газик» и я завел мотор, Ростислав Николаевич, не глядя на меня, спросил:

— Вы нарочно спросили меня про Валерию?

— Никак влюбились?

— Нет,— медленно и раздельно сказал он.— Не влюбился — я просто люблю ее.

— Вот как,— ошеломленно пробормотал я и вместо сцепления нажал на тормоз. Машина дернулась и остановилась: мотор заглох.— А... она...— смущенно начал было я, но он сам помог мне.

— Вы хотите спросить: любит ли она меня и знает ли об этом Валентин Спиридонович? Я не знаю, любит она меня или нет, скорее всего, нет... а то, что я ее люблю, Архипов знает. Я сам ему об этом сказал.

— И он знает, что вы...

— Я знаю, о чем вы хотите спросить,— поморщился он. Он по-прежнему смотрел в окно прямо перед собой, и лицо его было напряженным и немного побледневшим. Я понимал, ему тяжело все это мне говорить, но я и не задавал ему вопросов, а если ему хочется выговориться... Оказалось, что ему совсем не хотелось передо мной выговариваться, он просто хотел поставить меня об этом в известность, и не больше.

Вот что он мне сказал:

— Я знаком с Валерией второй год. У меня старомодные понятия об отношениях мужчины и женщины... Я в любовники не гожусь. Женщина, которую я люблю, должна принадлежать только мне. Точнее, быть моей женой. Валерии это не подходит... Однажды я пришел к нему и сказал, что люблю его жену... Теперь я понимаю, это было с моей стороны мальчишество, но иначе я не мог... Он улыбнулся и спокойно сказал, что давно знает о моих чувствах к Валерии — и от кого бы вы думали? От пее самой. И еще он сказал, что любит ее и, как он надеется, она его тоже... И все это очень вежливо, интеллигентно. Наверное, будь я на его месте, а он на моем, я бы ему

в морду дал... Но Архипов не такой человек. Я не появлялся у них с месяц и больше не встречался с Валерией. Он сам как-то подошел ко мне и пожурил, что я у них не бываю, сказал, что по-прежнему считает меня своим товарищем...

— И вы стали снова бывать у них?

— Редко,— ответил он.— А когда прихожу, то чувствую себя не в своей тарелке... Как бы вам это объяснить... Он просто подавил меня своим благородством, что ли? И, несмотря на мою настороженность к нему, я ни разу не почувствовал недоброжелательности с его стороны или малейшей служебной придирки... Он для меня загадка!

— А Валерия?

— Если он — загадка, то Валерия — вообще неразрешимая тайна,— усмехнулся он.— Как само мироздание...

— У них дети есть?

— Был мальчик, но погиб. Вместе с учительницей отправились за город. Разожгли в лесу костер, и кто-то из ребят потихоньку подложил в огонь неразорвавшийся снаряд... Несколько человек ранило, в том числе и учительницу, а их Севу наповал убило осколком...

Он замолчал, я тоже не знал, что сказать. И в этот момент что-то мягко забарабанило в брезентовый верх «газика». На лобовое стекло просыпалась снежная струйка. Это огромная сосна сбросила на нас с ветки белый груз.

Я включил мотор и, дав ему немного прогреться, тронулся с места. Промерзшие шины закрипели.

— Я завидую вам,— сказал я, выехав на накатанную дорогу.

— Это интересно,— усмехнулся он.— Чему же?

— Вы любите,— сказал я.

8

— Ну что ж, красивые картинки,— сказал Бутафоров, захлопывая папку.

— Картинки? — пристально посмотрел я на него.

— Когда мы строили в Зеленой зоне базу отдыха для трудящихся, можно было бы использовать эти проекты,— сказал он.— А то наши строители нагородили там всякой всячины. Противно смотреть.

— Со временем к черту снесут и построят новые красивые дачи,— сказал я.— Или вот такие же дома, как на этих проектах. Жалко нам, что ли, государственных денег?..

— Ты что-то темнишь,— взглянув на часы, сказал Николай.— Рассказывай, да только побыстрее: у меня в пять встреча с избирателями.

— Я и не знал, что ты депутат.

— В будущую сессию и тебя выберут,— сказал Бутафоров.

— Вряд ли,— усмехнулся я, подумав, что один бог знает, что будет со мной к будущей сессии.

— Ну, что у тебя?

— Ты знаешь, я хочу такие дома делать на заводе,— сказал я.

— Ну и делай,— усмехнулся Бутафоров.

— Значит, одобряешь?

— А почему я должен возражать? — удивился он.

Тогда я все подробно рассказал ему: и про заказ Васина, и про нашу поездку в Стансы, и про новый экспериментальный цех, который мы задумали досрочно создать, и про то, что министерство ни за что не поддержит меня, а напротив...

Николай резанул меня посуровевшим взглядом, снова придвинул к себе папку и на этот раз стал подолгу и внимательно рассматривать каждый чертеж. Широкое усталое лицо с седой прядью на прорезанном глубокими морщинами лбу все больше хмурилось. Он машинально взял из пачки, лежащей на письменном столе, папиросу, нащупал спички и закурил. Глаз он не отрывал от документов. На миг весь окутался густым синим дымом. Ладонью разогнав его, наконец уставился на меня. Так смотрят на тяжелобольных: сочувственно и отрешенно.

— Это же... самоубийство! — выдавил он из себя.— Ты что, спятил? Завод всего один квартал работает, и работает неплохо, мы тебя за это на бюро отметили, а ты хочешь сорвать государственный план! Честное слово, Максим, сколько я работаю, но с таким случаем сталкиваюсь впервые...

— Мы выпускаем детали для дерьмовых домов, а я хочу делать хорошие дома, в которых людям будет удобно жить. Разве это преступление?

— А как же все остальные заказчики? Они тебе миллионы перечислили?

— Вот я их и порадую отличной продукцией.

— Так ведь твои дома дороже! А заказчики тебе больше не заплатят ни гроша! Они исчерпали свою смету. Где же ты деньги возьмешь?

— Николай, не мешайте мне три месяца! — попросил я. — И увидишь, все будет в порядке.

— Это же государственное предприятие, а не твоя собственная лавочка...

— Я знаю.

Николай с сердцем ткнул окурок в пепельницу и, опершись сильными руками о стол, поднялся. Светло-серые с голубизной глаза его сузились, стали жесткими, на выбритых щеках заиграли желваки.

— Пошли к первому, — сказал он. — Мы должны поставить его в известность.

— Я пришел к тебе не как к секретарю горкома, — сказал я. — Как к другу.

— Не думал я, Максим, что нам так мало придется поработать вместе... — Николай, все еще упираясь кулаками в стол, громоздился над ним, как скала.

— Ты меня раньше времени не отпевай, — спокойно сказал я. — Пока рано. И сядь, пожалуйста, у тебя такой грозный вид...

Бутафоров потер большой рукой крепкий подбородок — я услышал шелестящий скрип — и снова опустился в кресло.

— Ты так хорошо начал, — совсем другим голосом заговорил он. — Ей-богу, Максим, я от всей души порадовался за тебя... Честно говоря, я ведь не верил, что из тебя получится настоящий руководитель. Раньше-то у тебя этих задатков не было... И Кузрянов переменял к тебе свое отношение... не без моей помощи. Ведь это его была идея назначить директором завода своего, местного человека. Он и кандидатуру подобрал... И признаться, то, что министерство прислало тебя, он воспринял как щелчок по носу... Конечно, он мужик разумный и уже успокоился. Главное, что завод заработал. И заработал неплохо... И вдруг такой фииит! Как теперь я ему в глаза погляжу?

— Он не барышня, и нечего ему в глаза смотреть, — сказал я. — А теперь послушай меня внимательно. Я в

партии почти столько же, сколько и ты. Как коммунист, я считаю, что мы не должны выпускать для жилых зданий эти примитивные панели и блоки... Для служебных помещений и скотников они годятся, а для жилья — нет! Я в этом давно убедился, побывав на строительстве у Васина. Ни один здравомыслящий колхозник не переедет из своей деревянной избы в наш железобетонный сарай с примитивными удобствами, а если и переедет, то через год станет проклипать всех нас, кто удружил ему такое помещение... Ты помнишь, с моим отцом в строительном тресте сразу после войны работал инженер Ягодкин? Ну, который еще мне мотоцикл подарил? Так вот однажды я слышал его спор с архитектором, забыл его фамилию... он еще все время говорил: «Интэрэсное дело!» Ягодкин утверждал, что нужно строить дома навек: красивые и удобные, как строили в старину, а архитектор возражал, мол, это неправильно: люди живут в землянках и рады будут любой хибаре, лишь бы поскорее оттуда выбраться. Он стоял горой за дешевое стандартное строительство. Поначалу весь город заменили этими сараями, а потом спохватились... Кстати, все эти стандартные дома на бывшей Торопецкой улице сейчас подчистую сносят и на их месте строят современные многоэтажные здания... Я не берусь осуждать архитектора, может быть, он был и прав в том, сорок шестом послевоенном году, но сейчас другое время, Коля, и мы не можем подсовывать людям неудобные примитивные дома! Понимаешь, не та нынче ситуация, когда люди перебираются из землянок в стандартные домишки и законно считают, что им повезло. Сейчас они хотят жить по-человечески в красивых удобных домах, которые простоят десятки лет! И которые мы умеем строить. И не надо будет их потом снова сносить.

— Ну ты это уж слишком, — заметил Николай.

Слушал он меня внимательно, и как мне показалось, голубоватый ледок в его глазах немного растаял. И на часы он больше не посматривал, наверное, забыл про своих избирателей, а мне ему об этом напоминать совсем не хотелось: мне нужно было ему все как есть выложить, пока он слушает...

— Ты отлично знаешь, что молодежь бежит из деревни в город... И знаешь почему: мало культуры, развлечений, нет элементарных удобств. Тяжелый физический труд... Пусть дворником, лишь бы в город. А вот Васин

взял да и создал для своих колхозников нормальные человеческие условия: свой прекрасный Дом культуры, куда приезжают выступать даже столичные артисты, механизировал тяжелый физический труд, дал людям возможность хорошо зарабатывать, построил удобное жилье... Кстати, Васин сам на днях отказался от наших стандартных домов и потребовал, чтобы мы ему построили дома, как на этих... картинках, как ты их назвал... И что же получилось? Люди из города повалили к нему наниматься в колхоз на работу!

— Ты мне не читай тут политграмоту,— сказал Николай.— А о Васине я и сам все знаю. И я не против, чтобы вы делали хорошие удобные дома, но всему свое время! Завод еще толком и не оперился, а ты уже готов все перedelывать! Какой революционер нашелся! Год-два вынуждайте, что вам поручено, а там поглядим... Но не сразу же всю технологию ко всем чертям! А план? А выполнение заказов, за которые вы денежки получили? Если бы ты мог заказчикам за те же деньги делать вот такие дома, как...— он ткнул пальцем в папку.— Пожалуйста. Но ты ведь не сможешь! Твои новые дома стоят дороже! Я уж не говорю о плане, который ты в первый же месяц завалишь! Ведь новые детали, как я понял, гораздо сложнее, и чтобы все это внедрить в производство, нужно завод останавливать. Тяп-ляп на ходу не сделаешь! И потом серьезно, где ты деньги возьмешь хотя для строительства этого... экспериментального цеха?

— У тебя не попрошу,— усмехнулся я.

— Ну вот что, Максим,— сказал Николай и взглянул на часы — вспомнил все-таки про встречу с избирателями! — Я отлично понимаю твои добрые намерения, хотя, по правде сказать, все это смахивает на большую авантюру... Я знаю тебя и верю тебе. Единственное, что я могу тебе пообещать...

— Не мешай мне три месяца,— сказал я.— Только три месяца!

— А как Тропинин? — спросил Николай.— Твой парт-орг?

— Он поддержит меня,— уверенно ответил я, подумав, что сегодня же надо поговорить с Анатолием Филипповичем.

— Тропинин, как и ты, горячая голова...— задумчиво заметил Николай.— А главный инженер, Архипов?

— Он в отпуск собирается... — уклончиво ответил я, но Бутафорова не так-то просто было провести.

— Спроваживаешь? — взглянул он на меня. — Конечно, Архипов на такое не пойдет...

— На комсомольцев я тоже рассчитываю, — сказал я.

— Я не слышал твоих речей и ничего не знаю, — заявил Николай. — Не скрою, что такая позиция невмешательства мне самому не нравится, но другого выхода я пока не вижу... И еще одно: если придется тебя обсуждать на бюро горкома партии, на мою поддержку не рассчитывай. А мой опыт партийной работы подсказывает, что бюро тебе не миновать. Как секретарь горкома я тебя предупредил, а как твой друг желаю успеха в этом довольно рискованном предприятии!

Я готов был обнять Николая за эти слова: видит бог, не легко ему было их произнести! Но он их произнес, за что я был ему безмерно благодарен. Этот разговор и решил все...

Николай потягивал пальто, когда в кабинет вошел первый секретарь горкома Куприянов Борис Александрович. Это был плотный мужчина лет сорока пяти, с большой головой и резкими чертами лица. Выющиеся светлые волосы гладко зачесаны назад. Он крепко пожал мне руку — я обратил внимание, что пальцы у него сильные, и вспомнил, что читал в каком-то журнале, что такое крепкое, энергичное рукопожатие свойственно людям решительным, волевым.

— Редко заходишь к нам, Максим Константинович, — пожурил он меня и повернулся к Бутафорову. — Вот какое дело, Николай, сейчас позвонил секретарь обкома, мне нужно завтра к одиннадцати быть в Пскове. Придется тебе проводить отчетно-перевыборное собрание в вагонном депо. А обстановка там сложная, сам знаешь... Худякова придется снимать к чертовой бабушке... Уходишь? А я хотел с тобой потолковать.

— Встреча с избирателями, — сказал Николай. — Я тебе вечером позвоню. Когда выезжаешь?

— Выезжаешь... — усмехнулся Куприянов. — Если бы я сейчас выехал, и то к утру бы не успел. На дороге гололед... Вылетаю. Завтра в восемь утра.

— Я тебе позвоню.

— Тогда уж лучше ко мне домой заходи. Это серьезный разговор.

Мы вышли в приемную. Миловидная женщина с льняными волосами что-то печатала на машинке. И хотя она смотрела на нас, пальцы ее бойко стучали по клавишам. На маленьком полированном столике штук пять разноцветных телефонов.

— Ко мне нет вопросов? — остановился на пороге своего кабинета Куприянов. — Если есть — заходи.

«У меня нет к вам вопросов, Борис Александрович, — подумал я, — а вот у вас ко мне, бьюсь об заклад, скоро появится много разных вопросов... Вот только не знаю, смогу ли я на них ответить...»

Мы с Николаем вышли на улицу. Ему всего и пужно-то было перейти через дорогу в здание горсовета. Щурясь от яркого солнца, Николай ждал, когда пройдут машины.

— Так мы с тобой и не выбрались на рыбалку, — посетовал он, глядя на светофор. Наконец вспыхнул красный свет, и Бутафоров, пожав мне руку, поспешил к своим избирателям.

«Теперь мне, Коля, не до рыбалки, — подумал я, глядя ему вслед. — Вот попозже, возможно, кроме рыбалки у меня и дел-то других не будет...» Припомнив пословицу «взялся за гуж — не говори, что не дюж» и обругав себя за малодушие, я зашагал по тротуару, сторонясь карнизов зданий, с которых прямо в голову нацелились огромные заостренные сосульки.

«Вот она жизнь, — подумал я, с опаской поглядывая на эти ледяные пирамиды. — Сорвется с крыши такая пудовая тютя, клюнет в макушку — и шапка не поможет!»

9

Заводская лаборатория, которой заведовал Тропинин, находилась на втором этаже здания заводууправления. Я несколько раз заходил туда. В просторной комнате, уставленной столами и стеллажами с пробирками, ретортами и другой лабораторной утварью, работали четыре девушки. Когда я проходил мимо крошечного кабинета заведующего, одна из лаборанток проводила меня долгим и недружелюбным взглядом, но стоило мне повернуть голову в ее сторону, девушка поспешно нагнулась к своим пробиркам, в которых розовела какая-то вспененная смесь.

Эта девушка была Маша Кривина. Видно, крепко, чуждачка, рассердилась на меня.

Анатолий Филиппович был на месте.

— Я знаю, зачем ты пришел,— улыбнулся Тропинин, оторвавшись от микроскопа.— Значит, как говорили наши предки: идем на «вы»?

— Любомудров сказал? — удивился я.

— Я его не видел,— рассмеялся Анатолий Филиппович.— И потом, из Любомудрова слова клещами не вытянешь... Просто интуиция... Не один ты такой проницательный!

Я сказал ему о твердо принятом решении внедрить в производство изготовление новых деталей, не скрыл о гигантских трудностях, с которыми придется изстретиться с первых же шагов... Не рассказал лишь о своем разговоре с Бутафоровым. Я подумал, что узнай секретарь партбюро пусть даже о молчаливой поддержке секретаря горкома партии, он морально почувствует себя свободным от ответственности...

Но как впоследствии выяснилось, я еще плохо знал Тропинина. Этот человек не боялся никакой ответственности и, приняв решение, дрался за него до конца. Но все это я узнал потом, а сейчас пристально смотрел на Анатолия Филипповича, ожидая, что же он мне скажет.

— Нужно приступать к работе, и немедленно,— сказал он.— Теперь каждый день дорог...— и, прищурившись, взглянул на меня: — Это твоя идея Архипова в отпуск спровадить?

— Он такой театрал, а сейчас зимний сезон в самом разгаре...

— Может быть, ты и прав,— сказал Тропинин,— хотя я и не терял надежды перетянуть его на нашу сторону.

Я с удовольствием смотрел на него: этот человек мыслил, как и я. И, по-видимому, эти проекты тоже не выходили у него из головы. Не сговариваясь, мы разными путями пришли к одному и тому же трудному решению: выпускать детали к домам, спроектированным Любомудровым.

— Здесь мои последние выкладки,— кивнул Тропинин на журнал с колонками формул и цифр.— Мы сможем работать на местном сырье. Не в ущерб плановой продукции... Разумеется, на первых порах.

Это меня удивило! Я еще сам не знал, решусь ли на все это, а Тропинин уже провел все лабораторные исследования, как будто производство новых деталей — дело давно решенное.

Не скрою, что удивление мое было приятным. Пока я мучился сомнениями и бессонными ночами искал на них ответ, Анатолий Филиппович работал. И работал на полную катушку, потому что я примерно знал, сколько нужно было провести исследований, сделать анализов, чтобы наверняка определить, подойдет ли местное сырье — сейчас мы работаем на привозном — из Торонецкого песчаного карьера для составления рабочей газосмеси железобетона...

Забыв про все остальное, я углубился в расчеты и выводы Тропинина. Мы прикинули емкость карьера: если не хватит сырья — все может лопнуть, — новые расчеты и перестройку нам уже будет некогда делать...

Здесь и нашла меня Аделаида.

— Вы не сказали, куда пошли, а вам два раза звонили из Москвы, — ледяным тоном сообщила она. — Из горкома партии приехал инструктор с иностранцами, хотят с вами встретиться...

Я чертыхнулся — не вовремя их принесло! — и сказал, что сейчас приду, и Аделаида вышла, поджав губы. Весь ее оскорбленный вид говорил, что нельзя директору так легкомысленно удираť из своего кабинета, не поставив об этом в известность секретаря...

— Я потолкую об этом с инженерами-коммунистами, — сказал Тропинин.

Я попросил его подождать с этим. Вот сварим железные формы, нарежем арматуру для новых панелей, подготовим компоненты для газосмеси, а потом, когда уже отступать будет поздно, и поставим людей в известность...

— Не знал, что ты такой осторожный, — заметил парторг, но спорить не стал.

— Как эта Маша Кривина, твоя лаборантка? — поинтересовался я, собираясь уходить.

— Понравилась? — улыбнулся он.

— Хорошая работница? — не поддержал я его юмор.

— Самые сложные расчеты сделала она, — сказал Тропинин. — Толковая лаборантка. Она ведь заочно в институте учится.

Я спросил, почему он ее в отпуск за свой счет не отпустил.

— Пожаловалась, чертовка! — добродушно улыбнулся Тропинин. — Какой еще отпуск? Я без нее как без рук!

«Чертовщина! — подумал я, покидая лабораторию. — Никогда бы не подумал, что эта заносчивая девчонка — такой ценный работник...» — и с уважением посмотрел на девушку, склонившуюся над желтой ванночкой с пахучей бурлящей жидкостью.

Девушка же на меня даже не взглянула.

Любомудров развил бурную деятельность: на широкой площадке между цехами, где и раньше сваривали формы для панелей, появились громоздкие приспособления, груды железных и стальных балок — это Васин подбросил обещанный металл. С утра до вечера здесь кипела работа: трещали сварочные аппараты, ухал паровой молот. Комсомольцы в нерабочее время убрали территорию, подвели под временную крышу небольшой участок, где расположились аппаратура и передвижной компрессор. Так называемый незаконнорожденный экспериментальный цех начал действовать.

Я думал, ко мне будут приходить инженеры и интересоваться, что это такое происходит на просторной площадке под открытым небом, но никто не приходил и не задавал никаких вопросов. И даже на планерке, когда Любомудров завел речь о том, что для экспериментального цеха требуются рабочие, все восприняли это совершенно спокойно. А Сидоров — начальник основного цеха — даже пообещал подбросить двух человек. У него установили электроконтактный сварочный автомат для сварки железной арматуры, и высвободилась рабочая сила.

В наши планы Тропинин посвятил Геннадия Саврасова, секретаря комсомольской организации, и в общих чертах — главного бухгалтера Галину Владимировну, заместителя секретаря партбюро. Где только возможно было, я снимал рабочих с основного производства и переводил в экспериментальный цех. В первую очередь нам нужны были железные формы оригинальной конструкции для отливки новых деталей. Вся бригада сварщиков была брошена на эту работу. Ко мне приходили начальники цехов и просили дать хотя бы одного сварщика для текущих

работ в цехах, ведь раньше сварщики всегда были у них под рукой. Хитроумные приспособления Любомудрова собирали и устанавливали четыре опытных слесаря и молодой механик. Я на свой страх и риск договорился с начальником строительного треста, чтобы он дал мне спецбригаду для возведения крыши над экспериментальным цехом. Весна свирепствовала всюду: снег в городе растаял, на территории завода разлились огромные лужи. Рабочие шлепали в резиновых сапогах. То и дело моросил дождь. Экспериментальный цех находился между двумя корпусами, так что две капитальные стены были. Нужно было возвести еще две цокольные и поставить большие двери. Железный каркас для крыши был возведен еще строителями. Так что для меня главным было застеклить крышу, а цокольные стены собственного производства поставим к осени. Вся загвоздка была вот в чем: средства для строительства нового цеха, который мы называли экспериментальным, были запланированы министерством на будущий год, а цех должен быть построен в этом году. И совсем не тот цех, который планировало министерство, а совершенно другой... Цех, в котором будет сосредоточена вся необходимая аппаратура для перестройки технологического процесса всего завода... Так сказать, наша бомба замедленного действия. Когда все будет готово в экспериментальном цехе, можно будет останавливать конвейер и переходить на выпуск новой продукции.

С Галиной Владимировной у меня были каждый день стычки: требовались деньги, а она отказывалась оформлять чеки для Госбанка. Я ее понимал. Я запустил лапу в наши неприкосновенные фонды. Я убеждал, уговаривал, и в конце концов, вздыхая и хмурясь, она подписывала, хотя по лицу было видно, что делала это против своей воли. Я стал слишком часто напоминать, что в конце концов директор — главный распорядитель кредитов. А Галина Владимировна толковала о финансовой дисциплине и ревизии. Дескать, с нее тоже строго за все спросится.

Когда невозможно было ее поколебать, я подключал к этому делу Тропинина. Он нажимал на нее по партийной линии, как на своего заместителя... Пока главбух со скрипом, но поддавалась нашим непрерывным атакам.

Геннадия Саврасова не нужно было ни во что и посвящать: он был другом Любомудрова и полностью разделял все его идеи. Для меня комсомольский вожак ока-

зался незаменимым человеком. Когда необходимо было расчистить от мусора и металлолома территорию экспериментального цеха и я ломал голову, где взять рабочих, он предложил организовать общезаводской комсомольский субботник — и за один день всю территорию привели в порядок. И теперь, как только мне срочно была нужна рабочая сила, я звонил Геннадию — и он всегда меня выручал.

На самом заводе пока все обстояло благополучно. Основные цеха работали бесперебойно, продукцию мы гнали, план перевыполняли, но я знал, что как только будет оборудован экспериментальный цех, завезено сырье, сварены новые формы, придется одну поточную линию полностью остановить и переоборудовать... Мне хотелось это сделать как можно безболезненнее для завода, вернее, для плана, так примерно, как поступают бегуны на эстафете: утомленный бегун приближается к финишу, а отдохнувший уже бежит рядом с ним, готовясь сразу за финишной чертой принять эстафету и без задержки припустить дальше...

В кабинете я теперь бывал только утром и вечером: большую часть дня мотался по городу, доставая дефицитные материалы. Частенько наведывался на территорию экспериментального цеха. Вот и сегодня, подписав бумаги и переговорив по телексу с Москвой, я отправился на площадку. Над заводскими корпусами низко проносились хмурые облака, холодный ветер раскачивал тонкие голые деревца, посаженные в сквере между длинными корпусами, сдувал морщинистую пенку с мутных луж, погромыхивал железом на крыше. Монтажники уже приступили к застеклению крыши. Им там, наверху, больше всех доставалось от завывающего ветра. Тарахтел подъемный край, поднимая на верхотуру раскачивающуюся клеть с толстым стеклом и строительными материалами. Трещали сварочные аппараты. Ярко-голубые сполохи возникали на белой стене заводского корпуса, длинные дрожащие тени ползли до самой крыши, а потом съезживались, исчезали.

Любомудров и механик оседлали одно из механических приспособлений — творение инженера — и орудовали гаечными ключами. На опрокинутом ящике из-под железных скоб трепетал, прижатый белым кирпичом, рабочий чертеж. Впрочем, механик и Ростислав Николаевич на него не смотрели.

Я не стал их отвлекать и подошел к рабочим, обдирающим широкими напильниками грубо сваренные формы. Металл пронзительно визжал, на сосновые доски сыпалась блестящая стружка. Я подумал, что могли бы для этого дела приспособить электрический наждак, все быстрее бы пошло... Эту работу выполняли Леонид Харитонов и его дружок Вася Конев, худощавый парень с узким лицом, на котором каким-то чудом помещались большущие выразительные глаза и длинный, заостренный внизу нос. Вася напоминал какого-то экзотического австралийского зверька, то ли лемура, то ли забавного ленивца, который часами неподвижно висит на одной ветке, созерцая окружающий мир огромными удивленными глазами. Впрочем, Вася Конев был очень подвижным и энергичным. Напильник так и летал в его руках.

— Здравствуйте! — разогнул спину Харитонов.

Вслед за ним выпрямился и Вася. Я заметил, что он во всем подражает своему другу. Даже берет надвинут на лоб, как у Лени, и шарфы у них одинаковые.

— Достается вам здесь на ветродуе? — заметил я.

— Тут курорт, — ухмыльнулся Леонид. — Не то что в пехе. Я, товарищ директор, обожаю на свежем воздухе вкалывать. Не полюбил бы я наш родимый завод — в монтажники-высотники подался бы. Как это в песне-то?.. Не кочегары мы, не плотники, а мы монтажники-высотники, да-да! И с высоты вам шлем привет...

— Мерзнуть нам тут недосуг, — поддакнул Вася.

— Я в армии в десантных войсках служил, — продолжал Леонид. — Имею разряд по парашютному спорту.

— Я тоже когда-то кончал авиационное училище, — сказал я. — Начальником связи эскадрильи летал на этих... ПЕ-два.

— Я про такие и не слышал, — ввернул Вася Конев. — Что это за самолеты?

— В Отечественную войну они давали фашистам прикурить, — сказал Леонид. — Утюжили Берлин.

— Товарищ директор, а вы утюжили Берлин? — поинтересовался Вася. И в больших глазах его неподдельный интерес.

Я понимал, что ребятам хочется поговорить, но у меня в запасе ничего военного не было: училище я закончил в пятьдесят втором году, а в войну мне было десять лет. И потом, после училища я быстро был демобилизован по

болезни. В военном билете так и записано: «Во время выполнения ответственного задания получил серьезную травму правой руки. Демобилизован по статье такой-то...» Рассказывать об этом задании мне не хотелось. Хотя оно и ответственное, но все равно это было в мирное время, а ребята с удовольствием послушали бы какой-нибудь захватывающий эпизод из настоящей фронтовой жизни.

— Я брюки утюжил в училище,— пошутил я.— Чтобы девчатам в офицерском клубе понравиться.

— Ну и как, нравились? — спросил Леонид. Он удобнее уселся на доски. Вася Конев примостился рядом. Он был почти на голову ниже своего приятеля.

— Я там не терялся,— сказал я.

— А тут теряетесь,— хитровато посмотрел на меня Леонид.

— Это как понимать? — нахмурился я.

Однако Харитонов смутить было не так-то просто. С невинным видом он высморкался в гигантский клетчатый платок, сказал:

— Мой дружок автомотогонщик Петька Васнецов, ваш шофер, говорил, что вы холостяк и на женщин совсем даже не смотрите. А у нас тут красоток — пруд пруди! Только заикнитесь — любая за вас пойдет!

— Так уж любая.

— Пойдет,— уверенно поддержал приятеля Вася.

— Ладно, я подумаю,— улыбнулся я.

Хотя разговор мы вели и довольно вольный, надо отдать должное ребятам, они держались в рамках, без тени фамильярности.

— Товарищ директор...

— У меня ведь есть имя и отчество,— заметил я.

— Максим Константинович, вы не забыли про нашу базу? — напомнил Леонид.— Май-то не за горами...

На обратном пути из соснового бора мы с Любомудровым заезжали на нашу строящуюся базу отдыха. Турбаза уже была подведена под крышу, внутри большого просторного помещения велись отделочные работы. Под навесом из толя были сложены добротные лодки, прибывшие из-под Ленинграда. Прораб пообещал, что к Первому мая база сможет принять первых отдыхающих!

Обо всем этом я и рассказал парням.

— Максим Константинович, а что это мы за формы делаем? — спросил Вася.— Какие-то они странные.

— Чего же тут странного?

— Непохожие они на те, что на потоке.

— Я же тебе объяснял, лопуху,— вмешался Леонид.— Это никакие не формы, а арматура для космического корабля... А вон Ростислав Николаевич с механиком монтируют секцию для межгалактической станции...

— Прямо в точку,— улыбнулся я, однако подумал, что такие вопросы скоро станут возникать все чаще и чаще.

— Ну что ж, я согласен и в космос,— улыбнулся Вася Конев.

Я подошел к Любомудрову. Склонившись над чертежом, он что-то сердито доказывал низкорослому молоденькому механику, вытиравшему измазанные руки ветошью. Механик, упрямо нагнув голову, видно, не соглашался с ним.

1

Пять с половиной шагов в длину и четыре в ширину: таковы размеры моей комнаты. Как тигр в клетке, я шагал и шагал из угла в угол. Во рту изжеванная сигарета. Мрачные мысли одолевали меня. О работе я сейчас не думал и не хотел думать. Пока все шло нормально, но все чаще мне становилось не по себе. Наверное, такое же ощущение испытывает альпинист, с великим трудом вскарабкавшийся на неприступную скалу и после краткого временного блаженства и упоения одержанной победой начинает с тревогой оглядываться вниз, на глубокую пропасть, понимая, что спуск будет еще труднее, чем подъем.

Сейчас я думал о другом. Вот уже скоро полгода, как я совсем один. Живу настоящим монахом-отшельником. Последний раз Нина позвонила месяц назад. И хотя она очень мило щебетала своим высоким голоском и говорила, что чертовски скучает и звала меня в Ленинград, все это были пустые слова. Меня и Нину больше ничто не связывало. И мы оба это знали. Я сделал маленькую попытку восстановить прежнее: пригласил ее в Великие Луки. Она сказала, что это невозможно, по горло работы и все такое. Я посоветовал плюнуть на все, взять отпуск и приезжать. Нина даже рассмеялась на это нелепое предложение. Она ни за какие коврижки не променяет Черное море на Великие Луки! Нина каждое лето ездила на юг и возвращалась оттуда пастоящей негритянкой. Редкая женщина ухитрялась за месяц вобрать в себя столько южного солнца. А в северном Ленинграде Нина, по крайней мере, месяца два щеголяла в коротких открытых платьях собственной конструкции, вызывая жгучую за-

висть бледнолицых и откровенное восхищение мужчин. При Нинином характере это было не так уж и трудно.

К тревоге по поводу моих деяний примешивалась и острая тоска одиночества. Я вспомнил где-то вычитанную цитату: «Одиночество для ума — то же, что голодная диета для тела: оно порой необходимо, но не должно быть слишком продолжительным». Так вот мое одиночество ума — вечерами мне не с кем перекинуться словом, а сегодня даже Мефистофель куда-то запропастился! — и одиночество тела повергли меня в такое мрачное состояние духа, что хоть караул кричи!

В Ленинграде у меня была Нина, а здесь — никого. Дешевых мимолетных романов я заводить не умел, да это было и не просто, когда ты весь на виду.

Я задумывался: что же мне делать?

Послышалось легкое царапанье, стукнула, распахиваясь, приоткрытая форточка, раздался чуть слышный мягкий стук лап о подоконник, и передо мной предстал Мефистофель. Решив, что его эффектное появление повергло меня в изумление и священный трепет, Мефистофель переключил свои горящие глаза на ближний свет и, жалобно мяукнув, спрыгнул на пол.

Март отгремел грохотом падающего с крыш снега, звоном дробящихся при могучем ударе о тротуары сосуллек, душераздирающими криками взбесившихся котов, и мой Мефистофель теперь наслаждался спокойной мирной жизнью. Так как меня дома не бывало с утра до вечера, я оставлял форточку открытой — и Мефистофель мог всегда, когда ему заблагорассудится, выйти на волю. С подоконника он вспрыгивал на раму, вылезал в форточку наружу и черной молнией взлетал на небольшой балкон, откуда крался по железному карнизу к водосточной трубе и, царапая острыми когтями по цинку, спускался на грешную землю. Всякий раз от этого омерзительного визга от соприкосновения когтей с железом у меня мороз бежал по коже. К счастью, возвращался Мефистофель всегда другим путем: через крышу дома.

На кухне я всегда оставлял ему в блюдце молоко, а в алюминиевой чашке — разную еду. Дело в том, что когда я утром вставал на работу, лептяй Мефистофель еще нежился в моей теплой постели. А когда я бесцеремонно сбрасывал его на пол, сдвигая диван-кровать, он недоволь-

по ворчал, потягивался и, сладко зевая, так что я видел в его раскрытой красной пасти маленькое горло и бледный язычок, уходил в прихожую и устраивался на пушистом коврикe. Причем тут же засыпал, крепко смежив разбойничьи очи. Готовя себе завтрак и чай, я чуть было не наступал на него, но Мефистофель продолжал безмятежно спать. Этот захватчик считал коврик тоже своей священной территорией. Когда коту надоедало мое хождение взад-вперед, он приоткрывал зеленые глаза и укоризненно смотрел на меня, дескать, если сам встаешь ни свет ни заря, так не мешай другим отдыхать.

Мефистофель вспрыгнул на краешек письменного стола, умыл свою хитрую морду лапой и стал внимательно за мной наблюдать. Когда я проходил мимо него в дальний угол комнаты, он медленно вслед за мной поворачивал голову. Свет от торшера падал на его морду, и белые редкие усы кота блестели.

Я замедлил шаги, остановился возле серванта, открыл дверцу и налил в рюмку из початой бутылки коньяку. Залпом выпил и захлопнул дверцу. Мефистофель с явным отвращением наблюдал за мной.

Набросив на себя теплую на меху куртку, я вышел прогуляться. На небе уже мерцали звезды, из-за каменной трубы многоэтажного здания криво торчал желтый месяц. Щедро рассыпая красные искры, по железнодорожному мосту через Лазавицу прогрохотал пассажирский «Москва — Рига». Желтыми квадратиками промелькнули освещенные окна, некоторое время помигал красный фонарь на последнем вагоне, и снова стало тихо.

Я не спеша брел по улице к центру. Прохожих мало, зато на автобусных остановках толпятся люди. Широкие витрины магазинов ярко освещены.

Я вышел на улицу Ленина — здесь прохожих было побольше, — миновал Драматический театр, высокие желтоватые колонны его мягко светились, поднялся выше — и передо мной открылся большой каменный мост через Ловать. Вдоль пустынной набережной горели уличные фонари. Под мостом глухо шумела река. Лед прошел давно, Ловать поднялась, вздулась от весенних паводков и теперь мощно и бурно несла свои взбаламученные воды в Низы. По реке плыли коряги, вырванные с корнями прибрежные кусты, просмоленные выгнутые доски — останки разбитых разбушевавшейся рекой лодок.

Здесь, на мосту, свирепствовал ветер. Он басовито гудел в бетонных опорах, со свистом продирался сквозь чугунные решетки, обдавая лицо холодными брызгами, срывал желтоватые комки пены с прибрежных волн, с тихим шорохом гонял по мертвому парку ржавые прошлогодние листья и бумажки от мороженого.

А вот и улица Лизы Чайкиной. Знакомый четырехэтажный дом. В квадратных окнах розовые, зеленые, сиреневые огни. В зависимости от абажуров и занавесок. Ее окна выходят во двор. Так что я даже не знаю, дома ли она...

Медленно поднимаюсь по бетонным ступенькам. Откуда-то сверху приглушенно доносится музыка: магнитофон или радиола. На втором этаже останавливаюсь перед знакомой дверью. Она обита грубой мешковиной, из прорех торчит пакля. Я еще не уверен, что постучусь в эту дверь.

И вдруг дверь сама тихо отворяется. На пороге Юлька. Она в коротком байковом халате и лакированных туфлях-лодочках. Я вижу ее белые круглые колени, поднимаю взгляд выше, и наши глаза встречаются. Сейчас при тусклом свете электрической лампочки глаза Юльки мне кажутся ярко-зелеными, как у Рыси. Юлька или возбуждена, или ей жарко: на щеках румянец, в глазах теплый блеск.

— Здравствуйте,— ничуть не удивившись, говорит она и, пропуская меня, отступает в маленькую прихожую.

У меня на коленях резная шкатулка темного орехового дерева. Крышка треснула и держится на одной петле. Я достаю из нее старые, аккуратно сложенные письма и читаю их. Это мои письма Рыси. Много писем. Чернила кое-где выцвели, конверты пожелтели, обтрепались. И почерк смешной: какой-то ученический; перо нажимало на бумагу, брызгали чернила, косые буквы наскикивали друг на друга. Тогда ведь не было шариковых ручек, зато почерк выражал индивидуальность человека. А шариковая ручка пишет ровно, бесстрастно.

Кроме писем, вырезки из газет: статьи и очерки о Рыси. Фотографии. Рысь в штурманской рубке корабля, Рысь на капитанском мостике... На самом дне шкатулки я нашел телеграмму, вернее, обрывок телеграфного бланка: из Севастополя, год, число, исходящий номер, город

Великие Луки, адрес общежития железнодорожного техникума, мое имя, фамилия и после большого пропуска (бланк неровно разорван пополам) следующие слова: «...приходи воскресенье Дятлинку...» (опять пропуск). И дальше: «...ждать твоя Дина».

Я вертел телеграмму в руках и ничего не понимал. Она пришла в общежитие, когда я там жил. Ровно через два месяца после исчезновения Рыси. Мы в техникуме только что приступили к занятиям. Боже мой, значит, Рысь все-таки приезжала сюда из Севастополя, чтобы встретиться со мной, и мы не встретились... Оба были в одном городе — и не встретились! Как могла произойти такая ужасная пеленость?! Почему я не получил эту телеграмму? Почему она снова оказалась у Рыси? Почему Рысь сама не пришла в общежитие и не разыскала меня?.. Может быть, я был на практике? Нет, это было гораздо позже... Что же произошло?..

Кто мне ответит на все эти вопросы?!

Я услышал негромкий смех. Читая старые письма и окупнувшись в грустные воспоминания, я совсем забыл про Юльку. Она сидела напротив на широкой тахте, которая появилась в комнате вместо пружинной металлической кровати с никелированными шпешечками. В руке рюмка с красным вином. Это в честь моего прихода она принесла из кухни большую красивую бутылку вермута. Я потянулся к столу и взял свою рюмку. Не глядя на Юльку, быстро выпил.

— Ты что смеешься? — спросил я.

Юлька сидела, поджав ноги под себя. Короткий халат совсем не закрывал ее полные загорелые ноги, но Юльку это совсем не смущало. Зато я старательно отводил свой взгляд в сторону.

— У вас было такое лицо, когда вы смотрели на телеграмму...

— Какое?

— Как будто вас ограбили.

— Меня на самом деле ограбили, — сказал я. — Украли самое дорогое в жизни.

— Мне вас ничуть не жалко, — усмехнулась она.

— Я очень любил ее. Пожалуй, я больше никого так не любил.

— Она вас тоже любила. А когда перечитывала эти письма, у нее было точно такое же лицо, как сейчас у

вас... И она мне тоже как-то сказала, что, кроме вас, никого по-настоящему не любила. Даже своего мужа. Мы ведь с ней очень подружились, хотя она была и старше меня.

Я взял из раскрытой шкатулки обрывок телеграммы и показал Юльке:

— Если бы я тогда получил эту телеграмму...

— Почему же вы ее не получили?

— Боюсь, что на этот вопрос уже никто не сможет ответить.

Юлька задумчиво посмотрела на меня.

— Если бы вы получили эту телеграмму, она, может быть, не погибла бы...

— Ты что имеешь в виду? — насторожился я.

— Она бы не вышла замуж за моряка и не разбилась в машине на крымской дороге.

— И все-таки я узнаю, почему телеграмма не дошла до меня, — сказал я. — Сдается мне, что это не случайность.

— Прямо как в шекспировских трагедиях, — усмехнулась Юлька. Она опустила ноги на пол, одернула халат, просто так, для порядка, потому что он ничуть не закрыл ее красивых ног, подняла рюмку и тихо и очень серьезно сказала: — Давайте выпьем за Дину? Она была удивительной женщиной.

— За Рысь! — сказал я.

Юлька поставила недопитую рюмку на стол и, кивнув на шкатулку, сказала:

— И больше не будем о прошлом... Хорошо?

Сегодня я увидел совсем другую Юльку: взрослую, уверенную в себе и очень женственную. А ведь совсем недавно она казалась мне этакой грубоватой девчонкой-мальчишкой! И эта женственность проявилась не в том, что она сегодня в простеньком домашнем халате и лакированных лодочках, изящно обтекавших тонкую лодыжку, а в ее глазах, движении округлых смуглых рук, неуклюжим повороте шеи, легкой белозубой улыбке, то и дело трогавшей ее сочные губы. Густые русые волосы спускались до плеч. Они поблескивали, будто прихваченные ипеем.

Мы были с Юлькой вдвоем. Бабка ее уехала в деревню к родственникам на пасху. На тумбочке тикал маленький серебристый будильник. Разговор у нас что-то не

клеился. Меня смущал ясный, пристальный взгляд девушки. Иногда на ее лицо набегала легкая задумчивая тень.

— Я ведь давно знаю вас,— сказала она и улыбнулась.— И даже немного не любила... Ведь я считала, что это вы сделали Дину несчастной... Не подумайте, что она тоже так думала. Ничего подобного! Она тоже считала, что произошла какая-то роковая ошибка, которую уже невозможно было исправить... А когда я впервые увидела вас...

— И что же? — невольно улыбнулся я.

— Я поняла, что вы тоже... несчастливый.

— Поэтому ты и произнесла эти страшные слова: «Приходи в воскресенье»?

— Я не хотела причинять вам боль,— сказала она.

Я положил свою ладонь на ее руку. Она не отняла.

— Мы договорились больше ни слова о прошлом?

— Я налью? — взглянула она на меня и наполнила рюмки.

Мы выпили. Я смотрел на эту девушку и начинал понимать, что происходило со мной в последние недели. Я думал о ней, не признаваясь в этом самому себе. Думал и днем и ночью. Между мной и Ниной пролегло не только расстояние от Ленинграда до Великих Лук, а и встала длинноногая бронзоволосая Юлька. И сегодня, когда я вышел из дома и побрел куда глаза глядят, ноги сами привели меня к ее дому. Ведь я не знал, что она дома и тем более одна. Я мог вообще ее не застать и еще некоторое время водить себя за нос, делая вид, что Юлька для меня ничего не значит и я о ней совсем не думаю... До чего же наша совесть изворотлива и изобретательна! Вот до сегодняшнего вечера я подсознательно внушал себе, что Юлька мне безразлична, а если я и думаю о ней, проявляю интерес, как тогда, когда специально пришел в клуб на новогодний вечер, где Юлька пела и плясала, то лишь потому, что она похожа на Рысь... К чему себя обманывать? Рысь — это далекое и грустное воспоминание, а Юлька — самая настоящая реальность. Моя совесть внушала мне, что грех даже подумать о Юльке как о женщине. Ведь я намного старше ее. И я, прислушиваясь к своей совести, старался не думать...

А сегодня сама судьба свела нас вместе! Сколько могло быть случайностей, которые предотвратили бы эту

встречу. Я собрался с Любомудровым поехать в Стансы, где неподалеку от построенных стандартных домов мы облюбовали площадку для нашего экспериментального поселка. Поездка сорвалась потому, что меня срочно вызвали в горисполком. Бутафоров — я зашел к нему на минутку — пригласил меня на чай, и я согласился, но тут выяснилось, что у Маши вечером репетиция в театре и она задержится. И если бы пресыщенный мартовской любовью Мефистофель не явился домой, я, пожалуй, не отправился бы сегодня на прогулку, так как намеревался принять снотворного и завалиться спать...

Случайность ли, что мы сегодня вдвоем с Юлькой? Шиллер утверждал, что случайностей не бывает. «Что кажется нам случаем слепым, то рождено источником глубоким». И еще Шиллер говорил, что влечение сердца — это голос рока.

Мы молча смотрели в глаза друг другу. И она и я понимали, что внутри нас что-то сдвинулось с мертвой точки и, разрастаясь, устремилось навстречу друг другу, грозя захватить целиком, без остатка. И в этом невозможно ошибиться. Я никогда не был излишне самонадеянным, но сейчас наверняка знал, что Юлька чувствует то же самое, что и я. Откуда появилась у меня эта уверенность? Я и сам не знал...

— Юля, я ведь не позвонил тебе, почему ты открыла дверь? — задал я ей мучивший меня вопрос. Мне хотелось поскорее все выяснить. — Ты ждала кого-нибудь?

— Я ждала тебя, — просто ответила она, совершенно естественно перейдя на «ты».

Я поднялся со стула и шагнул к ней. Она тоже встала и закинула теплые гладкие, как шелк, руки мне на шею. От прикосновения к ней мне стало жарко, голова пошла кругом. Я оперся о стол, чтобы не пошатнуться. Что-то непонятное происходило со мной, будто я из одного измерения вступил в другое, незнакомое, неведомое... Все, что я испытывал когда-то к Рыси, возросло во сто крат, подхватило меня мощным шквалом чувств, понесло...

А в следующее мгновение произошло вот что: Юлька отступила на шаг, глаза ее расширились, в них появилось какое-то странное выражение. Будто злясь на себя, она обожгла меня разгневанным взглядом и жестким, насмешливым тоном произнесла:

— Пан директор, вы теряете голову...

Меня будто в холодную воду окунули. Тяжело опускался на стул — я его не сразу нащупал, — я матерился про себя, кляня свою хваленую интуицию, родство душ и прочую психологическую чепуху... Молодец девчонка! Одной фразой сразу посадила старого дурака на место! «Пан директор...» Я готов был сквозь землю провалиться. И не знал, что меня больше угнетает: стыд, разочарование или злость?..

Я, ваверное, машинально взглянул на часы, потому что она заметила:

— Я вас не гоню... И не смотрите на меня так, будто я уже уволена с завода!

Я понимал, что она эту срезь несет, чтобы прийти в себя, так сказать, скрыть за пустыми словами то, что происходит с ней самой. А в том, что она и сама растеряна и не знает, как ей сейчас держаться со мной, я не сомневался, но был слишком зол, чтобы помочь ей.

Я налил вина, залпом выпил. Поколебавшись, налил и ей.

— Пей, — сказал я.

Она послушно протянула руку, а глаза настороженно следили за мной. Зеленый ободок в ее расширившихся глазах постепенно становился тоньше.

— Мы оба потеряли голову, — примирительно сказала она. — А мне этого делать, пан директор, совсем ни к чему...

— Не называй меня так, — пробурчал я.

— Я буду звать тебя Максимом...

Я где-то читал, что человек может любить женщину, породить с ней детей и спокойно жить долгие годы, а потом вдруг встретить другую и сразу понять, что вот она единственная, которая для него предназначена, а все, что было раньше, — это иллюзии, самообман.

Нечто подобное и я испытывал сегодня. Если, направляясь сюда, я лишь смутно догадывался, что значит для меня Юлька, то сейчас я твердо знал, что эта девушка и есть моя судьба. Причем судьба трудная — я в этом трезво отдавал себе отчет, — но другой судьбы мне и не надо. Мое неразделенное чувство к Рыси — я не забывал Динку никогда — сыграло немалую роль в моем отношении к Юльке. Ведь они многим были похожи друг на друга.

Чтобы это понять, нужно пережить все то, что пережил я... И теперь все, что когда-то предназначалось Рыси, я готов был отдать Юлии. Потеряв безвозвратно Рысь, теперь, еще не обрета, уже страшился потерять и Юльку. Немного зная ее характер, я осторожно старался вызвать девушку на откровенный разговор, чтобы лучше понять ее и не совершить какой-нибудь непростительной ошибки и не оттолкнуть навсегда ее от себя.

Мы сидели друг напротив друга и разговаривали. Мне до младкой боли в сердце хотелось протянуть руки и погладить ее атласное колено. И я знаю, сейчас бы она меня не оттолкнула, но я приказываю своим рукам не дотрагиваться до нее. И один бог знает, как мне было трудно это.

— Ты такой молодой,— говорила она.— Наверное, спортом занимался?

— В армии я был разрядником по нескольким видам спорта. А потом увлекся мотогонками, теннисом. Даже был чемпионом района по теннису, когда учился в институте.

— У меня тоже первый разряд по легкой атлетике,— сказала Юлька.— Теперь я не занимаюсь спортом, разве когда в волейбол... Маша Кривина говорит, что спорт убивает женственность.

— Тебе это не грозит,— улыбнулся я.

— Я и так длинная... Бывало, придешь на танцплощадку, и никто не приглашает. Почти все парни ростом ниже меня. Почему в нашем городе так много низкорослых ребят?

— Влияние войны,— сказал я.— Голод, лишения, разруха. Несколько поколений это на себе почувствуют.

— А высокие — это те, кто после войны родился?

— Тут, по-видимому, много разных причин.

— Ты тоже высокий.

— Я родился до войны,— сказал я.— И гораздо старше тебя.

— Я не люблю парней-одногодок,— сказала Юлька.

Я молчал, чувствуя, что она мне сейчас поведаст свою историю. Прикрыв темными ресницами глаза, она негромко стала рассказывать:

— Я тогда училась в девятом классе. Мне было шестнадцать, и я уже все понимала. Напрасно наши родители думают, что мы, девчонки-школьницы, ничего не сообра-

жаем... Я уже в седьмом классе была влюблена в старшеклассника, правда, он не знал об этом... Я целовалась с мальчишками. Мне нравилось забираться с ними на чердак и обниматься там. Все это было так незнакомо, тревожно и заставляло сердце то замирать, то бешено колотиться. Я уже чувствовала себя женщиной и ждала, когда наконец появится мой принц. Наверное, потому, что я так нетерпеливо ждала его, я ошиблась и обыкновенное ничтожество приняла за принца из своей сказки... Я училась в девятом классе, а он был на втором курсе пединститута. На физмате. Познакомились мы на институтском вечере. Я участвовала в школьной самодеятельности: пела, танцевала. Мы там давали концерт. Ну, а потом остались на танцы... Он проводил меня домой, а потом стал караулить у школы. Впрочем, я от него и не бегала. Мы гуляли вечерами, целовались в подъездах, ходили в кино, кафе. Никто и подумать не мог, что я еще школьница. Я и ростом-то была почти с него. Потом он привел меня в общежитие, я у него осталась... Некоторые мои подружки всегда очень переживали после этого — я ни капли. Может быть, потому, что много читала и все знала из книг, но я считала, что раз природа так устроила, что мужчина и женщина должны быть вместе, значит, так и надо, за что же тут казнить себя? Мы стали встречаться и дальше, а через полгода я забеременела. И мой принц страшно перепугался. Когда он стал прятаться от меня, что-то врать и изворачиваться, у него даже глаза стали косить, я поняла, что это не мужчина, а тряпка и трус! Он поехал в Витебск на каникулы и все рассказал родителям. К началу занятий они приехали в Великие Луки вместе с ним и оформили его перевод в свой родной город, там тоже открылся институт. С ним я больше не встречалась, да и не хотела встречаться. Ко мне домой пришла его мать и уговорила меня сделать аборт. Она сама все устроила... С тех самых пор я больше не видела моего принца... Немного позже я поняла, что никогда его не любила... Я возненавидела всех мужчин на свете, потом-то я поняла, что это чепуха. Я боялась снова разочароваться. Потому что если такое еще раз случится, я никогда не выйду замуж, хотя и очень люблю детей... Может быть, я эгоистка, но я хочу сама выбрать себе мужчину. И быть равной с ним во всем. Почему-то большинство мужчин считают, что жена должна сидеть дома, на кухне, и под-

ждать его... А он в это время может позволить себе развлекаться с другой...

— Не все жены сидят на кухне и греют ужин для загулявших мужей,— усмехнулся я.

— Твоя не ждала?

— Нет,— ответил я.

— И правильно делала!

— Видишь ли, когда я был женат, я не развлекался с другими женщинами, а если и задерживался, то совсем по другой причине.

— Все мужчины одинаковы.

— Ты повторяешь чужие слова. И причем, слова не умных женщин.

— Наверное, зря я тебе все это рассказала...

— Понимаешь, как-то все очень буднично и просто получилось у тебя в первый раз. Целовались, ходили в кафе, потом пришли в общежитие, тебе стало его жалко... А о себе ты не подумала? Ведь тебе больше пришлось перенести, чем ему... Вот ты много книг прочитала, была, наверное, пионеркой, потом комсомолкой. Тебя не волновали такие понятия, как собственное достоинство, девичья гордость, честь?

— Ого, ты мне уже мораль начинаешь читать? — Юлька блеснула на меня глазами...

— Упаси бог!— сказал я.— Я хочу тебя понять...

— Зачем тебе это?

— Не все же так легко относятся к жизни, как ты.

— Ты совсем не знаешь, как я отношусь к жизни... И могу тебя уверить, что моя жизнь не такая уж легкая.

— Тогда ты...

Но Юлька уже закусил удила. Глаза ее широко раскрылись, и два ярких блика от электрической лампочки вспыхнули в них. Она отбросила с груди за спину прядь волос. Обнажившееся маленькое ухо горело как уголек.

— Я на жизнь свою не жалуюсь! Кто-то очень верно сказал: «Жизнь не может быть настолько тяжела, чтобы ее нельзя было облегчить своим отношением к ней». Так вот — у меня свое отношение к жизни. Все удары судьбы, ошибки я воспринимаю как опыт. Говорят ведь: юность совершает ошибки, зрелый возраст борется с ними, а старость сожалеет о них... Так вот я пока не сожалею о своих ошибках. Я была всегда для учителей загадкой. Они меня боялись. Понимаешь, с детства меня приучили мыслить

самостоятельно. И мне до сих пор очень трудно навязать чье-либо мнение. В этом отношении я очень похожа на твою Рысь... Не раз об этом от бабки слышала... В отношениях мужчины и женщины меня до глубины души возмущает то обстоятельство, что женщина должна принадлежать мужчине. Что она, вещь? Ее можно в карман положить, а завтра выбросить... Кто дал такое право одному человеку чувствовать превосходство над другим? Это же несправедливо! Почему-то женщины сквозь пальцы смотрят на измены своих мужей. Мужья же не прощают измены... А по-моему, нужно жить так: встретились два человека, и если им хорошо, им никто другой и не нужен. Ни ей, ни ему. А если уж они не нужны друг другу, то не нужно им и жить друг с другом. Тогда не будет и измен. Изменить можно принципам, но не мужчине или женщине. Если он ушел к другой, значит, ты ему не нужна. Чего же тогда возмущаться, переживать, обвинять этого человека? Разве насильно можно заставить жить одного человека с другим?

— Юля, ты любила когда-нибудь? — задал я самый банальный вопрос.

— Любовь — лишь одна из многих страстей. Она оказывает не столь уж большое влияние на жизнь в целом... Красивую любовь придумали писатели и поэты. И еще в кино увидишь. Не знаю, как другим, но мне стыдно смотреть людям в глаза после такого фильма... Такое ощущение, что людей надули, а они радуются этому...

— Циник — это человек, который, вдыхая аромат цветов, озирается вокруг, ища гроб с мертвецом, — усмехнулся я. — Тебе не идет быть циником.

— Благодарю, — усмехнулась Юлия.

Я понял, что если наш разговор будет и дальше продолжаться в том же духе, то мы зайдем в тупик. Действительно, ее трудно переубедить в чем-либо, тем более за один вечер. И так уже она совсем отвернулась от меня, а в глазах скука и разочарование. Мне вспомнилось четверостишие, которое я и декламировал заскучавшей Юлии.

— Наверное, шекспировские страсти мне несвойственны, — задумчиво сказала она.

— Юлия, ты еще так молода!

— А мне иногда кажется, что я старуха.

— Бедная Юлька, ты никогда не любила, — сказал я.

— Это хорошо или плохо?

— Не знаю,— ответил я, а про себя подумал, что это просто замечательно!

Она смотрела своими светлыми глазищами на меня и чуть заметно улыбалась. И это была не насмешливая улыбка, а скорее, задумчивая, грустная. А глаза удивительно чистые и добрые. Такое выражение не часто появляется на ее лице.

И мне приятно было услышать от резкой и своенравной Юльки такие слова:

— А вдруг я влюблюсь в тебя, Максим?

— Я был бы тогда самый счастливый человек на свете,— серьезно сказал я.

Мы проговорили всю ночь. Дворники шаркали метлами по тротуарам, сметая в кучи мусор, когда я возвращался домой. Большие цинковые совки, прислоненные к уличным фонарям, тускло блестели. Небо было затянуто дымчатой пеленой. Влажно блестел асфальт. То ли ночью моросил дождь, то ли выпала роса. В окнах домов, как на электронном табло, то тут, то там вспыхивали огни.

В моих ушах все еще звучали слова:

— Или ты очень хитрый, Максим, или... я совсем не знаю мужчин... Ты сейчас уйдешь и вместе с тем останешься здесь...— И неожиданно вскинула руки, так что широкие рукава халата соскользнули к самым плечам, тесно прижалась ко мне и крепко поцеловала в губы, так что я чуть не задохнулся. Затем не очень резко, но настойчиво подтолкнула меня к порогу и, в последний раз обдав растерянным волнующим взглядом, закрыла дверь.

Я тяжело поднялся на свой этаж и ключом открыл дверь. Когда я включил свет, то на тумбочке в прихожей увидел Мефистофеля. Склонив набок голову с белой отметиной, он с откровенной насмешкой смотрел мне в глаза.

Я дотронулся до его вмиг выгнувшейся спины и со вздохом сказал:

— Тебе, брат, гораздо проще живется...

2

Начались заморозки, я пересел с «газика» на «Волгу». Утром в мою машину чуть не врезался тяжело нагружен-

ный отесанными бревнами ЗИЛ. Только благодаря великолепной реакции Пети Васнецова удалось избежать аварии: мой шофер, увидев, как из-за поворота под красный сигнал светофора выскочил грузовик, мгновенно нажал на тормоза, и «Волга», свирепо завизжав, встала как вкопанная. Я ткнулся лбом в стекло, едва не выдавив его. А грузовик спокойно покати́л дальше.

— Пьяный! — коротко констатировал Петя и круто повернул вслед за грузовиком. Отчаянно сигналив и включив фары, Петя попытался остановить машину, но шофер никак на это не отреагировал. Тогда Петя решил обогнать ЗИЛ, но тот нахально загородил нам дорогу.

— И вдобавок еще хулиган, — прибавил Петя, продолжая сигналить. Васнецов заочно учился в автодорожном техникуме и, кроме того, был общественным автоинспектором, поэтому пройти мимо такого вопиющего факта нарушения правил уличного движения он, естественно, не мог. И хотя я спешил на завод, решил посмотреть, чем все это кончится. Нахал-шофер меня тоже разозлил: мало того что я из-за него наварил шишку на лбу, он мог еще и не то патворить, если действительно в нетрезвом виде сидит за рулем.

Хотя ЗИЛ развивает такую же скорость, как и «Волга», уйти ему от Васнецова все равно не удалось бы. Петя мог бы выжать из своей машины сто сорок километров. Грузовик он обогнал сразу за Сеньковским переездом и, приоткрыв дверцу, стал сигналить полосатой палочкой, которую достал из-под сиденья. ЗИЛ, подъехав вплотную, нехотя остановился. Петя выскочил на шоссе и, постукивая жезлом по ладони — этот жест он явно перенял у какого-нибудь автоинспектора, зашагал к машине. В заднее стекло я видел, как он пререкался с шофером, не пожелавшим даже вылезти из кабины. Петя показал свое удостоверение общественного автоинспектора, размахивал жезлом, но шофер, по-видимому, не собирался предъявлять ему свои права. Видя, что дискуссия может затянуться, — общественный инспектор — это все-таки не официальное лицо, — я тоже вылез из кабины и подошел к ним.

— Он говорит, что на перекрестке был желтый свет! — с возмущением обернулся ко мне Петя и снова ринулся в бой: — Ты же, скотина, чуть в меня не врезался! И почему не остановился?! Я же сигналил тебе?!

Мордастый шофер в засаленном ватнике и шапке-ушанке угрюмо цедил:

— А чего это я должен останавливаться? Я говорю, желтый был сигнал... Вон спроси начальника,— кивнул он в глубь кабины.— Он все видел.

С другой стороны распахнулась голубая дверца, и на обочину тяжело прыгнул... Аршинов. Широко улыбаясь, он подошел ко мне и пожал руку. Он был в синем плаще и выгоревшей железнодорожной фуражке. Жирный подбородок спрятался в клетчатом шарфе.

— Ну и настырный у тебя шофер! — сказал он.— Прицелился, как репей.

— Выходит, это ты меня хотел протаранить? — усмехнулся я.

— Максим Константинович, он выпивши,— сообщил Петя.

— Это ты, парень, врешь! — с возмущением посмотрел в его сторону Аршинов.— Ишь чего придумал! Я с ним с самого утра — и капли в рот не брал,— он снова повернулся ко мне.— Утихомирь ты его, Максим! Размахался тут своей палкой... Мне тары-бары недосуг разводить: лес теще в Поречье заброшу, да сразу же обратно. У меня сегодня отчетно-выборное собрание. Я ведь председатель месткома дистанции пути.

— Ну и как? — полюбопытствовал я.— Снова изберут?

— Куда денутся,— хмыкнул Аршинов.— Я ведь добрый: никого не обижаю.

Петя, увидев, что я мирно разговариваю с Аршиновым, выразительно поглядывал на меня, собираясь с достоинством отступить. Без поддержки представителя власти в милицейской форме общественнику трудно разговаривать с шофером, тем более в двух километрах от ближайшего поста.

Я постучал пальцем по своим часам, и Петя, с сердцем сплюнув через плечо, направился к нам. Оглянувшись, он пристально посмотрел на передний номерной знак. Это не укрылось от Аршинова.

— Нечего тебе делать, парень! — с неодобрением посмотрел он на Петю.— Ну, обмишулился малость человек, с кем не бывает?

— От него разит как от бочки,— сказал Петя.— Жаль, что нет инспектора: на экспертизу бы направил!

— Это ты зря,— сказал Аршинов.— Не пил он.

Петя с усмешкой взглянул на него, хотел было снова силюнуть, но раздумал и пошел к своей машине.

— Решил теще дом подремонтировать? — кивнул я на грузовик.

— У тещи добрый дом, — ответил Аршинов. — Я на берегу Урицкого озера купил развалюху, ну и задумал к лету оборудовать. По сути дела все заново нужно строить. Участок хороший, со спуском к озеру. Такую дачку отгрохаю! Кстати, можно у тебя кое-какими материалами разжиться?

— Бери уж сразу железобетонный четырехквартирный дом, — предложил я.

— Раскулачат! — подхватил мою шутку Аршинов и взглянул мне в глаза. — Ты ведь рыбак? Послушай, приезжай ко мне летом, а? Порыбачим, ушницу заварим... Знаешь, как там судак берет? А на перемет можно и угорька зацепить.

— Там видно будет, — сказал я, протягивая ему руку.

— Да, а чего ты ко мне не заглянешь? — сделал он удивленное лицо. — Посидели бы, поговорили... Соленые грибки остались, да и наливка найдется.

— Адреса не знаю, — сказал я.

— Я тебе брякну, — улыбнулся Аршинов и, переваливаясь, как утка, заспешил к ЗИЛу. Забравшись в кабину, он хлопнул дверцей и тут же снова приоткрыл: — Подскажи своему пареньку, чтобы не лез в бутылку... Дело шоферское, всякое бывает.

ЗИЛ дернулся, в кузове со скрипом заерзали толстые бревна. Подпрыгнув на месте, машина заглохла: шофер, по-видимому, со зла не ту скорость включил. Со второй попытки машина тронулась и быстро стала набирать скорость. Когда мы лихо развернулись на пустынном шоссе и поехали обратно, я обернулся и посмотрел в заднее стекло. Грузовик мчался посередине дороги, со стороны Аршинова приоткрылась металлическая дверца, и из кабины, тускло блеснув, вылетела пустая бутылка. Описав невысокую параболу, она исчезла в придорожных кустах.

3

Уже неделя, как вернулся из отпуска Архипов. Я бы не сказал, что он выглядел очень уж отдохнувшим, навер-

ное, весь месяц в Москве и Ленинграде бегал с женой по театрам. Не забыть бы на той неделе сходить в наш театр, там идет пьеса Островского: «Не в свои сани не садись». Маша Бутафорова в главной роли. Не приду — век не простит.

Валентин Спиридонович очень быстро разобрался в том, что происходит на заводе, а происходило вот что: экспериментальный цех подвели под крышу, большая часть необходимых форм была сварена, в Стансах уже заложили фундамент под несколько новых домов. Недели через две я собирался остановить одну поточную линию и начать переоборудование. Это и был во всей нашей затее самый ответственный момент. Сейчас еще можно было оставить все, как есть. Кругленькую сумму, которую я затратил на изготовление форм и приспособлений по чертежам Любомудрова, можно было с натяжкой списать за счет строительства экспериментального цеха, так же как и зарплату рабочим, снятым с основного производства. Правда, пришлось бы выдержать бой с главбухом, но, как говорится, дорога назад была отрезана. Да я и не думал об отступлении. А если когда и возникали сомнения, — а они, черт бы их побрал, каждый день появлялись, — я их гнал прочь! План мы пока выполняли, хотя это и дорого стоило начальникам цехов, у которых я забрал рабочих.

Но как только я останавливаю поточную линию, бесперебойно гнавшую детали для стандартных домов, я сразу нарушу весь цикл производства. Придется остановить конвейер на неделю, не меньше. И то при самом напряженном темпе работы! Мы с Любомудровым подсчитали все до мелочей. Такая вынужденная остановка — а избежать ее было невозможно — сразу снизит производительность на двадцать—тридцать процентов, если не больше: после остановки конвейера мы начнем выпускать другую продукцию, которая ни в какой план не зачтется, пока министерство не даст свое согласие, а об этом мы пока не смели и мечтать. Завод не выполнит месячный план и наверняка провалит квартальный, а это ЧП, за последствия которого в первую очередь директор отвечает головой. А то, что мы самовольно начали выпуск новой продукции, — это никого не будет интересовать. Наоборот, такая «партизанщина» еще больше увеличит мою вину.

Моя главная задача была — успеть выпустить детали хотя бы для двух-трех десятков новых жилых домов, со-

брат из них поселок на берегу речушки в деревне Стансы, как раз напротив наших коробок. Раз в министерстве не верят словам и чертежам, пусть поверят собственным глазам. Конечно, разъяренные представители министерства могут и не приехать сюда, им достаточно голых фактов, но все-таки в глубине души я был убежден, что строительство поселка — это мой главный шанс на победу. Поэтому мы с Любомудровым уделяли огромное внимание строительству. Сами выбрали место в березовой роще, провели планировку. Ни одно дерево не будет срублено. Поселок в березовой роще... Я даже как-то в шутку сказал Ивану Семеновичу Васину, что если меня прогонят с завода (шутка ли это?), то я наймусь к нему прорабом строительства и поселюсь в одном из этих домов...

Архипов пришел ко мне на третий день после выхода на работу. Он заходил и раньше, но пока не заговаривали о новшествах, которые произошли в его отсутствие, а сейчас он пришел для серьезного разговора. Это было видно по его лицу. Пригладив пальцами светлые усики, он задумчиво посмотрел на меня. И в глазах у него появилось какое-то странное выражение. Так смотрят на человека, которого либо впервые видят, либо... прощаются с ним.

— Вы все-таки пошли на это? — после продолжительной паузы сказал Валентин Спиридонович.

— Как видите, — ответил я, закурив.

— Вы отчаянный человек, Максим Константинович, — спокойно продолжал Архипов. — Решиться на такое... — Он внимательно посмотрел на меня и усмехнулся. — Вы, конечно, не случайно предложили мне пойти в отпуск?

Я промолчал.

— Вы могли бы этого и не делать. Мешать бы я вам не стал. Вы директор завода и вправе поступать как находите пужным.

— Как отдохнули? — спросил я и, не дождавшись ответа, встал с кресла и подошел к окну.

— Мы с женой вполне довольны отпуском.

— Наверное, все столичные премьеры сезона посмотрели?

— Да, в театрах мы бывали, — сдержанно ответил Валентин Спиридонович.

— В следующую субботу в нашем театре тоже премьера. Кажется, «Не в свои сани не садись». Чудесное название, не правда ли?

— У Островского все названия не в бровь, а в глаз,— невинно глядя на меня, заметил Архипов.

— В этом году, я слышал, они еще хотят поставить одну пьесу Островского «На всякого мудреца довольно простоты»? — посмеиваясь про себя, сказал я.

— Не слышал,— улыбнулся Архипов.

— Как Валерия Григорьевна себя чувствует? — поинтересовался я.

— Спасибо, хорошо...

Я вкратце рассказал Валентину Спиридоновичу обо всем, что мы тут сделали. Он ни разу не перебил меня, и вообще на его непроницаемом лице ничего не отразилось, будто мы продолжали беседовать о театре.

— Когда все это всплывет наружу, коллектив вас не поддержит,— вынес он свой приговор.— Люди привыкли получать премиальные, а вы их теперь надолго лишите этой манны. И не думаю, чтобы даже во имя хорошей идеи они согласились подтянуть пояса потуже, тем более что невыполнение плана выпуска готовой продукции произойдет отнюдь не по их вине.

— А как вы относитесь к этому?

— Извините?

— Я говорю, как вы посмотрите на то, что я вас премии лишу?

— Речь не обо мне,— ответил Архипов.

— Теперь поздно что-либо изменить,— сказал я.— Как говорится,— пан или пропал!

— Я вас предупреждал...

— Я помню,— перебил я его.

— Мне очень жаль, что...

— У вас еще будет время мне посочувствовать,— снова перебил я его.

— Странно...— задумчиво произнес Валентин Спиридонович.

— Вы что-то хотели сказать?

— Я никак не могу понять вас, Максим Константинович... Вы сознательно пошли на совершенно безнадежное дело. И вы сами это отлично понимаете. Вы, молодой энергичный директор, в самом начале карьеры поставили все свое будущее на карту. И которая, по моему мнению, окажется проигрышной. Ведь перед вами открывались такие перспективы: завод, управление, министерство! Вы знаете, как сейчас ценят у нас энергичных молодых ру-

ководителей. И вот вы, не проработав и полгода, сознательно все это перечеркнули... Когда вы мне неожиданно предложили пойти в отпуск, я понял, что вы решили идти ва-банк...

— Вы, по-видимому, заядлый преферансист? — спросил я.

— С чего вы взяли? — удивился Архипов.

— А я думал, вы в карты играете, — усмехнулся я.

— Вам неприятно все это слушать?

— Скучно, — признался я. — И мне искренне жаль, что вы не играете в карты.

— При чем тут карты? — В его голосе послышалось раздражение. Все-таки я его пронял!

— Я бы с удовольствием с вами сразился, — не мог остановиться я.

Когда Валентин Спиридонович поднялся, я отошел от окна и остановился перед ним. Наши глаза встретились.

— У меня к вам единственная просьба: не вставляйте мне палки в колеса, — сказал я. — У меня нет сомнений в моей правоте, и пусть события разворачиваются, как им предназначено. Я знаю, вы на днях поедете в Москву — прошу вас никому ни слова! Мне еще нужно два месяца! Понимаете, всего два месяца!

— Я не разделяю вашего энтузиазма, но как я уже заявил: мешать не собираюсь. Да и уже, честно говоря, поздно.

— Я рад, что вы это поняли, — сказал я. — У каждого человека в жизни бывает такой переломный момент, когда ему приходится самому себе задать вопрос: «Правильно ли ты живешь? И все ли ты делаешь от тебя зависящее, чтобы прямо идти по выбранному тобою пути?» Если бы я продолжал выпускать эти коробки, я не смог бы положительно ответить на этот очень важный для меня вопрос.

— А остальные, кто не разделяет ваших взглядов, выходит, неправильно живут?

— Зачем так примитивно, — поморщился я. — Понимать могут многие, но изменить что-либо в данном случае никто, кроме меня, не смог бы... Теперь вы, надеюсь, поняли, почему я пошел на это?

— Я постараюсь понять, — улыбнулся Архипов и вышел из кабинета.

У гастронома я попросил Петю остановиться. Купил бутылку вина, сыра, колбасы и вышел из магазина. Был теплый весенний день. Солнце жарко сверкало в витрине гастронома, нежно золотило почерневшие голые ветви лип и тополей. Уже вспухли почки. Взглянув на них, я попытался вспомнить терпкий запах новорожденного листа. На тротуарах толпы прохожих. Многие по привычке все еще носили зимние пальто и шапки. Изредка мелькали обпаженные головы юношей и девушек, для которых весна уже наступила.

Со свертком под мышкой я направился к машине и печаянно задел плечом невысокого худощавого человека в светлой мохнатой кепке. Мы одновременно извинились и разошлись, но, сделав несколько шагов, я остановился и оглянулся: лицо этого человека показалось мне знакомым. С тех пор как я покинул город, прошло столько лет, что я не встречал на улицах знакомых. А если многие изменились так же, как Генка Аршинов, то, и встретив бы, ни за что не узнал. Я лихорадочно стал рыться в памяти, но ничего определенного не приходило в голову. Между тем человек не спеша удалялся, а я все стоял и хлопал глазами. Ждал, что человек тоже оглянется, но он не оглянулся. И тогда, махнув Пете рукой, дескать, подожди, я направился вслед за прохожим. Это был старик с совершенно белыми волосами на висках и затылке.

Человек пересек улицу и вышел на площадь Ленина. На берегу Ловати, где кончалась площадь, был лишь один небольшой двухэтажный дом: городской краеведческий музей. К нему и направлялся человек.

У подъезда я окликнул его, человек живо повернулся и вопросительно взглянул на меня.

— Здравствуйте, Герман Иванович, — сказал я.

В живых светлых глазах старика не отразилось никакого удивления. Правда, смотрел он на меня испытующе, даже голову набок наклонил. Так петух смотрит на озадачивший его предмет.

— Не узнаете?

— Почему же не узнаю? — спокойно ответил он. — Это у вас, молодежи, память дырявая.

— Я и не знал, что вы в городе.

-- А я знал, — сказал он.

— Знали и не зашли? — воскликнул я.

— Сколько лет прошло, — сказал он. — Мог бы меня и не признать. Жизнь здорово меняет людей. Особенно которые на взлете. Ты теперь большой человек, директор крупного завода... На что я тебе?

— Зря вы так, Герман Иванович...

«Черт возьми! — с горечью подумал я. — Неужели даже такие замечательные люди, как инженер Ягодкин, к старости становятся брюзгливыми и желчными?..»

— Не стриги бровями... Гляди-ка, даже покраснел! — вдруг улыбнулся Герман Иванович, отчего сразу помолодел лет на десять. — Это хорошо, что не разучился краснеть, значит, сердце не зачерствело... Ну, здравствуй, Максим! — и протянул обе руки.

У меня сразу отлегло от сердца: передо мной был прежний Ягодкин. Та же улыбка, хитроватый прищур светлых и ясных по-молодому глаз.

— Заходи, — раскрыл он передо мной обшарпанную дверь.

— Может, не стоит в музей, — сказал я. — Завернем в ресторан, пообедаем?

— Я уже пообедал. А в музее я работаю.

— В музее? — изумился я. — Вы ведь были инженер?

— Вышел на пенсию, а без работы не могу... А историей этого города я и раньше интересовался, кое-что даже собрал любопытного и в свое время передал музею... В общем, предложили мне должность научного сотрудника, и я с радостью согласился. Уже пятый год здесь работаю. И ты знаешь, очень доволен!

Он провел меня в маленькую комнату, заваленную всевозможными экспонатами. Здесь были ржавые железяки, в которых с трудом угадывались пролежавшие долгие годы в земле винтовки и автоматы, почерневшие деревянные бруски — останки древнего городища, иконы с облезшей позолотой и тусклыми ликами святых, прислоненные к стене потрепанные картины в багетовых рамках и без рамок, тусклые чучела птиц, старые в потемневших твердых переплетах книги. У самого окна приткнулся небольшой письменный стол. Вместо чернильницы — кожаный мешочек от гранаты «лимонки», а вместо подсвечников — две медных гильзы от снарядов.

— Это и есть моя берлога, — улыбнулся Ягодкин, с явным удовольствием обзоревав все свое добро. Осторож-

по сняв со стула гипсовый бюст какого-то полководца, стал оглядываться, куда бы его пристроить. Поколебавшись, поставил на бронзовую плиту легендарного «максима», покоившуюся на патронных коробках.

— Присаживайся,— он пододвинул мне стул, а сам уселся на краешек стола, отодвинув лежавшую там продырявленную каску.— Тесновато тут у меня... Наладил я большую дружбу с красными следопытами. Чудесные ребята! Вот они мне и приносят разные вещи. Иногда попадаются очень ценные реликвии... Я тебе покажу один шлем!

— Успеется,— остановил я его, видя, что он намеревается спрыгнуть со стола и потащить меня куда-то в другое место, так как здесь я никакого шлема не заметил.

— Вот ты родом отсюда, скажи, почему город называется Великие Луки? — спросил Ягодкин, хитровато улыбаясь.

Хоть я и родился в этом городе, но, признаться, в музее никогда не был. Я вообще не большой любитель ходить по музеям. Как-то с детства это не привилось мне. Тем не менее от кого-то я слышал, что здесь в древности жил какой-то князь или каменщик Великий Лук, отсюда и название города. Когда я выложил все это, Ягодкин от смеха чуть было со стола не свалился. Кончив смеяться, он укоризненно посмотрел на меня.

— Стыдно, Максим, не зпать историю своего города... Кстати, сколько ему лет?

Это я хорошо знал. Во многих газетах несколько лет назад писали, что старинный русский город Великие Луки широко отмечает свое восьмисотлетие. Помнится, я даже хотел приехать сюда, но почему-то ничего из этого не вышло...

Ягодкин спрыгнул со стола и, открыв один из ящичков, достал оттуда фотокопию и протянул мне. Там был изображен какой-то зверь, напоминающий леопарда, а внизу три лука. Поймав мой вопросительный взгляд, Ягодкин пояснил:

— Это старинный герб города. Три золотых лука. Несколько столетий Великие Луки стояли на краю русской земли и принимали на себя все жестокие удары иноземных захватчиков. Принимали и героически отражали. С пятнадцатого века город стали называть Великим. Он был великим воином, мужественно защищавшим рубежи

русской земли... А ты мне несешь про какого-то мифического князя Великого Лука! Да такого и князя никогда не было на русской земле! Уж если хочешь знать, то первым князем, правившим городом, был князь Изяслав — сын Ярослава Великого. Правда, княжил он всего один год и умер. Любопытно и то, что Луки — единственный город, не входивший ни в одну из новгородских пятин, он непосредственно подчинялся новгородскому князю, который присылал туда одного из посадников или назначал особого князя. Историки пишут, что Луки имели свое вече. Вечевой колокол висел на самой большой башне великолукской крепости — Воскресенской... Удивительна история города! Он был несколько раз дотла сожжен и снова возрождался, как...

— Птица феникс из пепла, — ввернул я.

— Довольно избитое сравнение, хотя это и так, — поморщился Ягодкин. — Много интересного дошло до нас от историков, но еще больше мы узнаем о прошлом, занимаясь раскопками. Шесть лет в верховьях Ловати, Торопы, Западной Двины работала экспедиция под руководством Станкевича. Благодаря археологам удалось полностью установить этническую историю края. — Ягодкин выглянул в окно. — Видишь сразу за площадью раскопки? Смешно, под нашим музеем находится древнее городище! Такое древнее, что люди в то время еще не знали железа и бронзы. Летом здесь снова возобновятся раскопки, и я тебе покажу много чего интересного...

Я смотрел на этого по-молодому оживленного человека и поражался его увлеченности и энергии. Сколько я знал людей, которые, выйдя на пенсию, очень быстро утрачивали активный интерес ко всему окружающему, становились желчными критиками всего нового, что создавалось и развивалось уже без их непосредственного участия. Рыбалка, дачка с собственным садиком или огородиком, в летний погожий день — домино под окном дома — вот, пожалуй, и все интересы пенсионера-обывателя. Выход своему раздражению окружающим их миром многие из таких людей дают весьма своеобразным образом: вооружившись пером и бумагой, они яростно борются с существующими и несуществующими недостатками. Во все концы страны идут тысячи писем, в которых осуждаются, бичуются, выявляются так называемые недостатки. Будь это недовольство современной молодежью, которая, по их мнению,

безобразно танцует на площадке, или недовес на несколько граммов масла в магазине, или неисправность в электрическом утюге...

— Редкому городу на Руси выпало хлебнуть столько горя, сколько Великим Лукам,— вдохновенно продолжал свою лекцию Ягодкин.— В шестнадцатом веке во время Ливонской войны, а она, как известно, продолжалась двадцать пять лет, Великие Луки стали форпостом русского государства. В январе тысяча пятьсот шестьдесят третьего года сюда во главе своего войска пожаловал сам царь Иван Грозный. А какая кровопролитная схватка произошла с войском Стефана Батория! В первом же сражении под Купуем...

— Вы меня так обучали ездить на мотоцикле,— ввернул я.— Помните?

Но Германа Ивановича не так-то просто было сбить с толку. Нахмутив густые брови, он сердито воззрился на меня. Белая прядь на затылке возмущенно затряслась.

— Я ему рассказываю о великих событиях давно минувших дней, а он мне говорит какую-то чепуху!

Больше уже я его не перебивал.

— В сражении под Купуем русские положили более десяти тысяч чужеземцев, захватили знамя, да и самого короля польского чуть не взяли в плен. И тогда расвирепевший Баторий приказал любой ценой взять город. Пять или шесть тысяч защитников крепости припяли неравный бой с вдесятеро превосходящей их ратью поляков. До нас дошло народное сказание тех дней, вот послушай:

Копил-то король, копил силушку,
Копил-то он, собака, 12 лет!
Накопил-то силушки: сметы нет,
Много, сметы нет, сорок тысяч полков!
Накопивши он силы, на Русь пошел,—
На три года, на три стольные:
На первый-то город Полоцкий,
На другой-то город Великие Луки,
На третий-то батюшку Псков-град...

Прочел сказ он напевно и торжественно. Если сначала этот неожиданный экскурс в историю немало озадачил меня, то теперь и я проникся чувством величайшего уважения к мужественным защитникам нашего города. Признаться, все это я услышал впервые и подумал: до чего же мы люди нелюбопытные! Родиться в городе и не знать его истории! Да тем более такой славной, героической!

Сколько раз я проходил мимо этого небольшого двухэтажного дома, скрытого в тени высоких лип, и мне в голову не приходило заглянуть сюда. И я тут же дал себе клятву в первое же воскресенье прийти в музей и с помощью Ягодкина подробнейшим образом познакомиться с историей нашего края.

— А теперь пойдем.

Ягодкин проворно спрыгнул со стола и потащил меня за собой из комнаты.

Мое внимание привлекла в одном из залов великолепно вырезанная из дерева и кости большая ладья. Внизу на табличке было написано, что на таких челнах совершали путешествия по Ловати из Варяг в Греки... Ладью изготовил в дар музею А. Ф. Тропинин.

— Замечательный мастер, — сказал Герман Иванович. — Художник.

— Я его знаю, — сказал я, разглядывая ладью.

— Он ведь на твоём заводе работает, — вспомнил Ягодкин. — Не только отличный мастер, а и человек каких поискать...

— Секретарь партийной организации... — сказал я.

— На кого можешь положиться во всем, так это на Тропинина, — продолжал он. — Давненько не видал его.

— Спасибо, Герман Иванович, — поднялся я.

— Это за что же? — удивился он.

— За чудесную экскурсию, — сказал я. — И за то, что вы все такой же, прежний...

— А вот какой ты, я еще не знаю, — рассмеялся он. — Большой начальник, а тощий, как селедка! Значит, живой человек, не кабинетный!

Мы договорились, что в воскресенье я приду в музей, и распрощались. От этой неожиданной встречи у меня осталось радостно-приподнятое настроение. Его энтузиазм вдохнул и в меня уверенность. Я рад был, что Герман Иванович не изменился, у него такой же острый ясный ум. Когда он увлеченно рассказывал о Великих Луках, я совсем не замечал, что лицо его изрезано глубокими морщинами, а голова белая, как у луня. Зато глаза такие же, как и прежде: живые и молодые. Мне приятно было услышать его мнение о Тропинине. Ягодкин никогда не ошибался в людях, оттого так подозрительно сначала отнесся ко мне: хотел понять, какой я теперь стал... В воскресенье я ему расскажу про все наши дела, и Ягодкин

наверняка меня поймет, а я так нуждался в человеке, который меня сейчас хотя бы морально поддержал...

Я вспомнил, что не спросил у Германа Ивановича, где он живет. До воскресенья еще три дня, а я мог бы к нему и сегодня вечером забежать...

Нет, сегодня не смог бы: вечером у меня свидание с Юлькой.

5

Наступил самый ответственный момент: остановка поточной линии в формовочном цехе. Мы решили все-таки остановить первый конвейер. Остановка не на час-два, а на неделю, а может быть, больше. Грохотал вибратор, утрамбовывая газобетонную смесь, гудели формовочные машины, добродушно ворчал над головой красный мостовой кран, бесшумно скользя под застекленным потолком. В кабине сидела Юля. Она с любопытством посматривала вниз. У пульта управления поточной линии стояли, кроме меня и операторов, Любомудров, начальник цеха Сидоров и секретарь парторганизации Тропинин. Рабочие тоже оглядывались в нашу сторону, понимая, что происходит нечто необычное.

— Внимание! — громко сказал Ростислав Николаевич и, убедившись, что все отошли от механизмов, выключил рубильник.

В цехе сразу стало непривычно тихо. Рабочие, негромко переговариваясь, расположились на широких цементных подоконниках, закурили. Они уже были предупреждены, что еще до обеда произойдет остановка конвейера.

Любомудров помахал рукой, и к нам подошел Леонид Харитонов — бригадир монтажников по установке в цехе нового оборудования и механических приспособлений. Поздоровавшись со мной, серьезный, как никогда, Харитонов вопросительно уставился на Ростислава Николаевича.

— Приступайте, — коротко сказал тот.

— Тут ребята интересуются, для кого мы новые дома будем делать? — спросил Леонид. — Дачи для начальства?

— Дома для колхозников, — ответил я.

— Я говорил — не верят. Толкуют, мол, ежели в деревнях такие хоромы будут ставить, то надо в колхозы да совхозы подаваться. Не дома, а картинки!

— Я показывал проекты! — взглянул на меня Любомудров.

— Максим Константинович, озера уже очистились ото льда, — напомнил Харитонов. — Через неделю плотва пачнет нерестоваться.

— Анатолий Филиппович, — повернулся я к Тропинину. — У нас есть крытые машины?

— Можно одну оборудовать, — сказал Тропинин. — Сделать скамейки да натянуть брезент.

— Через пару недель организуем первый выезд в Сепитский бор, — сказал я. — Турбаза почти готова.

— Ура! Начальник! — обрадовался Леня и пошел к рабочим.

Новое оборудование уже было занесено в цех. Нужно было извлечь из конвейера старые формы и установить на новые, что пачками стояли у стены, переоборудовать формовочные машины, очистить и подготовить автоклавы... Работы было более чем достаточно.

Начальник цеха Григорий Андреевич Сидоров молча стоял в сторонке и курил. Квадратные плечи его ссутулились, бритое лицо было хмуро. Он яростно противился новшеству, так как отлично знал, что весь этот эксперимент обойдется основному цеху боком. С той минуты, как Любомудров выключил рубильник, цех встал на простой. А для любого начальника — это нож острый! Формовочный цех Сидорова был передовым и с самого начала держал первенство в социалистическом соревновании на заводе. Производство здесь было великолепно налажено, и цех гнал продукцию без задержки. И вот все нарушилось. А как будет освоен новый процесс, этого еще никто не знал. После долгих размышлений я остановился именно на этом цехе, потому что надеялся на крепкую руку начальника, передовой опыт рабочих, но сейчас, глядя на мрачное лицо Сидорова, я уже всерьез начинал опасаться, что поступил опрометчиво. Если Григорий Андреевич переборет себя и не возьмется с душой за новое дело, то все может застопориться. Я не раз разговаривал с ним, показывал проекты, убеждал, но Сидоров моего оптимизма не разделял. Как и Архипов. Молча выслушивал мои слова, соглашался, что продукцию мы выпускаем примитивную... Но куда же все смотрели раньше, когда запускали производство? Почему не подумали об этом? И потом, эти детали, пусть они примитивные, необходимы

строителям, а завод еще в долгу перед ними... Он, Сидоров, с большим бы удовольствием выпускал детали для новых домов, если бы поточная линия для этого была подготовлена, но теперь, когда производство с таким трудом налажено — сколько сверхурочных часов он затратил, чтобы обучить неопытных рабочих своему делу! — теперь все насмарку?! Процесс изготовления новых деталей для домов гораздо сложнее — он досконально изучил проекты Любомудрова — и рабочие не вдруг овладеют им. А план? А премия? Все летит в тартарары!..

Сидоров был совершенно прав, и я не смог его разубедить. Он вообще хотел отказаться от руководства цехом и лишь благодаря продолжительной беседе с Тропининым скрепя сердце согласился остаться. Я надеялся лишь на одно: Сидоров авторитетный волевой руководитель, и когда поймет, что ничего другого не остается, с присущей ему энергией возьмется за налаживание и освоение нового производства. А пока он, повернувшись к нам ссутулившейся спиной, стоял в сторонке, беспрерывно курил и тоскливо смотрел в окно, куда заглядывало весеннее солнце.

Во всю стометровую длину цеха слесари и монтажники оседлали поточную линию и орудовали инструментами. Сыпались голубые искры, трещали электросварочные аппараты, бухали тяжелые кувалды, которыми приходилось вручную выколачивать железные детали из прессов, гнезд. Юля подогнала кран к первой извлеченной из рабочей траншеи и ненужной теперь форме. Остальные тросы медленно покачивались над головой рабочего, который зацеплял их за скобы. Я поймал Юлькин взгляд и приветственно махнул ей рукой. Она улыбнулась в ответ и, отвернувшись, с посерьезневшим лицом включила свою многотонную махину. Стальная форма вздрогнула и поползла вверх, со скрежетом вылезая из своего глубокого гнезда.

Как говорится, жребий брошен! Машина запущена, и я ее не остановлю до тех пор, пока буду директором завода. Взъерошенный Ростислав Николаевич носился по цеху. Вот он подскочил к рабочему в брезентовой робе и стал что-то ему объяснять, яростно жестикулируя. Рабочий держал разводной ключ в руке и морщил лоб.

Я подошел к начальнику цеха. Он, не поворачивая головы, скосил на меня глаза, в последний раз крепко за-

тянулся и запихал окурок в спичечный коробок. Такой человек, как он, не бросит окурок на пол.

— Григорий Андреевич, надо включаться,— негромко сказал я.— Без вашего руководства вся эта перестройка может надолго затянуться.

— Видит бог, я до конца сопротивлялся,— со вздохом сказал Сидоров.

— Я могу это и на Страшном суде подтвердить.

Сидоров наконец повернулся, и я увидел его широкое скуластое лицо. Под носом маленькая царапина, заклеенная бумажкой. Брови у Сидорова густые, лохматые, возле рта глубокие морщины. Широкоплечий, с выпуклой грудью, прямо и чуть насмешливо взглянув мне в глаза, он уронил:

— Мне Страшный суд не грозит...

— Это верно,— улыбнулся я,— уж если кого черти и будут поджаривать на сковородке, так это меня.

Григорий Андреевич со вздохом обозрел цех. Сейчас он напоминал споткнувшийся от взрыва снаряда танк с распластанными гусеницами. Некогда живой механический организм умолк, рассыпался на составные части. Я понимал, как горько все это видеть начальнику цеха.

— Неужели по-другому никак нельзя было? — спросил он.

— Это единственный выход, Григорий Андреевич,— сказал я.

— А не может случиться так, что потом меня снова заставят все восстанавливать, как было?

Сидоров смотрел мне в глаза. Я ждал этого вопроса, знал, что начальник цеха мне его задаст. И я не мог не сказать ему правды.

— Не исключено, что может случиться и такое...

— Но тогда какого черта...— Сидоров готов был взорваться, но я спокойно закончил:

— Приказ о восстановлении прежней поточной линии, выпускающей типовые детали, подпишу не я... Другой директор.

— И вы идете на это? — несколько смягчился он.

— Я рассчитываю на вас,— сказал я.

Сидоров уже было открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент что-то заметил через мое плечо и кинулся к копвейеру.

— Лапшин! — загремел он на весь цех. — Ты что же, сукин сын, делаешь?! Кто же так тросы зацепляет? Ты что, хочешь мне конвейер угробить?

Подскочив к рабочему, возившемуся с тросами, он сам стал их зацеплять за скобы огромной формы.

Я кивнул Тропинину, и мы вместе вышли из цеха.

— Лиха беда начало, — сказал Анатолий Филиппович.

— Мне нужен месяц. Когда с конвейера пойдут детали, нам уже будет сам черт не страшен!

— Может быть, третью смену пустим?

— Где мы людей возьмем? — с сомнением взглянул я на него. — О третьей смене я уже давно подумывал, но тогда пужно расширить штаты, а Галина Владимировна, главбух, и копейки мне больше не даст. Моя директорская власть натолкнулась на железную финансовую дисциплину. Все деньги, что можно было снять с нашего бюджета, я уже снял... Теперь и ты ничего не сделаешь. Не послушается и тебя. Узнал бы ревизор из министерства, что я натворил с нашим бюджетом, он бы меня повесил.

— Вся надежда на комсомольцев, — продолжал Тропинин. — Молодежь уважает тебя. Я потолкую с Саврасовым. Думаю, что найдутся добровольцы.

— Это на самый последний случай, — сказал я. — Пусть Саврасов их подготовит, ну субботник там или воскресник. Если мы будем два выходных дня в неделю использовать, это не так уж мало.

— Надо с ними начистоту... Все объяснить, как есть. Показать проекты... Поручим это дело Любомудрову.

— Леонид Харитонов комсомолец? — спросил я.

— Активный паренек, — усмехнулся Тропинин. — Даже слишком. В прошлом году его едва не исключили из комсомола... У ресторана учинил драку со студентами сельхозинститута, за что пятнадцать суток и отсидел. Сейчас вроде утихомирился, да и то, я думаю, благодаря девушке. Она у меня лаборанткой работает, да ты ее знаешь.

— Маша Кривина? — удивился я. Вот уж не ожидал, что у нее что-то общее с Харитоновым!

— На Харитонова, думаю, можно положиться, — сказал Тропинин. — Парень толковый, да он уже во всем давно разобрался...

— Поручим ему поговорить с ребятами, а потом пусть встретятся с Любомудровым, — решил я.

— А ты что же уклоняешься?

— Мы с тобой потолкуем с коммунистами,— сказал я.— Никаких больше тайн мадридского двора!

— Мне это нравится,— улыбнулся Тропинин.— Я очень верю, что Харитонов справится,— сказал Тропинин.

— По-моему, он толковый парень и ребята с ним считаются.

— Это все так, первый заводила в цехе! Где какой сыр-бор — знай, Харитонов с дружками... Да и за словом в карман не лезет.

— А это плохо?

Анатолий Филиппович взглянул на меня.

— Считаешь, Харитонов может повлиять на комсомольцев? С него еще и выговор не сняли.

— Надо снять,— сказал я.

— И все-таки парень он разболтанный,— все еще сомневался Анатолий Филиппович.— Может такое выкинуть — ахнешь!

— А мне Харитонов нравится. Уж чего-чего, а работать-то он не боится, а это сейчас главное.

— Может быть, ты и прав,— раздумчиво сказал Тропинин.

Мы расстались: он пошел в лабораторию, а я к себе в кабинет. Сегодня у меня приемный день.

6

Пока Герман Иванович готовил на кухне чай, я стоял у окна его светлой однокомнатной квартиры и смотрел на улицу. Ягодкин жил в большом многоэтажном доме. Прямо под окнами росли толстые липы и тополя. Почки только что лопнули, и крошечные зеленые фитильки замерцали на ветвях. Оглушительно орали воробьи. Перелетая с ветки на ветку, они ошалело вертели точеными головками, взъерошивали перья, крутились на одном месте, внезапно все взмывали на миг в воздух и снова серой шрапнелью опускались на деревья.

В открытую форточку залетела крапивница, потрепыхалась над письменным столом, заваленным всякой музейной всячиной, и, чего-то испугавшись, с лету ударилась в стекло и забилась на нем, то опускаясь до самого подоконника, то взлетая до потолка. Я поймал бабочку и вы-

пустил в окно. Однако судьба оказалась неблагосклонной к крапивнице: к ней тотчас метнулся разбойник-воробей, схватил на лету и уселся на ветке, чтобы закусить, но сразу несколько приятелей набросились на него. Воробей свечой взмыл к вершине тополя, и вся эта компания исчезла из глаз.

Чай мы пили на кухне. Ягодкин по-прежнему жил один. Однако на кухне у него был порядок, да и в комнате все прибрано, за исключением письменного стола: здесь так же, как и в его кабинете, в беспорядке лежали самые разнообразные вещи. На стене, над книжной полкой, карандашный рисунок Петровской крепости, которую дотла разрушили во время Отечественной войны.

— Я рад, что не ошибся в тебе,— прихлебывая чай из фарфорового бокала, сказал Герман Иванович.— Даже больше, Максим, я горжусь тобой!

— Боюсь, мне не дадут довести дело до конца,— признался я.— У меня такое предчувствие, что тучи падо мной сгущаются...

— Если бы я верил в бога, то помолился бы за тебя...— усмехнулся Ягодкин.

— Я в утешении не нуждаюсь,— обиделся я.

— Там, где нет воли, нет и пути,— изрек он.— Ты меня извини, Максим, я понимаю, тебе очень трудно, но в музее я каждый день соприкасаюсь с предметами давно минувших эпох. Эти предметы — немые свидетели битв, войн, разрушения и возрождения. Ты думаешь, в средние века не клочотали титанические страсти. Были и литература и искусство, да еще какие! Люди любили, страдали, радовались... А потом все, созданное ими, и они сами превратились в прах... И лишь кое-какие крупинки, найденные в земле, напоминают нам, потомкам, о былом... Возможно, поэтому я не могу слишком близко к сердцу принимать твои теперешние заботы... И это не черствость, а философское отношение к жизни. Часто ли ты задумываешься над тем, зачем ты родился? Зачем живешь? А что было бы, если бы твоя мать не встретила с твоим отцом? Думаешь ли ты о смысле жизни? О неизбежности смерти? О том, что останется после тебя?

— Мне кажется, об этом думает всякий мыслящий человек.

— Возможно, но не так часто, как мы, музейные работники, философы и ученые.

— Нет у вас выпить, Герман Иванович?

Он с изумлением посмотрел на меня, потом рассмеялся:

— Ты знаешь, я совсем не пью!

— Раньше, помнится...

— Не пью уже очень давно. Мерзкое это занятие — пьянство! Иссушает мозг, убивает радость жизни. Можешь поверить, я это испытал на себе... Когда ушел на пенсию, как-то растерялся, ну и начал увлекаться... Пенсия приличная. И веришь, Максим, я понял, что не живу, а медленно умираю. И до чего же человек пьяный омерзителен! Все его плохое нутро вылезает наружу. Причем подчас такое, о чем он никогда и сам не подозревал... Как это у Омара Хайяма?

Не ставь ты дураку хмельного угощенья,
Чтоб оградить себя от чувства отвращенья:
Напившись, криками он спать тебе не даст,
А утром надоест, прося за то прощенья.

— Я уже не рад, что и заикнулся об этом... — сказал я. — Вот это отповедь!

— Ты не похож на пьяницу, успокойся!

— А что, для этого необходимо иметь красный нос?

— Мне больно, Максим, видеть, как хорошие люди напиваются до чертиков... А пьют сейчас много и безобразно. И стар и млад.

— В чем же, по-вашему, причина, — поинтересовался я.

— Причина известная: распущенность людей и наша терпимость к пьяницам... Как ты борешься с этим на заводе?

— Одного уволил, — сказал я.

— А сколько осталось?

— Не считал.

— Пьяница на производстве — вредитель! Весь брак, поломка ценных станков, инструмента — все это дело рук пьяницы. Даже если он и трезвый пришел на работу в понедельник, три дня у него руки будут трястись... Распоясавшийся пьяница в общественном месте — преступник, а пьяница за рулем — потенциальный убийца. Это прописные истины, об этом мы каждый день читаем в газетах, возмущаемся, а вот пастоящей войны пьянству все еще не объявили! Боремся от кампании к кампании...

— Производство — это не медвытрезвитель и не клиника для хронических алкоголиков, — сказал я. — И на производстве, как правило, не пьют... А если такое и случается, то расценивается нами как ЧП. Пьют дома, в компаниях, а на работу приходят...

— С глубокого похмелья, — перебил Герман Иванович. — И такому работнику грош цена, потому что от него больше вреда, чем пользы.

— Если мы всех пьющих уволим, кто же работать будет?

— Увольнять не надо, — сказал Ягодкин. — Людей воспитывать нужно...

— Меня вы уже перевоспитали, — сдался я. — Если и хотел рюмку выпить, то теперь вся охота пропала.

— Ты меня пойми правильно, Максим, — сказал Герман Иванович. — Я не против вина, а против пьянства. Тот, кто умеет пить, тому не страшен зеленый змий. Японцы так говорят: кто пьет, тот не знает о вреде вина, а кто не пьет, не знает о его пользе. Вино лучше ста лекарств, но причина тысячи болезней... Ты уж меня извини, брат, но дома давно не держу спиртного...

— Я вас приглашу на завод... Прочтете рабочим лекцию на эту тему.

— Думаешь, откажусь? — рассмеялся Ягодкин. — Приглашай!

Спускаясь от Ягодкина по лестнице вниз, я повстречался с полной круглолицей женщиной. Что-то в лице ее показалось знакомым, и я оглянулся. Оглянулась и женщина — наши глаза встретились.

— Господи, Максим! — воскликнула женщина, тараща на меня изумленные светлые глаза. — Откуда ты, милое дитя?

И хотя я тоже узнал женщину, «милое дитя» меня несколько озадачило, так меня еще никто не называл, даже старые знакомые. Передо мной стояла Алла... Алла, в которую, как мне казалось, я был влюблен. Это было в далекий первый послевоенный год, когда мы вместе восстанавливали железнодорожный техникум.

— Ты здесь живешь? — растерянно спросил я, все еще не придя в себя от этой встречи.

— Вот уж не думала не гадала встретить тебя,— приветливо заулыбалась она.— Ведь ты как после техникума уехал из города, так больше здесь и не был?..

На площадке гулко хлопнула дверь, и мимо нас протиснулся мужчина в светлом плаще. Вслед за ним простучала когтями по лестнице большая овчарка. На ходу ткнулась влажным носом в мои колени, шевельнула низко опущенным лохматым хвостом и с достоинством спустилась вниз.

— Чего же мы стоим тут? — опомнилась Алла.— Пошли к нам? Чаем угощу.

Я стал было отказываться, ссылаясь на неотложные дела, но она и слушать не стала.

— И кроме чая чего-нибудь найдется... Пошли, пошли! Столько лет не виделись...

Голос у нее был властный, движения решительные. Вслед за ней я поднялся на третий этаж. В прихожей меня оглушили детские голоса: две девчущки — одна из них, что постарше, поразительно была похожа на ту Аллу, которую я когда-то знал,— бросились к матери, взяли из рук продуктовую сумку. Обе с интересом рассматривали меня. Видно, у них накопилась уйма новостей, которые им не терпелось выложить матери, но мое присутствие стесняло их.

Я только что повесил на вешалку плащ, как из комнаты появился... Генка Аршинов!

Бывают в жизни моменты, когда человек перестает владеть своим лицом. В такие редкие мгновения рот у него раскрывается, глаза лезут на лоб и весь он превращается в глуповатый вопросительный знак. Примерно так я выглядел, когда узрел здесь своего старого приятеля в трикотажных спортивных рейтузах и вязаной в полоску фуфайке.

— Барсук! — послышался из кухни зычный голос Аллы.— Ты посмотри, кого я привела... Только не упади, пожалуйста!

— Вижу,— откликнулся Аршинов и, изобразив на лице приветливую улыбку, протянул полную руку.

— Ты что же не сказал, скотина? — пробормотал я, входя вслед за ним в большую светлую комнату.— Вот это сюрприз!

— Мой старший, Алеша,— кивнул Генка на парнишку лет пятнадцати, сидевшего в старомодном кресле и

смотревшего телевизор. Длинные ноги парнишки покоились на маленьком детском стульчике.

Алеша взглянул на меня, улыбнулся и поздоровался. Он совсем не был похож на своего отца. И у Аллы и у Генки, когда он еще не был лысым, волосы темные, а у Алеши — светлые, почти желтые. И он не по годам высокий. Мальчик тут же отвернулся и снова уставился на большой выпуклый экран телевизора.

Эта комната была проходной, и Генка провел меня в смежную. Здесь стояла широкая двуспальная деревянная кровать, у окна письменный стол. На нем вместо письменного прибора стояли две фарфоровые вазы. В одной — камышовая ветка с облезлой коричневой маковкой. В другой — свернутые в трубку бумаги, судя по всему, выкройки. На полу потертый ковер, а на стене книжная полка, заставленная не книгами, а детскими игрушками. Сразу бросался в глаза огромный белый медведь с блестящими пуговками-глазами, спрятавшимися в курчавой шерсти. В углу деревянная этажерка, на которой кое-как были сложены книги, папки с бумагами, семейные альбомы. На этажерке мягко поблескивала высокая хрустальная ваза.

Генка пододвинул мне стул, а сам устроился в кресле, отодвинув его от письменного стола. Судя по всему, он не меньше меня был озадачен: каким это образом я попал к нему домой? Мы помалкивали: я разглядывал комнату, а он, достав из среднего ящика письменного стола пачку сигарет, не спеша распечатывал ее. В комнату заглянула порозовевшая Алла. Она была в шерстяном платье и фартуке. Рукава засучены. Руки полные, белые. Без плаща она стала стройнее. Аллу полнота совсем не портила. Из-за ее плеча с любопытством выглядывала младшая дочь. Волосы у нее темные, а глаза, как у матери, светлые.

— Барсучок, где у тебя водка спрятана? — спросила Алла, начальственно глядя на мужа. — И что за дурацкая привычка прятать спиртное? Можно подумать, что у нас в доме алкоголики.

— На антресолях, дорогая, — ласково ответил Генка. — В коробке из-под твоих сапог.

— Это надо додуматься! — покачала головой Алла. — Иди, открой банку маринованных огурцов...

Генка с готовностью поднялся с кресла. Полосатый живот его, обтянутый фуфайкой, напоминал огромный арбуз.

— Или, ладно, развлекай гостя, я Алешку попрошу, — милостиво разрешила Алла и, улыбнувшись мне, ушла.

Генка смущенно покосился на меня и хотел что-то сказать, но тут я не выдержал и, забыв про все правила приличия, самым неприличным образом расхохотался.

Генка удивленно воззрился на меня, потом тоже осторожно улыбнулся, прокудахтав: «пхе-хе, квох-квох!» Я попытался сдержаться, но прямо-таки распирало от смеха. Генка, негромко кудахтая, стал постепенно багроветь, но, как говорится, дурной пример заразителен: через секунду он тоже по-настоящему захохотал. Мы смотрели друг на друга и во все горло хохотали. Из смежной комнаты выглянула белая вихрастая голова Алеши. Удивленно взглянув на нас и ничего не обнаружив в комнате смешного, он вежливо улыбнулся и, пожав плечами, снова удалился к своему телевизору.

— Ты чего... смеешься? — наконец первым опомнился Аршинов. Платком он вытирал покрасневшие слезящиеся глаза. На лысине выступили капли.

— Ты... и впрямь... удивительно похож на этого... как его? барсука... — не в силах унять смех, с трудом выговорил я. — На полосатого...

— Прозвища моя женушка мастерица придумывать, — усмехнулся он. — Я — барсук, Алешка — цапля, девочки — кукушка и перепелка... Не дом, а зверинец какой-то!

— Что же ты мне не сказал, что вы... муж и жена?

— Ты ведь не спрашивал, — неохотно ответил Аршинов. — Да и чего тут удивительного? Скорее, достойно удивления то, что ты холостой.

Я понял, что на эту тему с ним не поговоришь. Зато когда мы уселись за стол в гостиной, Алла сама рассказала, как они сошлись. Я понял, что Генка Аршинов у нее под каблуком.

После техникума Алла с год проработала в вагонном депо, вышла замуж за офицера и уехала с ним в Германию, где он служил. Пять лет прожила с ним, а потом разошлись. Алешка-то у нее от первого мужа. Вернулась в Великие Луки, а тут стал ее осаждать Барсучок... Правда, тогда он еще был не такой толстый и на голове сохранились остатки прежней роскоши... И вот живут уже одиннадцатый год. Две дочки у них от этого брака. Барсучок неплохой муж, хозяйственный, вот если бы только пива поменьше пил, не отрастил бы такой живот...

— Думаешь, это от пива? — добродушно спросил Генка и похлопал себя по полосатому арбузу.

— На аппетит ты тоже не жалуешься, — усмехнулась жена.

Рассказала все это Алла легко, без тени смущения. Я смотрел на нее и поражался: это была совсем другая женщина. Она и отдаленно не напоминала прежнюю Аллу. Хотя и располнела, не очень сильно изменилась. Чувствовалось, что она настоящая хозяйка в этом доме, жизнью довольна, и если подтрунивала над мужем, то так, по привычке, без всякой злости. А Генка просто с обожанием смотрел на свою дородную, но все еще сохранившую фигуру, жену. Волосы ее были скручены в толстый пук и заколоты на затылке. И не видно в них седых нитей. Полные белые руки все время в движении: то тарелку пододвинут, то вилку подадут, то ветчины положат.

Девочки продолжали с интересом смотреть на меня. Посидев немного с нами и выпив по чашке чая, чинно встали из-за стола и, пожелав доброй ночи, ушли спать. Алеша вообще не вышел из комнаты, он смотрел футбольный матч и даже отказался от ужина.

Аршинов говорил мало, зато добросовестно наливал в высокие граненые рюмки водку и, говоря: «Дай бог не последнюю!», опрокидывал в рот, сочно похрустывая маленькими маринованными огурцами, которые доставал двумя короткими толстыми пальцами прямо из банки. Алла выпила за компанию две рюмки. Она порозовела, а в светлых глазах появился блеск. Узнав, что я теперь холостяк и живу один, тут же придумала мне прозвище: «чибис». Почему именно чибис, а не какой-нибудь другой представитель пернатых, я так и не понял, а спросить постеснялся, так как подозревал, что она и сама не знает. Но, с другой стороны, это прозвище меня заинтриговало. Если Алла так метко прозвала барсуком своего мужа, то, наверное, и во мне есть что-то от чибиса? Этих смешных черно-белых птиц с хохолками на головах я часто видел на зеленых лужайках возле болот. Они еще топенько и пронзительно кричат: «Чьи вы? чьи вы?»

Но тут Алла, между прочим, сказала такое, что я позабыл и про чибисов и про все остальное.

— Мой барсучок-то страсть как ухлестывал за этой твоей Рысью... — со смехом произнесла Алла, прихлебывая

чай из красивой малинового цвета чашки.— Ведь он жуть как хотел отбить ее у тебя, да ничего не получилось!

Генка благодушно улыбнулся, мол, были когда-то и мы рысаками, и потянулся за бутылкой. Налив мне и себе, чокнулся и на этот раз без обычного тоста выпил.

— Девчонка-то, видно, по тебе сохла, а мой-то ловелас и так и этак ее обхаживал,— продолжала Алла, не замечая, что лицо мое окаменело.— Смешно сказать, но даже к тетке этой Рыси на Дятлинку с бутылкой приходил и умолял, чтобы та повлияла на нее.

Генка ничего не хотел рассказывать. Он задумчиво жевал хлеб с ветчиной и смотрел на жену. Большой продолговатый живот его упирался в край стола, розоватая лысина вспотела, нос заблестел.

— Я уж и не помню,— пробормотал он.— Когда это было?

— Бегал за девчонкой, чего уж там, признайся...— подзадоривала жена.

— Мало ли за кем я бегал, а вот женился на тебе,— сделал Генка попытку умиловить жену. Ему эти речи совсем не нравились.

— Нашлась вот дурочка,— усмехнулась Алла, впрочем без желания уколоть мужа, просто так, по привычке. Она могла что угодно сказать, Генка все равно бы промолчал.

— Послушай,— осененный внезапной догадкой, спросил я.— Помнишь, я вслед за Рысью сразу после экзаменов уехал в Ригу? Еще билет тебе показывал? Ну, а потом мы, по-видимому, разминулись. Она вернулась в Великие Луки, а я ее продолжал разыскивать в Риге... Ты видел ее здесь?

— Не помню,— равнодушно ответил Генка.— Может, и видел.

— Ты вспомни,— настаивал я.

Арпинов достал из кармана фуфайки большой платок, аккуратно промокнул лысину.

— Как же, встретился! — немного оживился он.— Я ее еще на вокзал провожал. Деревянный чемодан с манатками пер... Или фибровый?..

— Не имеет значения,— перебил я.— Не говорила она, почему уезжает?

— Нет, деревянный...— морщил лоб Генка.— Краше-ный такой, из фанеры...

— Почему же ты мне ничего не сказал, когда я из Риги вернулся?

— Забыл, наверное,— пробурчал Генка и с вожделем посмотрел на бутылку, там еще немного оставалось. Однако налить не решился.

— Ничего он не забыл,— вмешалась Алла, внимательно слушавшая наш диалог.— Он и начал увиваться вокруг твоей Рыси, пока ты был в отъезде... А ей не сказал, что ты в Риге, ну она психанула и насовсем уехала из города...

Теперь мне все стало понятно. Все встало на свои места... Генка совершил предательство: он не только обманул меня, но и Рысь... И расстроенная Динка уехала в Севастополь — на нее это похоже, а Генка провожал ее... А ведь я тогда считал его настоящим другом, ведь он такую заботу проявлял о Рыси... Ходил в горком комсомола, хлопотал, чтобы пособие за погибшего Динкиного отца получала она, а не тетка, даже собирался устроить Рысь в техникум... Только теперь мне стала ясна истинная подоплека этой трогательной заботы...

— Ты разве не знал, что он волочился за твоей девчонкой? — удивленно посмотрела на меня Алла.

— Мы ведь тогда считались друзьями...— выдавил я из себя.

Выпив, Генка несколько осмелел и теперь весело поглядывал на жену заплывшими блестящими глазками.

— Ты лучше вспомни, как Максим за тобой ухлестывал,— хохотнув, сказал он.— Правда, ты ему тоже нос патянула...

— Максим мне нравился,— метнула на меня игривый взгляд Алла, но мне было не до их пикировки.

— Генка, ответь мне, пожалуйста, на один вопрос,— сказал я.— Только скажи правду: это ты тогда получил мою телеграмму?

— Какую телеграмму? — посмотрел он на меня, и глаза у него были чистые и невинные.

— Телеграмму от Рыси... мне... из Севастополя?

Но Генка уже снова переключил свое внимание на бутылку и, воспользовавшись тем, что Алла на минутку отлучилась на кухню, быстро разлил остатки водки и, прикоснувшись к моей рюмке, единым духом выпил.

— Больше пяти рюмок не разрешает,— понизив голос, сообщил он.

— Ты не ответил на мой вопрос, — напомнил я.

— Это ты про Рысь? — беспечно сказал Генка. — Сколько воды с тех пор утекло... — Он вдруг погрузился и провел ладонью по розовой лысине. — Помнишь, какие у меня волосы были? Не чета твоим. И вот, как корова языком слизнула! Кому ни покажу старую фотографию, не верят, что это я был...

— Генка, ведь эта телеграмма была прислана мне, — сказал я. — Почему ты ее не отдал?

— Телеграмму из Севастополя? — вдруг оживился он. — Здорово я тебя тогда околпачил! Динка-то мне действительно здорово нравилась... — он оглянулся на кухню и понизил голос: — Если бы ты не мешал, я закрутил бы с ней любовь! Она тогда еще была дурочка... Ты, кажется, пошел на Дятлинку к ее тетке узнать, нет ли от Динки письма, а в это время почтальон принес в общежитие телеграмму. Ну я расписался, гляжу — от Динки! Думаю, фиг тебе покажу... Что же там было?..

— Приходи в воскресенье на Дятлинку... — стараясь быть спокойным, напомнил я.

— Точно! Что-то было про воскресенье... — согласился Генка, и тут черт дернул его взглянуть на меня. Хотя он был и выпивши, но мое лицо его сразу отрезвило, потому что он отвел глаза и замолчал.

— А дальше?

— Закрутился чего-то я... Или мы с тобой поспорили? У меня был зуб на тебя... А потом на практику уехали, я так и позабыл тебе отдать эту телеграмму... А может, со зла разорвал... Не помню уж.

— Да нет, ты ее не разорвал, — сказал я. — Вспомни, кому же ты ее отдал?

— Давай лучше выпьем, — предложил он.

Тут вошла Алла, и наш разговор прервался.

— У меня есть домашняя вишневая настойка, — взглянула она на меня. — Принести?

— Моя жена сама приготовила, — оживился Генка, но га даже не посмотрела в его сторону.

— Спасибо, — поблагодарил я, — мне пора идти.

Когда я снова напомнил про телеграмму, Генка досадливо поморщился и уже с явным неудовольствием посмотрел на меня.

— Ну чего ты привязался с какой-то дурацкой телеграммой? Черт ее знает, куда она подевалась... Это ведь

не вчера произошло. И потом, я не собираюсь писать мемуары и архива не храню...

— Зачем ты это сделал, — сказал я, но, взглянув на него, понял: мои слова что об стенку горох.

— Она ведь его к черту послала, — заметила Алла, женским сердцем поняв, что я страдаю. Вот только от чего страдаю, она не могла знать.

— Максим, отвяжись! — взмолился Генка. — Неужели больше не о чем говорить?

— Не стесняйся, барсучок, — сказала Алла. — Я ведь тебя никогда не ревновала.

— Ты хоть помнишь ее? — спросил я.

— Кого? — сердито посмотрел на меня Генка.

— Рысь.

— Встретил бы, наверное, не узнал.

— Ты ее никогда больше не встретишь, — сказал я.

— Она ведь здесь не живет, — сказала Алла. — Куда-то на юг уехала.

— Рысь умерла, — сказал я.

— Умерла? — прожевывая бутерброд с ветчиной, переспросил Генка. — Надо же... Да, ведь она на пароходах плавала. Наверное, утонула?

И больше ничего. Ни слова. На толстом, побагровевшем от водки лице его ни один мускул не дрогнул. Покончив с бутербродом, он стал многословно рассказывать о своей даче, которую уже подвели под крышу. Что-то толковал об огнеупорном кирпиче, необходимом для русской печи и трубы, о кровельном оцинкованном железе, сурике... Я смотрел на этого самодовольного толстяка и думал, что вот передо мной сидит настоящий подлец! Подлец до мозга костей! Вот он, тот самый человек, который бесцеремонно вторгся в мою жизнь и перевернул ее! И не только в мою, но и Рыси. Сидит, жует ветчину и даже не догадывается, сколько зла он сделал людям! Причем сделал так, походя, между прочим. И его никогда не мучили раскаяния... Да, это было давно, и мы были молодыми. Но из маленьких негодяев, как правило, потом вырастают большие негодяи... За свою жизнь я видел достаточно подлецов и негодяев, — по мере сил всегда боролся с ними, — но мне лично они не приносили горя, а вот этот человек в моей жизни наковырял... Наподличал — и спит спокойно! Его не мучают сомнения и угрызения совести. Он даже не поинтересовался, как умерла Рысь. Его вни-

мание поглощено графином с наливкой. Вполне доволен жизнью, собой, женой, и назови его подлецом или мерзавцем, искренне обидится и посчитает меня сумасшедшим. Он, между прочим, вспомнил, как обманул меня, не отдав телеграмму от Рыси, и, наверное, когда я уйду, со смехом расскажет жене, как я переживал тогда, бегал на Дятлинку, встречая каждого почтальона, мучился неизвестностью...

Мне вдруг неудержимо захотелось размахнуться и изо всей силы ударить в это толстое лицо. Но я в гостях. В соседней комнате спят его две дочери, даже не подозревавшие, что их отец, одного предав, другого обманув, по своему распорядился судьбой двух людей, за столом миловидная жена, а у телевизора приемный сын, которого он усыновил... И, наверное, дети считают своего отца хорошим, добрым человеком... Нет, никто меня не поймет, если я ударю почтенного отца семейства, да и сам он ничего не поймет и посчитает, что я спятил... Не ударю я тебя, Генка Аршинов! Надо было это сделать раньше, а теперь, за давностью срока, не я тебе судья... Если бы я смог тебя раскусить раньше! Мне было тогда семнадцать лет, а в такие годы нет еще у нас опыта распознавать врагов и подлецов. Это приходит гораздо позже... Случалось, мы и хороших людей не понимали, а негодьями восхищались...

И все-таки даже молодость, Генка Аршинов, не может оправдать твою вину!..

Они проводили меня до дверей. Генка снял с вешалки мой плащ, Алла подала кепку. Из комнаты выглянул Алеша и, подарив мне ослепительную улыбку, — он улыбается как киноактер! — попрощался. Ничего не скажешь, вежливый мальчик. И улыбка у него хорошая.

— Заходи к нам, — радушно приглашала Алла. — Теперь дорогу знаешь. Всегда хорошим обедом угощу. Нет, правда, Максим, приходи?

— Уж Алла всегда сумеет принять, — поддакивал Генка.

— Я-то сумею, а вот гостей у нас почему-то не бывает, — усмехнулась Алла. — Не зря же я тебя прозвала Барсуком.

Генка был непрошибаем. За весь вечер, а Алла несколько раз весьма ощутительно его поддела, он и не подумал на нее рассердиться. Все так же улыбался и ласко-

во смотрел на нее... Человека с такой слоновьей шкурой не обидишь, не устыдишь! Про таких говорят: плюй в глаза, а ему все божья роса...

— Старина, как-нибудь поедem на Урицкое озеро, я тебе покажу такую рыбалку!.. — с воодушевлением говорил Аршинов. — Ты ловил когда-нибудь на спиннинг судаков?..

— ...я тебя рыбным пирогом угощу, — вторила Алла. — Из соленого судака.

— Ты таких пирогов еще в жизни не пробовал! — восторгался Генка, обнимая жену пухлой рукой.

— Извини, Алла, но больше я и порога вашего дома не переступлю.

Никогда.

7

Весна в этом году не торопилась. Несмотря на то что снег сошел еще в марте, а в начале апреля солнце грело, как летом, к концу месяца подули северные ветры, небо заволокло. Будто непроницаемый колпак водрузил господь бог над городом, отгородив людей от солнца и звезд. Иногда по утрам моросил нудный дождь, такой же серый и невыразительный, как и небо, и тогда к вечеру город окутывал туман. К ночи он еще больше сгущался, заставляя шоферов включать фары даже на освещенных улицах. Туман завивался мудреной спиралью вокруг фонарей, оседал на карнизах влажных крыш, застревал в ветвях деревьев. К утру, когда начинало подмораживать, туман исчезал. По окраинам луж поблескивали тоненькие льдинки. Листва на деревьях только что распустилась. Липы и тополя благоухали на весь город. Липовый запах волновал, бередил душу, звал куда-то...

Каждое утро, раздвинув шторы, я с надеждой смотрел на небо: все тот же дождь. От весны ждешь много солнца, тепла, зелени, а тут тебе настоящая осень. Однако Ивaн Семенович Васин был доволен апрелем и особенно теплыми весенними дождями. Он говорил, что скоро буйно пойдет в рост трава и можно будет скот выпускать на подпожный корм, да и для посевов апрельский дождь — лучшая подкормка. А то, что солнышко спряталось, — не беда. Никуда не денется, растолкает облака, разгонит лучами туманы и свое возьмет.

Но только в мае стало по-настоящему тепло. Город заволокли скворцы. Черно-бронзовыми снарядами носились они над головами, обследуя скворечники, которые ребята еще в апреле приколотили к деревьям и крышам деревянных домов. На огородах и набережной вперевалку расхаживали важные грачи, хриплыми криками торопя хозяев вскапывать грядки. Из окна своего дома я любовался трясогузками. Пританцовывая на тонких ножках, они обследовали строительный хлам, оставшийся на дворе с осени. Стоило кому-нибудь появиться на тропинке, ведущей к дому, как трясогузки, вереща, утекали прочь. Вытянув шеи и приподняв длинные хвосты, они мелко-мелко семенили ножками-соломинками, и во всей их позе сквозил неподдельный ужас. Казалось, со страху птицы забыли, что у них есть крылья и можно взлететь. Однако стоило опасности исчезнуть — и трясогузки, пританцовывая и радостно вереща, снова возвращались на старое место.

Мефистофель часами выслеживал птиц. Я поражался его долготерпению! Сидя на перевернутом деревянном ящике цементного раствора и прижмурив глаза, он делал вид, что птицы его совершенно не интересуют. Кот напоминал сонного старика, греющегося на солнышке. Лишь черный с белым кончиком хвост выдавал его. Хвост предательски елозил по ящику, да еще белые редкие усы хищно вздрагивали. Когда птицы, успокоенные его неподвижностью, приближались, Мефистофель начинал медленно прижиматься к доскам, а глаза его с двумя вертикальными черточками зрачков распахивались... Прыжок — и хищное кошачье тело приземлялось четырьмя растопыренными лапами на то место, где только что были птицы. Трясогузки стремительно разлетались во все стороны, а пораженный происшедшим кот-разбойник, снова сузив глаза и не шевелясь, задумчиво смотрел им вслед. Изумленное выражение исчезало с выразительной кошачьей физиономии, и Мефистофель, сладко потянувшись и зевнув, вздергивал хвост трубой и важно удалялся. Весь его вид говорил, что он и сам не принимает всерьез всю эту детскую забаву с птицами.

В майское солнечное воскресенье я заехал на «газике» за Юлей — она ждала меня неподалеку от своего дома, — и мы отправились за город. Я еще с вечера приготовил все для воскресного пикника: бутылку сухого вина,

бутерброды с колбасой и сыром, банку мясных консервов, заманчиво названных «завтрак туриста».

Я еще издали увидел ее. Высокая, в джинсах и белой рубашке с засученными рукавами, она стояла под липой и смотрела на дорогу. Волосы прямыми прядями спускались на плечи. Юлька выглядела девчонкой. В двадцать три года девушка может выглядеть и женщиной, и совсем юной девчонкой. Она стояла облитая солнечным светом. Глядя на нее, у меня вдруг защемило сердце. Мелькнула мысль, что эта девушка слишком уж хороша для меня... Наверное, всегда так бывает: человеку спокойно и счастливо, но уже само это довольно редкое состояние начинает его тревожить, потому что почти всегда на смену радости приходит печаль. За счастьем следует несчастье. Таков, говорят, закон жизни, и никто его не может изменить.

Юлька счастливо улыбнулась, сверкнув белыми зубами, и грациозно скользнула на сиденье рядом со мной. Ее движения прирожденной танцовщицы были гибкими и плавными. От нее повеяло свежестью полевых фиалок и ландышей. Я с трудом удержался, чтобы ее не поцеловать. Заметив мое движение, она сдвинула брови:

— Какой чудесный день!

У нее было прекрасное настроение, и постепенно мои грустные мысли развеялись, а когда Юлька доверчиво положила голову на мое плечо, я без всякой причины весело рассмеялся.

Юлька сбоку взглянула на меня, и я обратил внимание, что длинные черные ресницы у нее загибаются совсем как у Рыси...

— Засмейся еще раз,— попросила она.— Ты сразу становишься похож на мальчишку.

— По заказу не умею,— ответил я.

Я поехал по старому Ленинградскому шоссе в сторону Сущева. Лишь только последние городские постройки остались позади, шоссе стало карабкаться на холмы, извиваться, петлять, огибая крутые овраги и колхозные пруды с голыми берегами. Молодая яркая трава блестела, над желтыми одувачиками порхали белые бабочки. Далеко-далеко на горизонте зазеленела неровная окаемка смешанного леса. На обочинах разгуливали сороки. Они подпускали машину совсем близко, потом не выдерживали и, пригнувшись, семенили к обочине, подпрыгивали и

взлетали. Одна сорока уронила на обочину красивое черное со стальным отливом хвостовое перо.

У кладбища Юлька попросила остановиться. Это было небольшое деревенское кладбище без церкви и часовни. Раскинулось оно на двух холмах, и глубокий овраг разделял его на две части. Редкие березы и тополя молчаливо возвышались меж простеньких могил с железными крестами, покрашенными местами облупившейся серебряной краской. Совсем неинтересное кладбище, без единого памятника и даже без ограды. Немного в стороне, где рос можжевельник, желтела свежая могила. Крест оплегнут черными лентами с надписями, бумажными цветами. Когда сюда долетал порыв ветра, слышен был негромкий и печальный металлический шелест. Это терлись друг о дружку жестяные листья на зеленом венке, приставленном к основанию креста.

Юлька взобралась на холм и медленно пробиралась меж старых могил. По тому, как она нагибалась и внимательно рассматривала пожелтевшие фотографии и надписи, я понял, что она кого-то ищет. И действительно, скоро она остановилась у старой осыпавшейся могилы с ржавым крестом. Голова опущена, ветер забрасывает на лицо длинные пряди.

Я хотел было подойти, но Юлька вдруг замахала руками и решительно потребовала, чтобы я вообще ушел отсюда. Ничего не понимая, я пожал плечами и вернулся к машине.

Вскоре пришла Юлька. Грустная и задумчивая. В руке — голубой колокольчик. Я молча включил мотор и тронул машину.

— Здесь похоронена моя бабушка по отцу, — немного погодя сказала Юлька. — Она родом из деревни Стансы. Это где-то здесь неподалеку.

— Стансы? — переспросил я.

— Я никогда там не была, — сказала Юлька.

— Ну, это дело поправимое, — усмехнулся я и, развернувшись на шоссе, погнал назад к знакомому проселку. В Стансы я хотел заехать на обратном пути, но раз уж так получилось, почему бы не сейчас?..

— Бабушка умерла, когда меня еще и на свете не было, — сказала Юлька.

— Почему ты меня прогнала с кладбища? — спросил я.

— Я ведь суеверная,— улыбнулась Юлька.— Есть такая примета: если он и она вместе придут на кладбище, то их скоро ждет разлука...

Мне снова захотелось поцеловать ее. У моей Юльки милая привычка: сначала ударить, а потом приласкать!

Я остановился на пригорке, с которого как на ладони видна деревня и мой новый строящийся поселок. Белоствольные березы на берегу закудрявились нежной листвою. Несколько домов уже были возведены под крышу. Крыши высокие, вытянутые вверх, как крылья бабочек. Волпистый шифер серого и зеленоватого цветов выложен в шахматном порядке. Небольшой автомобильный подъемник медленно разворачивал облитую солнцем панель с оконным проемом. Слышны были удары топоров. Несколько человек принялись пацель и стали вводить ее в гнездо. Молодец Любомудров! Признаться, я не поверил, что ему удастся организовать работу за городом и в воскресенье. Теперь для нас каждый день стоит недели!

Оттого, что на строительстве поселка кипела работа, настроение мое еще больше улучшилось. Я с азартом стал рассказывать Юле, как в этой деревне, следуя из Петербурга в Михайловское, в зимнюю вьюгу остановился на почтовой тройке Пушкин и, пережидая непогоду, написал стихотворение:

Бура мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

— В этой деревне был Пушкин? — удивилась Юлька.

— Ну да,— сказал я.— И останавливался у твоей прапрабабушки... Кто знает, может, и в твоих жилах течет кровь Пушкина... Вон ты какая артистка!

— Увы,— рассмеялась Юлька,— моя прапрапрабабушка не оставила никаких мемуаров... Я подозреваю, что она была безграмотной.

С лужайки, усыпанной желтыми цветами одуванчика, доносился пчелиный гул. Над озимым полем трепетали жаворонки, но почему-то не пели. А еще дальше, за травянистым бугром, усеянным лобастыми, поблескивающими на солнце валунами, кряхтел колесный трактор, таская за собой прицеп из нескольких борон. Юлька задумчиво смотрела на деревню. Ресницы ее опущены — солнце бьет прямо в глаза,— на губах легкая улыбка.

— Я хотела бы здесь пожить, — сказала она.

— Где? — уточнил я. — В старом или новом поселке? — А про себя загадал: если Юлька выберет новый поселок, значит, все будет хорошо, а если старый... Что будет в противном случае, я не стал думать...

— Вон в том домике, где березы! — показала Юлька. — Только он еще без крыши.

— Ты — умница, — сказал я.

— Ты тоже выбрал этот дом? — спросила Юлька.

— Послушай, Юлька, давай плюнем на город и будем тут жить? — сказал я. — Березы, птицы, пчелы. И речка рядом. Наверное, и рыба есть...

Юлька повернулась ко мне и внимательно посмотрела в глаза:

— У тебя неприятности, Максим?

— Если, конечно, ты захочешь вдвоем с таким старым хрычом...

— Не виляй, Максим! — сказала Юлька. — Что у тебя стряслось?

— С чего ты взяла?

— Можешь не говорить, — ровным голосом произнесла она. — Ты такой большой и умный, а я... машинистка мостового крана, а попросту — крановщица. Где мне понять твои заботы!

— Ты глупости говоришь!

— Это я нарочно, чтобы тебя разозлить.

И я подумал: кто у меня сейчас ближе, чем она? Я уже давно все рассказал бы ей, но мне почему-то казалось, что это ей совсем неинтересно...

Мы уселись на траву, и я все выложил Юльке: о Любомудрове, его проектах, об экспериментальном цехе, остановке конвейера, об этих самых домах, которые сейчас собирают... И главное — о своих сомнениях, которые я еще никому не поверял. Разве что только себе, и то по ночам...

Сначала Юлька слушала внимательно, а потом взгляд ее переключался с меня на яркого мохнатого черно-желтого шмеля, который, впусительно жужжа, перелетал с одного цветка на другой. Шмель изгибал толстое брюшко, отливающее синевой, и внимательно исследовал каждую тычинку. Впрочем, долго на одном цветке он не задерживался, потому что до него здесь побывали пчелы. Желто-зеленая лужайка привлекала не только шмелей и пчел,

над цветами порхали бабочки лимонницы, капустницы, крапивницы и еще какие-то поменьше, сиреневые, названия которых я не знал.

— Тебе неинтересно? — спросил я Юльку.

Она задумчиво взглянула на меня. Глаза у нее по-светлели, зрачки стали крошечными и острыми. Я только сейчас заметил, что Юля уже успела немного загореть: щеки и лоб приобрели смуглый оттенок, а шея в вырезе рубашки была нежно-белой.

— Знаешь, о чем я сейчас подумала? — сказала она. — У тебя все в жизни слишком удачно сложилось: в сорок лет ты уже директор большого завода, план перевыполняется, тебя уважают, живешь, как тебе хочется...

— Влюблен в самую красивую девушку в мире... — подсказал я.

— В общем, везет тебе, — подытожила Юлька. — А так долго, дорогой, не бывает.

— А ты, оказывается, жестокая! — вырвалось у меня. Я вспомнил, что всего час назад эта же самая мысль пришла мне в голову.

— А ты хотел, чтобы я тебя пожалела? Во-первых, я не умею жалеть, а во-вторых, жалеют лишь слабых мужчин...

— Ты обо мне хорошего мнения, — заметил я.

— Уже не рад, что мне все рассказал? — пытливо взглянула она мне в глаза.

— Я рад, что мы с тобой вместе, — сказал я, привлекая ее к себе.

Юлька секунду сидела не шевелясь, потом мягко отстранилась.

— Так будет всегда? — обидевшись, спросил я.

— Не знаю, — сказала она. — Я не люблю загадывать вперед.

— В таком случае у меня есть какой-то шанс... — усмехнулся я.

— Не будем об этом, — сказала она.

Солнце поднималось к зениту, все больше припекало. Слабый ветерок покачивал сиреневые пушистые головки дикого клевера. Вместе с ними покачивались пчелы и бабочки. На телефонные провода опустилась стая скворцов. Лениво перекликаясь, птицы топорщили перья, крутили отливающими медью головами, посверкивали на нас маленькими золотистыми глазами. Я поднялся с травы и

подал руку Юле, хотя не хотелось отсюда никуда уезжать. Хотелось опрокинуться навзничь и смотреть в небо, где вольно гуляют снежно-белые высокие облака. В этот тихий полуденный час, казалось, и облака остановились на одном месте и неслышно тают в небесной синеве, как айсберги в море.

И хотя через полчаса мы уже были на берегу небольшого красивого озера, я все еще с некоторой грустью вспоминал зеленую клеверную лужайку, шмеля и рокот лебедки, поднимающей на леса панели. Озеро было тихое, по берегам вкривь и вкось торчал тусклый прошлогодний камыш. Еще не народились кувшинки, не вымахала осока, и светлая вода у берегов чистая, спокойная. Юля сбросила с себя джинсы, рубашку и, расстелив на траве тонкое одеяло, улеглась загорать. Я тоже разделся и лег рядом. Однако глаза мои сами по себе косили на крепкое девичье тело в зеленом купальнике. Я с трудом сдерживался, чтобы не обнять ее... И тут, наверное, чтобы охладить меня, откуда-то из-за поросшего кустарником бугра прилетел холодный ветер и стал прохаживаться по спидам, ногам. Я увидел, как у девушки на плечах высыпали мурашки. Юлька лежала на животе, подставив солнцу спину. Ветер, попугав нас, подернул мелкой рябью воду, прошумел в прибрежных кустах и, напоследок пронзительно свистнув в ветвях толстой сосны, во весь рост отражающейся в озере, убежал в поле.

Юлька приподнялась, сорвала листок подорожника и прилепила на нос. Теперь она легла на спину. Длинная гибкая фигура гимнастки, ничего лишнего. Вот она пошевелила пальцами ноги, отгоняя муху, дотронулась тыльной стороной ладони до круглого подбородка, несколько раз взмахнула черными ресницами, будто чему-то удивляясь про себя, полные губы тронула легкая улыбка и тут же погасла. Крошечная сиреневая бабочка опустилась на Юлькину ключицу и, шевеля усиками, поползла вниз к молочно-белой ложбинке между грудями. Наверное, у бабочки были очень нежные ноги, потому что Юлька не прогнала ее.

Разомлевшие на солнце, мы с Юлькой стали раскладывать на одеяле свои припасы. Бутылку я еще раньше предусмотрительно опустил в воду. Несмотря на жару, вода была холодная. Юлька делала бутерброды, а я кромсал ножом жестянку с консервами. И в это мгновение мы

услышали гулкий выстрел. Над дальней кромкой озера с шумом поднялись утки. Я и не подозревал, что они здесь обитают. Прогревели еще два выстрела. Одна утка, теряя перья, шлепнулась в прибрежные кусты.

— Он убил ее! — взглянула на меня Юлька. — Ты видел, она упала.

«Черт побери! — со злостью подумал я. — Раз в педию выберешься за город, думаешь, что хоть тут от всего отдохнешь, и на тебе — эта идиотская пальба!»

Я нехотя поднялся, зачем-то натянул брюки, рубашку и поплелся вдоль берега в ту сторону, откуда донеслись выстрелы. Одно дело гневно осудить про себя все это безобразие, а другое — куда-то идти и выяснять, кто это стрелял. Потом, я не знал, запрещена охота или нет...

Сразу за прибрежными кустами я носом к носу столкнулся с Аршиновым. Расплывшись в широчайшей улыбке, он потряс передо мной окровавленной уткой:

— С первого выстрела! Посмотри, какая красавица!

Был он в высоких охотничьих сапогах с подвернутыми голенищами, патронташ оттопыривался на толстом брюхе, висело на плече вниз стволами ружье. Сиял лакированный козырек железнодорожной фуражки. Сиял, как медный самовар, и Аршинов.

— Свинья ты, Генка, — сказал я, несколько ошарашенный этой встречей. — Охота ведь запрещена!

Наверное, он почувствовал в моем голосе нотки сомнения или вообще ему был неведом стыд, потому что, ничуть не смутившись, ответил:

— Признайся, это ты от зависти... Не каждому удастся на лету срезать такую крякву.

— Я и не знал, что ты охотник, — сказал я, неприязненно глядя на него. — Специалист по уткам... — Я вспомнил рассказ Бутафорова про то, как он с палкой крался к утке, прилетевшей на Дятлинку.

— Кто на пернатую дичь охотится, а кто... и на другую... — подковырнул меня Генка, кивнув на берег, где во всей своей красе возлежала в купальнике на одеяле рядом с закусками и заманчиво блестевшей на солнце бутылкой Юлька.

— Русалка! Сирена! — поощренный моим молчанием, продолжал Аршинов. — Где ты такую ягодку откопал?

— Катись-ка ты отсюда, Аршинов! — сказал я. Мне противно было слушать его.

— Я думал, к скатерти-самобранке пригласишь...— улыбка его стала кислой.— Надо же такой выстрел отметить!

Под моим пристальным взглядом он вдруг забеспокоился: опустил глаза, провел толстыми пальцами по стволу, закрихтел и даже переступил с ноги на ногу. Мне иногда говорили, что в гневе взгляд у меня бывает жуткий, но я этого не видел. В гневе мне никогда не приходило в голову посмотреть на себя в зеркало. Как-то было не до этого.

— Ну я пошел, а ты это... отдыхай...— бормотал Генка, виляя глазами.— Тут еще неподалеку отличное озерко...

Я взял его за патронташ и притянул к себе. Голубые глаза его заметались, левая щека несколько раз дернулась.

— Я тогда при Алле ничего тебе не сказал, — медленно ронял я тяжелые слова.— Не хотел, чтобы она узпала, какая ты на самом деле сволочь... Ведь ты телеграмму от Рыси не позабыл мне передать. Ты нарочно ее утаил. И Рысь обманул. Когда она приехала из Рити, ты сказал ей, что я вообще из этого города уехал. К другой девчонке... Ты смолodu был подонком и сейчас таким же остался! Я вот все думаю: совесть тебя не гложет? По ночам ты спокойно спишь? Не снятся тебе кошмары, а, Генка Аршинов?!

— Да ты что?! Пусти, говорю!..— Генка попятился, и я отпустил его. На свободе он почувствовал себя увереннее. Встряхнул ружье на жирном плече, поправил на плешивой голове фуражку. Приосанился. И только после этого взглянул на меня. Маленькие глазки его ледянисто поблескивали, черные густые брови сошлись вместе.

— Чего ты все время привязываешься ко мне с этой, как ее... Рысью? Сам же сказал, что она померла? Мало ли что мы по молодости начудили? Как говорят, молодозелено... Чего ворошить бывшее? Я бы тебе тоже мог кое-что вспомнить...

— Вспомни,— сказал я.— Это очень интересно.

— Рысь, Рысь... Я уж позабыл, как она и выглядела!

— А я еще считал тебя своим приятелем... Какой же я дурак был!

— А ты что думал: я приду к тебе и скажу, мол, отвали, Максим, мне твоя девчонка нравится?

— Это было бы честнее.

— Гляжу я на тебя, солидный человек, директор завода, а рассуждаешь, как мальчишка... Больше двадцати лет прошло. У меня жена, трое детей. Да разве умно теперь горячиться из-за какой-то девчонки, которая нам обоим нравилась?

— Какой-то... — усмехнулся я. — Заскорузлая у тебя душа, Генка, если вообще она у тебя есть...

— Про какую-то дурацкую телеграмму вспоминает... Может, и утаил, не помню... Вспомни лучше, как ты с дядей Корнеем и Швейком на вокзале ящики воровал! Про это не вспоминаешь!

— Я дядю Корнея на чистую воду вывел, — сказал я. — Ты действительно все забыл, Генка...

— Столько лет прошло, — бубнил он. — Полжизни прожито! Мы стали совсем другими...

— Нет, Генка, — перебил я. — Ты не изменился: был подонком и остался им...

— Ты брось такими словами бросаться...

— А то что? — усмехнулся я, поняв, что разговаривать с ним бесполезно. Таких, как Аршинов, ничем не прошибешь.

— Иди к своей... развлекайся... — нагло ухмыльнулся он. — Небось заждалась...

— Я ведь могу и по морде дать, — сдерживаясь, спокойно сказал я.

Генка поверил, проворно при его тяжелой фигуре повернулся и, чмокая сапогами, зашагал к березняку, что начинался сразу от озера. На опушке обернулся, видно, хотел что-то сказать, но раздумал.

Потом, немного позже, все, что он, по-видимому, хотел сказать, он сказал. Только не в глаза и не мне...

Снова вывернул из-за березняка ветер и взбаламутил воду. Заскрипел, защелкал прошлогодний высохший камыш, просыпая коричневую труху.

— Что же ты не пригласил его к нашему столу? — спизу вверх глядя на меня, спросила Юлька, когда я подошел.

— Еще влюбишься, — усмехнулся я.

— Ты ревнивый?

— Как Отелло!

— Ну, тогда ты пропал, — улыбнулась она. — Я на редкость непостоянная.

— Я тебя задую, как Дездемону,— сказал я.

— Теперь это не модно. Не в духе времени.

— Я что-нибудь другое придумаю,— мрачно пообещал я.

— Я тебя совсем не боюсь,— рассмеялась она.— Ни капельки!

— Юля, давай никогда не будем ссориться,— с жаром сказал я.— В жизни и так хватает всякого... и хамства, и жестокости, и подлости...

— Этого я тебе, дорогой, обещать не могу,— сказала она.— У меня ведь скверный характер...

1

Хотя я и ждал, что гроза вот-вот разразится над моей головой, первый удар грома застал меня врасплох. Как ни готовишься к беде, она всегда нагрянет неожиданно. Основной цех полностью переключился на производство новой продукции, которая в государственный план не засчитывалась. За апрель и май завод, естественно, недовыполнил план. Причем, в мае почти на тридцать процентов, а это уже было настоящее ЧП. Из министерства посыпались тревожные звонки и телеграммы. Я выкручивался изо всех сил: обещал в ближайшее время ликвидировать прорыв, придумывал разные причины, вплоть до того, что ссылался на весеннюю распутицу, из-за которой невозможно своевременно доставлять на завод из карьеров необходимое сырье...

В Стансах спешно собирались из новых деталей дома. Однако наспех оборудованный Любомудровым подсобный столярный цех не обеспечивал строителей отделочными материалами. На стройке командовал парадом Леопид Харитонов. Узколицый Вася Конев был у него правой рукой. Под командой Харитонova находилось полтора десятка рабочих, снятых с разных цехов. Преимущественно комсомольцы, с которыми провел необходимую работу Саврасов. Васин в свою очередь подбросил шесть колхозников, немного соображающих в строительном деле.

Харитонов оказался на редкость способным руководителем. Он с полуслова понимал Любомудрова, быстро научился разбираться в чертежах и проектах, сам подавал на леса механической лебедкой детали домов. А когда необходимо было, заменял маляра, плотника, кровельщика. Работал он в красной майке с эмблемой «Буревестника» и синих спортивных брюках. Успел загореть и отрастил

небольшие пшеничные усики, которые с важным видом то и дело подкручивал. Работал он весело, с шуточками и умел поддерживать бодрость в других.

Вася Конев следил за погрузкой и разгрузкой панелевозов. Он и осуществлял связь строительной площадки с заводом. Этот узкоплечий, с длинными девчоночьими ресницами паренек проникся, как и его приятель Харитонов, полной ответственностью к нашему общему делу и трудился, не считаясь со временем. Последний месяц Конев и Харитонов вообще не покидали строительную площадку. Там они и жили в одном из недостроенных домов. Приволокли откуда-то несколько охапок сухого сена и соорудили на полу себе постели.

Отгремели майские грозы со звонкими ливнями. В Сенчитском бору закончилось строительство туристской базы, но нам было не до рыбалки. Даже Леня Харитонов, когда мы встречались с ним в Стансах, больше не заводил разговор об этом. Июнь начался знойными днями. Иной раз температура поднималась до двадцати восьми—тридцати градусов, а это — редкость для Великих Лук. Пыльная листва на липах и тополях поникла, асфальт под ногами продавливался, собирался в толстые серые складки, напоминая слоновую кожу. Началась пора школьных и студенческих экзаменов. На берегах Ловати загорали юноши и девушки. У большинства под рукой учебники и конспекты. Река взбаламучена купающимися. Она даже свой цвет изменила: из серебристо-темной превратилась в светло-желтую.

В один из таких жарких июньских дней мне позвонил заместитель министра. Последнее время на телефонные звонки из министерства я не отвечал: попросил Аделаиду не соединять меня, а всем говорить, что я на объекте, но, услышав голос заместителя министра, моя верная Аделаида дрогнула. Обычно она входила в кабинет с достоинством, не торопясь, а тут влетела с копиркой в руках (наверное, не успела заправить в пишущую машинку), глаза округлены.

— Вас срочно вызывает заместитель министра, — сообщила она. — Велел разыскать, хоть под землей.

Я молча смотрел на нее, чувствуя, как почва уходит из-под ног. Ну, ладно бы начальник отдела Дроздов, а то сам замминистра. Тот самый, что на свою голову рекомендовал меня на этот завод... Что я ему скажу?..

Впрочем, говорить мне не пришлось. Говорил один замминистра. Я чувствовал, что он с трудом сдерживается, чтобы не закричать на меня... Замминистра говорил, что наш завод из передовых за каких-то три месяца превратился в самый отстающий в министерстве. Он ничего не понимает. Завод обеспечивается всем необходимым в первую очередь. Это что, саботаж?! Или вредительство?! Другого объяснения этому вопиющему случаю он просто не может найти. Да и как иначе объяснить, что хорошо налаженное предприятие, перевыполняющее государственный план, вдруг третий месяц подряд стало отставать? И чем дальше, тем больше!..

По-моему, я так и не сказал ни одного слова. Правда, мне нечего было и сказать. Замминистра, заявив, что за все это мне придется отвечать на коллегии министерства, повесил трубку, даже не попрощавшись.

Слушая похоронно звучащие частые гудки в трубке, я встретился глазами с Аделаидой. Оказывается, она не ушла из кабинета и все это время смотрела на меня. А щеки мои пылали, в груди клокотали не высказанные замминистру слова...

— Что же будет, Максим Константинович? — спросила Аделаида. И в голосе ее было участие.

Аделаида, конечно, знала, что происходит на заводе, хотя я ей ничего и не объяснял. Я замечал ее беспокойные взгляды, которыми она встречала меня. Последнее время я редко бывал в кабинете. Большую часть дня пропадаю в цехах да в Стансах. К счастью, в деревне не было телефона и меня никто не дергал. Аделаида, как кошка непогоду, чувствовала приближающуюся беду...

— Из горкома звонили? — спросил я.

— Вчера вечером звонил сам первый секретарь, я сказала, что вы на объекте. Он стал выяснять, на каком объекте, но я сказала, что у нас объектов много, и он повесил трубку.

— И не сказал, чтобы я ему позвонил?

— Ничего не сказал... — и, помолчав, прибавила: — Голос был сердитый.

— Бутафоров не звонил?

— Несколько раз звонил. Я ему сказала, что вы в Стансах. Просил сразу ему позвонить, как только появиться.

— Вызовите Тропинина, — попросил я.

— Он в горькоме. Его туда утром срочно вызвали. К первому секретарю.

— Тогда Саврасова.

— Он тоже в горькоме... Вместе с Тропининым уехал.

— А отвез их Васнецов? — через силу улыбнулся я.

Однако Аделаида не оценила моего юмора.

— Петя уже вернулся, — сообщила она. — Позвать?

— Васнецова? — сказал я. — Нет, не надо.

Да, тучи сгустились. И уже засверкали молнии. Бутафорову я не буду звонить: лучше сам поеду к нему. С Куприяновым — первым секретарем — мне пока не хотелось бы встречаться. Хотя у нас и сложились нормальные деловые отношения, в глубине души я знал, что этот человек не поймет меня.

Нужно было что-то срочно предпринимать, действовать, а я остолбенело сидел в кабинете и не знал, с чего начинать. Пересидеть бы где-нибудь всю эту начинающуюся кутерьму, авось обойдется, само собой все утрясется... Но я все-таки собрался с мыслями и заставил себя думать о деле...

В Стансах пока все благополучно. Любыми путями нужно дать возможность строителям закончить поселок. Всю необходимую документацию для «ревизоров» Любомудров подготовил. Васин оформил большой заказ еще на четыре типовых поселка. Разумеется, по проектам Любомудрова. Но все это капля в море... Нам нужны сотни, тысячи заказов! Нужны средства, чтобы запустить производство новых деталей на полную мощность... А для этого необходим хотя бы один готовый поселок, который можно посмотреть, как говорится, руками пощупать. Тогда заказы посыплются! Переоборудуем и остальные цеха. И снова план будем перевыполнять...

«Только при другом директоре...» — усмехнулся я про себя. А вслух сказал:

— Спасибо, Аделаида.

— За что, Максим Константинович?

— Вам нравится Петя Васнецов? — спросил я.

Аделаида даже растерялась. Отвела глаза в сторону и, пачкая наманикюренные пальчики, стала комкать копирку. Мне показалось, что она сейчас заплачет.

— Хороший паренек, — сказал я. — Вчера я мельком по телевизору видел областные автомобильные гонки. Кажется, Петя занял второе место?

— Первое,— сказала Аделаида и с улыбкой взглянула на меня. С чего это я взял, что она хочет заплакать?..

— Поздравляю,— рассеянно заметил я.

— Меня? — удивилась Аделаида.

— Чемпион области — это не шутка!

— Опять звонят...— Аделаида, наклонив пушистую голову, прислушалась.

— Меня нет! — наконец вскочил я с кресла: преисполненный желания немедленно что-то делать, действовать.— Скажите, поехал в горком, обком... Когда вернусь, не знаю...

2

Я поставил «газик» на стоянку и с тяжелым сердцем направился в горком. Ничего хорошего от разговора с Бутафоровым я не ждал. Напротив Дома Советов, где помещался городской комитет партии и другие организации, в двухэтажном белом здании находился Дворец бракосочетания. На ступеньках широкого каменного крыльца — жених, невеста в прозрачной фате и длинном до пят белом платье, приглашенные. Возле них суетился высокий худощавый фотограф. На голове у него узбекская тюбетейка. Жестикулируя, фотограф бесцеремонно переставлял гостей с места на место. Жених — совсем еще зеленый юнец — смущенно улыбался, будто ему было стыдно, что из-за него тут затеяли такую кутерьму, а невеста с большим букетом в руках стояла гордо и независимо. Лицо серьезное, глаза устремлены вверх голов. Сразу видно, человек понимает все значение настоящей торжественной минуты.

Мельком подумав о превратностях человеческой жизни (кто-то радуется, а кто-то страдает, одни вступают в законный брак, а другие разводятся, кто-то умирает, а кто-то рождается...), я хотел уже было толкнуть массивную дверь, как вдруг в толпе приглашенных на бракосочетание увидел знакомые лица: это были Леня Харитонов и Вася Конев! В первое мгновение я решил, что обознался. Чтобы в такое напряженное время два моих самых надежных помощника прохлаждались здесь, вместо того чтобы работать на строительстве поселка,— в это трудно было поверить! И все-таки это были они. Харитонов в новом костюме, полуботинки блестят, пуская в глаза зайчи-

ки. Он выпятил широкую грудь, стараясь выглядеть перед объективом посolidнее. Вася воткнул свое узкое, как лезвие топора, лицо в щель между пожилой дамой и плечом своего лучшего друга. И тоже одет с иголки.

Фотограф щелкнул несколько раз, и группа рассыпалась. Я подошел к своим ребятам и молча воззрился на них, полагая, что и без слов все понятно. Вася растерянно заморгал своими большими девичьими глазами, а Лёня, пальцами пригладив светлую челку на лбу, жизнерадостно улыбнулся.

— Кореш женится, Максим Константинович! — с улыбкой сообщил он. — Я у него свидетелем.

— А ты? — взглянул я на Васю.

— Так это ж его родственник, — не моргнув, выпалил Харитонов. — Кто он тебе, Вася, шурин? Или зять?

Вася молча кивнул.

— Так шурин или зять? — поинтересовался я.

Укоризненно взглянув на приятеля, дескать, ври да знай меру, Вася потупился. Из нагрудного кармана его коричневого пиджака торчал уголок белоснежного платка. Выходит, они сегодня вообще не были на стройплощадке, иначе когда бы успели вырядиться?

— Не петрит Конь в этих архаических родственных связях, — пришел на выручку Лёня. — Вот моя бабушка до пятого колена знает своих родственников... В позапрошлом году...

— О бабушке расскажешь потом, — прервал я этот поток воспоминаний. — Вы далеко отсюда живете?

— Не очень... — ответил Лёня и озадаченно уставился на меня, не зная, куда я гну. — Никак к нам в гости собираетесь?

— Пожелайте жениху и невесте мира и счастья и быстренько ко мне в машину, — сказал я тоном, не терпящим возражений. — Ну, чего вы на меня уставились?

— А свадьба? — промямлил Лёня.

— Мы на свадьбу приглашены, — расшевелился наконец Вася Конев. — И подарки молодым купили...

— На свадьбу успеете, — сказал я. — Наверное, дня два гулять будут!

— Такое раз в жизни бывает! — затараторил Лёня. — Кореш женится! Один день-то можно погулять? Стройка без нас не остановится... Разве мы когда спорили? Сутками вкалывали... Если надо, значит, надо, как это в пес-

не поется? А тут такое дело! Побойтесь бога, Максим Константинович!

— А завтра мы с утра будем на месте,— ввернул Вася.

И уступить бы тут мне! И тогда, как знать, может, ничего бы и не случилось... Махнуть рукой, пусть ребята погуляют! По совести говоря, они это заслужили. Но представив, какими они голубчиками завтра заявятся после свадьбы на работу — если вообще заявятся,— я решительно сказал:

— Не будем понапрасну терять время... Придете на свадьбу после работы.

Лица у моих помощников стали кислыми. Жених и невеста усаживались в такси. Гости окружили еще несколько нарядных, разукрашенных цветами и разноцветными лентами машин.

— Я сейчас! — Харитонов тяжело затопал к машине жениха и невесты. Я видел, как, нагнувшись, он что-то говорил новобрачным, глазами показывая на меня... Вернулся он несколько успокоенным. Карман брюк оттопыривался. Я сделал вид, что ничего не заметил.

— Вот так и сгоришь на работе, а памятника все одно не поставят... — отрешенно заметил Леня, забираясь вслед за Васей в «газик».

Я привез их домой, ребята быстро переоделись, и я прямым ходом доставил их в Стансы. Не скажу, чтобы такая неожиданная перемена обстановки их очень обрадовала. Оба сидели позади меня сердитые. Даже словоохотливый Леня Харитонов примолк. Еще бы, вытащил их почти из-за свадебного стола! Харитонов наверняка уже и речь застольную приготовил... А Вася настроился на танцы. Я знал, что он любит потанцевать.

На строительстве не слышно тарахтенья лебедки, стука топоров и молотков. Без Харитонova все здесь затихло. Правда, внутри домов велись мелкие отделочные работы, но для меня было важно в первую очередь полностью собрать дома, чтобы, как говорится, показать товар лицом. Еще нужно было поставить на фундамент и смонтировать четыре двухквартирных дома. Детали сегодня должны были подвезти. И тут легкий на помине запылил за речкой панелевоз.

Я собрал строителей и объяснил, что пужно как можно быстрее смонтировать последние четыре дома. Детали се-

годня все доставят. А отделочными работами будут заниматься позже. Главное — поставить дома на фундамент. Квалифицированных строителей я определил на сборку домов, а колхозников, работающих подсобниками, попросил вывезти из поселка отходы, строительный мусор.

— Я надеюсь на вас, ребята, — сказал я на прощанье Харитонову и Коневу. — А насчет свадьбы не горюйте... Велика радость с утра напиться? Да еще в такую жару. Вечером я сюда загляну и самолично доставлю вас прямо к свадебному столу...

— Вечер — это понятие растяжимое, — проворчал Леня.

— В восемь буду здесь, — пообещал я.

Вася Конев улыбнулся и, потрогав острый подбородок, сказал:

— Вспомнил, я прихожусь жениху деверем...

— Деверем жениха? — рассмеялся я. — А ты знаешь, кто такой деверь?

— Ну тогда кумом, — смутился Вася.

— Я же говорю, ты, Конь, темный человек в этом христианском вопросе, — усмехнулся Леня. — Вот моя бабушка...

Взглянув на часы, я ринулся к машине: мне ведь необходимо повидаться с Бутафоровым. Если не застану на работе, поеду к нему домой. И потом, мне совсем не хотелось слушать про мифическую бабушку Лени Харитонova...

Трогая «газик», я взглянул на ребят: Харитонов направлялся к лебедке, а Вася Конев, задрав голову, с улыбкой смотрел на небо. Там кружил журавль, дикий, белая с черными крыльями птица... Таким я его и запомнил навсегда: худеньким, с узким улыбающимся лицом, обращенным к небу, и широко распахнутыми большими светлыми глазами...

В приемной секретаря горкома партии я столкнулся с Тропининым и Саврасовым. Они только что вышли из кабинета Куприянова. Не нужно быть психологом, чтобы, взглянув на их лица, понять, что наши дела совсем плохи. Тропинин попеременно то одной рукой, то другой приглаживал и так гладко зачесанные назад волосы. На широком носу его блестели капельки пота. Однако губы упря-

мо сжаты, на лбу собрались морщины, как будто он все еще продолжал горячо спорить с секретарем.

Саврасов выглядел совсем убитым. Побагровевшее растерянное лицо, бегающие под толстыми стеклами очков глаза, понуро опущенные плечи. И лишь непокорная коричневая шевелюра воинственно дыбилась надо лбом.

— Вы бы еще слезу пустили! — с гневным укором взглянул на него Тропинин. — Не ожидал я, Геннадий Васильевич, что вы так быстро сдадите свои позиции!..

— Куприянов от этой позиции камня на камне не оставил... — пробормотал Саврасов. — Неужели и вправду нас будут обсуждать на бюро горкома?

— Вас не будут, — саркастически усмехнулся Тропинин. — Вы уже признали свои ошибки...

Тропинин увидел меня и, невольно покосившись на высокую, обитую черным дерматином дверь, сказал:

— Бушует первый! При нас три раза звонил на завод, разыскивал вас...

Саврасов, сверкнув в мою сторону очками, кивнул и, еще больше понурив плечи, поспешил к выходу. Он явно хотел избежать разговора со мной. Проводив его хмурым взглядом, Анатолий Филиппович сказал:

— Не боец он. Повел себя как провинившийся школьник... Удивляюсь, как это он еще прощения не попросил.

— Попросит, — усмехнулся я.

Мне вспомнился день рождения Валерии Григорьевны и поведение Саврасова в присутствии его жены. Он тоже тогда выглядел беспомощным и растерянным. Боялся при ней рта раскрыть... Очевидно, этот мягкий, безвольный человек, который всякий раз пасует при встрече с сильным характером.

— Вы к нему? — кивнул на дверь Куприянова Тропинин.

— К Бутафорову, — ответил я.

Кабинет Бутафорова был напротив кабинета первого секретаря. У них была общая приемная. Немолодая женщина с кем-то разговаривала по телефону и не обращала на нас внимания. Правда, когда я пришел, она бросила на меня любопытный взгляд. Наверное, ей приходилось разыскивать меня по телефону все эти дни.

— Я сегодня после работы задержусь в лаборатории, — сказал Тропинин. — Мы там интересный опыт поставили...

— Подождите меня в машине,— попросил я и отдал ему ключи.

— В общем, началось...— сказал Анатолий Филиппович.— Ну, ни пуха вам!..

— Вы разве не к Борису Александровичу? — спросила секретарша, но я уже открыл дверь в кабинет Бутафорова. Не скажу, чтобы взгляд, которым наградил меня мой старый друг, был приветливым. А не виделись мы с премьеры. Что-то больше месяца.

— Ну что, добрый молодец, готов голову положить на плаху? — без улыбки сказал Николай.— Дела обстоят хуже, чем я предполагал. Куприянов рвет и мечет... Он тебя третий день по всему городу разыскивает. Прячешься от него, что ли?

— Да нет, дел много,— ответил я.

Николай поднялся и заходил по кабинету. Широкое лицо его изрезано глубокими морщинами, глаза усталые, а поредевшая седая прядь по-прежнему нависает над кустистой бровью. На тумбочке приглушенно бормочет вентилятор, но в кабинете все равно душно. В открытое окно доносился городской шум.

— Короче говоря, дела обстоят так: завод третий месяц не выполняет план, заказчикам с перебоями поставляется продукция, строители на объектах днями простаивают, рабочие на заводе не понимают, в чем дело? Нормы по-прежнему перевыполняют, а их считают отстающими... В мае план недовыполнен на тридцать процентов. Это самый низкий показатель по всей Псковской области.

— Я это знаю.

— А теперь все стало известно в министерстве и горкоме партии,— жестко сказал Николай.

— Ты считаешь, что меня снимут с работы?

— Это будет бюро горкома решать, уже готовится на тебя материал.

— Быстро, черт возьми, все закрутилось!

— Боюсь, что тебя еще до бюро снимут с работы,— продолжал Николай.— В министерстве паника. Ты им тоже ничего не сообщил?

— Пробовал, но...— я махнул рукой.

— Как там с поселком? — после паузы уже другим тоном, чуть мягче спросил Бутафоров.— Построили?

Я покачал головой.

— На что же ты, садовая голова, рассчитываешь? — снова накиннулся он на меня.

— На бога, — улыбнулся я. — И еще на человеческую справедливость.

Николай подошел к окну и закурил.

— Твоя машина здесь? — не оборачиваясь, спросил Николай.

— Поселок закончат не раньше, чем через месяц, — сказал я.

— Но хоть один-то дом готов?

«Мать честная! — подумал я. — А это идея! Поселок поселком, а один дом можно было бы уже давно полностью закончить...»

— Я тебе покажу готовый дом через три дня, — сказал я.

— Все равно поедем, — заявил Николай и, ткнув недокуренную папиросу в пепельницу, снял со спинки кресла пиджак, но тут дверь отворилась, и вошел Куприянов. Секретарь горкома подошел ко мне, пытливо глядя в глаза, крепко пожал руку и присел на кончик длинного стола, застланного зеленым сукном. Лицо у него загорелое, взгляд светлых глаз суровый, сильная рука сдавила спинку стула.

— Что у вас происходит на заводе? — сразу взял быка за рога Куприянов.

— Я полагаю, обстановка вам уже известна, — ответил я.

— Как вы, коммунист, могли решиться на такую авантюру? Вы знаете, что под угрозой срыва железнодорожное строительство, строительство стандартных домов для села? Заказчики не получают готовые детали для запроектированных объектов...

И дальше в таком же тоне и духе. Слова Куприянов ронял тяжело и весомо...

Мне надоело от всех слышать одно и то же. Мне хотелось доказать свою правоту, а в том, что я по большому счету прав, я теперь не сомневался. Но свою правоту можно доказать тому, кто не только слушает себя, а и других. Тому, кто способен во имя познания истины подавить гнев, заставить себя быть объективным и в конце концов уметь влезать в шкуру того, кого считают неправым. Борис Александрович же слушал только себя одного. Правда, вся его речь состояла из вопросов, но едва я пы-

гался ответить хотя бы на один из них, он тут же перебивал меня и с нарастающим раздражением начинал дальше свою отповедь. Я понял, что Куприянов все уже решил. Все мои слова для него — жалкий лепет, который он привык слышать от распекаемых руководителей городских предприятий. Поэтому доказывать что-либо этому человеку было бесполезно, и я замолчал, давая ему волю выговориться. А накопилось у Бориса Александровича многое... Не зря три дня он меня разыскивал!

Конец его речи был таков:

— ...пятнадцатого июня в одиннадцать утра мы вызываем вас на бюро городского комитета партии.

«Пятнадцатого... — размышлял я. — Это значит, у меня еще почти две недели... За это время я должен закончить строительство поселка. Наверняка из министерства нагрянет государственная комиссия. Вот только когда? Если бы и там мне сообщили срок...»

— ...про ваши эксперименты с новыми домами я и слышать не хочу, — продолжал Куприянов. — Виданное ли дело: директору взбрело на ум прекратить производство утвержденных государственным планом деталей! А как же заказчики? Они ведь ждут от вас стандартных деталей! У них типовые проекты... И по ним уже по всей области начато капитальное строительство... Вы или сумасшедший, или...

— Договаривайте, — подзадорил я.

— На бюро вы все услышите...

— Все, что вы мне наговорили, — это ваша, пусть даже на первый взгляд правильная, но субъективная точка зрения. И на одном этом нельзя строить такие далеко идущие обвинения... Существует еще и объективная истина, в которой, я надеюсь, бюро разберется. А сейчас вы рассуждаете так, будто вы один и есть бюро горкома партии... Вам, наверное, известна такая мысль: кто много знает, тот гибок; кто знает что-либо одно, тот горд. Первый видит, чего ему недостает, второй подобен петуху на павозной куче... Неужели вы всерьез считаете, что я поставил на карту свою репутацию руководителя, свою партийную совесть ради какой-то мелкой, несостоящей цели? А раз я на это пошел, попробуйте все-таки понять и мою точку зрения. Может быть, она была единственно правильной в данной ситуации... Никакой опыт не опасен, если на него отважиться... Сейчас я переоборудовал одну

поточную линию, но поверьте, буду я директором или нет, со временем переоборудуют и остальные поточные линии. И завод будет выпускать новую высококачественную продукцию. Когда нет выбора, тогда приходится брать то, что дают... А когда я покажу им те дома, выпуск которых мы осваиваем, они и смотреть не станут на прежние.

Куприянов ошеломленно смотрел на меня. Он был уверен, что я сломлен, уничтожен, повергнут в прах... Говоря все это, я пристально наблюдал за его лицом. И выражения на нем менялись с непостижимой быстротой. Несколько раз Куприянов хотел меня прервать, но я взглядом останавливал его, и он, как ни странно, уступал мне. На лице его попеременно отражались гнев, возмущение, презрение и что угодно, только не сомнение в своей правоте. Мои слова ошеломили его, но отсюда не поколебали. Глядя в его светло-серые глаза, я подумал, что раз этот человек не понял меня сейчас, значит, никогда не поймет. Просто не сможет заставить себя понять...

— Это что же получается? Вы меня отчитываете? — совсем тихо спросил он и повернулся к Бутафорову. — Ты слышал что-нибудь подобное?

В течение всего этого словесного поединка Бутафоров молчал. Он снова закурил и, прислонившись спиной к высокому коричневому сейфу, внимательно наблюдал за нами. Один раз я поймал его задумчивый и какой-то отрешенный взгляд. Можно было подумать, что Николай витает где-то далеко-далеко... Второй раз мне почудилось в его быстром пристальном взгляде если не одобрение, то, по крайней мере, понимание.

В ответ на обращение Куприянова Николай промолчал. Не найдя у Бутафорова поддержки, секретарь снова уставился на меня. Я спокойно выдержал его пронизывающий взгляд. И тогда он сказал:

— Я понимаю, что Великие Луки по сравнению с Ленинградом... Может быть, вам захотелось снова в Ленинград? Нам случалось на бюро разбирать дела коммунистов-ленинградцев, направленных сюда после института. Бывало и такое, что способный инженер специально заваливал свою работу для того, чтобы его поскорее уволили...

— Борис Александрович, вы не правы, — впервые подал голос Николай. — Я хорошо знаю Бобнова, и обвинять его в подобной чепухе несправедливо. Ему не нравится продукция, которую выпускает его завод. Заказчики берут

ее потому, что другой нет. По совести говоря, домишки они клепают действительно того...

— Проекты, как ты изволил выразиться, «домишек» утверждены Советом Министров СССР. И нам никто не позволит их изменять!

— Я предлагаю съездить в деревню...— Николай взглянул на меня.— Все забываю название...

— Стансы,— подсказал я.

— ...и посмотреть на новый поселок, который Бобцов строит для Васиной.

— Ты никак с ним заодно? — оторопело воззрился на него Куприянов.

— Я за истину,— коротко ответил Бутафоров.

— И ты допускаешь мысль, что он... прав?

— Я этого не утверждаю, но считаю, что со всем этим делом нужно детально и серьезно разобраться.

— Ты знал, что он все это затевает?

Разговор пошел такой, будто меня в кабинете не было.

— Знал,— после некоторой паузы уронил Бутафоров.

— И мне не сказал?!

— Это ничего бы не изменило: Бобцов уже начал выпускать детали для новых домов.

— Хотел ты этого или нет, но на поверку получается, что ты своим молчанием попустительствовал Бобцову,— сказал первый секретарь.— А вмешайся ты своевременно в это дело, ничего подобного бы не случилось.

— Я не хотел мешать Бобцову,— ответил Николай.

— Но к чему все это приведет, ты знал?

Куприянов оставлял Бутафорову последнюю лазейку. От того, что сейчас ответит Николай, очень многое зависело. Были поставлены на карту личные отношения этих людей, а Куприянов хорошо относился к Николаю и ценил его, как умного и опытного партийного работника, кроме того, Куприянов такое поведение Бутафорова мог расценить, как отклонение от линии горкома партии и прямой выпад против него, Куприянова, лично.

И Николай ответил, причем не колеблясь:

— Я это знал.

— Я отказываюсь тебя понимать...— Разгневавшийся взгляд Куприянова снова остановился на мне.

Я понимал, каких трудов ему стоило сдержаться, но он взял себя в руки и тяжелой поступью направился к

двери. На пороге, не оборачиваясь, коротко бросил Бутафорову:

— Закончите разговор — зайди ко мне.

Как только за первым секретарем захлопнулась дверь, Бутафоров повернулся ко мне. И что удивительно, лицо его было не таким хмурым, как когда я вошел к нему.

— Придется, Максим, теперь вместе расхлебывать кашу, которую ты заварил...

В таких случаях не нужны никакие слова. И без слов все понятно. Мы стояли совсем рядом. Я нагнул голову и боднул Николая в плечо. В ответ он ткнул меня кулаком в живот.

— Душно, — сказал Николай. — Хотел с тобой прокатиться в эти... как их?

— Стансы, — улыбнулся я.

В кабинет вошла секретарша и, как-то странно взглянув на меня, сказала:

— Возьмите трубку... У вас на заводе что-то случилось.

Тяжелое предчувствие кольнуло сердце. Снимая трубку, я еще успел подумать: «Ну, пришла беда — отворяй ворота!» В следующее мгновение я услышал взволнованный, прерывающийся голос Любомудрова... Когда я повесил трубку, Николай с тревогой заглянул мне в лицо.

— Авария? — спросил он.

— Хуже, — ответил я. — На строительной площадке погиб молодой рабочий... Вася Конев.

Я не помнил, как выбежал из горкома, вскочил в машину и рванул ее с места. Тропинин (он сидел в машине) хотел что-то спросить, но, взглянув мне в лицо, промолчал, только рукой осторожно дотронулся до плеча. Так мы и молчали всю дорогу до деревни. Да я и забыл, что рядом сидит секретарь парткома. В голове билась одна-единственная назойливая мысль: «Пришла беда — отворяй ворота!...»

3

Двухэтажное здание милиции спряталось в тени высоких лип. Улица тихая и небольшая, застроенная массивными кирпичными зданиями. Белокурая девочка из окна второго этажа бросала на тротуар кусочки булки. Птицы суетливо бегали за подпрыгивающими крошками и жадно

хватали их. Девочка негромко смеялась, и голубой бант качался в ее волосах. Солнце запуталось где-то в яркой листве лип, и здесь на тротуаре не так жарко.

Во дворе милиции стояли желтая с синими полосами милицейская «Волга» с крупной надписью «ГАИ» и два мотоцикла с колясками. Тут же приткнулся к забору бежевый разбитый «Запорожец». Капот расплющен, в окнах льдинками торчат осколки растрескавшихся стекол. Милиционеры проходят мимо, не обращая внимания на машину, для них это дело привычное, а я долго стою и смотрю на покалеченный «Запорожец». Где и когда произошла катастрофа? И жив ли водитель?.. В последние годы неожиданно люди почувствовали, что без автомобиля и жизнь не в жизнь. Автомобилей сейчас много выпускается. Почти каждому загорелось купить автомобиль! Люди годами экономят, откладывают на желанную покупку деньги, ждут терпеливо своей очереди, наконец покупают... и случается, чуть ли не в первый выезд попадают в жестокую аварию. Новенький красивый автомобиль превращается в груды покореженного металла, а неопытный водитель, если остается жив, попадает надолго в больницу и иногда выходит оттуда на всю жизнь калекой... Почему такое случается? Ведь машиной может управлять не каждый, а следить за ней, ухаживать, ремонтировать и тем более. Чтобы получать от автомобиля удовольствие, нужно иметь, как говорят, техническую жилку. Для иного любителя покопаться в потрохах автомобиля — одно удовольствие, а другой не заглядывает под капот, пока мотор не откажет или колесо не отвалится...

— Максим Константинович, какими ветрами занесло к нам? — прервал мои невеселые размышления звонкий приветливый голос.

Передо мной стоял голубоглазый подполковник милиции с университетским значком на сером кителе. Я встречался с ним на дне рождения Архиповой Валерии Григорьевны. Только тогда он был не в форме. Кажется, фамилия его Добычин, а вот как имя-отчество, убей бог, не помню. А он вот запомнил. Правда, у работника милиции и должна быть прекрасная память. Оттого, что никак не удавалось вспомнить, как его зовут, я нахмурился, что не укрылось от внимательного ока подполковника.

— Что-нибудь случилось? — поинтересовался он и неожиданно весело рассмеялся. — Такое уж наше заведение,

что сюда в основном приходят не радостью делиться, а горем... Авария, убийство, кража...

— Несчастный случай,— сказал я.— Вчера на стройке погиб один мой рабочий. Мне хотелось бы со следователем поговорить.

— Вы подозреваете, что это не просто несчастный случай?

Хотя мне и было невесело, теперь я улыбнулся:

— Просто несчастного случая вам мало? С подъемника сорвалась железобетонная плита — деталь для строящегося дома — и наповал убила рабочего.

— При чем же тут милиция?

— Дело в том, что этот рабочий был на бракосочетании своего приятеля, а я его чуть ли не силой посадил в свою машину и вместе с бригадиром отвез на строительство... Понимаете, если бы я этого не сделал, Вася Конев был бы жив.

— Он пьяный был? — Подполковник уже не улыбался.

— Не успел еще и капли в рот взять. Я их прямо из Дворца бракосочетания прихватил.

— Он взял отгул?

— Да нет...

— Значит, вы встретили у загса своего рабочего, который совершил прогул, посадили его в машину и отвезли на работу? Трезвого?

— Все было так,— подтвердил я.

— Конечно, в обязанности директора завода не входит разъезжать по городу, ловить прогульщиков и лично отвозить на работу...— усмехнулся Добычин.— Но в данном случае никакой даже косвенной вашей вины я не вижу.

— Но если бы я его не забрал со свадьбы, он был бы жив.

— Если бы вы встали утром на пять минут позже, а по дороге на завод ваша машина отказала или вы решили заехать к знакомому... Или начнем с другого конца: если бы жених вдруг в самый последний момент разочаровался в невесте и свадьба расстроилась бы, тогда ваш рабочий не присутствовал бы на бракосочетании, вовремя вышел на работу — и ничего бы вообще не произошло...

— Вы меня разыгрываете? — хмуро взглянул я на него.

— Извините за школьный пример. Случайность, закономерность... Или теория относительности? — рассмеялся подполковник. — Пройдемте ко мне в кабинет.

Я поднялся вслед за ним на второй этаж. В узком коридоре, тускло освещенном единственным окном, выходящим во двор, было густо накурено. Возле двери с надписью: «Автоинспекторы ГАИ» сидели на приставных стульях и стояли посетители.

Входя в кабинет, я бросил взгляд на табличку: «Заместитель начальника Добычин С. П.». Теперь я вспомнил, подполковника звали Сергеем Павловичем. В кабинете прохладно, ни один луч солнца сюда не проникает. Сергей Павлович кивнул на широкий коричневый диван, стоявший сбоку от письменного стола. Наверное, чтобы подчеркнуть неофициальность нашей встречи, сам тоже уселся рядом. Вытащил сигареты «Солнце», и мы закурили. На стене напротив висела карта города, размеченная красным и синим карандашом, а в затемненном углу с большого цветного календаря лучезарно улыбались две красавицы японки в прозрачных кимоно. Это было несколько неожиданно для в общем-то строгого облика кабинета.

— Так мы с вами на рыбалку и не выбрались, — сказал Сергей Павлович.

— До рыбалки ли тут... — вырвалось у меня.

— Зашиваетесь? — остро взглянул он на меня. В его голосе почудился какой-то намек.

— В каком смысле? — спросил я.

— Я много слышал о вас от Архипова, — не стал уклоняться Добычин. — Вы там на заводе с Любомудровым настоящую революцию совершили...

— И что же говорит об этом Архипов?

— Он восхищается вами, — сказал Добычин. — Хотя и уверен, что для вас это плохо кончится. Я слышал, вас будут обсуждать на бюро горкома?

Быстро в городе распространяются вести! Впрочем, заместитель начальника милиции все и должен знать, тем более что его непосредственный начальник член бюро горкома партии.

— Мне бы надо со следователем поговорить, — сказал я. — Это в каком кабинете?

— Я полагаю, вполне достаточно, что вы говорили со мной... С этой стороны, я имею в виду несчастный слу-

чай, вам ничего не грозит... Юридически вы никаким образом не причастны к смерти рабочего.

Все это он произнес равнодушным тоном, глядя в окно, затепленное листвой дерева.

— Сергей Павлович, неужели вы думаете, я пришел сюда выгораживать себя на тот случай, если бы этот факт был использован на бюро?

— Я так не думаю, — заметил он. — Кстати, никого и не интересует, сам пришел рабочий на стройку или его лично доставил туда директор на персональной машине. Я сам расследовал этот случай. Пока мне неясно только одно: по небрежности или неопытности крановщика сорвалась с тросов панель или просто она оказалась бракованной и зацепные крюки сами вырвались из своих гнезд... Могло такое случиться, что деталь, ну там, скажем, из-за спешки или аврала, поступила на строительство недоброкачественной? Я не силен в технологии вашей продукции... Ну, скажем, деталь еще не настолько затвердела, чтобы ее можно было краном поднимать?

У меня вырвался вздох облегчения. Из головы никак не выходила та бутылка, которую жених из такси передал Харитонову... Ведь на кране работал Леня Харитонов. И та самая плита, которую он подавал на леса, сорвалась с тросов и убила Васю Конева, его лучшего друга...

— Могло, — сказал я. — Действительно, детали для домов мы гнали в три смены...

— И кто отвечает за готовую продукцию?

— Я.

— Я спрашиваю, кто непосредственно принимает готовые детали?

— Сергей Павлович, вы, судя по всему, в курсе дел на заводе и знаете, что сейчас у нас действительно аврал... Я хочу в ближайшее время закончить строительство нового поселка в Стансах. По проектам Любомудрова. И поэтому только я один ответствен за все технологические процессы, связанные с изготовлением нестандартных деталей.

— А Любомудров?

Зачем мне еще впутывать в это дело Ростислава Николаевича? Конечно, он мог бы и проверить, что за продукция отправляется на стройку. Уж если на то пошло, за этот участок отвечал он. И тем не менее я твердо повторил, что за все производство целиком отвечаю я.

Добычин достал из кармана аккуратный перочинный ножичек, открыв его и, взяв со стола пластмассовый стакан с карандашами, стал затачивать и без того остро отточенные разноцветные карандаши. Казалось, он весь ушел в это детское занятие, забыв про меня, лишь морщины на загорелом лбу свидетельствовали о том, что подполковник напряженно размышляет.

— Как вы ни хотите меня убедить, что косвенно виноваты в смерти рабочего, я не верю вам, — наконец оторвался от своего занятия Добычин. — И потом, охрана труда на производстве — это уже компетенция другой организации... Меня удивляет другое: зачем вы в такой трудный для вас момент осложняете себе жизнь? Безусловно, люди, которые недовольны вами, с радостью используют и этот факт... если узнают все подробности. Поэтому я хочу вам дать один совет: не рассказывайте об этом больше никому. Погибшему рабочему больше ничего не поможет, а вы себе можете крепко навредить.

В голосе Добычина было неподдельное участие, что меня удивило: ведь он дружил с Архиповым, а от главного инженера, признаться, я не ожидал добрых слов в свой адрес. И не очень-то поверил Добычину, что Архипов мною восхищается. В тот вечер у Архиповых я как-то не составил о Сергее Павловиче никакого мнения, а сейчас почувствовал к нему искреннюю симпатию.

И тогда я ему откровенно сказал:

— Я очень рад, что встретился с вами, Сергей Павлович... Понимаете, этот паренек... Вася Конев... Ну, когда это случилось, я будто брата потерял... Я не фаталист и не верю в судьбу, но то, что произошло, потрясло меня. Эта самая плита, если она оказалась недоброкачественной, могла и потом упасть... когда ребята вернулись бы со свадьбы. Пусть не Васю, другого могло бы... Я должен был вам все рассказать, иначе... я бы перестал уважать себя.

Зазвонил телефон, и Добычин подошел к письменному столу. Разговаривая, он снова потянулся к стакану с карандашами. Выбрал толстый красный и сделал пометку в настольном календаре. Повесив трубку, повернулся ко мне. Лицо озабоченное.

— В районе железнодорожного узла неизвестный напал на молодую женщину и нанес ей шесть ножевых ран... И это уже третий случай за последние полгода. — Сергей Павлович прошелся по кабинету.

— Сдается мне, что преступник несовершеннолетний и не очень сильный. Некоторые от страха теряют рассудок, а с такими можно что угодно сделать, даже не обладая значительной физической силой.

Я понял, что Добычин сейчас больше ни о чем, кроме этого преступления, думать не может, и поднялся с дивана.

— Я видел вашу туристскую базу в Сенчитском бору,— сказал он.— Съездим как-нибудь на рыбалку? Хочется хоть на один день отойти от всего этого, отдохнуть, позабыть про телефон...

Он сказал это просто так, мысли его были заняты другим, а мне стало смешно: уж скоро год, как я собираюсь то с одним, то с другим на рыбалку, а до сих пор так и не выбрался.

— Мне тоже хочется вырваться хотя бы на день,— ответил я.

— Обязательно вырвемся,— оптимистически сказал он.— Вот схватим этого негодяя...

— Удачи вам,— сказал я.

Мы вышли из здания. Добычин предложил подбросить меня до завода — он выезжал на место происшествия, но я отказался. Мы пожали друг другу руки. Добычин включил мотор и уже взялся за руль, когда я его спросил:

— Охота в этом году разрешена?

— Какая охота?

— На пернатую дичь.

— Попадётесь в лесу с ружьем, я вас оштрафую на полную катушку!

Улыбнулся и, включив на крыше машины синюю мигалку, выехал со двора на дорогу.

4

Я мотался на «газике» по городу, разыскивая Любоудрова. На заводе его не было, в Стансах — тоже. Аделаида сказала, что он забегал в приемную, спрашивал меня и снова исчез, не сказал куда. После смерти Васи Конева работа на стройке затормозилась. Леня Харитонов — бригадир и одновременно прораб — запил и с того злополучного дня на стройке не появлялся. Не появлялся он и на заводе. Но так как он полностью поступил в рас-

поряжение Любомудрова и в последнее время редко бывал в цехе, никто не знал о его прогуле. А я знал, но пока никаких мер не принимал. И потом, можно было понять Леню: он, как и я, тоже считал себя прямым виновником в смерти друга. Ведь это он подавал краном на леса упавшую на голову Васи железобетонную панель...

Где находился Любомудров, я узнал... от Валентина Спиридоновича Архипова. Встретился я с ним в экспериментальном цехе, где кровельщики застекляли крышу. Грещала электросварка, дробно стучали пневматические молотки, загоняя в металл заклепки, визжали электродрели. Экспериментальный цех — мое детище — сегодня меня не радовал. Мне пужен был Любомудров. Где его черти носят?! В Стансах все заглохло, а четыре дома так и не закончены!.. Вообще-то я напрасно злился на Ростислава Николаевича: он и сам крутился как белка в колесе. Носился то на завод, то на стройку, то в карьер, где добывали песок и щебень. Потом ему приходилось улаживать разные дела с организациями, которые поставляли строительный материал в Стансы, заседать на Васина, чтобы он регулярно выделял нам подсобных рабочих. А председатель колхоза имел привычку чуть что — снимать своих людей со стройки на текущие полевые работы...

Увидев Архипова, я поздоровался с ним и хотел пройти мимо, — мне сейчас было не до разговоров, — но он остановил меня.

— Любомудрова ищете? — спросил он. — Так Ростислав Николаевич за городом в «Любава».

— Где? — несказанно удивился я.

— Вы не слышали про новый ресторан «Любава»? — сказал Валентин Спиридонович.

Если бы мне сказали, что Любомудров на Луне, то и тогда бы я, наверное, меньше удивился. «Любава» — это стилизованный под старину бревенчатый ресторан для автотуристов, недавно открывшийся на Рижском шоссе. Я там еще ни разу не был, но слышал, что очень хорошая кухня и подают на длинные деревянные столы в глиняных горшочках ароматные русские похлебки. И официантки там в старинных национальных костюмах. Все эти подробности я услышал от Юльки, но съездить с ней в этот ресторан все было недосуг. Не до ресторанов мне сейчас... А вот Любомудров нашел время... И хотя я был

очень раздражен и сгоряча расценивал такой поступок как предательство с его стороны, однако в глубине души понимал, что тут что-то не то... Не такой человек Ростислав Николаевич, чтобы в самый напряженный момент развлекаться за городом в ресторане с лирическим названием «Любава»...

— Откуда вы знаете, что он там? — пристально посмотрел я на Архипова. В первое мгновение мне показалось, что он меня разыгрывает.

— Ростислав Николаевич здесь ни при чем, — спокойно выдержал мой взгляд Архипов. — Во всем моя жена виновата: видите ли, ей захотелось во что бы то ни стало отведать серых русских щей, которые подают в «Любаве», мне некогда, ну а Любомудров, джентльмен, не смог отказать женщине...

— Вы это серьезно? — вырвалось у меня.

— Надеюсь, вы еще их там застанете, — холодно ответил Архипов.

Я прикусил язык: какое в конце концов мне дело, что жена главного инженера развлекается в «Любаве» с Любомудровым... Не мне надо волноваться и переживать, а Архипову.

Я снова внимательно посмотрел на него: лицо спокойное, непроницаемое, но кто его знает, какие вулканы клочут у него внутри? Люди с таким характером умеют владеть собой и скрывать свои чувства.

Жара стоит несусветная, а главный инженер, как всегда, в костюме и рубашке с галстуком. Почти год мы работаем вместе, а знаю я этого человека так же, как в первый день нашего знакомства. И все же я почувствовал, что у него на душе кошки скребут. Что-то неуловимое мелькнуло в его светлых глазах. На миг они стали глубже, и в них отразилась растерянность... Но у меня не было времени и настроения продолжать разговор. Придется ехать в «Любаву». Плюнуть на все и напиться до чертиков в этом модном загородном рестораничке. Хотя мысль была и нелепая, мне стало веселее. Вспомнилась паша с Любомудровым зимняя поездка в сказочный сосновый бор. Это как раз в ту сторону, где Рижское шоссе пересекает Невельское. Тогда еще никакого ресторана там не было. В сосновом бору, слушая тихий звон струящегося по ветвям снега, я принял решение начать выпуск деталей по проектам Любомудрова...

Глядя в чуть прищуренные от солнца глаза Архипова, я неожиданно предложил:

— Не хотите со мной прокатиться за город? Заодно и пообедаем в этой... «Любаве»?

И снова что-то дрогнуло в глазах главного инженера. Но тут же, взяв себя в руки, с виноватой улыбкой он сказал:

— К сожалению, не могу. Вы же знаете, какое сейчас время...

Из этого разговора я понял, что Архипов, каким бы современным мужчиной он ни хотел казаться, страдает, что его жена сейчас с другим... элементарно ревнует, как и все мы, грешные, ревновали бы на его месте. И от этого неожиданного открытия он мне показался симпатичнее и человечнее.

Примчавшись в «Любаву», я действительно убедился, что Валентин Спиридонович был бы здесь лишний... За непокрытым деревянным столом в желтом, целиком из дерева, просторном зале сидели Ростислав Николаевич и Валерия Григорьевна. Если я ожидал увидеть на лице Любомудрова смущение или хотя бы растерянность, то я глубоко заблуждался: Ростислав Николаевич, казалось, и не узнал меня вовсе. Бросив в мою сторону диковатый и какой-то отрешенный взгляд, он снова уставился на свою даму, сидевшую напротив. Валерия Григорьевна, кстати, тоже ни капли не смутившись, приветливо улыбнулась и пригласила к столу.

— Обязательно закажите серые щи в горшочке,— сказала она.— Объяеенье!

Я сел между ними и, хотя есть совсем не хотел, взял меню в красочной обложке. Перед Любомудровым нетронутый бокал шампанского, холодная закуска. В деревянной пепельнице полно окурков. Многие со следами губной помады. Мрачный, с выпуклыми загорелыми скулами, черной бородой и короткой прической Любомудров удивительно походил на Пугачева, портрет которого мне так хорошо запомнился из учебника истории. Он сидел, выпрямившись, на массивном деревянном стуле под цвет всей мебели и, не отрываясь, смотрел на Валерию. И молчал.

— От вас невозможно никуда спрятаться,— щебетала она.— И не ругайте Славу, это я его сюда почти силой вытащила.

— От меня-то зачем прятаться? — усмехнулся я.

— Вы только посмотрите на него, — не обратив внимания на мои слова, продолжала Валерия. — Совсем высох, почернел, как головешка... Эта стройка вас всех в гроб вгонит!

Любомудров оторвал от нее свой тяжелый взгляд и наконец разжал плотно сомкнутые челюсти:

— Я утром был в Стансах. Без Харитонова там все остановилось... Я ездил к нему домой — никто не знает, где он.

Я чуть не рассмеялся, услышав эту «новость». Я уже сегодня два раза сгонял в Стансы и все знал. И домой к Харитонову ездил. Вместо того чтобы рассиживать здесь... Я про себя поморщился, что мне пришла в голову такая пошлая мысль, ведь я знал, что Любомудров по-настоящему любит Валерию Григорьевну, нужно было самому наладить там работу... Ничего этого я, конечно, не сказал. Если уж Ростислав Николаевич приехал сюда с Валерией, значит, это было необходимо. И нечего мне мешать им. Только сейчас я понял, что мой приезд сюда если не глупость, то уж точно необдуманый шаг. Можно было понапрямь свои мозги и сообразить, что не только Архипов, но и я буду здесь лишним...

Валерия помешала ложечкой шампанское в бокале и темного отпила. Увидев нарядную официантку, направляющуюся к нашему столу, я сделал попытку встать, потому что обедать не собирался, но Валерия мягко положила свою изящную руку на мою ладонь.

— Слава хочет, чтобы я разошлась с мужем и переехала к нему, — бархатным голосом сказала она, улыбаясь глазами. — Но у него ведь однокомнатная квартира... Если я совершу самую большую глупость в своей жизни и перееду к нему, вы дадите нам двухкомнатную квартиру?

Любомудров еще сильнее сжал челюсти, коричневые скулы выпятились на его щеках, в глазах блеснул недобрый огонек.

— К чему эта комедия? — негромко спокойным голосом произнес он.

— У меня ведь чудесный муж, — продолжала Валерия. — Он предоставляет мне полную свободу... даже терпит моих... кавалеров...

— Валерия! — крикнул Любомудров. Костяшки сцепленных на коленях рук побелели.

— А ты, дорогой, став моим мужем, сможешь быть таким снисходительным?

Сначала я подумал, что она меня разыгрывает, и только сейчас заметил, что Валерия просто пьяпа и дурачится. Шампанского в бутылке оставалось на доньшке, а Ростислав Николаевич совсем не пил. На стоянке поблескивает никелировкой его быстроходная «Ява» с двумя металлическими касками, пристегнутыми к багажнику. А за рулем Любомудров пикогда не пил.

— Я ему, чудаку, и говорю,— продолжала Валерия, глядя на меня чистыми ясными глазами (они-то меня и ввели в заблуждение!),— к чему затевать всю эту волюнку? Разводиться, потом снова сходиться... А он... Эгоист! Феодал! Индивидуалист! Хочет, чтобы все принадлежало только ему. А я не хочу приносить горе одному человеку ради счастья другого... даже который мне нравится... И не надо, Слава, хмуриться, тебе это не идет... Максим Константинович, на кого он сейчас похож? Знаете?

— Знаю,— ответил я.— На Пугачева.

Валерия весело рассмеялась, будто зазвенела на потолке хрустальная люстра.

— Вылитый Фауст!

На Ростислава Николаевича жалко смотреть. Поймав его убитый взгляд, я поднялся.

— Ради бога, не уезжайте! — воскликнула Валерия.— Слава опять начнет долбить свое, а мне... мне скучно!

— Если вы действительно надумаете пожениться,— сказал я.— То можете рассчитывать на мою квартиру. Двухкомнатную.

— А вы что... уезжаете?

— Я перееду в вашу,— сказал я.

— Максим Константинович, Валерия глупости говорит,— поморщился Любомудров.

— Должна же я знать, что меня ожидает, если я свяжу свою жизнь с тобой... Максим Константинович, вы советуете мне выйти замуж за этого... злюку?

— В этих делах я плохой советчик,— пробормотал я, продвигаясь к двери.

— Вы даже не выпили с нами...— упрекнула Валерия и невесело рассмеялась: — Какие вы все, мужчины, стали деловые, куда-то спешите, торопитесь... А где же романтика? Я уж не говорю про серенады под окнами любимой... Я тебя с трудом вытащила сюда, а ты и здесь си-

дишь как на иголках! Работа, работа, работа... А когда жить прикажете? Отдыхать, веселиться, мечтать? Способны ли вообще вы на это?.. Боже мой, как я хочу далеко-далеко уехать.

Уже на пороге я услышал хрипловатый голос Любо-мудрова:

— Я скоро приеду. В Стансы.

— Я хочу на мотоцикле в Париж,— сказала Валерия.— С ветерком. Так, чтобы дух захватило, слышишь, Слава?

— Слышу,— буркнул он.

— Я не отпущу его в ваши дурацкие... Стансы! — крикнула она.— Черт с ним, с Парижем... Мы поедем в Псков, в Пушкинские Горы...

— Вы отчаянная женщина,— улыбнулся я ей и закрыл за собой тяжелую дубовую дверь загородного ресторана «Любава», в котором, как я понял, сейчас решалась судьба сразу трех человек.

5

Я сижу на гладком камне на берегу Ловати. Заходящее солнце позолотило тихую воду, высветило желтое с черными промоинами дно, придало волнообразно шевелящимся водорослям изумрудный блеск. Напротив меня, на другом берегу, пламенеет большая береза. Неподвижные листья напоминают бронзовые монеты, и кажется, палети сейчас порыв ветра — и окрест разнесется тихий мелодичный звон. Но ветра нет, и речка, земля, камни еще излучают дневное тепло.

Я жду Юлю. Мы договорились здесь с ней встретиться. Это место для свиданий выбрала Юля. Когда я в первый раз пришел сюда, то она сидела на этом самом камне, на котором сейчас я сижу. Парк кончается сразу за танцплощадкой, а здесь до самой плотины растет кустарник. Я не сказал бы, что это самое удобное место. Сюда, случается, нагрянут с бутылкой любители выпить вдали от шума городского, а когда стемнеет, от танцплощадки в эту сторону направляются парочки. Но в этот предзакатный час пока никого не видно. Лишь птицы попискивают в кустах, устраиваясь в гнездах на ночь.

Глядя на Ловать, спокойно несущую свои воды вниз по течению, я вспомнил Ленинград. Там сейчас белые

ночи... Ослепительное небо над Петропавловской крепостью не темнеет, лишь меняет свои оттенки. Медленно вздымаются обрамленные решетками створы разводных мостов. По набережным гуляют люди. Эта не та дневная толпа прохожих, которая куда-то спешит, торопится, в белые ночи люди ходят не спеша, часто останавливаются и любуются то золотым огнем, вспыхнувшим на шпигеле Петропавловской крепости, то огромным белым пароходом, почти бесшумно скользящим по Неве в сторону Финского залива, то мудрыми, загадочными сфинксами, дремлющими напротив Академии художеств...

Давно я не был в Ленинграде. Очень давно. А ведь я любил в белые ночи побродить по городу. Иногда просыпался и отправлялся на набережную Невы. Только здесь можно было полностью постичь всю прелесть и красоту белых ночей! Небо в желто-розовых разводах и ярких вспышках зарниц, Нева, вобравшая в себя все небесные оттенки, горделиво выгнувшиеся мосты, бесшумные парходы, белыми призраками уходящие в неведомые дали... Взять бы да и махнуть хотя бы на один день в Ленинград! Вместе с Юлей...

Я взглянул на часы: половина одиннадцатого, а мы договорились встретиться в десять. На Юлю это не похоже, она всегда приходила вовремя. Я уже не мог сидеть на камне. Встал и зашагал вдоль берега, поглядывая на узкую тропинку, что вела сюда из парка. Юля могла прийти только со стороны танцплощадки, но ее не было. Солнце давно село, и яркие багровые краски над крышами зданий смешались, стали тускнеть. Только высокие облака все еще багрово сияли. На танцплощадке вспыхнули прожекторы, немного погода заиграла музыка. Я еще минут двадцать мерил шагами узкую прибрежную тропинку. Я уже не любовался журчащей Ловатью, не смотрел на неровный быстрый полет летучих мышей. Музыка меня раздражала. Сообразив, что больше ждать бессмысленно, я медленно побрел к парку. Я все еще надеялся, что вот-вот сейчас среди кленов мелькнет знакомая высокая фигура в джинсах. А когда понял, что этого не случится, почувствовал полное безразличие ко всему на свете. Значит, я по-настоящему люблю, если такой пустяк — девушка могла заболеть или еще что случилось — поверг меня в отчаяние. Только что я владел всем миром — и вдруг вмиг оказался нищим...

Я никогда не останавливался возле танцплощадки, всегда проходил мимо, но сегодня будто что-то толкнуло меня: я подошел к ограде, которой была обнесена довольно просторная танцплощадка, и заглянул туда. Танцевали какой-то медленный танец. Некоторые парни явно не умели танцевать, с сонными лицами с трудом переставляли ноги, предоставив своих партнерш самим себе... Среди танцующих я увидел знакомую гибкую фигуру в белой рубашке и короткой юбке. Это была Юлька! И танцевала она с незнакомым мужчиной на вид лет тридцати. Танцевала Юлька красиво, изящно, и многие на площадке оглядывались на нее. Голова у Юльки была немного запрокинута, и я видел ее высокую белую шею. Мужчина осторожно держал ее за тонкую талию и горделиво улыбался. Еще бы, не каждому выпадет удача танцевать с такой девушкой!

Юлька несколько раз уговаривала меня потанцевать с ней, но я наотрез отказывался. На танцплощадке в основном зеленая молодежь, и потом, я с детства не любил танцы. Пожалуй, кроме танго и фокстрота, я за свою жизнь ничему и не научился. Даже вальс был для меня недостижим. Я не умел кружиться.

Юлька ничего мне не говорила, но, поверное, обижалась. Ведь она без танцев жить не может. Сколько раз она срывалась с места и начинала одна танцевать в комнате...

Неужели ради этих танцулек она забыла, что я ее жду?..

Мне хотелось поскорее уйти отсюда, но я не мог: продолжал буравить глазами Юльку. И она оглянулась. На какую-то долю секунды наши глаза встретились. Меня Юлька не могла разглядеть за дощатым забором: танцплощадка была ярко освещена, я находился в тени, и тем не менее у меня было ощущение, что она меня узнала...

Я круто повернулся и быстро зашагал прочь...

А поздно вечером, когда я вертелся на горячей, смятой постели, стараясь заснуть, резко и настойчиво зазвонил телефон. Но это была не Юлька: звонила Аделаида. Извинившись, что так поздно побеспокоила меня, она сообщила, что из Москвы прибыла специальная комиссия из трех человек. Встречал их Архипов. Он же и отвез прибывших с вокзала в гостиницу... Она звонила мне и раньше, но меня не было дома...

Я повесил трубку и с сердцем швырнул тугую подушку в стену. Что-то упало на пол, зазвенело разбитое стекло. Кажется, я угодил в летний пейзаж неизвестного художника. Мефистофель бесшумно, привидением растворился во мраке.

Наступая босыми ногами на осколки, я подошел к окну, распахнул обе створки и снова повалился на диван. Крепко зажмурив глаза и стиснув зубы, стал умолять всевышнего, чтобы он послал мне крепкий сон без сновидений.

6

В понедельник хоронили Васю Конева. Я шел вместе со всеми за гробом, установленном на грузовике. Рядом со мной шагал мрачный, опухший Леня Харитонов. Вместо глаз — две покрасневшие щелки. Пшеничные усы он сбрил, но помолодевшим не казался. Идущие впереди машины музыканты извлекали из своих никелированных инструментов печальные звуки похоронного марша. Когда в воздухе ненадолго замирал последний жалобный аккорд трубы, слышно было шарканье многих десятков ног по асфальту. А июньское солнце заливало все вокруг ярким праздничным светом. Жарко пылали разинутые пасти разнокалиберных труб, жирно лоснился желто-красный барабан, посверкивали часы на запястьях провожающих Васю Конева в последний путь товарищей, озорно пускало зайчики в глаза ослепительно вспыхивающее зеркало заднего обзора.

Неожиданно все остановились, зашелестел негромкий говор, вытягивая шеи, люди заглядывали вперед, но ничего не было видно. Наконец мимо похоронной процессии медленно проехали четыре легковых машины, украшенные разноцветными лентами, воздушными шариками. На передней «Волге», на капоте которой гордо сидела нарядная с льняными волосами кукла, ехали жених и невеста в белом. На перекрестке двух дорог в этот солнечный день лицом к лицу столкнулись бьющая ключом жизнь и смерть. Радость и печаль. И от этого на душе стало еще муторнее.

Обогнув похоронную процессию, свадебные машины прибавили скорость и унеслись прочь, а на сером размяг-

ченном асфальте осталась свернувшаяся спиралью красная лента... Разом тяжело вздохнули трубы, пронзительно пязгнули медные тарелки, гудко загудел барабан... Похоронная процессия продолжала свой неторопливый путь на кладбище.

У могилы я сказал несколько теплых слов о Васе Коневе. Говорить было трудно, в горле пересохло, и я после каждого слова откашливался. Чувство вины перед Васей все еще не покидало меня.

С кладбища мы возвращались с Леней Харитоновым. В ушах еще стоял истощенный плач матери Конева, глухой, опустошающий душу стук земли о крышку гроба. Глаза у Харитонова немного приоткрылись, потрескавшиеся губы крепко сжаты. Утром он сказал мне, что с поминками покончено и сегодня после похорон он выходит на работу. Леня мучительно переживал все это и тоже считал себя единственным виновником в смерти друга. Я спросил его про бутылку, но он уверил меня, что бутылка тут ни при чем. Он выпил ее на пару с плотником уже без Васи Конева. А почему сорвалась с тросов эта проклятая панель, он до сих пор не может понять! Ведь раньше никогда такого не случалось!

Леня долго молчал, а потом, взглянув на меня исподлобья, с горечью сказал:

— Лучше бы мы тогда вас не послушались...

— Думаешь, я не жалел, что натолкнулся на вас у Дворца бракосочетания?

— Видно, так на роду у него было написано, умереть в этой деревушке,— помолчав, заметил Леня.— Эх, Вася Конь! — горестно вырвалось затем у Лени.— Никогда больше такого дружка у меня не будет... Золотой парень... был. И кто убил его? Я! Своими собственными руками!.. — Он с отвращением посмотрел на свои растопыренные пальцы...

— Не терзайся,— сказал я.— Васю не вернешь, а жить, брат, надо... И работать.

У проходной Леня, не глядя на меня, попросил:

— Разрешите мне обратно в цех? Не могу я там... Понимаете...

— Понимаю,— сказал я. И хотя Леня позарез нужен был на стройке, отпустил его. Я и сам, приезжая в Стансы, всякий раз обходил ту площадку возле недостроенного дома, где упала на Васю плита.

В кабинете меня уже ждали члены министерской комиссии. Настроение после похорон было паршивое, потом мне до чертиков надоело отвечать на вопросы инструктора горкома партии, а сейчас из меня будут тянуть жилы свои, министерские...

Я хотел сразу пройти в кабинет, но Аделаида меня остановила.

— Вызывали Архипова и Любомудрова, — понизив голос, сообщила она. — Ростислав Николаевич психанул и накричал на них... И так хлопнул дверью...

— Зачем вы мне все это говорите? — оборвал я.

Аделаиде в лицо ударила краска. Весной на ее белом лице появились веснушки, которые девушка старательно припудривала, сейчас веснушки совершенно пропали на зардевшемся лице.

— Я думала... — пролепетала она.

— Бутафоров из горкома не звонил? — спросил я, стараясь сгладить резкость.

— Звонил Васин из «Рассвета». Просил вас быть на месте, он в три приедет на завод.

Уже переступая порог кабинета, я ругнул себя: не надо было так. Я отлично понимал, что Аделаидой руководили самые добрые побуждения, но последнее время меня стал раздражать ее сострадательный вид: дескать, я все понимаю — у вас большие неприятности, но имейте в виду, я на вашей стороне...

Рано еще, дорогая Аделаида, меня хоронить!.. Я недоволюсь поморщился, даже мысленно произнося слово «хоронить». Слишком еще свежи в памяти похороны Васи Конева...

Увидев за длинным столом членов комиссии, я сразу приуныл: всех троих я знал, не раз встречался на совещаниях в министерстве. Котов Василий Иванович — маленький толстый человечек с невыразительным лицом и постоянно бегающими глазками, выступая на совещаниях (говорил всегда путано, скучно), обычно все охаивая с брезгливой мипой на лице. Во время выступления то и дело бросал взгляды в сторону начальства, будто ожидая одобрения. Новое Котов всегда встречал в штыки. В любой организации есть свой ретроград, который иногда тоже может пригодиться. И наверняка Котова неспроста направили сюда. Ко всему прочему Василий Иванович считался добросовестным работягой, обстоятельно и кропот-

ливо вникающим во все детали, мелочи. Типичный крот-ревизор, заранее уверенный, что кругом недостатки, приписки, хищения и его миссия — вскрыть их и вывести нарушителей на чистую воду. И он был по-настоящему счастлив, когда ему удавалось действительно что-либо обнаружить и составить акт.

Алексей Яковлевич Башин, багроволицый, громоздкий, черты всегда сального лица крупные и неправильные, крошечные глазки-буравчики, плешивый, причем до такой степени, что уже и не определишь по скудной растительности на висках, какого цвета у него были волосы. Я еще в министерстве обратил внимание на его походку: когда Башин шел по длинному коридору, то через равные интервалы делал такое движение плечами и головой, как будто хотел выскочить из собственного костюма. Если Котов, все охаявая, все-таки наблюдал за начальством, как оно реагирует, и если лицо руководящего работника хмурилось, явно не одобряя Василия Ивановича, тот бы-стренько перестраивался и давал задний ход. Башин же, как мясник, все рубил сплеча. И по его лицу было видно, что это доставляет ему истинное удовольствие.

До министерства Башин работал заместителем редактора одного технического журнала. В ту пору его камепное лицо часто можно было увидеть по центральному телевидению: Башин вел какую-то специальную передачу, посвященную достижению науки и техники в народном хозяйстве. Один очень способный инженер как-то с обидой рассказывал, что после того, как Башин «похвалил» его изобретение по телевидению, трест на другой же день завернул панку с чертежами назад... Получилось все точь-в-точь как в басне Крылова: «Услужливый дурак опаснее врага».

Возможно, после похорон я все вижу в мрачном свете и несколько сгустил краски в отношении Котова и Башина, но как бы там ни было, а радости при виде их я не ощутил. Впрочем, предчувствие меня не обмануло...

Третьим членом комиссии был начальник отдела министерства Алексей Тихонович Дроздов, которому я уже показывал проекты Любомудрова, и он меня предостерегал... Дроздов выглядел гораздо приятнее своих коллег: высокий, худощавый, с обостренными чертами скуластого лица. У носа и на лбу глубокие морщины. Если Котов и Башин сидели на диване, то Дроздов нервно ходил по ка-

бинету, перекаывая во рту сигарету, вставленную в длинный яптарный мундштук. Волосы у него черные с сединой и зачесаны набок.

В жизни всегда так бывает. Человек никогда не стал бы человеком, если бы на его долю выпало одно лишь зло. Такова вся история человечества: на смену злым деяниям приходят добрые дела, и наоборот. Так и Дроздов рядом с Котовым и Башиным был для меня, употребляя классическое литературное выражение, лучом света в темном царстве.

Я знал, что Дроздов умный, порядочный и справедливый человек. По крайней мере, он внимательно выслушает меня и постарается понять.

— Долго же ты спишь,— поздоровавшись, сразу набросился на меня Дроздов — моя надежда.— Два часа ждем.

— Я был на похоронах,— ответил я.

Маленький толстенный Котов заерзал на диване и, метнув на меня быстрый неуловимый взгляд, уточнил тонким сильным голосом:

— Хорошили того самого рабочего, которого прихлопнуло деталью на строительстве вашего незаконного поселка?

— Того самого,— сдерживая раздражение, спокойно ответил я.

— До чего дошло...— пробурчал Башин.

— Душно у тебя тут, нежилым пахнет,— заметил Дроздов и, подойдя к окну, распахнул створки.

Это верно, в последнее время я почти не бываю в кабинете.

— Как устроились? — поинтересовался я.

— В гостинице горячей воды нет,— заметил Котов.

Это мне знакомо. Когда я жил там, горячей воды не было два месяца. В Великих Луках горячей водой не балуют.

— И ванны здесь какие-то маленькие,— продолжал Котов.— Железа в стране не стало, что ли?

Я представил этого маленького толстого человечка в огромной белой ванне и чуть не рассмеялся. Я слышал, у маленьких людей бывает склонность ко всему огромному: письменному столу, креслам, женщинам... Кстати, от кого-то я слышал, что жена у Котова гигант по сравнению с ним. И эта рослая волевая женщина вертит своим

мужем, как хочет. А на работе такие люди, чтобы восстановить поправленные дома женой свои права и достоинства, отыгрываются на подчиненных. Питая слабость ко всему большому, громоздкому, тем не менее маленькие люди терпеть не могут высоких мужчин. Например, Котов не удосужился ни разу поднять глаза выше моего пояса. Он почему-то считал для себя оскорбительным смотреть снизу вверх. Бедные подчиненные: наверно, для того, чтобы угодить своему низкорослому начальнику, им приходится горбиться, съеживаться, чтобы казаться поменьше ростом...

Дроздов уселся за мой письменный стол, вызвал Аделаиду, произнес начальственным тоном:

— Пока мы не закончим разговор, попрошу никого не соединять по телефону и не принимать.

Аделаида бросила на меня вопросительный взгляд, как бы требуя подтверждения, но я промолчал, лишь усмехнулся.

— А теперь, Максим Константинович, как на духу, давай все по порядку выкладывай,— сказал Дроздов.— Что тут начудил?

— Как ты ухитрился за такое короткое время весь завод развалить,— ввернул Котов, скользя взглядом по кабинету. На меня он не смотрел.

— И по какому праву прекратил выпуск деталей к стандартным домам и без ведома министерства занялся какими-то экспериментами за государственный счет? — прибавил Башин.

— Мы слушаем,— сказал Дроздов и подпер острый подбородок рукой. Глаза у него усталые,— видно, не выспался с дороги.

7

Только что отгремела гроза, и город заблестел лужами, деревья посвежели и расправили свои ветви с чисто вымытыми листьями, отцветающая сирень, перевешиваясь через потемневшие от дождя заборы, распространяла нежный пьянящий запах. Белые и сиреневые гроздья густо обсыпаны крупными каплями. Все, что росло и цвело на земле, враз ожило и заблагоухало после долгих знойных дней. Хотя дождь перестал, из водосточных труб брызгали на тротуар слабые струйки. Меня обогнали маль-

чишка и девчонка. Шлепая босыми ногами по мокрому тротуару и о чем-то споря на бегу, они наискосок пересекли дорогу и скрылись во дворе пятиэтажного дома.

Я медленно брел по пустынной улице к мосту через Ловатъ. Река вздулась и еще больше пожелтела. Остров Дятлинка совсем спрятался в гуще больших раскидистых деревьев. Как и много лет назад, с берега тянулись дощатые жидкие кладки. Мутные волны захлестывали их, одна доска звучно шлепала по воде. Было то самое время, когда еще не наступили сумерки, но и день уже на исходе. Еще по небу неслись пепельные рваные облака, задувал порывистый грозовой ветер, срывая с деревьев хлесткие теплые капли, где-то далеко и добродушно погромыхивало, свинцово-серое небо в той стороне, куда ушли тучи, изредка озарялось бледно-зеленым всполохом. Еще не зажглись уличные фонари и окна квартир были темные.

Я остановился на улице Лизы Чайкиной и стал смотреть на знакомое окно. В раскрытой форточке трепетала тюлевая занавеска. Голубоватые блики плясали на стеклах. В квартире смотрели телевизор. Не хотелось мне подниматься в эту чужую квартиру, но и слоняться по улицам надоело. Вот уже неделя, как я не вижу Юлю. Напрасно душными вечерами дома я посматриваю на телефон: он молчит, а если и зазвонит, то это не Юля. Несколько раз забежал я в цех, надеясь застать девушку внизу — спускается же она когда-нибудь с этого чертового крана на грешную землю? — но Юлька или не видела меня, или не обращала внимания. Ее парящая под застекленным потолком махина, негромко журча, уносила готовые детали в другой конец цеха. На работе я старался не думать о Юльке, а вечерами не знал куда себя деть. Несколько раз порывался пойти к ней домой, но в самый последний момент раздумывал, ожидая, что уж сегодня вечером она обязательно позвонит... Но Юлька не звонила.

Я не хотел себе признаться, что это конец. Вот они современные девчонки: ушла — и точка. Умный сразу догадается, что песенка спета, а дурак будет бегать сзади, умолять, просить прощения, хотя виноват совсем не он. Еще в ту первую встречу у нее дома, когда все было прекрасно, я ощущал в себе тревогу. Где-то уже в самом начале предчувствовал грустный конец наших встреч... Юлька никогда не говорила, как она ко мне относится, а я никогда не спрашивал. Знал, что ей это не понравится. Сliš-

ком уж она независима. И хотя я в общем-то догадывался, что рано или поздно нечто подобное случится, зеленая тоска схватила меня за горло и не отпускала с того самого вечера, когда я увидел ее на танцплощадке. Иногда, на работе, мне хотелось пойти в цех, выключить рубильник и вытащить ее за руку из кабины мостового крана... А сегодня вот решил пойти к ней домой. Нет, не выяснять отношения, — мне просто захотелось увидеть ее. Просто посмотреть ей в лицо, услышать ее голос... После развода с женой я мечтал влюбиться как мальчишка, страдать, переживать, думать о ней, любимой... И был уверен, что такого со мной больше не случится. Тогда мне казалось, что я уже все испытал, пережил, и любовь — это уже не для меня. И вот пришло оно... как это лучше назвать? Я всегда избегал произносить это слово «любовь»... Потому что уже не верил в нес. И вот она пришла ко мне. Радоваться мне или рвать на себе волосы? Я давно уже понял, что ни к Ларисе, моей бывшей жене, ни к Нине никакой любви у меня не было. Влечение, привязанность, привычка, что угодно, только не любовь. Была у меня одна-единственная любовь — к Рыси. И эта настоящая большая любовь по какому-то капризу судьбы перешла к ее троюродной сестре — Юльке!..

Я позвонил, и мне открыла Елизавета Гавриловна Горохова, Юлькина бабка. На этот раз она меня сразу узнала и бросила быстрый взгляд на карманы моей куртки.

— Что же не заходил-то, родимый? Забыла, как тебя по батюшке-то? — спросила она. — Чего стал на пороге? Заходи. Ежели к Юльке, то ее нету дома. К этой, к Маньке, подружке своей, убежала.

Точить ласы со старухой мне совсем не хотелось, но и уйти сразу было как-то неудобно.

— У меня машина внизу, — соврал я. — Не закрыта.

— Манька-то Кривина живет где-то у кирпичного завода, — тараторила старуха. — На машине-то в момент доскочишь... А Кривиных все там знают. У ей батька известный пьяница. Хороших людей иной раз не помпят, а горьких пьяниц всяк знает...

— Я, пожалуй, потом зайду...

— Значит, верно, что ты директор завода? — вцепилась в меня Елизавета Гавриловна. — От Юльки-то слова де вытянешь, а Манька что-то толковала... Юлькин уха-

жер-то, грит, сам директор завода... Только толку от него никакого, разве что на машине прокатит.

— А какой толк должен быть, бабушка? — поинтересовался я.

— Говорит, попросила отпуск, а ты не дал ей... Врет, поди?

— Да нет, не врет, — сказал я.

— Я в ваших делах не кумекаю, — болтала старуха. — За что купила, за то и продаю... А Юлька-то помягче со мной стала. Уж не знаю, что с ней приключилось, а и посамостоятельнее стала: дома не курит, компаний не водит и... как-то к ей ухажер, инженер один, выпивши притащился, бухает и бухает в дверь, так она его, сердешного, с лестницы спустила... Я думала, шею свернет, как загремел вниз! И бутылка — вдребезги...

«Это очень важная деталь...» — заметил я про себя, а вслух сказал:

— Так ему и надо.

— Он ей раньше проходу не давал... Придет, бывало, и сидит, дожидается. Видный такой и выпить не дурак... Бывало, со мной бутылочку красненького разопьет. Не жадный, этого за ним не водилось... Женатый, правда. Да теперь все женатые. Ты небось тоже семейный?

— До свиданья, Елизавета Гавриловна, — сказал я, отступая на лестничную клетку.

— Может, чайку выпьешь? — предложила старуха. — Я мигом!

— Не беспокойтесь, — отказался я.

— Угостила бы хорошего человека, да в шкафу пусто, — лицемерно вздохнула она. — Какая у меня, старухи, пенсия? Не Юлька, так и в праздник не оскоромилась бы...

— Магазины закрыты, бабушка, — сказал я, понимая куда она гнет.

— Что внучке-то передать?

— Привет, — сказал я.

— И все? — удивилась старуха. Бородавка на ее верхней губе возмущенно задрожала, сухие морщинистые пальцы суетливо бегали по шерстяной кофте. Что она искала, я так и не понял.

— Передайте, что я жить без нее не могу, — вдруг сказал я и закрыл за собой дверь, оставив старуху на пороге с раскрытым ртом.

Я читал Фицджеральда «Ночь надежда», когда раздался телефонный звонок. Я знал, что звонит она. Мельком взглянув на часы — было половина первого ночи, — я поднял трубку.

— Ты еще не спишь? — после некоторой паузы послышался ее голос.

— Я жду тебя, — ответил я и откашлялся, потому что голос сел.

Пауза побольше, и:

— Ты на меня очень сердишься?

— Не очень...

— У тебя есть в холодильнике что-нибудь поесть? Я умираю с голоду!

— Я приготовлю тебе яичницу с колбасой!

Снова пауза... Я слышу ее дыхание. Потом какие-то голоса, стук. Наверное, звонит из автомата. И наконец:

— Хорошо, я сейчас приду.

Мефистофель, сидящий, по своему обыкновению, на краешке письменного стола, распахнул свои светящиеся глазищи и посмотрел на мою глупо улыбающуюся физиономию. Круглая усатая морда выражает довольство. С философской снисходительностью наблюдал он за тем, как я забегал по комнате, готовясь к встрече Юльки. Я убрал простыню, одеяло и подушку в ящик, быстро подмел пол, накрыл грязную посуду на кухонном столе газетой, вытащил из холодильника колбасу, накромсал большими кусками в сковороду, бросил туда кубик масла и поставил на газовую плиту, а когда перед зеркалом стал водить по чистому подбородку жужжащей электрической бритвой, Мефистофель не выдержал и с негодующим фырканьем мягко спрыгнул на пол.

8

Неделю разбиралась в заводских делах комиссия из министерства. Башин и Котов хотели сразу остановить производство деталей по проектам Любомудрова, однако я хотя и с трудом, но уломал Дроздова подождать, пока комиссия не закончит расследование: как говорится, семь бед — один ответ. За эту неделю формовочный цех изготовил последние детали, которые были немедленно доставлены в Стапсы. Любомудров появлялся на заводе с утра и тут же на своей «Яве» уезжал в деревню. К концу недели

он обещал хотя бы один дом полностью закончить, так чтобы его было можно показать снаружи и изнутри. Остальные дома были собраны, но с облицовочными и отделочными работами не управиться и за два месяца.

Васин приезжал договариваться насчет еще двух новых поселков и обещал перевести деньги на наш счет, как только подпишем договор. Вместе с ним приехал председатель колхоза «Нива». Он просил принять заказ на тридцать жилых домов по проектам Любомудрова. Я вынужден был им обоим отказать, откровенно заявив, что до решения комиссии я никаких договоров не имею права заключать.

Котов и Башин ходили по цехам, беседовали с инженерами, рабочими и все записывали в свои одинаковые толстые коричневые блокноты. Попросили сделать фотографии нового технологического процесса, готовой продукции. Я хотел всех членов комиссии отвезти в Стансы, но Котов и Башин отказались, хотя позже я узнал, что в деревню они наведались без меня и тоже сфотографировали все, что можно было сфотографировать. Правда, я был не уверен, что они выбрали удачный ракурс... Там произошла у них еще одна стычка с Любомудровым. И Башин и Котов считали инженера-конструктора чуть ли не преступником. Их не интересовала оригинальность его проектов. Члены министерской комиссии главным образом выясняли, сколько Любомудров получил наличными за свои проекты и не поделился ли он некоторой суммой со мной. Эти нелепые, оскорбительные обвинения приводили в ярость тихого и спокойного Ростислава Николаевича. Он обоих «ревизоров» попросту в три шеи прогнал со строительной площадки и предупредил, что если еще к нему будут приставать, он не отвечает за себя... Вот почему Котов и Башин отказались со мной поехать в Стансы. Мне Любомудров ничего об этой стычке не говорил, хотя я и замечал, что последнее время он был явно не в своей тарелке. Я приписывал это его сердечным переживаниям.

Впрочем, Котов и Башин и на меня смотрели как на преступника. Когда я рассказывал им о перестройке завода, о выпуске деталей для домов оригинальной конструкции, пытался объяснить преимущества в будущем такой перестройки, они улыбались и покачивали головами: мол, пой, пташечка, пой... Лишь Алексей Тихонович Дро-

здов слушал меня с вниманием и задавал дельные вопросы. В отличие от своих коллег, он смотрел на вещи шире и сейчас думал не о том, как пожестче со мной расправиться, а как вывести завод из прорыва. Но и он, не колеблясь, предлагал немедленно прекратить выпуск деталей по новым проектам и поставить производство на старые рельсы. Сначала завод должен выполнить свои обязательства перед заказчиками и отгрузить для них стандартную продукцию, а потом... может быть, в министерстве и со вниманием отнесутся к нашей затее. А пока завод должен выполнить государственный план. Приближаются знаменательные даты, а у нас самые низкие показатели по министерству. Дроздов прекрасно знал обстановку и не видел никакого другого выхода. Правда, он как-то обмолвился, что попозже можно будет подумать о том, чтобы в экспериментальном цехе наладить производство оригинальных конструкций... И даже можно будет заключить договора с Васиным и другими. Но это должно быть пока не главной задачей завода, а второстепенной. А все основные цеха пусть гонят плановую продукцию.

Короче говоря, вся наша работа перечеркивалась, но на будущее оставалась маленькая лазейка — экспериментальный цех. Дескать, не в ущерб основному делу потихоньку занимайтесь своими экспериментами. Это меня совершенно не устраивало.

За день до отъезда комиссии в Москву формовочный цех снова был остановлен и в аварийном порядке началась переоснастка поточных линий. Это распоряжение отдал Дроздов. Я не мог смотреть в глаза начальнику цеха Григорию Андреевичу Сидорову. Впрочем, он оказался благородным человеком и даже вида не подал, что сердит на меня. Уж кто-кто, а он имел все основания быть недовольным мной. Самый передовой цех на заводе оказался самым отстающим.

Башин и Котов потребовали немедленно снять меня с поста директора и поставить временно исполняющим обязанности директора завода Архипова, но председатель комиссии Дроздов охладил их пыл. Сказал, что не имеет таких полномочий. Это будет решать коллегия министерства, которой они представят свой отчет.

С Дроздовым у нас состоялся откровенный разговор. Когда мы знойным днем возвращались из деревни, он предложил завернуть куда-нибудь выкупаться. Я отвез

его на Кислое озеро. Не знаю, почему так называли это озеро, на самом деле оно было чистое, прозрачное и на вкус самое нормальное. Солнце палило над головой, вода была в самый раз: ни холодная, ни теплая.

Алексей Тихонович Дроздов оказался хорошим пловцом. Саженьками заплыл почти на середину озера, а когда вылез на берег, незаметно было, чтобы он устал. Мы валялись на горячем песке и смотрели на облака, обсыхая на солнце.

— В этом году первый раз окупнулся,— сказал Дроздов.— В Москве все было недосуг... Забраться бы с палаткой на такое озеро, да и провести тут весь отпуск.

— Приезжайте,— улыбнулся я.— У нас своя туристская база в Сенчитском бору, а там два озера, и не чета этому.

— Чего улыбаешься? — покосился в мою сторону Алексей Тихонович.— Смешно?

— Очень часто люди с уверенностью толкуют о том, чего никогда не сделают... Вы не приедете, а я тоже никак не выберусь на рыбалку.

— Все очень просто,— сказал Дроздов.— Попробуйте уехать на рыбалку, если ваши мысли заняты работой. Для того чтобы приблизиться к природе, нужно быть отрешенным от суеты... И потом, не мы располагаем своим временем, а время и обстоятельства сами распоряжаются. Не начуди ты тут с этим делом, не приехал бы я в Великие Луки... Забросили бы меня куда-нибудь на Камчатку.

— В Ленинграде в самом разгаре белые ночи,— мечтательно сказал я.

И вдруг Дроздов меня огорошил:

— Я думаю, что ты еще захватишь их...

— Значит, снимут? — немного поразмыслив над его словами, спросил я.

— А ты думал как? По головке погладят? — ответил он.— Твоим делом ведь еще горюком партии занимается.

— Знаю.

— Запросто на бюро строгаща влепят.

— Первый секретарь грозился исключить.

Дроздов сел и с любопытством уставился на меня.

— А если все наперед знаешь, то какого же черта влез в это дело?

— Думал, успею построить поселок и...

— Что «и»?

— Надеялся, что люди поймут...

— Я все понял, Максим Константинович, но я не министерство. В министерстве еще есть Котовы и Башины... Чего улыбаешься? Думаешь, я их не знаю? Они готовы четвертовать тебя... Еще и на меня министру пожалуются... Не снял с работы!..

— Правда, что у тебя нет такой власти? — спросил я.

— Если очень хочешь, могу и снять, — усмехнулся он. — Только ведь тогда тебе крышка, верно?

— Верно, — согласился я. — Мне еще бы продержаться один месяц...

— Это я тебе не обещаю, — сказал он.

— И все-таки я верю, что завод перейдет на производство новой продукции!

— И не обидно тебе будет, если это случится при другом директоре?

— Обидно, — сказал я. — Придется утешаться известной эпитафией: тебя нет, но дело твое живет.

— Поселок твой мне понравился. И идея неплохая, но несвоевременно ты взялся ее осуществлять! Ты что, директором на этом заводе десять лет? Может быть, у тебя большой опыт, авторитет? Да ты без году неделя директором, а уже выкинул такую штуку, что у нас только руками разводят... Правильно, что утвержденные министерством типовые стандартные дома не ахти какие. Твои гораздо лучше. И это здорово, что ты построил поселки рядом. Очень зримо! Но как ты не понимаешь, садовая твоя голова, что переход завода на новую продукцию может разрешить только министерство. И то не вдруг. Если все директора заводов начнут...

— Это я уже слышал, — заметил я. — От Котова и Башина.

— Тебя можно понять, но простить такое самоуправство нельзя. И тут Башин и Котов правы: тебя нужно снимать с работы...

— А вдруг тебе влетит от министра, что не снял меня?

— Это не твоя забота, — огрызнулся Дроздов и испытующе посмотрел на меня. — Ты знаешь, я никак не могу от одной идиотской мысли отделаться... — Он сделал паузу. — Мои коллеги в одну дуду дудят, что ты и Любо-мудров...

Я видел, что ему трудно будет произнести эти слова, и решил помочь:

— Никакой личной корысти тут нет. Ни с моей стороны, ни со стороны Любомудрова. Больше того, он и половины не получил за свои проекты того, что ему полагается. Я уж не говорю о том, что и он, и я работаем в две-три смены. Разумеется, без сверхурочных. Нас даже бросили любимые женщины... Честное слово! Говорил же тебе, на рыбалку некогда выбраться...

— Котов что-то в бухгалтерии раскопал... Неправильное расходование государственных средств.

— Ты же видел, мы построили новый цех, изготовили новые формы, а ведь министерство на это и копейки не отпустило. Кстати, имей в виду, главбух тут ни при чем: я всеми правдами и неправдами выколачивал из нее деньги.

— Ты говоришь — рассчитывал, что тебя поймут, — продолжал Дроздов. — А тебя ни в министерстве не поняли, ни на заводе. Я уж не говорю про местные власти. Куприянов прямо сказал, что твое назначение на этот завод — грубая ошибка... Мне даже показалось... у него на тебя зуб?

— Такой он человек, — сказал я. — Он и сразу был против моего назначения: хотел поставить директором своего местного человека, а ему прислали варяга...

— Он так и заявил, что на этот раз директора они сами подберут. Им на месте тут виднее, а уж за свои кадры они отвечают головой. И будет новый директор делать то, что ему прикажут, а твой экспериментальный цех закроют; приспособления, арматура и сварные формы будут ржаветь на свалке... А твое имя на каждом собрании будет предаваться анафеме...

— Коммарную ты картину нарисовал, — сказал я.

— А ты думал, тебе памятник поставят? За то, что государственный план сорвал и выбросил на ветер казенные денежки?

— Ведь ты так не думаешь.

— Я тут ничего не решаю, — вздохнул он. — И замминистра на тебя зол. Выдвинул, говорит, на свою голову... Не оправдал ты его надежд... А ведь какие у тебя были перспективы! Через три-четыре года получил бы завод не этому чета, а возможно, и в министерство взяли бы. Замминистра возлагал на тебя большие надежды.

— Да, тут я дал маху...

Дроздов удивленно взглянул на меня, потом чуть приметно усмехнулся:

— Ты, я смотрю, не очень-то сильно и расстраиваешься?

— Хоть убей, не чувствую я себя виноватым, — сказал я.

— Мне кажется, ты не совсем отчетливо представляешь, что тебя ожидает! Если ты сумеешь вывернуться, а в этом я очень сомневаюсь, на твоей карьере, по крайней мере в нашей системе, будет поставлен крест...

— Меня это мало волнует, — ответил я. — Мне хотелось, чтобы завод выпускал высококачественную продукцию, хорошие, красивые, удобные дома. И если бы мне не помешали, я этого бы добился. Вот была моя главная задача. Признаться, о своей карьере я совсем не думал.

— Ты прав, — задумчиво сказал Алексей Тихонович, — кто думает о карьере, тот на рожон не лезет и до такой степени с начальством не осложняет отношений...

— Ну вот, хоть один раз ты со мной согласился... — рассмеялся я.

— Ответь мне еще на один вопрос: ты намеревался в ближайшее время все поточные линии перевести на выпуск новых деталей?

— Да.

— А как бы рассчитался с заказчиками, которые ждут от тебя типовые стандартные дома?

Это было самое уязвимое место в нашем деле. Я не хотел поставлять заказчикам плохие дома, раз наладил выпуск хороших. Я рассчитывал показать заказчикам новый поселок и переоформить договора на выпуск новых домов. Конечно, заказчикам пришлось бы внести на счет завода дополнительные суммы, но мы имели дело с богатыми колхозами и совхозами. А поставлять заказчикам старые дома — это было бы нечестно.

Обо всем этом я и сказал Дроздову.

— Ты, я смотрю, все решил перевернуть с головы на ноги, — усмехнулся он.

Над нашими головами раздался резкий крик. Это прилетели небольшие озерные чайки. Покружившись, изящные белые птицы одна за другой спикировали в воду. Штук пять белых поплавков закачались посередине озера.

Солнце пригревало, свежий ветерок приятно обдувал; не хотелось подниматься с теплого песка. Дроздов все-таки еще раз искупался, а я прошелся вдоль берега, где росли голубые и красные цветы. Как они назывались, я не знал, но нарвал букет. Пока Алексей Тихонович одевался, я сунул цветы под сиденье.

Я отвез Дроздова в гостиницу. Когда мы прощались, он посоветовал:

— Не сиди сложа руки. Борись, доказывай, пиши в высшие инстанции. А я доложу замминистру свое особое мнение по этому вопросу... Будь моя воля, я разрешил бы вам выпускать нестандартные детали...

— Жаль, что ты не министр,— улыбнулся я.

9

За пять минут до заводского гудка я выхожу из кабинета и иду к автобусной остановке. Мой «газик» у белого здания заводоуправления, но машина мне не нужна. Мне нужна Юля, которая сейчас вместе со всеми выйдет из проходной и направится к автобусной остановке. Я должен ее здесь перехватить. Вчера она домой после работы не пришла, а снова стучаться в дверь и беседовать с Елизаветой Гавриловной Гороховой мне совсем не хотелось. Пусть бросают на меня ехидные взгляды Юлькины подружки, мне наплевать. Я должен сегодня поговорить с ней. Может быть, в последний раз...

После нашей последней встречи прошло пять дней. Юля обещала позвонить, но так и не позвонила. Больше того, я заметил, что она меня избегает. Несколько раз я заходил в формовочный цех, но она делала вид, что меня не замечает. Один раз я подкараулил ее в столовой, но Юля тут же расплатилась за обед и ушла со своей подружкой Машей Кривиной, которая не преминула бросить на меня насмешливый взгляд. Я даже не подозревал, что Маша такая злопамятная!

В ту ночь, когда она пришла ко мне, настоящего разговора не получилось. Юля была у какой-то подружки на дне рождения, и вот ей пришла в голову мысль позвонить мне... А если бы не была в гостях, значит, и не позвонила бы?.. Я задал ей этот вопрос, но Юлька только рассмеялась и сказала, что она ведь пришла, что же мне еще нужно?..

И вот опять такая же история: я жду ее, переживаю, а она ушла и как в воду канула. Завтра бюро горкома партии. Будут обсуждать не только меня: секретаря парт-организации Тропинина, секретаря комсомольской организации Саврасова и председателя завкома Голенищева. Бутафоров несколько дней назад сообщил, что члены бюро настроены против меня, редактор городской газеты подготовил серьезный материал по заводу, который на днях будет опубликован. Разгромная статья уже появилась и вызвала на заводе самые разнообразные толки. Саврасов всячески избегал встреч со мной, а когда я сам разыскал его, то ничего путного из нашего разговора не получилось. Геннадий Васильевич мялся, что-то мямлил. В общем, я понял, что на бюро он отречется от нашего дела и, если это понадобится Куриянову, выступит против меня. Об этом меня предупредил и Тропинин. Анатолия Филипповича несколько раз вызывали в горком, но даже под сильным нажимом первого секретаря он ни на йоту не изменил своей позиции. Голенищев не принимал активного участия в перестройке производства, и серьезные неприятности ему не грозили.

Утром того же дня, когда вышла газета, Леня Харитонов поймал меня в цехе и напрямик спросил:

— Это правда, что вас хотят уволить?

— Правда,— не стал и я кривить душой.

— Если за Васю Конева, то я сам пойду куда надо...— взорвался Харитонов, но я его остановил:

— Вася тут ни при чем.

Я видел: Леня расстроился. На широком лице его заиграли желваки.

— Так на рыбалку мы с вами и не съездили,— сказал он, внимательно разглядывая свои руки.

— А может быть, это и к лучшему,— невесело улыбнулся я.— Больше рыбы останется в озере.

— Но могут ведь и не снять? — сказал Леня.— Чего вы такого сделали?

— Мы сделали, Леня, большое дело,— ответил я.— И что бы там ни было, тебе огромное спасибо за все. И ты, и Вася Конев... очень мне помогли...

Заводской гудок прервал мои размышления. Из проходной потянулись рабочие. От придорожных лип падали

на асфальт длинные тени. Днем прошел небольшой дождь, и на улице было свежо, прохладно и почему-то пахло полынью. Лохматые облака напоздали на коричневую заводскую трубу, загораживая большое красное солнце. Устроившиеся на проводах скворцы казались розовыми в лучах заходящего солнца, а внизу, на крыше будки телефона-автомата, сидела ворона и чистила клюв.

Стоя под толстой липой, я высматривал Юльку. Два автобуса, переполненных пассажирами, отвалили от остановки, прежде чем я ее увидел. Юля сегодня была в коротенькой коричневой юбке. Она тоже заметила меня, и в глазах ее мелькнула то ли досада, то ли растерянность.

И вот мы молча идем по улице к Сеньковскому переезду. Нас обгоняют велосипедисты, мотоциклисты. Это все рабочие с нашего завода. Некоторые, узнав меня, оборачиваются. Глаза у Юльки глубокие и непроницаемые, пухлые губы крепко сжаты. Что же произошло с моей Юлькой?.. Почему она так изменилась? Когда мне было восемнадцать лет, меня мало волновало, что чувствует знакомая девчонка. Тогда в своих собственных-то чувствах трудно было разобраться, а вот теперь малейшие перепады в настроении девушки я чувствую. Мало того что чувствую и близко принимаю к сердцу, мне хочется разобраться в них, понять, чем они вызваны? Отчего бы это? От житейской мудрости или от неуверенности в себе?..

У Юльки в руке коричневая сумка с длинной ручкой. Сумка шлепает ее по ноге, но Юлька не обращает на это внимания. Она смотрит под ноги и упрямо молчит. Мне многое нужно сказать ей, но я тоже молчу. Наверное, со стороны мы похожи на поссорившуюся супружескую пару. Идут два человека по улице и ждут, кто первый заговорит и сломает лед отчуждения.

— У тебя неприятности? — наконец спросил я.

— По-моему, это у тебя большие неприятности, — резко ответила она. — На заводе только об этом и говорят.

— А тебя это раздражает?

— Говорят, что ты нарочно заварил всю эту кашу, чтобы тебя уволили и ты снова уехал в Ленинград.

— Ты ведь так не думаешь?

— Говорят, у тебя там квартира пустует...

— Как же это я не сообразил? — усмехнулся я. —

Действительно, надо было квартиру оставить за собой.

— Людям рот не заткнешь.

— Это верно, но и повторять чужие глупости не обязательно.

Юлька бросила на меня косой взгляд и снова надолго замолчала, а я шел рядом и ломал голову: за что она на меня злится? И почему мне так трудно вызвать ее на откровенный разговор? Кажется, чего проще задать прямо ей вопрос: что случилось? Но я уже немного знал Юльку: пока она сама не скажет, что с ней, бесполезно спрашивать.

У парка Победы сквозь посвежевшую после дождя листву весело блеснул летний застекленный павильон, где продавали пиво и минеральные воды. Судя по тому, что павильон пустовал, пиво кончилось. Я предложил Юльке зайти туда, но она отказалась. Мы миновали площадь Ленина, поднялись на мост. А вот и ее дом. Видя, что она повернула к своему подъезду, я крепко взял ее за руку и сказал:

— Тебе не кажется, что нам нужно серьезно поговорить?

Мы смотрим в глаза друг другу. Миндалевидные с зеленоватым отливом глаза девушки чистые и холодные. Не знаю, что она прочитала в моих глазах, только губы ее тронула улыбка.

— Семейная сцена, да? — спросила она.

— Что-то вроде этого, — сказал я.

— Ругать будешь или бить?

— А надо бы, — сказал я.

— Ну, ладно, — сдалась Юлька. — Куда мы пойдем?

Я облюбовал скамейку на берегу Ловати под раскидистым кленом. Скамейка была влажная после дождя. Юлька чинно уселась и взглянула на меня, будто провинившаяся школьница, ожидающая, когда ей прочтут нотацию и оставят в покое. Села она на самый краешек скамьи, и видимо, высокая трава, кустившаяся внизу, защекотала ей ноги, потому что Юлька передвинулась поближе ко мне. Смотрела она прямо перед собой на речку. Клен над головой негромко шумел, где-то за нашими спинами, в парке, перекликались птицы. Мимо прошла парочка: высоченный парень и под стать ему золотоволосая девушка с букетиком полевых ромашек. Парень небрежно обнимал девушку за плечи.

— Ну, что же ты молчишь? — покосилась на меня Юлька. И мне показалось, что в продолговатых глазах ее насмешка.

— Видишь ли, — начал я, — наверное, я слишком старомодный и многого не понимаю...

— Ты современный и молодой, — перебила она.

— Однако танцевать вот не научился...

— Это не беда, — улыбнулась она. — Я всегда найду себе партнера для танцев...

— Мне не хочется тебя терять, — сказал я, глядя на Ловат, по которой медленно скользила голубая лодка. Мне сначала показалось, что в ней никого нет, но потом я заметил мужчину, лежавшего на дне и смотревшего в небо. Я ему позавидовал: мне тоже захотелось вот так лечь в лодку и плыть по течению куда глаза глядят...

— Ты ведь все равно уедешь.

— Пока не собираюсь, — сказал я.

— Все говорят, что тебя...

— Опять все говорят! — взорвался я. — Ты бы лучше меня спросила, что я думаю на этот счет?

— Максим, я не хочу к тебе привыкать... Понимаешь, для меня это добром не кончится.

— А кто тот парень? Ну, с которым я тебя видел на танцплощадке? Партнер по танцам? Или тот самый инженер, что по ночам к тебе ломится?

— Чертова бабка! — рассмеялась Юлька. — Уже натрепала...

— Кто же он?

— Я знала, что ты меня об этом спросишь.

— Можешь не отвечать.

— Дело не в этом парне...

— А в чем же?

— В тебе, — она прямо взглянула мне в глаза. — Мне кажется, ты пачинаешь слишком многого требовать от меня, а я этого не люблю. Да и потом вряд ли я дам тебе то, чего ты ждешь от меня.

— Последнее время я только и делаю, что жду тебя...

— А ты не жди. Если я захочу, сама приду.

— Незавидную же ты мне роль отводишь, — усмехнулся я.

— Тогда брось меня, — жестко сказала она.

— По-моему, ты уже сама меня бросила.

— Ну не будем считаться... — на губах ее появилась

и тут же исчезла улыбка.— Максим, я — совсем не то, что тебе пужно.

— Откуда ты знаешь, что мне пужно?

Она взяла мою руку и взглянула на часы.

— Мне надо идти,— сказала она, поднимаясь со скамейки.

— Он?

— Не провожай меня, пожалуйста, не надо,— сказала она, видя, что я тоже поднялся.— Ты никак ревнуешь?

— Даже это мне запрещается?

Она задумчиво посмотрела мне в глаза. Зеленый ободок стал шире, а зрачок острее.

— Многим нравится, что их ревнуют, а меня это злит,— сказала она.

— Куда ты идешь, Юлька? — спросил я, стараясь говорить спокойно, хотя меня так и подмывало наорать на нее, схватить за плечи и снова посадить на скамейку...

— У меня есть дела, которые тебе совсем неинтересны... примерно так же, как танцы... Кроме встреч с тобой, у меня еще есть своя жизнь, которая тоже тебе неинтересна, но она есть, и ты с этим должен считаться, если не хочешь, чтобы мы расстались...

— Ты меня сама не пускаешь в эту свою таинственную жизнь,— с горечью сказал я.

— Значит, не заслужил.

— Прощай, Юлька,— сказал я, и голос мой дрогнул.

— Ну, зачем так мрачно...— улыбнулась она и, вскинув руки, неожиданно крепко поцеловала меня в губы.

Я стоял и хлопал глазами, а Юлька, обогнув клен, прямо по траве решительно зашагала к своему дому.

1

На лодке нас двое. Я ловлю рыбу, а он сидит на носу и внимательно смотрит на поплавки. Пожалуй, он больше, чем я, заинтересован в улове. Он очень любит рыбу и с удовольствием ест без соли сырую. Он — это Мефистофель. Глаза — две узкие зеленые щелки, усы торчат, белая отметина на лбу сияет. В общем, Мефистофель вполне доволен жизнью. И в отличие от других котов, он не боится воды. Вот только я не выяснил: умеет он плавать или нет. Когда мне пришла в голову мысль выкупать его, он сразу догадался о моем намерении: лишь я приблизился, Мефистофель угрожающе поднял когтистую лапу. Я понял, что лучше с ним не связываться.

На Сенчитской турбазе я уже неделю. Сначала я рыбачил на Янтарном, потом — на Жемчужном, а сегодня с утра снова подался на Янтарное. Не скажу, что рыбы здесь навалом, но на уху можно наловить. А уж если не на уху, то на завтрак Мефистофелю наверняка. И потом, рыбак я не ахти какой: мест не знаю, ловлю без всяких премудростей на дождевого червя. Спиннинг сломался в первый же день — отломился конец, когда я тащил к лодке гигантский пук водорослей и тины, — так что щуки вольно гуляют в озере, не опасаясь меня.

Места здесь райские. Оба озера соединяются узким перешейком. Вокруг корабельный сосновый бор, а вдоль Жемчужного озера тянется березовая роща. С утра до вечера поют птицы. Причем не хуже соловьев. И здесь много дятлов. Сидишь на озере, а на берегах перестукиваются дятлы. Иногда сразу по три-четыре. На закате, когда серебристые тени складками сгустятся у берегов, а по

тихому плесу разольется золотистый блеск, в прибрежном лесу задумчиво кукует кукушка. Я не то чтобы мнительный, но не люблю загадывать у кукушки, сколько лет мне осталось прожить. Попадется скупая кукушка, а потом переживай... А в Сенчитском бору скупые кукушки. Покукует, задумается, потом снова покукует.

Живем мы с Мефистофелем на турбазе, которую я построил для рабочих завода. Когда работал, никак было не выбраться сюда, а теперь вот рыбаць, хоть от зари до зари... Дело в том, что я уже не директор специализированного завода железобетонных конструкций. Но, как говорят,—нет худа без добра. Два года подряд не был в отпуске.

Сняли меня с работы на внеочередном бюро горкома партии в понедельник, а во вторник я уже махнул на турбазу. Верный Петя Васнецов подбросил меня сюда с Мефистофелем и немудреным рыбацким скарбом. Я понимал, что не нужно сразу уезжать: разные организационные дела, сдача дел Архипову, которого назначили временно исполняющим обязанности директора. А чего мне ему сдавать? Архипов и так все знает... Имею я право хотя бы одну неделю побыть с самим собой?..

Правда, одному мне не удалось долго побыть, вечером того же дня прикатил на «Яве» Ростислав Николаевич Любомудров. Не снимая с головы голубой каски с очками, он стал мне доказывать, что отступать не годится, надо бороться, доказывать, срочно ехать в министерство и так далее...

И это говорил мне Любомудров, который за себя-то постоять толком не умел. Есть люди, которые талантливы, прекрасно умеют работать, но случись какая неприятность, воспринимают ее как неизбежное зло и палец о палец не ударят, чтобы помочь себе. К таким людям и относился Ростислав Николаевич. А мне вот советует действовать, бороться...

Я не спорил с ним, но пока не собирался ничего предпринимать. Я просто чертовски устал и хотел от всего отдохнуть. Хотя бы две недели. Я угостил Любомудрова ухой, сваренной на костре, успокоил, как мог, и отправил в город. Ростислав Николаевич продолжал строить поселок в Стансах. Я его оттуда не отозвал, а Архипов медлил что-то... Я попросил Ростислава Николаевича не бросать строительство на произвол судьбы ни под каким нажимом.

Поселок Васину нужно достроить, нравится это секретарю горкома партии товарищу Куприянову или нет.

Бюро, на удивление, было спокойным и деловым. Я не буду перечислять все те обвинения, что выдвинул секретарь и инструктор, который занимался расследованием. Обвинения все те же, что и были раньше... Геннадий Васильевич Саврасов сразу признал свою вину, сослался на неопытность и отделался тем, что ему поставили на вид. Анатолию Филипповичу Тропинину вынесли выговор по партийной линии без занесения в учетную карточку. Секретарь партбюро мужественно защищал наше дело, доказывал его перспективность, выгораживал меня и под конец заявил, что с решением бюро не согласен...

Когда очередь дошла до меня, я ожидал, что Куприянов сейчас начнет метать громы и молнии. Ничего подобного не случилось. Он держал себя удивительно корректно и говорил по существу, приводя убедительные факты. В общем-то мне уже все было ясно: вопрос обо мне был решен сразу после выводов министерской комиссии, а эти выводы, как известно, были не в мою пользу, если не считать особого мнения Дроздова, но это свое особое мнение он доложит коллегии министерства. Я знаю, что он долго разговаривал с Куприяновым, предлагая не снимать пока меня с работы, но тот не согласился с ним.

В заключение Куприянов сказал, что вопрос о снятии меня с работы согласован с министерством и обсуждать здесь больше нечего, вопрос в другом: какого я заслуживаю партийного взыскания?.. И вот тут-то он обрушил на меня чудовищный удар, которого я, признаться, никак не ожидал: Куприянов сообщил членам бюро, что к нему пришел коммунист, ответственный работник, и сообщил ему, что я, Максим Бобцов, аморально веду себя в быту... Завожу романы с молодыми работницами завода, разъезжаю с ними на казенной машине за город, пьянствую и развратничаю... Конечно, он, Куприянов, понимает, что я не женат, кстати, один развод уже висит на моей шее... но тем не менее коммунисту, ответственному работнику не к лицу вести себя подобным образом. Такие вещи заметны в нашем городе и очень быстро становятся достоянием общественности, а мы не имеем права ставить под удар авторитет руководителя...

— Назовите фамилию этого... доброжелателя? — потребовал Бутафоров.

Куприянов без колебания назвал Аршинова, сказав, что тот и не делал из этого сообщения никакого секрета.

— Ну, знаете... — возмутился Николай. — Аршинов учился вместе с Бобцовым, и клеветать на товарища, да еще при сложившихся обстоятельствах, — это гнусное дело!

— Мы обсуждаем не товарища Аршинова, а Бобцова на сей раз, — заметил Куприянов.

— К чему же тогда выливать на него эту грязь? — спросил Бутафоров.

— Был подобный случай? — спросил меня Куприянов, не ответив на его вопрос.

— Я люблю эту девушку, — сказал я, не вдаваясь в подробности.

Куприянов многозначительно взглянул на членов бюро; дескать, видите, факт подтвердился... Когда он внес на рассмотрение членов бюро горкома партии свое предложение об исключении меня из членов партии, в кабинете стало тихо. Затем слово взял Николай Бутафоров. Он сказал, что не согласен с Куприяновым ни по одному пункту: мое начинание со строительством нового поселка очень ценное и немного погодя это все поймут... Действовал я хотя и не по инструкции министерства, но творчески, со взглядом на будущее и лично никакой корысти от этого дела не имел. Действительно, плановая продукция нашего завода не отвечает уровню сегодняшнего дня. И напрасно члены бюро отмахнулись от заявления секретаря партийной организации завода товарища Тропинина о том, что начинание Бобцова и Любомудрова воспринято большинством коммунистов завода правильно. И он, Тропинин, целиком и полностью на стороне Бобцова и всячески поддерживал его в этом начинании... И это заявляет секретарь партийной организации!

— Тропинин свое получил, — снова подал голос Куприянов. — Я лично считаю, что он заслуживает более серьезного взыскания за поддержку этого... так сказать, начинания!

— Нельзя сбросить со счетов энтузиазм комсомольцев, работающих в новом цехе в две смены по сути дела без всякой оплаты, — продолжал Николай. — Поведение товарища Саврасова я считаю капитулянтским, позорным... И такой человек вряд ли может возглавлять на заводе комсомольскую организацию...

На это Куприянов сердито заметил, что вопрос с Саврасовым тоже решен и не надо отклоняться от темы... А затем спросил: считает ли Бутафоров меня хоть в чем-то виновным? Вопрос был задан в проницательном тоне. Бутафоров ответил, что главная моя вина — это самоуправство! И превышение полномочий. Я не имел никакого права приостанавливать выпуск продукции и срывать государственный план завода... Даже в том случае, если продукция мне не нравится... А что касается заявления товарища Аршинова, то... первому секретарю горкома надо было бы быть выше этой типичной мещанской сплетни... Да что сплетни: доноса! Это, как говорится, запрещенный прием. Обсуждаем человека за одно, но, очевидно, все обвинения построены на весьма шаткой платформе, поэтому мы начинаем притягивать сомнительные факты... Он, Бутафоров, хорошо меня знает и с презрением отмечает нечистоплотное заявление Аршинова, которого члены бюро тоже неплохо знают...

Бутафоров предложил объявить мне выговор. Мнения разделились. Редактор городской газеты, высокий седовласый человек, внес новое предложение — объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку. Большинство членов бюро, в том числе и Куприянов, проголосовали за эту формулировку. Бутафоров и начальник милиции — чему я удивился — были против. Один товарищ воздержался от голосования.

И вот я прохлаждаюсь на озере с красивым названием Янтарное. Кругом лес, вода и небо. Не скажу, что природа умиротворила меня. И ночью, на жесткой постели, и здесь, на лодке, позабыв про поплавок, я мысленно спорю с Куприяновым, доказываю ему свою правоту... Мне кажется, что многие убедительные слова я так и не сказал. Снова и снова в пух и прах критиковал свое выступление... Почему они не захотели понять меня?.. Я видел доброжелательные лица, внимательные глаза. Многих членов бюро я неплохо знал, встречался с ними на семинарах в горкоме, на городских активах, совещаниях... Осуждать я этих людей не мог. Формально они, по-видимому, были правы.

Когда я выходил из кабинета, Николай бросил на меня красноречивый взгляд, мол, подожди, разговор есть, но мне ждать не захотелось. Мне захотелось уехать поскорее куда-нибудь подальше от города. Я понял, что мне

наконец представилась возможность побывать на рыбалке...

Я никому не сказал, куда еду. И Петю Васнецова попросил не распространяться, где я. Мне необходимо было какое-то время побыть одному.

Однако кроме Любомудрова, еще несколько человек посетили меня в добровольном изгнании...

На третий день приехал на мотоцикле вместе с сыном Анатолий Филиппович Тропинин.

Я с Мефистофелем в то время прогуливался вдоль берега. Мой кот, как только мы покинули город, повсюду сопровождал меня. Я так и не понял, это из-за привязанности или из опасения, что я от него сбегу и оставлю тут одного вековать в глуши.

Мефистофель не трусил впереди меня, как собачонка. Он с достоинством шагал на расстоянии вытянутой руки рядом. Вид у него был независимый, будто не он меня сопровождал, а я его.

Услышав рядом треск мотоцикла, Мефистофель не выдержал и черной молнией метнулся на ближайшие дерево. Усевшись на сук, он вновь обрел так позорно утраченное достоинство и с гордым видом стал обозревать окрестности, как будто ради этого и забрался на дерево.

— Здесь есть грибы? — первое, что спросил меня Тропинин.

— Грибы? — удивился я. Рыбу я ловил, а вот поинтересоваться, есть ли в лесу грибы, мне и в голову не пришло.

Поставив на турбазе мотоцикл, Анатолий Филиппович достал из рюкзака корзинку и, озабоченно поглядев на небо — уже вечерело, — сказал, что до сумерек мы еще успеем сходить на разведку.

Я вручил его сынишке свои рыболовные снасти и лодку — в отличие от отца, он больше интересовался рыбалкой, — и мы отправились за грибами. Мефистофель мгновение раздумывал: куда податься — на лодку с сыном Тропинина или с нами — в лес? Потом все же решил — осчастливил своим присутствием нас.

В сосновом бору мы грибов не нашли, хотя, как утверждал Тропинин, лес прямо-таки создан для боровиков. И мох что надо, и грибница есть — но вот только боровиков почему-то не было.

Тогда мы пошли в березовую рощу. Здесь нам больше повезло: сразу же увидели гнилой пенек, весь обсыпанный какими-то желтыми крупными грибами. Я бы прошел мимо и не посмотрел на них, а Анатолий Филиппович с довольным видом стал собирать их в свою корзинку. Он сказал, что это опята и их можно жарить и солить. Я же думал, что эти грибы поганки, и всегда проходил мимо.

В роще было светло от берез. Жухлая листва под ногами пружинила, ярко рдели какие-то лесные цветы на высоких ножках. Пели птицы. Стоило дунуть ветерку — и березы начинали шуметь, показывая светлую изнанку своих лакированных листьев.

Я, конечно, понимал, что Тропинин приехал сюда не за опятами, и ждал, когда он заговорит. А Анатолий Филиппович с наслаждением разрывал листву, находил красноголовые подосиновики. Не гнушался он и зеленухами, и сыроежками. Каждый гриб он аккуратно срезал ножом, чистил корень и с победным видом клал в корзинку.

Я тоже нашел три гриба. А на четвертый наступил. Я заметил его, когда он хрупнул под резиновым сапогом. Анатолий Филиппович подобрал раздавленный гриб и с завистью сказал:

— А ты счастливчик! Это же белый гриб!

— Надо же, — удивился я.

Возвращались мы уже в сумерках. Солнце спряталось за лесом. Ветер раскачивал вершины берез, но внизу пока было тихо. Лишь на толстых белых стволах поскрипывала отставшая нежная кора. Корзинка была полная. Тропинин нес ее на сгибе локтя и то и дело поглядывал на свое богатство.

— Это курице позволительно сидеть на яйцах, пока не вылупятся цыплята, — говорил он. — А тебе прохлаждаться здесь нечего. Поезжай в Москву и воюй!

— Даже на фронте дают передышку, — вяло возражал я. Надоело мне выслушивать их наставления. Заладили одно и то же: действуй, борись, воюй... А как воевать? И с кем? И каким оружием? Чтобы высоткой овладеть, и то целый штаб разрабатывает операцию, а мне дают лишь детские советы, а вот толкового плана никто не предлагает. И времени не дают поразмыслить.

Будто угадав мои мысли, Тропинин сказал:

— Ты устал, я понимаю, но пойми, Максим Константинович, нельзя сейчас сидеть сложа руки. Я решил провести открытое партийное собрание... На той неделе. Ты должен присутствовать на этом собрании.

— Я уже не директор, — сказал я.

— Ты член партбюро, — возразил Тропинин. — И никто тебя не собирается выводить из него.

— И все-таки я не приду на собрание, — твердо заявил я. — Я в отпуске, понимаешь? В своем законном отпуске!

Тропинин умолк. И даже перестал заглядывать в свою корзинку. Я уже подумал, что он обиделся, но он вдруг спросил:

— Что это за черный кот ходит за нами, как тень?

— Это Мефистофель, — улыбнулся я.

— У него действительно сатанинская морда, — согласился Анатолий Филиппович.

— С ним не соскучишься, — ответил я.

— А чего это ты, как старая дева, кота завел? Уж лучше бы собаку.

— Это не я его завел, — уточнил я. — А он — меня. Вселился в квартиру без ордера и прописки. И теперь от меня ни на шаг.

— Смешной котище, — сказал Тропинин.

Уже подходя к турбазе, Тропинин снова заговорил:

— Лови рыбку, черт с тобой! А я буду действовать... На днях поеду в обком партии. Может быть, попаду к первому. Кое-какие материалы я уже подготовил... Я их захватил с собой — познакомишься.

Я уж в который раз подивился энергии этого человека. Даже в очень трудную минуту он не потерял самообладания, а наоборот, с еще большим упорством и мужеством включился в борьбу, в благоприятном исходе которой, признаться, я сейчас сильно сомневался.

Я понимал, что тут дело не только во мне: Тропинин верил, что мы на правильном пути, и боролся за победу.

Солнце нещадно печет. Плечи пощипывает, но мне не хочется надевать рубашку. Кожа у меня к загару восприимчивая, терпит. Я зачерпываю пригоршнями прозрачную воду и лью на плечи. Мефистофель смотрит на меня неодобрительно. А когда брызги попадают на него, фыр-

кает и отодвигается подальше. К его уху пристала рыба чешуйка, но коту сейчас не до умывания. Он пристально смотрит на поплавок, дожидаясь поклевки. Мефистофель прекрасно разобрался, откуда ждать очередную рыбку. Когда клюет, он переводит взгляд с поплавка на меня, мол, чего зеваешь? Подсекай! Мне даже не нужно добычу спимать с крючка: когда серебристая плотвичка затрепещет в воздухе, Мефистофель поднимается на задние лапы, а передними ловит раскачивающуюся на жилке рыбку. Поймав, в два счета освобождает от крючка и, усевшись на носу лодки, начинает не спеша лакомиться.

Но рыба перестала клевать. Наверное, стало даже для нее слишком жарко. Я откладываю в сторону снасти и прыгаю в воду. Когда выныриваю, Мефистофель — на него опять попали брызги — стоит на сиденье и укоризненно смотрит на меня. На белых усах дрожат редкие капли. Я долго плаваю в прохладной воде, ныряю, фыркаю, трясую головой, отбрасывая волосы с глаз. Я плаваю в красивом озере, смотрю на облака в далеком синем небе и удивляюсь, что жизнь идет, солнце светит, шумят на берегу сосны, птицы поют... и весь этот красочный мир кажется мне нереальным. Зажмурив глаза, я ухожу в глубину, пока ушам не становится больно. А до дна еще далеко. Вот вынырну сейчас из воды, раскрою глаза, услышу гул механизмов, рев панелевозов и увижу белые заводские корпуса, главного инженера Архипова, голубоглазую Аделаиду...

Я выныриваю, жадно хватаю воздух, открываю глаза и вижу на берегу грузную фигуру Ивана Семеновича Васи́на. Несмотря на жару, он в костюме, круглое лицо лоснится от пота, выгоревшая соломенная шляпа в руке. Он машет ею и басовито рокошет:

— Ишь куда от людей спрятался... Аж под воду! Гребь, Максим, к берегу-у! Дело есть...

* * *

Сухая сосновая иголка, проделав с верхотуры замысловатый путь, спланировала мне в алюминиевую кружку с крепким ароматным чаем. Я выудил ее оттуда кончиком ножа. Грубо сколоченный из горбылей стол приткнулся к толстой сосне. Какие-то варвары разводили под ней костер, и ствол с одной стороны был сильно обуглен.

Солнце уже село, и над озером стлался легкий, как папиросный дым, туман. Он еще даже не оторвался от воды. Небо над лесом нежно алело, несколько белых, с розовой окаемкой кучевых облаков висело над озером, отражаясь в тихой, глянцевито поблескивающей у берегов воде.

Чай под толстой сосной я пил со Степаном Афанасьевичем Кривинным. Тем самым рабочим, которого я весной уволил с завода. Это ли не насмешка судьбы? Уволили его и с трикотажной фабрики. Оказывается, и в котельной нужно иметь трезвую голову. Хватив как-то полбутылки, Степан Афанасьевич задремал у жаркой топки, а она возьми да и погасни... На следующий день, а дело было в январские морозы, бедные швеи от холода не могли питкой попасть в иголку...

А дальше с ним произошла вообще невероятная история. Получив расчет, Степан Афанасьевич крепко запил. На работу не надо было ходить, и он несколько дней околачивался по магазинам и пивным, а когда деньги кончились, решил навеститься к старым друзьям-алкоголикам на радиозавод. Кривин когда-то тоже там работал.

Дружки встретили собутыльника радушно, посулили хорошую выпивку, вот только нужно было подождать конца работы. Причем выпивка собственного приготовления и в неограниченном количестве.

Окрыленный Степан Афанасьевич два часа слонялся возле проходной, дожидаясь дружков. И действительно, после гудка они появились и заговорщицки ему подмигнули: мол, все в ажуре...

Расположились на берегу Ловати. Приятели расстегнули пиджаки, и каждый извлек по наполненной грелке...

На вкус питье было противное, но зато здорово ударило в голову. Своими руками созданный напиток окрестили «козой». Кривин и раньше пробовал нечто подобное: на радиозаводе, где спиртом не очень-то разживешься, готовляли спиртное из клея.

Вот эту свежеприготовленную «козу» и отведал с радужными приятелями на живописном берегу Ловати Степан Афанасьевич Кривин. Хотя в головах и шумело, все испытывали какую-то необыкновенную легкость, будто земное притяжение исчезло.

На следующее утро началось со всеми что-то непонятное: один из собутыльников, вставая с постели и не успев

порадоваться, что голова после «козы» совсем светлая, тут же растянулся на полу. Подумав, что это случайность, он встал, оделся и, не доходя до стола, где жена поставила завтрак, снова упал...

Второй собутыльник чуть под машину не попал: ноги его подкосились как раз в тот момент, когда улицу переходил. Третий во дворе подошел к дочери, играющей на песочной клумбе, да так там с ней и остался. Не мог больше и шагу сделать. То же самое произошло и с Кривиным. В больницу его доставили на «скорой помощи».

В общем, в больнице встретились все семеро. И все с одним и тем же диагнозом: нарушением вестибулярного аппарата. Внешне все они выглядели вполне здоровыми людьми, но в любой момент могли неожиданно упасть. В больничной палате открылась еще одна особенность этого редкостного заболевания: стоило кому-нибудь громко произнести хотя бы одно слово, больной, до этого державшийся на ногах, падал как подкошенный.

Изнемогающие от скуки выздоравливающие соседи по палатам нашли прекрасный способ развлекаться: стоило кому-нибудь из них увидеть любителя «козы», спешащего по своим делам по длинному больничному коридору, как он подкрадывался сзади и громко окликал. Больной мгновенно оказывался на полу и сам не понимал, что произошло. Тогда любители крепкой выпивки стали ходить группами, держась друг за друга, но, и в этом случае, стоило громко им что-нибудь крикнуть, как они все разом, будто по команде, падали на пол...

— Ну и чем все это кончилось? — поинтересовался я после того, как Кривин поведал мне свою грустную и смешную историю. — Нас всех вроде бы вылечили, а пожилой кладовщик, что готовил эту адскую смесь, так на всю жизнь и остался инвалидом, — сказал Степан Афанасьевич. — Вот не знаю, дадут ему пенсию или нет.

— А вы как думаете?

— Я бы дал, — сказал Кривин. — Человек пострадал на производстве...

А сюда, на турбазу, Степана Афанасьевича определил сердобольный председатель местного комитета Голенищев. Не смог он отказать бывшему рабочему, когда тот пришел на родной завод и стал проситься на любую работу, кланяясь, что уж теперь-то и капли в рот не возьмет, тем

более что врачи предупредили, если будет пьянствовать, то кончится все это, в лучшем случае, параличом.

И Голенищев на свой страх и риск определил Кривина сторожем на Сенчитскую турбазу, мудро решив, что там, вдали от соблазнов городских, человек малость угомонится, тем более что ближайший магазин в четырнадцати километрах.

Степан Афанасьевич меня удивил: когда я сюда приехал, он был совершенно трезв и даже не заикался насчет выпивки, объяснив поначалу это свое необычное состояние тем, что природа к выпивке не располагает. Ну, а когда он мне рассказал о своих злключениях, все стало ясно: даже такой закоренелый пьяница понял, что сам себе роет могилу... Вот только надолго ли хватит у него твердости?.. И как это часто случается, протрезвевший пьяница оказался очень неглупым и интересным собеседником. Хотя Кривину и нравилась новая должность, всех рыбаков и охотников он сурово осуждал, считая их варварами. Признаться, во многом и я разделял его точку зрения.

— Помнится, я мальчишкой был, — рассказывал он. — В Ловати пудовые сомы водились, а в этих озерах рыбы было — завались, а нынче? Почитай каждый второй в нашем городе рыбак. Да и не только у нас, — это, как эпидемия гриппа, по всей России распространилось! Двоюродный брат мой письмо прислал, собирается в отпуск приехать в августе, пишет, какие снасти с собой привезет... А ведь в жизни рыбаком не был! Брательник-то мой живет в рабочем поселке под Вышним Волочком, а там ведь рек да озер не менее нашего, а вот, пишет, все рыбачки выхлестали. Машин стало много, ну и эти туристы и захватили все реки-озера. В глухомань стали пробираться. Куда ни сунься — «Жигули», «Москвичи», «Запорожцы»... Я вот думал, отчего это в наше время так много рыбаков-охотников развелось? Особенно рыбаков, охотники — они состоят на учете, да и охоту часто запрещают, а рыбу любой может ловить, тут запрету, кроме когда нерест, нет. Собака тут вот в чем зарыта... Был я у брата как-то в гостях. Работает он на стеклозаводе. Раньше у каждого было свое хозяйство, огород, корова, боров, куры-утки... Жили в своих избах и в основном рассчитывали не на магазин, а на себя. Так сказать, на свое натуральное хозяйство. И было все у них. И продавали немало. В Вышнем

Волочке базар от продуктов ломился, а теперь? Был такой дурацкий закон: не держать в пригородах скот, да еще фруктовые сады налогом обложили... Потом, конечно, это безобразие поправили, да уже было поздно... Скот порезали, яблони-груши повырубили, а потом и разрешили все это восстановить, да дураков больше не нашлось. Брат-то мой говорит: зачем мне держать корову? Сколько было хлопот с сенокосом! Отведут участок где-нибудь за двадцатка километров, и чуть ли не на себе сено таскаешь... Косили по откосам, на болотах... Да что говорить, людям доставалось... Держали свиней, так хлебом кормили, благо хлеб у нас дешевый. Коровы нет — навоза нет, а без навоза земля перестала родить. Картошка, капуста, лук — вот и вся подмога к столу. А тут еще на заводе строительство развернулось. Видно, денег много и некуда девать. Директор три или четыре пятиэтажных дома отгрохал. С ваннами, газом — все как полагается... Ну народ и совсем облепился! Из своих изб повыехали, огороды забросили и как городские жители в магазин с сумочками-сеточками бегают, и никакими силами теперь народ не заставишь заниматься приусадебными участками. Так, для развлечения покопаются в огороде на досуге, и ладно. Лучок, редиска, огурцы... Ну совсем как наши дачники из садово-паркового хозяйства, что вокруг города курятники понастроили... Вот я и говорю, теперь народу время стало некуда девать. Ведь подсобное хозяйство уйму времени отнимало: не до рыбалки и выпивки было, а теперь — кто с удочкой на озеро, кто с бутылкой в кусты... И ведь какая интересная штука! Потомки тех самых хозяев, что имели свой скот, огороды и всякую живность, снова приходят к земле, без земли человек ничто, пустое место... только кривым путем! Строят дачки, разбивают огородики и выращивают ягоду... Так я считаю, это одно баловство. Почему в магазинах бывают перебои то с мясом, то с молоком, то еще с чем-нибудь? Да потому, что повсеместно коров порезали, а корова — она первооснова всего мужицкого хозяйства! Где корова, там и боров, и овцы, и куры-утки во дворе водятся. Где корова — там и земля родит, чего душа пожелает. А теперь в поселке, где живет мой брат, пять коровенок осталось. Было когда-то пятьсот! Огороды сорняками заросли без удобрения-то! Картошка уж какой год не родится. Гематома какая-то привязалась к ней. И опять оттого, что навозом не удоб-

ряют. Брат писал, что воз навоза стоит теперь столько же, сколько мешок яблок. Вот и кумекай, Максим Константинович; отчего рыбаков много развелось да пьяниц!

— Отчего же ты не держишь корову? — поинтересовался я.

— Так ведь я, как и все, — сказал он. — Развязался со своей коровенкой в пятидесятых годах и почитай с той поры пью молочко от бешеной коровки... А когда-то хозяйствовал! Мы тогда еще не попали в плен городу. Считались деревней. И был у меня дом — полная чаша, а теперь что дочка моя посадит весной, то и видим с огорода... Разве что на закуску к столу.

Мы пьем чай и слушаем кукушку. И голос ее в этот вечерний час задумчивый и печальный, будто кукушка не другим, а самой себе считает годы, которые ей осталось прожить. Кривин пояснил, что раз кукушка заговорила, будет стоять хорошая погода. И не один день, а с неделю. Сквозь прибрежные кусты видно, как по тихой воде безмолвно расходятся круги. Неподалеку дымится костер. Когда едкий дым отклоняется в нашу сторону, на глазах выступают слезы, но мы костер поддерживаем: во-первых, спасает от комаров, во-вторых, на огонь всегда смотреть приятно.

— Еще по кружке? — предлагает Кривин.

Я не отказываюсь. Нигде так хорошо чай не пьется, как на озере, у костра. Пьем мы из больших кружек с сахаром вприкуску. Чай хорошо заварен, прямо в котелке, горячий, и края кружки обжигают губы. Мы сосредоточенно дуем на коричневый напиток и звучно прихлебываем. Верите, летучие мыши иногда заворачивают к нам на огонек. Бесшумно махая крыльями, появляются в красноватом отблеске костра и снова исчезнут в обволакивающей темноте бархатной ночи. Совсем близко, устраиваясь на почлег, сонно бормочут рябчики, в осоке монотонно тянет свою скрипучую волынку хохлатый угод, совсем низко посвистывают крыльями утки. Посвистят, посвистят, потом с негромким кряканьем пошлепаются в воду, где-то у самого перешейка, где оцетинились коричневыми метелками высокие камыши.

— Как дальше-то думаешь, Константиныч? — наконец задал мне вопрос Степан Афанасьевич. Будучи человеком тактичным, он ждал, что я сам заговорю на эту тему, но вот не вытерпел и спросил. Точь-в-точь такой же вопрос

перед отъездом задал мне Иван Семенович Васин. Он сказал, что был в отдаленной бригаде и на обратном пути завернул сюда, будто носом почуяв, что я здесь. Иван Семенович без лишних слов предложил мне должность сезонного начальника строительства, заверив, что на зарплате я почти ничего не потеряю. А когда поселок построю, с удовольствием возьмет меня своим заместителем. И еще Иван Семенович заявил, что дома будет строить только по проектам Любомудрова, и если завод не сделает ему детали к этим домам, то он поднимет такую бучу... Кстати, еще два председателя соседних колхозов собираются сделать большой заказ на строительство новых поселков.

Когда я сообщил Кривину о предложении Васина, он, смахнув со лба капли пота, кивнул:

— Была бы шея, ярмо найдется...

Васину я пообещал, рассказывал я Кривину, что подумаю над его предложением, но — он хитрый мужик! — все-таки заручился моим согласием, что строительство поселка в Стансах я в любом случае доведу до конца. Так что через неделю я уже должен обосноваться. В Стансах. Там, понятно, нет роскошного кабинета, как в заводоуправлении, а всего-навсего строительный вагончик на колесах с полевым телефоном, который нужно за вертушку вертеть. Насчет выговора Васин успокоил, что обком может не утвердить. Он, как член обкома, на первом же пленуме выступит в защиту нового дела... А он, как и многие, считает, что я не заслуживаю столь строгого взыскания.

Накачавшись чаем до отказа, я помыл посуду и разложил на столе на просушку. Кривин подбросил в костер сучьев и, прикурив от уголька, снизу вверх взглянул на меня.

— Вот скажи мне, Константиныч, как ты считаешь, правильно тебя уволили или нет? — спросил он.

— Я был готов к этому, — ответил я.

— Не пойму тебя, Константиныч, большим человеком был, все имел, и вот... как говорится, коту под хвост!

— Не поймешь, пожалуй, — сказал я. Не хотелось мне снова беречь себе душу подобными разговорами.

— Какая она штука жизнь-то... — раздумчиво продолжал он. — Сначала ты меня турнул из цеха, а теперь вот тебя самого коленом под зад с завода... Ты не подумай, что я на тебя в обиде... Меня за дело, сам виноват. Кто

пьяницу будет на хорошей работе долго держать? А ты, я слышал, главный цех остановил и начал делать совсем другие детали к домам... Скажи на милость, зачем тебе все это надо было?

— Не один ты меня об этом спрашиваешь!

— И дачи, говорят, ты себе на этом деле не построил, и капиталу не нажил...

— Да разве в этом дело?

— Тогда в чем же? Сделай милость, растолкуй!

Делать было нечего, и я, как мог, объяснил Кривину все, что произошло на заводе. Многое он и сам знал. На базу в субботу и воскресенье приезжают заводские, только и разговору об этом, так что наслышался...

Я думал, он начнет и дальше расспрашивать, но Степан Афанасьевич пристально всматривался в меня и молчал. От мучительного напряжения на лбу у него собрались морщины, один глаз замигал. Он даже позабыл про окурки, и когда прижег пальцы, щелчком послал его в дгорающий костер.

— А ведь я тебя, Константиныч, мать честная, только сейчас понял,— сказал он с облегчением.

Костер совсем прогорел, и сразу обнаглевшие комары яростно набросились на нас. Соскользнувшая с вершины сосны летучая мышь прочертила воздух у самого моего лица и шарахнулась в сторону, будто подхваченный порывом ветра черный лоскут. Над рощей повис остро отточенный серп месяца. Затененная часть луны явственно проступала на черно-синем звездном небе.

Укладываясь спать на казенной жесткой койке, я почувствовал, что сегодня, пожалуй, засну. Первые две ночи я глаз не сомкнул, а днем иногда засыпал с удочкой в руках, особенно когда клева не было.

Прямо под окном стояла огромная сосна. Смутные тени от шевелящихся ветвей двигались по подоконнику. Толстый ствол впечатывался в серебристо мерцающее озеро, над которым редкими космами голубел в беспорядке разбросанный туман. Послышался шорох, и за окном возник черный силуэт Мефистофеля. Ярko вспыхнули глаза и погасли. Убедившись, что я на месте, Мефистофель так же внезапно исчез, как и появился.

Засыпая, я слышал шуршание сосновых лап по крыше дома, крики ночных птиц, а перед моим мысленным взором, неуловимо меняясь, маячило лицо Юльки...

Она пришла на турбазу в пятницу вечером. Пришла босиком, в своих любимых потертых джинсах и желтой в полоску рубашке. Кеды она несла в руках. Полпути Юлька проехала на попутной машине, а потом без малого пятнадцать километров прошагала пешком. Наверное, где-то ударилась ногой о камень, потому что немного прихрамывала и, остановившись, шевелила большим пальцем. Я увидел ее с лодки. Высокая, с тонкой талией, с головы до запыленных ног облитая солнцем, она стояла на берегу и смотрела на меня. Ее длинные волосы ветер сбил на одну сторону, и они трепетали над плечом.

Позабыв смотать удочки, я вытащил якорь и стал грести к берегу. Брызги разлетались во все стороны, и Мефистофель сердито фыркал, отряхивая капли со своей черной шубы. Он первым спрыгнул на песок, неторопливо подошел к Юльке и потерся пушистой мордочкой о ее ноги, а затем с достоинством удалился в сторону дома.

— Ты загорел,— сказала Юлька.— И я бы не сказала, что ты убит горем.

— Это я обрадовался, увидев тебя,— улыбнулся я, подходя к ней.

Она закинула руки мне на плечи и прижалась всем телом. Ее пахнувшие хвоей волосы залепили мне глаза. Сейчас Юлька была вся без остатка моя. Стоило пройти все невзгоды, выпавшие на мою долю, чтобы в конце концов испытать такое оглушающее счастье. Сжимая Юльку в объятиях, я позабыл про все на свете. Не буду скрывать, были минуты, когда я уже хотел на все плюнуть и уехать из города. Единственное, что меня мертвым якорем удерживало,— это Юлька.

— Ты очень устала? — спросил я.

— А что, нам еще предстоит марш-бросок?

Я кивнул. Сегодня пятница, и скоро на базу потянутся заводские на мотоциклах и машинах, а мне совсем не хотелось встречаться с ними. Мне хотелось побыть наедине с Юлькой.

— Ты неплохо устроился,— заметила Юлька. Она стояла у окна с видом на озеро и смотрела, как я запикиваю в рюкзак свои вещи.— Я думала, он, бедненький, ютится в шалаше и сухой корочкой питается...

— Это нам еще предстоит,— сказал я, застегивая рюкзак.

— Куда же ты меня хочешь увести?

— Туда, где небо бирюзовое, а вода как янтарь, где гуляют килограммовые окуни, а над островом парит золотой ястреб... Где на каждом кусте поют соловьи, а добрые кукушки отсчитывают людям по двести лет жизни... Туда, где мы будем вдвоем: ты и я!

— Ты здесь стал поэтом!

— Погиб поэт — невольник чести, пал, оклеветанный молвой... Ко мне это не подходит?

— Ты ждал меня? — спросила она.

— Ждал,— ответил я,— и знал, что ты придешь...— И это была истинная правда. Я жду ее вот уже больше полугода. Жду каждый день. И сегодня мне показалось, что ко мне наконец пришла... та самая Юлька, которую я ждал!

Мы идем по узкой лесной тропинке. Солнце пятнисто высветило шершавые бока вековых сосен и елей. Под ногами потрескивают сухие шишки, иголки и сучки, лишь жесткий седой мох издает звук, напоминающий шарканье наждачной бумаги по дереву. При нашем приближении красавцы дятлы, недовольно вереща, перелетают с дерева на дерево. Я шагаю впереди с пухлым рюкзаком за плечами. Под мышкой у меня двухместная палатка в чехле, Юлька плетется позади с удочками и рыбацким инвентарем, уложенным в брезентовый мешок. Деревянные ложки брякают в прокопченном котелке. Связанные шнурками кеды переброшены через плечо. Хотя Юлька и устала, она и виду не подает. Идет сзади и рассказывает, как поссорилась из-за меня со своей лучшей подругой Машей Кривиной. Опять чудеса: я, можно сказать, помирился с отцом Маши, а Юлька — поругалась с его дочерью! Оказалось, что Маша познакомила ее с тем парнем, с которым я ее видел на танцплощадке... И сегодня они собрались на его «Москвиче» поехать в Опухлики, там какое-то народное гулянье, а она, Юлька, в самый последний момент передумала: взяла да и отправилась ко мне в Сенчитский бор. Маша сказала, что Юлька всю компанию расстроила... В общем, они повздорили.

— Зря я ее тогда в отпуск не отпустил,— сказал я, подумав, что как можно легко нажать себе непримиримого врага...

— А ну ее! — беспечно сказала Юлька. — Она мне надоела.

Тропинка вьется, петляет меж деревьев, иногда ветки шатром смыкаются над головой и неба не видно. Молодые елки цепляются за одежду, оставляя на ней беловатые комки паутины. Юлька что-то замолчала, да и шаг ее вроде бы не слышно. Я оглядываюсь: позади никого нет. Хотя я и понимаю, что ничего не могло случиться, меня охватывает тревога. А над головой, монотонно раскачиваясь, протяжно шумят большие деревья. Здесь, в лесной полумгле, ветра не слышно, а там, вверху, он белкой прыгает по макушкам сосен и елей, резвится, озорно посвистывает.

Сбросив рюкзак и палатку на мох, я поворачиваюсь и бегу в обратную сторону. Трещат, разлетаются в разные стороны сучки и шишки, пахнущие смолой еловые лапы хлещут меня по плечам, груди, колют лицо.

— Юлька-а-а! — кричу я на весь лес.

И в ответ тихий смех: Юлька, опрокинувшись на спину, лежит на мягком зеленом мху и косит на меня светлым с зеленоватым отливом смеющимся глазом. Руки закинута под голову, волосы рассыпались, разметались по мху.

— Ты так кричал, будто потерял меня, — говорит Юлька.

— Я очень боюсь этого, — отвечаю я.

— Это правда?

— Я ведь не умею врать, Юлька.

— Иди сюда, Максим!

Я падаю рядом с ней на пружинящий мох и расстегиваю ее рубашку до конца... Спикировав откуда-то сверху, нахал комар опережает меня, его также притягивает белая Юлькина грудь...

...Я растянулся на мху, положив голову ей на колени. Юлька сидит, прислонившись спиной к шершавому стволу. В волосах ее пламенеет свернувшийся колечком клочок пестрой коры. Юлька щекочет меня, как щенка, за ухом, гладит щеки, волосы. Пальцы ее пахнут смолой. Надо вставать и двигаться дальше, но я лежу и смотрю на Юльку. Наверное, впервые мне так по-настоящему хорошо рядом с ней. И мне хочется как можно подольше растянуть это ощущение. Я знаю: никто мне в мире, кроме Юльки, больше не нужен. Как бы мне хотелось, чтобы

и она это же чувствовала. Но мысли Юльки я еще не научился угадывать... Здесь мои способности дали осечку...

До лесного безымянного озера еще километра три. Уже не стволы, а вершины облиты золотым закатным огнем. Через час сядет солнце, и в лесу станет темно и тревожно.

— Я рада, что ты не директор,— сказала Юлька.— Мне наплевать, кто что скажет или подумает, но я почему-то чувствовала себя рядом с тобой неловко, что-то меня связывало... Директор завода и я! Смешно, не так ли?

— Ничего не нахожу тут смешного.

— Маша Кривина все мне уши прожужжала: мол, ты встречаешься с ним, потому что он директор... Тебе лестно, что сам директор за тобой ухаживает, да еще такой молодой и интересный...— Юлька с улыбкой взглянула на меня.— Ты, оказывается, интересный?.. И еще говорила, что ты меня скоро бросишь, потому что... Не буду ее выдавать... Почему она так говорит, Максим?

— Я думаю, что не от большого ума,— ответил я.

— Она тебя терпеть не может.

— А мне она нравится,— сказал я.— Девушка с характером.

— Что это мы все о Маше да о Маше?

— Действительно, давай лучше поговорим о том парне с танцплощадки? Он, кажется, инженер?

— Позабудь ты о нем!

— Тебе бы тоже не мешало.

Юлька дернула меня за мочку уха.

— Ты мне больше нравишься, чем он,— сказала она.

— Юлька, давай поженимся? — предложил я.— Я это серьезно.

— Вы никак сговорились? — рассмеялась она.— И инженер Потапов вчера то же самое сказал мне.

В другой раз, возможно, мне было бы и интересно послушать про него, но только не сейчас.

— Я люблю тебя, Юлька,— сказал я.

Сколько бы там ни говорили, ни писали, что это банальная фраза, что человечество за все время своего существования других слов, которые могли бы замепить эти, не придумало, но какие бы ни были эти слова банальными, произнести их не так-то легко. И, пожалуй, я сегодня их впервые произнес...

Ее рука замерла на моем плече. Скосив глаза, я увидел ее круглый подбородок, припухлые губы и отененные густыми ресницами смеющиеся глаза.

— Кого же мне из вас выбрать? — лукаво сказала она. — В сказках принцессы придумывали своим жепихам трудные испытания: кто выполнит, тот и получит ее руку и сердце... Какое же назначить тебе, Максим, испытание?

— Хочешь, понесу тебя на руках до озера? — предложил я и одним махом встал на ноги. Судя по всему, она мои слова не приняла всерьез, а жаль...

— Это слишком легкое испытание, — засмеялась она.

— Придумай потруднее, — сказал я, продевая руки в лямки рюкзака. И приказал себе: не злись!

Юлька догнала меня и пошла рядом. Я чувствовал, что она хочет о чем-то спросить, но не решается. На нее это не похоже: обычно Юлька говорит все, что думает, ни капельки не беспокоясь, какое это произведет впечатление.

— У тебя в волосах сосновые иголки, — заметил я.

Юлька обрадованно бросила на землю свою ношу. Она устала, и идти дальше ей не хотелось. Я тоже остановился.

— Максим, это правда, что в тебя влюблена твоя секретарша Аделаида? — равнодушным тоном спросила она, однако глаза ее пристально изучают мое лицо. Иголок в волосах не осталось, но Юлька продолжает пропускать сквозь тонкие пальцы длинные пряди волос.

— Это тебе тоже сообщила Маша Кривина?

— Аделаида — девчонка славная, — беспечно продолжала Юлька, — напрасно зеваете, пан директор... извиняюсь! товарищ бывший директор завода... — и, помолчав, добавила: — А может быть, вовсе и не теряетесь? А?

— Теряюсь, Юлька, теряюсь! — рассмеялся я.

Это что-то новенькое! Неужели Юлька ревнует? Вот уж совершенно на нее не похоже... Если это Маша ей насплетничала, что ж... большое спасибо Маше Кривиной! Будь бы я снова директором, так и быть, разрешил бы ей отпуск за свой счет. Даже бессрочный...

— Чего ты улыбаешься? — спросила Юлька.

— Ты знаешь, твоя Маша Кривина мне все больше правится... — ответил я.

Я развожу костер, а Николай Бутафоров чистит рыбу. Я вижу его затылок с оттопыривающимися седыми волосами, загорелую шею, серебристую щетину на щеке. Потроша окуней, он далеко отставляет рыбинку от лица. Только что прошел дождь, и валежник сырой. Я стою на коленях и, закрывая собою немощный огонек, подкладываю кусочки березовой коры, сосновые шишки, черные обгорелые сучки, но пламя чахнет. Это меня злит: я привык разжигать костер с одной спички, а тут уже десяток испортил. Наконец костер задымил, заиграл тоненькими прожилками огня. Я разгибаю занемевшую спину и невольно охаю. Николай живо откликается:

— Как перевалит, брат, за сорок, начинаются всякие там отложения солей, прострелы, радикулиты, ломота в костях, простуды-насморки... А скажи, Максим, неприятно чувствовать, что дело-то идет к печальному концу, а?

— Тем, что мы были и что мы сегодня, завтра не будем уже...

Здесь, вдали от дел и суеты, я прочитал кучу разных книг и, как всегда, записал в блокнот понравившиеся мне цитаты и изречения. Книжки с моих полок привезла в рюкзаке Юлька. Я их любил покупать, но вот никогда не успевал прочитывать, а тут предоставилась такая возможность. Я брал книжку с собой в лодку и, когда не клевало, с удовольствием читал, загорая на солнце. Раньше я никогда не обращал внимания на то, что вечерами большие коричневые и сиреневые стрекозы поселятся у самого лица. Может быть, и замечал, но не давал себе труда поразмыслить, почему они так делают. А здесь, в Сенчитском бору, понял, что к чему: стрекозы ловят комаров и мошек. Или еще одно. Рыбы много на озере, но рыба рыба рознь. Я точно установил, что лещ и щука — это большие хитрецы. Я как-то запустил кружки с живцами и увидел, как щука пыталась сбить рыбешку с крючка. Она торпедой устремлялась к вялому живцу и, не раскрывая пасти, ударяла его жестким носом. И лишь сбив с крючка, заглатывала. Вода в здешних озерах удивительно прозрачная и в солнечный день просматривается почти до дна. А на озере Жемчужном меня удивил лещ тем, что довольно хитроумным способом избежал опасности попасть в сеть, поставленную промысловыми рыбаками. Это бед-

ствие изредка обрушивалось то на одно, то на другое озеро. Бедствие потому, что рыбаки прочесывали сетями и певодом все озеро и вылавливали и крупную рыбу и мелочь. Крупную забирали, а мелочь вместе с тиной и илом кучей выволакивали на берег. И тогда слетались вороны, галки, коршуны, чайки, и начинался пир на весь мир. От птичьего крика можно было оглохнуть! С одинопочками браконьерами у нас более-менее начали бороться, а до самых главных браконьеров — рыболовецких бригад, для которых законы не писаны, — еще не добрались... Так вот, крупный лещ угодил носом в сеть и, вместо того чтобы заметаться в испуге и запутаться, намотав на себя капроновую сеть, как это случается с большинством рыб, замер на одном месте и, вращая немного выпученными выразительными глазами, казалось, задумался, осмысливая случившееся.

Я, заметив, как нырнули под воду пенопластовые поплавки, подгреб поближе и стал наблюдать. Побыв некоторое время в позе глубокомысленного мудреца, красавец лещ будто включил боковые и задние двигатели, так часто-часто замахали, закрутились его черные, постепенно светлеющие к краям плавники, и дал задний ход... Я никогда до этого не замечал, что рыба умеет и назад двигаться. Видно, капроновая нитка зацепилась за нарост на жабрах и сеть стала вспучиваться, не выпуская леща, тогда он быстро-быстро мотнул треугольной головой вверх-вниз и, к моему облегчению, благополучно выбрался из сети. Секунду постоял перед ней, как бы запоминая все происшедшее с ним на будущее, и, мощно взмахнув хвостом, растворился в прозрачной глубине.

Николай приехал вчера вечером. Рыбак он оказался, как и я, не жадный, и когда мы с ним наловили на уху, сам предложил прекратить ловлю, хотя клев был отменный. Иного рыболова охватывает охотничий азарт, и он ловит, ловит, пока клюет, хотя потом готов эту рыбу выбросить на помойку, так как ему столько не нужно.

Сегодня на утренней зорьке дождь застиг нас на Янтарном. Было солнечно, но из-за березовой рощи уже выплывали стремительные грозовые облака, на которые мы, увлеченные ловлей, как-то не обратили внимания. А когда опомнились, огромная синяя туча уже тяжело нависла над озером. Поднялась волна, в лодку стало заплескивать. Я поспешно выволок якорь, а Николай сел на весла. Пер-

вая молния сверкнула прямо над нами, а в следующую секунду нас оглушил гром. В полукилометре от берега молния расщепила толстую раздвоенную сосну. Одна опаленная вершина, срезанная почти до основания, упала на молодую ель и пригнула ее до земли.

Надо признаться, что во время грозы на большом озере и вдалеке от берега чувствуешь себя на легкой лодочке не очень-то уютно.

Крупный косой дождь исхлестал нас насквозь, и вот теперь, причалив к берегу, мы разожгли костер и стали варить уху. Котелок и всякие принадлежности я всегда беру с собой в лодку, потому что иногда предпочитаю сварить уху на таком пустынном берегу или на одном из островов.

Пока уха варится в закопченном алюминиевом котелке, мы, развесив наши брюки и рубашки на кустах, сидим в одних трусах и мирно беседуем. Укрывшиеся от ветра комары и мошка нас пока не беспокоят, да и всегда можно подбросить в костер сырых веток с листьями и окутаться едкой дымовой завесой, в которой комары больше нескольких секунд не выдерживают...

— Когда к Васину? — спрашивает Николай.

— Могу я хоть раз в жизни полностью использовать свой отпуск? — отвечаю я.

Через три дня мне нужно принимать дела начальника строительства в колхозе «Рассвет», а мне не хочется отсюда уезжать. Мне понравилось отдыхать на турбазе, рыбачить на озерах, собирать белые грибы, смотреть на облака, на звезды, на луну, слушать, как по ночам шумит сосновый бор и крикают в камышах утки... Я уж и не помню, сколько лет я ничего этого не видел и не слышал...

— А как же твой экспериментальный поселок? — ехидно спрашивает Бутафоров.

Если что и тревожило меня в эти безоблачные дни, так мысли о недостроенном поселке. Я его дострою. Обязательно дострою, иначе не может быть и речи, но, чтобы позлить Николая, небрежно говорю:

— А что поселок? И без меня достроят... Детали есть, а собрать панели и закончить внутри отделочные работы — это ерунда.

— Отрезвил, значит, тебя Куприянов?

— Как видишь, я не чувствую себя виноватым, — отвечаю я. — И потом, я знал, на что иду.

— Ты что меня разыгрываешь? — сердится Николай. — Затеял всю эту перестройку, ему дали по шапке, а он и успокоился, как говорится, руки умыл... А что о тебе думают люди, которых ты с толку сбил? которые поверили в тебя? Думаешь, все до одного от тебя отвернулись? В горьком приходят, письма пишут в партийную комиссию, что тебе незаслуженно вынесли строгое взыскание и сняли с работы... Тропинин ездил в обком... Плохо ты думаешь, Максим, о людях, с которыми бок о бок работал!

Этого я не знал. Юлька, правда, говорила, мол, многие на заводе жалеют, что меня уволили... Я на это как-то внимания не обратил. Когда человек уходит с высокого поста, а его место занимает другой, всегда жалеют того, кто ушел, вспоминают его добрым словом, хотя до этого и ругали на все лады...

— Подай мне мешочек со специями, — попросил я.

Николай непонимающе посмотрел на меня и, схватив брезентовый мешочек, в котором я держал перец-горошек, лавровый лист, соль, с сердцем запустил в меня. Я ловко поймал и заправил перцем и лавровым листом уху. В котле громко булькало, в янтарной юшке мелькали красные окуневые плавники, рыбы головы, черные горошины перца. Распространялся душистый аппетитный запах. Разбросав сучья, я добился ровного небольшого огня. Теперь пусть уха потомится минут двадцать, только после этого, остудив, ее можно есть.

— Я никогда никому не жаловался, — сказал я, постукивая деревянной ложкой по ладони. — Не умею и не люблю. Я верю в высшую справедливость, и рано или поздно она восторжествует...

— Рано или поздно! — перебил Николай. — Смотри, не было бы поздно!

— Все сейчас сложилось против меня, — спокойно продолжал я. — Срыв государственного задания, превышение полномочий, незаконное расходование средств, смерть Васи Конева, донос Аршинова... Одно наслось на другое. Куприянов так обрадовался, что есть все основания снять меня с работы, что подобрел и не исключил из партии, а мог бы...

Костер выстрелил в Николая раскаленным угольком. Проворно вскочив на ноги, Бутафоров, как дикарь, залясал вокруг костра, потирая ужаленную ногу.

— Еще прыгаешь, как молодой,— заметил я.— Правда, когда прижжет...

— В августе к нам приезжает секретарь обкома,— усаживаясь на сей раз подальше от огня, сказал Николай.— Я думаю, он захочет с тобой поговорить.

С первым секретарем обкома партии я встречался несколько раз. Как-то зимой он приезжал на завод, я его поводил по цехам, показал готовую продукцию, потом мы несколько раз встречались на активах и совещаниях. Секретарь обкома произвел на меня самое хорошее впечатление. Невысокий, худощавый, с густыми черными, тронутыми сединой волосами и живыми глазами, он всегда был спокоен и внимателен ко всем без исключения. Иногда на смуглом моложавом лице его появлялась мягкая улыбка, он никогда не повышал голос, умел слушать людей, не перебивая их нетерпеливыми начальственным репликами, что обычно делал Куприянов... И только сейчас мне пришла в голову мысль, что, пожалуй, зря я перед началом всей этой перестройки не поехал в областной центр и не посоветовался с секретарем обкома. Кто знает, может быть, все тогда сложилось бы по-другому...

— В понедельник выхожу на работу,— сказал я.

— Я ведь тебя не гоню,— смутился мой друг.— Думал, гордыня тебя заела... Этакого мученика в изгнании корчишь из себя.

— Спасибо, старик, ты обо мне высокого мнения,— усмехнулся я.

Помолчав, Николай прикурил от тлеющего сучка папиросу, сказал:

— А я уж решил, что ты собрался за тридевять земель.

— Не простил бы ты мне такого?

— Не простил бы,— прямо посмотрел он мне в глаза.— Не люблю трусов.

Я поддел ложкой юшки из котелка и, подув, попробовал. Уха была почти готова, но мне показалось, что соли маловато. Я предложил отведать Николаю. Перегнувшись через вяло дымящийся костер, он зачерпнул ложкой варево, подул на него и, блаженно прищутив глаза, отхлебнул. На животе его собрались толстые складки, широкая, но уже дряблая грудь немного отвисала. Николай старше меня на четыре года. Правда, он всегда выглядел старше своих лет и никогда не занимался спортом. но от

одной мысли, что и я рано или поздно буду таким, стало горько... Я намного старше Юльки. Нужен ли я ей буду лет через десять, когда стану вот таким?.. Стоит ли думать о том, что с нами будет через десять—двадцать лет? В любви нечего арифметикой заниматься! И потом, женщины всегда быстрее стареют, чем мужчины.

— Надо добавить,— сказал Николай.

— Чего? — переспросил я, занятый своими мыслями.

— Соли,— усмехнулся Николай, вытирая ложку кружевным листом папоротника.

Уху я умел варить и на этот раз не ударил в грязь лицом перед другом. Юшка получилась наваристой, крепкой, особенно после того, как я добавил пол-ложки молотого перцу. Разварившихся окуней мы выудили ложками из котла и выложили остывать на листья папоротника. Когда уха немного остыла, Николай достал из своего мешка солдатскую флягу и два пластмассовых стаканчика. Аккуратно налил в них водки. Я достал из мешка пару головок свежего лука с пожухлыми стрелками. Мы приготовили закуску — крупную серую соль, рассыпанную на брезентовом мешке, и две очищенные блестящие головки молодого лука, чокнулись и... Я думал, обойдемся без тоста, но Николай, улыбнувшись, коротко сказал:

— За удачу. За твою удачу, Максим!

Мы хлебали из котелка красивыми деревянными ложками душистую уху и слушали развеселившихся птиц. Пахло влажной хвоей, смолой, вереском, пробудившейся грибницей. Иногда вместе с порывом ветра из леса долетал до нас запах скошенной травы и полевых цветов. Над водой низко носились ласточки. В лодку плескалась ленивая волна, над прибрежным кустарником взмывали пискливые озерные чайки и вновь исчезали. Костер подернулся пеплом, в нем красновато светились угли, над ухом обманчиво-миролюбиво зазудел первый комар.

Николай, как и я, наслаждался этой благодатной тишиной: только что его лицо было спокойным и умиротворенным — и вдруг стало другим: постаревшим и несчастным. Это выражение несколько раз появлялось на его лице, когда мы рыбачили, но я слишком был поглощен своими заботами, хотя и стоило бы обратить внимание. Какой-то помятый, будто невыспавшийся, приехал он ко мне. Николай всегда умел глубоко прятать свои чувства и переживания, и, даже хорошо зная его, трудно дога-

даться, что у него на душе. Значит, действительно произошло что-то серьезное.

Он перехватил мой внимательный взгляд, встряхнул головой, будто очнувшись от короткого неприятного сна, и улыбнулся. Улыбка получилась виноватой и грустной.

— Не хочешь, можешь не рассказывать,— сказал я.

— Если не тебе, то кому же!

— Куприянов взял за горло? — спросил я.

Николай покачал головой, дескать, если бы только это... Я молча ждал. Он прикурил от уголька, растер его в пальцах и сдул. Прямо взглянув на меня, огорошил:

— У Маши родился мертвый ребенок.

Это было несчастьем их семьи. Оба болезненно любили детей, и вот бог не дал им их. Николай и Маша прожили вместе семнадцать лет. Если я и встречал в своей жизни любящую пару, то это были они. Редко кто так хорошо жил, как Николай и Маша. В их доме никогда не было скандалов, ссор. До последнего времени у них сохранилась юношеская влюбленность друг в друга. За это время они несколько раз ждали ребенка, и всякий раз — неудача. Маша лечилась у лучших специалистов, ездила на курорты — и все напрасно. Этот ребенок был их последней надеждой. И возраст, и бескопечное лечение, и переживания... И вот теперь конец даже надеждам.

Я не стал его утешать. У меня тоже не было детей. Моя первая жена считала, что дети крадут молодость и превращают женщину в рабыню... Очевидно предчувствуя недолговечность нашего союза, я особенно не разубеждал ее... Но теперь я все чаще и чаще задумывался о том, что в моей холостяцкой квартире не хватает не только жены, но и детей... И когда Юлька вдруг становилась задумчивой и настороженной, а с ней это часто случалось, я с волнением ожидал услышать, что она беременна... Почему-то я был уверен, что тогда мы сразу же поженились бы. Да, я хотел иметь жену, детей, семью...

— Мы с Машей ездили в одип детдом,— сказал Николай.— Ну, где живут дети без родителей... Решили взять близнецов: мальчика и девочку.

— В конце концов, какая...

— Я тоже так думаю,— перебил Николай, боясь услышать в моем голосе фальшивые нотки.

— Отчего же тогда на душе кошки скребут?

— Смогу ли я им стать настоящим отцом?

— В этом я не сомневаюсь,— искренне заверил я.

— Я бы очень не хотел, чтобы мои дети, став взрослыми, упрекнули меня когда-нибудь, что я им не родной отец.

— Отец не тот, кто родил, а тот, кто воспитал,— сказал я, чувствуя, что сообщил ему весьма избитую истину, но Николай не обратил на это никакого внимания.

— Тебя воспитал отчим,— сказал он, пытливо глядя мне в глаза.— Почувствовал ты хоть раз, что он тебе не родной отец? Только честно?

— Я до сих пор считаю его самым родным человеком,— твердо сказал я.— Как и мать. Наверное, для отца важнее всего быть не чадолюбивым, а справедливым. Мой отчим справедливый человек.

— Я постараюсь,— улыбнулся Николай.

И по тому, как разгладились на его лице морщины, а глаза повеселели, я понял, что у него гора свалилась с плеч. Я был рад, что помог ему. Если бы и с моей души вот так же кто-нибудь снял эту давящую тяжесть...

Николай заторопился: завтра у него бюро горкома партии, нужно еще просмотреть кучу документов. Горкомовский «газик» уже ждал его у турбазы. Я быстро собрал свои вещи, чем немало удивил Николая, попрощался с Кривичным и, уже забираясь в «газик», вспомнил про Мефистофеля. Но каково же было мое удивление, когда обнаружил своего квартиранта на брезентовой крыше машины. Хитрый кот еще раньше меня догадался, что мы сегодня возвращаемся домой.

Я вернулся в город потому, что руки мои соскучились по работе, потому что мне захотелось немедленно увидеть Юльку — мы с ней уже неделю не встречались.

С рюкзаком на плече я поднимаюсь на свой этаж. В руке у меня зачехленные удочки и спиннинг. Мефистофель, опередив меня, уже дожидается у двери. Прислонив удочки к стене, я достаю из кармана ключ, но в скважину не вставляю: из-за двери доносится музыка. Ансамбль «Ореро». Задушевно льется мелодия: «...ты стоишь на том берегу-у...»

Разбойник Мефистофель смотрит на меня, и в его зеленых глазах с расширившимися зрачками чудится мне насмешка. В квартире не только играет магнитофон, слышны мужские и женские голоса, смех. Кто-то веселит-

ся в моей квартире. Веселятся без меня, а раз так, значит, нечего мне там и делать. Я лишний.

Мефистофель подходит ко мне и со скрипучим мурлыканьем трется о мои ноги. Успокаивает, стервец!

Медленно спускаюсь вниз. Рюкзак давит плечо, удочки задевают за стену. Весной все жильцы дома выпли на субботник и посадили в сквере липы, клены, тополя. И я посадил шесть деревцев. Все они прижились и за лето немного подросли. На ветру подрагивают тоненькие гибкие стволы, трепещет нежная зеленая листва. Где я буду в то время, когда деревья станут большими и под их сенью можно будет укрыться? Говорят, дерево растет всю жизнь. А что такое жизнь человека по сравнению с жизнью дерева? Где-то в Америке сохранилась роща реликтовых секвой. Возраст многих деревьев достигает трех тысяч лет. Тот, кто побывал в этой роще, прикоснулся к вечности...

Уезжая на турбазу, я отдал Юле один ключ. Она как-то пожаловалась, что противно домой приходить: бабка раздражает. Глупая стала и сварливая, дома только и разговор, что о бутылке...

Я сижу на скамейке в сквере и смотрю на свои окна. Они ярко освещены. За легкими занавесками двигаются смутные тени. Даже сюда доносится музыка. Танцуют. Юлька любит включать магнитофон на полную мощность. Если это после одиннадцати, то бывает, сосед стучит в степку. Особенно после полуночи. Не раз без меня соседи стучали неугомонной Юльке...

Мефистофель оказался решительнее меня, он отправился домой другим путем: забрался на чердак, оттуда на крышу, с крыши на один балкон, затем на второй и — вот он уже крадется по карнизу к распахнутой форточке. Прыжок, всколыхнулась занавеска — и кот исчез в квартире, а немного погодя из подъезда выскочила раскрасневшаяся Юлька. Высокая, статная, остановилась на песчаной дорожке, разыскивая меня глазами. И вот моя Юлька легко бежит ко мне. Короткое платье щелкает по бедрам, волосы развеваются, летят вслед за ней.

— Бедный Максим, — сказала Юлька. — Вернулся домой, а там чужие люди... Тебе трудно со мной, да?

— Иногда, — ответил я. — Взгляни, какой закат.

— Мы празднуем день рождения...

— Надеюсь, не твой? — пошутил я. — А то побегу за подарком.

— Маше Кривинной стукнуло двадцать четыре... Пойдем, Максим, все тебя ждут.

— Ты иди к ним. А я здесь посижу. Полюбуюсь закатом.

— Тогда я их прогоню! — вспылила Юлька.

— Я ценю твой благородный порыв, но лучше не надо.

— Ты знаешь, кого Машка притащила с собой?

— Знаю, — сказал я. — Инженера Потапова. И еще Леню Харитонову.

— Ты все знаешь, — наклонила голову набок Юлька и взглянула на багровое небо. — А закат действительно красивый.

Я достал из рюкзака букет ромашек и васильков — и протянул Юльке.

— Это Маше от меня.

— Ты можешь сам отдать.

— Иди к своим гостям, — сказал я. — Неудобно.

Юлька пристально посмотрела мне в глаза.

— Ты ведь злишься?

— Наоборот, я радуюсь, что тебе весело.

— Они мне все надоели, — отмахнулась Юлька. — В конце концов у Маши целый дом, и магнитофон есть.

«Вот именно», — подумал я, а вслух произнес:

— Не порти людям настроение.

— А ну их к черту!

Она повернулась и пружинисто зашагала к подъезду. У двери остановилась и с улыбкой добавила:

— И Мефистофель на меня рассердился... Я ему — колбасы, а он уселся на твой стол и смотрит на всех, будто сказать хочет: «Проваливайте-ка отсюда!»

— Безобразник, — сказал я.

Юлька скрылась в подъезде. Музыка смолкла, а через несколько минут вышли Маша Кривина, Леня Харитонов и еще двое мужчин. Один из них, тот, что повыше, и был инженер Потапов. Это с ним Юлька танцевала в парке. Юля гостей не провожала. Наверное, она сказала им, что я здесь, потому что все крутили головами, стараясь меня рассмотреть, но я сидел в густой тени от навеса детской площадки, и они меня не заметили. У Лени Харитонova лицо было смущенным.

Распахнулось окно на кухне, и Юлька совсем по-семейному позвала:

— Максим, иди ужинать...

«Подумаешь, молодежь собралась,— подумал я.— Ну и пошел бы к ним. Одичал на турбазе... А может, стареешь, Бобцов?» Взваливая рюкзак на плечи, я еще подумал, что такую тяжесть мог бы и на лестничной площадке оставить...

Несмотря на отдых, я почему-то чувствовал себя усталым.

4

Для меня быстрее всего в году пролетает лето. Кажется, совсем недавно еще деревья стояли голые, а ранним апрельским утром под ногами похрустывал тонкий ледок; потом лопнули почки, и деревья, будто дымкой, окутались нежной и кудрявой листвой, а разнотравье покрыло все кругом; отгремели первые грозы с шумными ливнями, налились ядреной желтизной хлебные поля, над городом полетел тополиный пух, а в июле замерцали среди глянцево-листвы красные ягоды вишни, на рынке появились пупырчатые огурцы и молодая картошка. Над головой глубокое чистое небо, от редких пышных облаков легкие призрачные тени, ребячий гомон на Ловати, тихие летние вечера с соловьиными трелями, теплые душистые ночи с яркими звездами на высветленном белыми ночами небе, прохладное росистое утро с белыми туманами и тяжелыми щучьими всплесками на глухом озере... Все это — лето, а вместе с августом начинает подкрадываться осень. Если не зарядят холодные дожди, переход от лета к осени совершится плавно, незаметно. Уже август кончается, пришел сентябрь, а в городе еще лето. Лето, щедрое фруктами, солнцем, ягодами, грибами...

Такое долгое лето выдалось в этом году в Великих Луках.

Я уже переехал мост через Ловать на «газике», который мне дал во временное пользование Иван Семесович Васин, когда меня обогнала «Волга», и Петя Васнецов, высунувшись из кабины, помахал мне рукой, предлагая остановиться. Из «Волги» вылез Валентин Спиридонович Архипов и подошел ко мне. Я с ним не виделся с того самого времени, как сдал ему дела. Васин говорил, что исполняющий обязанности директора завода как-то приезжал в Стансы, где состоялся крупный разговор с Любо-

мудровым, продолжающим строить поселок. Архипов, конечно, был прав: Ростислав Николаевич вот уже второй месяц работает в колхозе, а числится инженером-конструктором на заводе. В общем, он потребовал, чтобы тот немедленно вернулся в конструкторское бюро. И Любомудров вернулся... для того, чтобы оформиться в отпуск. На другой же день он снова был на стройке. Мне он сказал, что ни о каком отдыхе не может быть и речи, пока поселок не будет сдан колхозу. Признаться, я тогда испытывал некоторые угрызения совести за то, что «прогулял» две недели.

Глядя на приветливое, чисто выбритое лицо Архипова, я подумал, что он сейчас спросит о Любомудрове, но Валентин Спиридонович заговорил о другом:

— Звонил из министерства Дроздов и просил вас передать, чтобы немедленно выезжали в Москву. Он устроит вам встречу с министром... Может быть, все еще поправится, Максим Константинович? Я с величайшим удовольствием вручу вам бразды правления!

Я с интересом смотрел на Архипова: искренне ли говорит? От Любомудрова я слышал, что Валентин Спиридонович к своим новым обязанностям относится серьезно, но особенного служебного рвения не проявляет.

К первому сентября мы полностью должны были закончить поселок в Стансах. И сейчас, в самый разгар завершающих работ, поехать в Москву я не мог.

— Сообщите, пожалуйста, Дроздову, что я сейчас не поеду в Москву,— сказал я.— Только после сдачи поселка.

— Я знал, что вы так поступите,— улыбнулся Архипов.— И взял на себя смелость ответить Дроздову за вас. И знаете, что он мне сказал?

— Интересно, что же?

— Он сказал, что если гора не идет к Магомеду, Магомет придет к горе.

— А не сказал Магомет, когда собирается пожаловать? — спросил я.

— Я посоветовал это сделать в сентябре... когда вы закончите все работы.

— Я и не подозревал, что вы мой единомышленник,— сказал я.

— Я понял, что вы победили,— просто сказал Архипов.— Хотя бы и такой ценой. Понял это на бюро горкома партии.

— Зачем же вы тогда заново переоборудовали формочный цех?

— В отличие от вас, я привык выполнять приказы. И ради бога, не подумайте, что я это сказал вам в осуждение.

Мы помолчали. В искренности Архипова я не сомневался. Сомневаться не сомневался, а вот его совсем перестал понимать. Да, он мне никогда не вставлял палки в колеса, это верно, но и не помогал. Будто зритель, держался в стороне и наблюдал за событиями, спокойно дожидаясь, чем все это кончится. А когда кончилось тем, как он и предсказывал, Архипов не стал злорадствовать. И вот теперь, когда ему представилась возможность пойти в гору, он не воспользовался и этим. Хотя, пожалуй, кто-нибудь другой на его месте сейчас лез бы из кожи, чтобы показать себя с самой выгодной стороны. И я напрямик спросил его:

— У вас сейчас есть все шансы стать директором завода, почему же вы не хотите проявить себя?

Архипов рассеянным движением дотронулся до своих выгоревших на солнце светлых усов, будто хотел их пригладить, да раздумал, легкая тень пробежала по его лицу. Он отвернулся и с минуту молча смотрел на Ловать.

— Я не хочу быть директором, — наконец сказал он. — Лишать чести другого — значит не иметь своей... Я убежден, что вас восстановят в должности, а я — реалист и знаю свои возможности. Лучше быть хорошим главным инженером, чем плохим директором... У меня бы, например, никогда не хватило смелости на то, что сделали вы, даже если бы я был убежден в своей правоте. Вы творец, а я — исполнитель.

— По-моему, вы наговариваете на себя, Валентин Спиридонович.

— Я поверил в вас, когда осмотрел поселок... Завод будет выпускать такие дома. И очень скоро. Теперь я в этом не сомневаюсь. Вы с Любомудровым победили.

— О какой победе вы говорите? — возразил я. — Меня спяли с работы, дали строгий выговор и грозят привлечь к судебной ответственности за незаконное расходование государственных средств... Поистине пиррова победа!

— Я сначала считал вас, извините, недалководидным человеком... И я искренне рад, что ошибся. Недалководидным оказался я. Теперь... теперь я восхищаюсь вами! —

окончательно смутил меня Архипов. Я даже подумал: уж не разыгрывает ли он меня? Настолько несвойственно было ему подобное проявление чувств. Но Валентин Спиридонович был серьезен и задумчив. И в глазах его не было и тени насмешки. Казалось, он сейчас испытывал облегчение, как человек, решившийся высказать то, что его уже давно тревожило.

— Спасибо на добром слове, Валентин Спиридонович,— тепло сказал я.

— Вам спасибо,— улыбнулся он,— за великолепный урок.

Уже прощаясь, он вдруг вспомнил:

— У вас один дом не достроен... Я распорядился, чтобы вручную отформовали недостающие панели. Формы-то я не отправил в переплавку... И в экспериментальном цехе оставил все как есть... На днях вам привезут детали.

Я от всего сердца пожал Архипову руку: нехватка панелей была нашим больным местом. Неопытные рабочие, собирая блочные дома, разбили несколько панелей, и из-за этого один дом был не достроен. Мы с Любомудровым уже смирились, что наш поселок будет с изъяном. Даже собирались вообще этот дом разобрать, чтобы не портил перспективу, а теперь мы его за несколько дней восстановим. Это был поистине царский жест со стороны Архипова!

Петя Васнецов как-то нехотя тронулся с места. Во время беседы с Архиповым я несколько раз ловил на себе его смущенные взгляды. Вот чудак! Считает, что если возит Архипова на директорской «Волге», значит, изменил мне.

Разговор с Архиповым взволновал меня. В приподнятом настроении я сел за руль «газика» и поехал в Стансы, чтобы сообщить приятную новость Любомудрову.

Я стоял под шумящей березой и следил за сборкой фасада последнего дома в Стансах. Подъемный кран подавал огромную панель рабочим, которые устанавливали ее в гнезда. Два сварщика стояли на лесах, дожидаясь, когда можно будет сваривать железную арматуру. После гибели Васи Конева эта операция всегда вызывала у меня тревогу. И хотя я предупреждал рабочих, чтобы держались по-

дальше от косо повисшей над коробкой дома деталью, некоторые забывали и лезли прямо под покачивающуюся над их головами панель. Я злился и кричал, чтобы отошли в сторону.

Наконец крановщик подал деталь на место, и сварщики, прикрыв лица выпуклыми квадратными щитами с темными стеклами, приступили к сварке металлических стержней. Яркий свет вольтовой дуги затмевал солнечный блеск. Когда умолкал треск электросварки, раздавалось удивленное птичье щебетанье. Несмотря на шум механизмов и присутствие людей, птицы почему-то не улетали из березовой рощи, где возник новый поселок. Однажды утром, в каких-то пяти метрах от автокрана, я увидел на сосне белку. Блеснув черными бусинками глаз, она по восходящей спирали взлетела на вершину, а оттуда рыжим комочком перенеслась на березу и затерялась в яркой желтой листве, уронив на землю несколько сухих листьев.

Мне часто приходилось задерживаться на стройке до сумерек, и я оставался ночевать в старом поселке. Каждый день тащиться на «газике» в город надоедало. Приютил меня колхозник-пенсионер Андрей Иванович Филиппов, что жил в старом маленьком доме на берегу реки. Было ему под восемьдесят, но старик держался еще на редкость бодро. Раньше всех приходил на стройку и грузил строительный мусор на скрипучую телегу, запряженную гнедой лошадкой с белой звездой на лбу. Будучи мужиком хозяйственным, Андрей Иванович все, что могло гореть, сваливал в кучу у себя во дворе, а остальной строительный хлам отвозил в овраг. Старуха его умерла несколько лет назад, и он один вел свое немудреное хозяйство. Иногда к нему приезжала из города дочь Анастасия, которая жила с мужем и двумя детьми. В эти дни старик даже обедать не ходил: дочь занималась уборкой, стиркой и другими хозяйственными делами. «А когда женщина вся в домашних хлопотах, ей лучше на глаза не попадаться», — говаривал Филиппов.

Я его дочь раза два видел. Действительно, женщина энергичная и суровая. Грязь в доме она терпеть не могла и все лишнее безжалостно выметала и выбрасывала вон. И часто Андрей Иванович, после того как Анастасия уезжала в город, ворча, бродил по дому, разыскивая ту или иную вещь.

И хотя под утро становилось холодно под ватным стеганым одеялом, которое заботливо предложил мне Андрей Иванович, я все еще спал на сеновале. В избе Филиппова поселились сразу два сверчка. И лишь солнце садилось за рощей, как они начинали соревноваться друг с другом.

Проходя ранним сентябрьским утром по поселку, я мог с удовлетворением сказать самому себе, что усилия моих товарищей и мои усилия не пропали даром: новый поселок радовал глаз. Ни один дом в нем не был похож на другой. Когда-то в глубоком детстве в доме моей бабушки я случайно увидел одну книгу, названия не помню, потому что мне тогда было лет пять, но иллюстрации этой старинной книги врезались в память на всю жизнь. На развороте была цветная вклейка: чудесный город на берегу моря. Красивые разноцветные дома лепились на скалистом берегу. На синей глади моря застыли белые шхуны и яхты. Над вершинами гор — пышные белые облака. Почему-то эта картинка из далекого детства всегда ассоциировалась у меня с представлением счастья на земле.

Поселок радовал меня, поднимал настроение, я как бы ощущал в эти минуты смысл своей жизни. Вот таким я и видел его в своих мечтах, когда Любомудров впервые показал мне проекты, таким я видел его в тот январский морозный день, когда мы с Ростиславом Николаевичем бродили в Опухликах по белому лесу...

И вот поселок Стансы почти готов! Он органически вписался в окружающий пейзаж. Пусть теперь приезжает любая комиссия, хоть сам министр, и смотрят на него... Я теперь знал, что это лишь начало. Будут построены десятки поселков, тысячи... И они будут не похожи один на другой. Все разные, неповторимые, как и сами люди.

В полдень на такси в Стансы прикатила Валерия Григорьевна. Стройная, элегантная, с пухлой коричневой сумкой в руке, она направилась к нам. Машину она не отпустила, и водитель, поставив ее в тень под березу, вышел покурить. Любомудров спустился с лесов, где он вместе с плотниками впрессовывал выскочившую деревянную балку в железобетонную панель фасада нового дома, и, густо покраснев, поспешил навстречу. Валерия Григорьевна впервые приехала сюда, и он явно растерялся.

Я видел, как он подошел к ней и что-то быстро заговорил вполголоса, но она, рассеянно слушая его, с интересом рассматривала дома. Увидев меня, улыбнулась и

поздоровалась. Ростислав Николаевич взял ее за руку, но она мягко высвободила ее и направилась ко мне.

— Тут у вас настоящий курорт! — воскликнула она. — Максим Константинович, не сдадите мне на время один из этих прелестных домиков?

— Выбирайте, — сказал я.

— Этот несносный тип, — кивнула она на смущенного Ростислава, остановившегося чуть в стороне, — ни разу не предложил мне приехать сюда... — она с улыбкой взглянула на него. — Признавайся, в котором из этих теремов ты поселил свою возлюбленную?

— Ты все шутишь, — с горечью произнес Любомудров и отвернулся.

Валерия долгим задумчивым взглядом посмотрела на Ростислава, и живые глаза ее погрустнели. Повернув голову, она пристально взглянула мне в глаза.

— Ну вот все и кончилось, — со вздохом вырвалось у нее.

— Что вы, это только начало, — сказал я.

Она как-то странно посмотрела на меня и предложила прогуляться к речке. Я бросил взгляд на Любомудрова, думая, что и он к нам присоединится, но Валерия взяла меня под руку и увлекла в другую сторону. Я понял, что она хочет со мной поговорить. Увидев, что мы удаляемся, Ростислав медленно забрался на леса.

Сварщики, поглазев на интересную женщину, снова включили свои аппараты. Плотники деревянными киялками легонько постукивали по черной балке, впрессовывая ее в специально прорезанный в панели паз. Солнце то появлялось, то снова пряталось в пролетающих над рощей облаках.

Валерия сняла светлый плащ и перекинула через руку. В коротком шерстяном платье, тоненькая и стройная, она сейчас выглядела девочкой-подростком. Под нашими ногами потрескивали сучки, шелестели багровые опавшие листья. Я думал, она нагнется и поднимет хотя бы один лист, но Валерия не смотрела под ноги: задумчивый взгляд ее был устремлен вдаль.

— Он зовет меня с собой, но я не могу уехать, — как-то отрешенно проговорила она.

Я даже сразу не понял: мне она это сказала или случайно произнесла вслух то, о чем сейчас думала. Я дипломатично промолчал.

— И потом, зачем все это? — продолжала она. — Он прекрасный человек, талантливый инженер. У него все еще впереди. Конечно, сейчас он меня любит и искренне верит, что навсегда, но я-то знаю, что все пройдет... Ведь я гораздо старше его. И слишком избалована, чтобы жить по принципу — с милым рай и в шалаше... Все пачать сначала... Нет, это не для меня. Мне не хочется ничего менять в своей жизни, а он так больше не может... Я знаю, что кроме страдания, ничего ему не принесла. Любовь украдкой — это не для него! Но у меня есть муж, который меня любит. И он мне тоже дорог по-своему. Если бы не поселок, он давно бы уехал!..

Ее слова огорошили: Любомудров и словом не обмолвился, что хочет уехать. Правда, я замечал, что ему бывает не по себе, что-то гложет его изнутри, но лезть к нему в душу не хотелось, да потом у меня и самого на сердце было беспокойно: Юля по-прежнему озадачивала меня...

— Вы, наверное, меня осуждаете? — спросила Валерия.

— С какой стати? — удивился я.

— Он чудесный человек, — горячо заговорила она. — Современный и вместе с тем какой-то старомодный... В отношениях к жизни, женщине, что ли? Не каждый решится прийти к мужу и сказать, что любит его жену. А он сказал.

— Вы любите своего мужа? — спросил я.

— Я бы не хотела с ним расстаться, — уклонилась она от прямого ответа. — В любом случае зла ему я никогда не причиню; он меня очень любит и прекрасно ко мне относится. Вряд ли Ростислав смог бы быть таким терпеливым ко мне, как Валя... Что греха таить, я взбалмошная, капризная женщина. Мне подчас доставляет удовольствие терзать своего мужа, потом мне бывает стыдно... А он все понимает и сносит. Случается, и это меня бесит. Хочется наконец разозлить его, как говорится, довести до белого каления, хочется, чтобы он даже... ударил меня, что ли. Глупости я говорю, не так ли?

— Я ценю вашу откровенность, — успокоил я ее.

— Поверите, за десять лет нашей совместной жизни он ни разу меня не обидел, не оскорбил... Редкой выдержки мужчина!.. Теперь вы понимаете, почему я не могу уехать с Ростиславом? Я слишком избалована! И чувствую, что уже не смогу перемениться, даже ради любимого

человека. А может, это и не любовь вовсе? Мы просто не сможем ужиться с ним. Честное слово, сколько мы с ним знакомы, столько у нас было и ссор! Больше того, мы ссоримся по любому поводу и непрерывно. Мы ведем себя с Ростиславом как сварливые муж и жена, а Валя относится ко мне как нежный внимательный любовник... Смешно, не правда ли?

Я опять промолчал. Мне было не смешно. Этот вечный треугольник. Такой внешне простой и примитивный и вместе с тем вот уже века не разгаданный никем: ни поэтами, ни философами...

— Я до сих пор не понимаю своего мужа,— сказала она.— Скажи я ему, что уезжаю с Ростиславом, он помог бы мне собрать вещи и умолял не высовываться из окна, чтобы, не дай бог, я не схватила насморк... И вида не подал бы, что жестоко страдает!

— Для меня ваш муж тоже загадка,— признался я.

Она неожиданно остановилась, схватила меня за руку.

— Максим Константинович, Ростислав вас очень уважает, да и я отношусь к вам с симпатией и доверием... Скажите, как мне быть: остаться с Валей или уехать с ним? Как вы скажете, так и будет!

В глазах ее жаркий блеск. То ли это внутренний огонь, то ли отражение багряной листвы. Пристально, не мигая, смотрит Валерия на меня и ждет ответа... Странно устроен человек! Иногда в самый ответственный момент жизни сам страшится принять важное решение и вместе с тем готов поступить так, как посоветует первый встречный... Вот сейчас по воле случая в моих руках судьба трех человек: Архипова, Валерии и Ростислава. Что мне стоит дать любой совет: уезжайте! — и тогда будет разбита жизнь Архипова — или оставайтесь, и тогда это принесет горе Любомудрову... Глядя в эти сверкающие глаза, я поверил, что она действительно поступит так, как я скажу.

Однако я ничего не сказал. Не мое право решать судьбу этих людей. Вот так, единым махом! И потом, я действительно не знаю, как поступить ей. И откуда мне знать, если она сама этого не знает?..

Как можно мягче и тактичнее я уклонился от роли третейского судьи. Она молча, опустив голову, выслушала меня и — накопец-то! — нагнулась и подобрала с земли просвечивающий желтый кленовый лист. Рассеянно понюхала его, потом скомкала и бросила под ноги. Глаза

ее погасли, стали равнодушными. Стайка синиц спорхнула с голубоватой осины вниз. Резко и трескуче прокричала пролетевшая в стороне сорока.

— Какие вы все... дипломатичные и осторожные! — с горечью сказала она. — Ростислав не такой! Он всегда все прямо говорит, не боясь поступить опрометчиво. У него сердце льва.

И тут меня будто бес подтолкнул.

— Хорошо, я дам вам совет! Только при одном условии: совет за совет, так сказать, баш на баш! Я тоже люблю одну девушку. Очень люблю! Но не уверен, что она меня любит. Я хочу на ней жениться, иметь детей, хотя не убежден, что мы будем с ней счастливы... Она тоже гораздо моложе меня. И характер оё-ёй! Но она мне дороже жизни... Ничто уже больше меня в этом городе не задерживает, только она... Но эта девушка переменчива. Она, как птица, летает, где ей вздумается. И, как птица, в любой момент может улететь куда глаза глядят... А ведь я уже не мальчик, чтобы бегать за ней! Что же мне, черт подери, делать? Посоветуйте?!

Глаза ее испуганно расширились, ресницы взметнулись, губы приоткрылись. Она даже остановилась и снизу вверх с изумлением смотрела на меня.

— Вы тоже любите? — тихо спросила она.

— Я жду, — еще не остыв, грубовато сказал я. — Как вы посоветуете, так я и поступлю.

— Вы мне преподали великолепный урок вежливости и такта, — помолчав, сказала она. — Я больше никогда и ни у кого не буду спрашивать совета...

— Почему же? — усмехнулся я. — Например, с продавцом всегда можно посоветоваться, идет вам та или другая шляпка или нет...

— Не сердитесь на меня, пожалуйста, — мягко сказала она, — дотрагиваясь до моей руки.

— Я вам расскажу одну древнегреческую легенду: разгневанные на людей боги Олимпа создали из глины прекрасную девушку. Каждый из них наделил ее своими качествами, и хорошими и плохими, и назвали эту красавицу Пандорой, что значит «Наделенная всеми дарами», создали на горе людям...

И прекрасная Пандора из женского любопытства приоткрыла запретный сосуд... и разлетелись по свету беды, заботы, несчастья, болезни... Испуганная Пандора по-

спешно захлопнула крышку сосуда, и на дне его осталась не успевшая вылететь Надежда...

Наверное, поэтому будь то горе, несчастье или даже сама смерть — человек все равно на что-то надеется, забыв, что Надежда-то лежит на дне сосуда Пандоры.

— Печальная легенда, — сказала Валерия. — Как же жить-то без надежды?

— Это ведь миф, — улыбнулся я.

Навстречу нам размахисто шагал Ростислав. Лицо хмурое. Рукава выгоревшей клетчатой ковбойки закатаны. На щеке зеленоватое цементное пятно.

— Там шофер такси беспокоится, — подойдя к нам, сказал он.

— Подождет, — ответила Валерия и огляделась. Не долго думая, развернула плащ и расстелила на листьях. — Мы должны это отметить, — сказала она и опустилась на колени. Раскрыв сумку, достала бутылку «Старки», стакан, бутерброды, завернутые в бумажные салфетки.

— Что отмечать-то? — грубовато спросил Любомудров.

— Вы такой замечательный поселок построили... — сказала Валерия. — Честное слово, вы молодцы!

На плаще сидела хорошенькая жепщина и, улыбаясь, снизу вверх смотрела на нас, двух мужчин, растерянно таращивших на нее глаза. Ловким движением она сбросила на пламенеющие листья лакированные туфельки, поправила пышную прическу.

— Может быть, я и бутылку должна сама открывать? — спросила она.

И суровое, обветренное, с потрескавшимися губами лицо Любомудрова дрогнуло, на нем появилась застенчивая мальчишеская улыбка.

— Черт возьми! — воскликнул он. — А ведь мы все-таки построили его!

— Выпьем, мужчины, за это! — нетерпеливо постучала стаканом о бутылку Валерия.

Над рощей проплывали тяжелые белые облака, посвистывал ветер в вершинах берез и осин, на землю бесшумно падали желтые и красные листья. Один из них опустился в стакан с недопитой «Старкой». И хотя Валерия пыталась веселыми шуткам расшевелить нас, этот неожиданный пикник в тихом осеннем лесу получился грустным. Наверно, потому, что каждый из нас чувствовал впереди большие перемены в своей жизни...

Секретарь обкома приехал в Стансы, когда я уже перестал надеяться на встречу с ним. Я так и не написал никуда ни одного заявления по поводу своего партийного взыскания. Не лежит у меня душа к этому. Свою правоту нужно доказывать, а не ждать, когда разберутся, однако заставить себя написать так и не смог. Из министерства приезжали представители, осматривали поселок, рылись в документах, проектах, беседовали с рабочими, инженерами и уезжали в Москву. Я был уволен, и ко мне больше не приставали. Все это, конечно, меня нервировало, но главной моей заботой было поскорее закончить последние отделочные работы в поселке, чтобы можно было поскорее заселить его нуждающимися в жилье колхозниками. В последние дни Васин не давал нам покоя: когда можно въезжать в дома?

Секретарь обкома приехал вместе с Васиным. Из работников горкома партии никого с ними не было, что мне показалось несколько странным: обычно высокое начальство сопровождают местные власти. Громадный толстый Васин казался рядом с худощавым секретарем обкома гигантом. Разговаривали они как добрые старые знакомые. Да они и были знакомы давным-давно. Я и Любомудров молча ждали, когда они подойдут. Мы спустились с лесов того единственного дома в поселке, вокруг которого еще теснились строительные леса. Я с досадой подумал, что можно было бы их до приезда начальства снять...

Секретарь обкома, назвав меня по имени-отчеству, — надо же, не забыл! — сердечно пожал руку, напомнил, что последний раз мы виделись в Пскове на зональном совещании работников промышленности и транспорта. Давая по ходу дела необходимые пояснения, я повел его по поселку.

— У вас тут погиб молодой рабочий? — неожиданно спросил он, сбоку взглянув на меня.

— Вырвались скобы из железобетонной плиты, — пояснил молчавший до сего времени Любомудров.

— Плита эта была отформована в вашем подпольном экспериментальном цехе? — проявляя поразительную осведомленность, спросил секретарь обкома. — Вот для этих домов?

— Мы спешили,— сказал я, не собираясь выгораживать себя.— Плита оказалась с браком.

— А рабочий пренебрег правилами техники безопасности,— прибавил Ростислав Николаевич.— Когда железобетонная деталь в воздухе, под стрелой крана находится запрещается.

— Для кого же существует техника безопасности? — сказал секретарь обкома.— Это преступная халатность.

Возразить было нечего, и мы промолчали. Однако секретарь обкома больше не произнес ни слова. Мы подошли к дому, и он заговорил с рабочими, занимающимися облицовкой фасада. Васин поманил меня в сторону и негромко сообщил:

— Я сначала показал ему те бараки...— он кивнул на другой берег, где на пустыре стояли серые коробки стандартных домов. Тех самых домов, детали для которых продолжал выпускать наш завод.— Он все облазил, осмотрел... Даже на чердак забрался. Я сказал ему, что в этих домах будут жить нерадивые колхозники, а в коттеджах — передовики... И еще сказал, что подал заявку на завод, чтобы сделали несколько десятков таких же коттеджей, а они отказываются выполнять мой заказ, ссылаясь на то, что экспериментальный цех закрыт и производство деталей для новых домов прекращено... А мне, говорю, наплевать, что прекращено: я перевел деньги на счет завода — и будьте добры отпустить мне ту продукцию, которую я хочу. Говорят, бери дома, что выпускаем, а я в ответ: я вам заплатил за шоколад, а вы мне леденцы предлагаете?... Смеется секретарь обкома... Хитрый, говорит, ты мужик, Васин! И паверное, говорит, в сговоре с Бобцовым, это с тобой, значит...

— Почему Куприянов не приехал? — спросил я.

— Уже в машину садился, а тут подходит Бутафоров и напоминает, что в приемной собрались молодые коммунисты для получения партийных билетов... Ну секретарь обкома и говорит, мол, это есть дело наипервейшей важности, а в Стансах он и сам разберется, что к чему... Посмотрел бы ты, какое лицо было у Куприянова!

— Максим Константинович,— обратился ко мне секретарь обкома,— скажите, пожалуйста, во сколько дорожке обойдется заказчикам ваш дом по сравнению с прежним?

Разница была пока существенная, но я объяснил, что как только завод полностью перейдет на выпуск новой продукции, себестоимость начнет снижаться.

— Если бы нам позволили переоборудовать весь завод,— вмешался Ростислав Николаевич,— можно было бы производить самые разнообразные модификации зданий... И металлические формы никогда бы не устарели, потому что их можно все время изменять, не говоря уже о том, что облицовочные деревянные балки неузнаваемо меняют фасад дома, собранного по типовому проекту.

Секретарь обкома внимательно его выслушал и стал задавать вопросы, касающиеся технологии производства деталей. Поинтересовался качеством местного сырья, заметив, что недоброкачественные детали могут не только убивать рабочих, но и поставят под угрозу все строительство. На это я ему ответил, что сырье у нас высшего качества, а каждая панель тщательно проверяется в ОТК, и брак на стройку не попадает.

Потом мы все вместе побывали внутри дома, и снова секретарь обкома изъявил желание забраться на чердак. Когда он выглянул из чердачного окна, то прямо перед собой увидел березу. Любомудров позаботился, чтобы рабочие бережно обходились с деревьями, и не раз схватывался с ними из-за каждого срубленного дерева.

— А где же приусадебные участки? — спросил секретарь обкома.— Не вижу сараев, амбаров, хлевов для скотины?

— Мы поставили перед собой задачу — создать поселок нового типа,— стал объяснять я.— Тут предусмотрены Дом культуры, детский сад, площадка для игр. А за рощей отведена посевная площадь для индивидуальных огородов. Подсобные помещения будут построены по желанию колхозников немного в стороне... Дело в том, что сейчас многие предпочитают обходиться без домашней скотины. И загромождать жилой комплекс скотниками мы не стали. Тем не менее в нашем проекте учтено строительство сараев и прочих подсобных помещений. Только немного в стороне. Как видите, возле каждого дома запланирован участок, который можно использовать под огород, фруктовый сад.

— Не знаю, понравится ли все это колхозникам,— с сомнением заметил секретарь обкома.

— Когда был построен первый многоэтажный дом, сначала никто не захотел в нем жить: людям показалось противоестественным жить друг над дружкой,— сказал Любомудров.

— Спасибо за ценную информацию,— усмехнулся секретарь обкома.

— Проект поселка обсуждался на общем собрании колхозников,— сообщил Васин.— И был принят единогласно. Нужно учесть и то, что в нашем колхозе сейчас работают большинство коренных горожан, а они совсем не собираются обзаводиться крупным подсобным хозяйством, потому что все необходимые продукты питания производятся в нашем колхозе и их можно по льготным ценам приобрести в магазине.

— Это в вашем колхозе, а в других? — поинтересовался секретарь обкома.

— Наш проект тем и хорош,— сказал Любомудров,— что его можно изменять и дополнять в зависимости от местных условий.

— У вас на все готов ответ,— рассмеялся секретарь обкома.

— Тут ко мне приезжали председатели из других колхозов,— сказал Васин.— Очень заинтересовались проектами товарища Любомудрова и тоже хотят заказать такие же дома... А на заводе им говорят, что производство прекращено...— Иван Семенович хитро посмотрел на секретаря обкома.— А что, если мне организовать свой небольшой заводик по изготовлению железобетонных деталей для новых домов? Думаю, что Бобцова и Любомудрова уговорю взяться за это дело... Бьюсь об заклад, что отобью у завода всех заказчиков!

— У тебя прямо-таки слоновый аппетит, Иван Семенович,— рассмеялся секретарь обкома.

— Деньги сами идут в руки, зачем же от них отказываться? — улыбнулся Иван Семенович.

— Деньги ты и так не знаешь куда девать,— заметил секретарь обкома.— Отгрохал себе правление, что дворец, а теперь вот колхозникам дачи строишь...

— Хороших колхозников я готов в дворцы поселить... Все ведь сделано их руками!

Задумчиво поглаживая подбородок, секретарь обкома неторопливо зашагал к машине. Васин слова придержал меня за руку и зашептал в ухо:

— Покайся в своих грехах, ведь от него все зависит: захочет — восстановит тебя на работе!

— Не в чем мне каяться, — отказался я.

— Потолкуй насчет взыскания... Все говорят, что тебе ни за что строгача всунули... Ну, не хочешь, тогда я поговорю с ним!

— Не надо, — сказал я. — Ни к чему это, Иван Семенович.

Я видел, что председатель колхоза огорчился, но я действительно не хотел сейчас об этом говорить. Найдут нужным, вызовут в обком, тогда пожалуйста, я все скажу, а хватать секретаря обкома за рукав, воспользовавшись его приездом, и высказывать все свои обиды я не смог бы, даже если бы мои дела обстояли еще хуже. Если пужно, секретарь обкома сам меня спросит о моем деле. Правда, один раз я поймал его испытующий взгляд, мне даже показалось, что он ждет, чтобы я начал этот неприятный разговор... Но я не начал, а он не спросил. Тепло с нами попрощался, попросил сфотографировать поселок со всех сторон и вместе с копиями проектов жилых домов и полной документацией срочно прислать в обком КПСС на его имя. Когда же он уселся в машину, я не выдержал и задал ему вопрос, который все время вертелся у меня на языке: я спросил, зачем он и в том поселке и в этом забирался на чердаки?

Секретарь обкома улыбнулся, отчего худощавое лицо его сразу стало мягче и добрее.

— Мне хотелось узнать, чем вы посыпаете потолки: песком или опилками? Ведь когда дом даст осадку, песок начнет просыпаться в щели, даже обмазка не поможет, а опилки — пет... — Улыбка на лице секретаря обкома стала еще шире. — И потом, мне было любопытно взглянуть с той стороны на ваш поселок, а с этой на тот...

Однако мнения своего о «том» и о нашем поселке он так и не высказал. Васин уехал вместе с секретарем обкома. По его лицу я видел, что Иван Семенович недоволен мною: дескать, не воспользовался такой возможностью поговорить о своих делах!..

— Как вы думаете, Максим Константинович, секретарь обкома... — начал было Любомудров, но я перебил:

— Вы действительно хотите уехать из города?

— Да, я уже решил, — сразу помрачнел Ростислав Николаевич.

— Жаль, — сказал я. — Сдается мне, что для нас с вами найдется здесь еще много дел...

6

Я открываю ключом дверь и сразу вижу горящий взгляд Мефистофеля. Мой кот взъерошенный, похудевший и сердитый. Это я понял потому, как он отвернулся и даже ни разу не мурлыкнул, что он обычно делал, видя меня. В квартире никого нет. Диван не убран, одна штора задернута, вторую втянуло в раскрытое окно. На кухне в раковине грязные тарелки, чашки, газовая плита лоснится жиром. Чайник на полу. У стены несколько бутылок из-под вина.

Мефистофель бесслышно следует за мной. Я бросаю взгляд на его блюдце: оно чистое и сухое. Теперь мне понятно, почему недоволен кот: Юля позабыла его покормить. Достая из холодильника остатки колбасы и сыра, больше там ничего не оказалось, и бросаю в блюдце. Мефистофель некоторое время не смотрит в сторону еды — однако стоило мне уйти из кухни, как он одним прыжком оказался у блюдца.

Запущенно и неприветливо выглядит моя холостяцкая квартира. Юльке и в голову не приходит, что нужно иногда убираться. Но стоит мне при ней заняться уборкой, как она охотно принимается помогать, сама же инициативы не проявляет никогда. Она вообще живет как птица. Делает все по настроению: захочется — уйдет из дома и ничего не скажет. Может день-два не появляться, потом объявляется как ни в чем не бывало, и ей даже в голову не придет объяснить, где же это она пропадала. Весело Юльке, она поет, танцует, включив на всю мощь магнитофон. Бывает печальной, внимательной, тогда и для меня мир становится солнечным, радостным. А то вдруг ни с того ни с сего загрустит — замкнется в себе. И у меня на душе становится пасмурно. А попытаешься вызвать ее на откровенность и поделиться своими заботами, начинает злиться, грубить... В такие моменты ее лучше не трогать: через два-три часа сама отойдет. Да и потом, эти непонятные мне приступы хандры случались не так уж часто.

С Юлькой нужно было быть очень осторожным. Малейшее посягательство на ее драгоценную свободу она встречала в штыки. Как-то раз я взял билеты в кино, не посоветовавшись с ней, Юлька так и не пошла со мной, сославшись, что у нее какие-то свои дела. Я ушел в кино, а когда вернулся, она все так же валялась на тахте с книжкой в руках. Мне не нравилось, что в квартире такой беспорядок, но сказать об этом Юльке я не решался. Да и язык у меня не поворачивался в чем-либо упрекнуть ее; когда я поздно вечером возвращался с работы, переступал порог, она радостно бросалась мне на шею и, целуя, говорила, что «страшно» скучала без меня...

Но чаще всего было так, как сегодня: я возвращался в пустую, запущенную квартиру со следами веселой вечеринки... Если я пробовал осторожно намекать Юльке, что моя квартира — это не клуб отдыха для ее знакомых, она искренне недоумевала: ведь меня дома не было, а ей одной так скучно, ну она и позвонила друзьям... Потанцевали, немного выпили, послушали музыку — ну что предосудительного? И даже соседи в этот раз не стучали в стенку... А то, что позабыли убрать за собой, так это пустяки, сейчас все уберем! Дел-то всего на каких-то полчаса! И мы с ней, вооружившись веником и мокрой тряпкой, начинали генеральную уборку. Юлька включала магнитофон, и если ей нравилась музыка, швыряла на пол тряпку и начинала азартно отплясывать. Я забывал про уборку и восхищенно смотрел на нее. Плясала Юлька здорово, тут уж ничего не скажешь! Глядя на нее, забудешь про все на свете... Длинные, забрызганные грязной водой ноги ее мелькали, как спицы в колесе, пышные волосы летали за плечами, иногда закрывали порозовевшее от стремительного танца лицо... В эти мгновения я любил ее до боли в сердце. Прощал ей все мелкие и большие прегрешения. Так неожиданно иногда и заканчивался наш субботник по уборке квартиры.

Прибрав в комнатах, я отправился в гастроном. Перед самым моим носом магазин закрыли, я и пошел в центр: там есть дежурный магазин. Зеленоватое небо над крышами зданий было удивительно чистым. Собираясь к почте в стаю, с криками кружились галки. Прошел автобус, — и будто испугнутая стайка разноцветных птиц, над

асфальтом взлетели опавшие листья. Автобус исчез за поворотом, а листья еще долго шуршали на шоссе.

Красиво в Великих Луках осенью. Тихие прозрачные вечера с сине-багровыми закатами и печально шепчущим листопадом. В городе много деревьев, и дворники по утрам не успевают сгребать в кучи листья, которые в эту грустную пору увядания живут своей второй корсткой жизнью: наперегонки гонятся за автобусами и машинами, тихо плывут по реке, в ветреные дни птичьими стаями носятся над городом, незванными гостями залетают в раскрытые форточки квартир. Я люблю эти осенние хоро-воды листьев. Ведь иногда в этом мире и сам себя чувствуешь оторвавшимся от ветки листком, который судьба то жар-птицей высоко вознесет, то протащит по мокрой обочине, то безжалостно швырнет в придорожную капаву...

Не знаю, то ли интуиция, то ли случайность привели меня на городскую танцплощадку. Звуки музыки летели через Ловать, манили меня. Я знал, что Юлька иногда бывает там. А теперь до закрытия сезона оставались считанные дни. Я постоял у ограды: Юльки на площадке не видно. На овальной сцене четыре длинноволосых парня играют на электроинструментах. Играют хорошо, ничего не скажешь.

Медленно побрел я по парку к каменному мосту через Ловать. Магазины все закрыты, остается лишь зайти поужинать в ресторан. С тех пор как получил квартиру, я редко там бывал: слишком шумно там, душно.

Мое внимание привлек мужской возглас. В похудевшем парке я разглядел две девичьи фигуры и одну мужскую. Девушки уходили, а парень, по-видимому, их преследовал. Было сумрачно, и лиц не разобрать. Девушки прибавили шаг, и тогда мужчина побежал. Я видел, как он схватил одну из девушек за руку. Она вскрикнула. Та, которая отбежала вперед, — вернулась и что-то стала говорить парню. Голос мне показался знакомым. Парень резко отвечал, не отпуская высокую девушку. Вот он придвинулся к ней, коротко размахнулся и хлестко ударил ладонью по лицу. Девушка вскрикнула. Больше не раздумывая ни секунды, я бросился к ним. Наверное, пужно было сразу врезаться этому парню, но я имел глупость задать вопрос:

— Что тут у вас происходит?

Я бы, конечно, сумел увернуться от удара, но в это

мгновение я узнал девушек: это были Юлька и Маша Кривина. Секундного замешательства вполне хватило, чтобы в ответ на мой дурацкий вопрос я схлопотал сокрушительный удар в лицо. Не дожидаясь, когда перестанут мельтешить перед глазами разноцветные искры, а в ушах затихнет звон, я изо всей силы ударил парня в скулу. Заметив, что он пошатнулся и схватился за щеку, панес ему еще более мощный удар в челюсть, а левой в подбородок. Сжавшиеся в кулаки руки парня бессильно повисли, и он, пошатываясь, сделал два шага назад к тополю, прислонился к нему, а затем медленно сполз на землю. Я видел, как его тупоносые туфли прочертили борозду на тропинке, а белая рубашка задралась, обнажив крепкое смуглое тело. Я опустил поднятый кулак. Парень трогал себя руками за лицо и негромко стонал. Несмотря на внушительный рост и плечи, он, видно, был слабак. И тут я почувствовал, что мой правый глаз стал катастрофически уменьшаться, а что-то горячее толчками пульсировало в надбровье, отдаваясь в затылок. Я потрогал лицо рукой, потом взглянул на пальцы: крови не было, зато синяк обещал стать солидным. Достав из кармана зажигалку, я стал прикладывать ее к тикающей, как часы, опухоли.

— Пойдем отсюда, Максим,— зашептала мне Юлька, вцепившись в рукав куртки.— Это приезжий футболист... Там на площадке — его приятели из команды!

Приезжий футболист ерзал на земле, стараясь подняться, и что-то угрожающе бормотал. Я нагнулся и подал ему руку. Он быстро протянул свою, но тут же, будто ужаленный, отдернул и даже спрятал за спину. В нос ударил запах водочного перегара. Лицо его было в тени, но я все-таки разглядел гигантски вздувшуюся скулу и малепький заплывший глаз, который с ненавистью смотрел на меня.

— Хотя ты и отъявленный мерзавец, раз поднял на девушку руку,— не удержался я от короткой нотации,— но я тебя, так уж и быть, в милицию не сдам... Полагаю, что ты и так достаточно наказан!

— Пойдем, Максим! — тянула меня за рукав Юлька. Лицо у нее было растерянное, в голосе какие-то незнакомые нотки.

Когда мы миновали мост через Ловать и, перейдя площадь Ленипа, свернули в проулок, Юлька остановилась

и, вскинув руки, обняла меня за шею. Я совсем рядом увидел ее большие, возбужденно блестящие глаза. Юлька улыбалась.

— Как ты его!.. — восхищенно сказала она. — Я и не знала, что ты такой сильный! Он ведь футболист... — Юлькино лицо вдруг стало озабоченным. — Максим, милый... у тебя один глаз совсем закрылся! Нужно что-нибудь холодное приложить...

— Я побегу, — сказала Маша Кривина. — Надо успеть на последний автобус.

Еще немного постояла, но ни я, ни Юлька не обращали на нее внимания: мы смотрели друг на друга, будто впервые встретились.

— И ни одного дружинника на танцплощадке! — осуждающе сказала Маша. — Он весь вечер нас преследовал...

— Кто? — растерянно спросила Юлька. — Футболист?

— Я побежала, — сказала Маша и, кивнув нам, направилась к автобусной остановке.

— Может быть, проводить? — не удержался и съязвил я. — Футболисты — они такие, и под землей красивую девушку разыщут...

— Не стыдно? — укоризненно посмотрела на меня Юлька.

— А какого черта она тебя по танцплощадкам таскает?! — взорвался я. — Для приманки, что ли? И вообще, мне все это надоело...

Повернув ее за плечи, я зло посмотрел на нее. В этот момент я совсем забыл, что лицо мое изуродовано, а один глаз совсем заплыл.

— Докатилась, красотка! Пьяные футболисты за нами бегают! Нравится, когда тебя по лицу бьют? Могла бы на танцы, если уж так приспичило, в приличный клуб пойти, а не на эту площадку, где каждый день драки... Прекрати водить разные компании ко мне домой! И неужели тебе самой не стыдно в такой квартире жить? Мусор, немытая посуда, пустые бутылки... Уж Мефистофеля-то могла бы накормить, черт бы тебя побрал!..

Сначала Юлька изумленно смотрела мне в глаза, выражение лица ее постоянно менялось, потом опустила голову и стала покусывать нижнюю губу, а это верный признак закипающего гнева, но я, как говорится, закусил удила, и мне уже было на все наплевать.

— Хватит, больше ничего подобного я терпеть не собираюсь! До чего дошло: я дерусь в парке с каким-то приезжим футболистом! Мне до чертиков надоели твои художества, я устал и вообще... пошла ты к дьяволу!..

Юлька пристально посмотрела мне в глаза, хотела что-то сказать, но вместо этого закрыла рот ладонью и прыснула. Я стоял и хлопал глазами, вернее, одним глазом, потому что второй капитально закрылся, а Юлька, уткнувшись мне в плечо, все громче смеялась...

— Максим, если бы ты знал... — сквозь смех с трудом выговорила она. — На кого ты похож... Если бы ты знал, какой ты сейчас смешной...

— На кого же я похож? — спросил я, чувствуя, что весь мой гнев начинает испаряться.

— Ты похож на... на... я забыла, как его зовут. По телевизору еще показывали, ну он на деревьях вниз головой висит и почти не двигается...

— Ленивец, что ли? — черт дернул меня уточнить.

Юлька захохотала еще пуще. Представив себя висющим вниз головой на дереве с гигантским синяком под глазом, я тоже улыбнулся.

— Максим, я все-все сейчас у тебя уберу, — выговорила наконец Юлька.

— У нас, — уточнил я.

— И постараюсь больше моего милого, храброго ленивца... пожалуй, к тебе это прозвище не подходит... по пустякам не расстраивать!

— По пустякам... — пробормотал я, ощупывая синяк.

— Я совсем забыла тебе сказать, — вспомнила Юлька. — Позвонили из горкома и велели тебе передать, что завтра в одиннадцать тебя вызывает к себе какой-то Куприянов... Большая шишка, что ли?

— Это очень радостное известие... — помолчав, сказал я.

— Ты расстроился? — взглянула на меня Юля. — Из-за синяка? В таком случае считай, что я тебе ничего не передавала.

— Напротив, я счастлив, — придав своему одеревенелому лицу соответствующее выражение, ответил я. — И думаю, Куприянов тоже обрадуется, увидев меня...

Юлька прижалась ко мне и осторожно поцеловала.

— Ты мне страшно нравишься... Этот синяк тебе даже идет.

— В таком случае, я готов каждый день драться,— сказал я.

— Я больше не дам тебе повода...— улыбнулась Юлька.

Когда я ровно в одиннадцать переступил порог кабинета первого секретаря горкома партии Бориса Александровича Куприянова, он, энергичный и озабоченный, давал указания своему техническому секретарю. Очевидно, в первое мгновение он не заметил на моем лице ядреный, достигший первой зрелости синяк.

Секретарь, бросив на меня измученный взгляд, вышла, и Куприянов, предложив сесть в кресло, наконец повнимательнее взглянул на меня. Не без тайного удовольствия я наблюдал за тем, как меняется его широкое крупное лицо: озабоченное выражение сначала уступило место искреннему изумлению, затем изумление переросло в растерянность и наконец пришло негодование, а тут уж до гнева рукой подать. Куприянов побагровел, сильные волосатые пальцы его нервно застучали по коленкоровой папке с надписью «к докладу».

— И вы пришли ко мне? — наконец вымолвил он, с усилием подавляя гнев и презрение.

— Вы меня сами вызвали к одиннадцати,— невиппо заметил я, искоса взглянув на часы. Но так как правый глаз из-за опухоли почти ничего не видел, я поднес руку к левому глазу. Все эти манипуляции с часами повергли секретаря горкома в еще большее негодование.

— В таком виде ко мне?! — почти выкрикнул он.

— Ах вы про это,— криво улыбнулся я и осторожно дотронулся до щеки.— Видите ли, там у нас, на стройке...

— С крапа сорвалась балка и ударила вас по глазу...— перебил он, саркастически улыбаясь.— Или прямо на вас обрушилась стена?

— Что-то в этом роде,— невозмутимо ответил я.

— Надеюсь, что на этот раз обошлось без жертв? — ехидно спросил Куприянов.

— Пострадал я один...

Куприянов поднялся с кресла и, сжимая одной ладонью другую, заходил по ковровой дорожке. Наступила продолжительная пауза. Когда секретарь оказывался за моей спиной, я поворачивал голову и косил на него своим

уродливым глазом. Впрочем, Куприянов не смотрел на меня, он о чем-то напряженно думал. И когда на тумбочке зазвонил один из телефонов, он трубку не снял. Телефон позвонил и замолчал; наверное, трубку сняла секретарь.

— Максим Константинович, я вас вызывал вот по какому делу,— спокойно начал Куприянов, расхаживая по кабинету. Я понимал его: смотреть на меня было выше его сил. Мне и самому-то было противно видеть себя утром в зеркале.

— На днях состоялось бюро обкома партии, где, в частности, разбиралось ваше дело...— Здесь Куприянов запылся, и мне показалось, что в голосе его прозвучали нотки сожаления.— Бюро обкома партии не утвердило наше решение о вынесении вам строгого выговора с занесением в учетную карточку, хотя и признало, что ваши действия и методы руководства заводом достойны всяческого осуждения...— Куприянов резко остановился и, повернувшись ко мне, взглянул прямо в глаза. Наткнувшись взглядом на мой синяк, сморщился, как от зубной боли, однако преодолев отвращение и утратив официальный тон, воскликнул: — Какого вы черта не пришли в горком и откровенно не рассказали мне о ваших замыслах? Почему вы решили, что вас здесь не поймут? Уж, наверное, горком партии не меньше вас заинтересован, чтобы завод выпускал высококачественную продукцию... Не спорю, может быть, мы сразу бы и не пришли к общему соглашению, но, по крайней мере, не нанесли бы столь ощутимый удар экономике нашей области, а не спеша, не поря горячку, внедрились бы в производство все ваши нововведения. Согласитесь, ваша главная ошибка — это то, что вы не поверили нам и взяли всю ответственность на себя.

— Я не считаю это ошибкой,— твердо ответил я.— Давайте будем откровенны, Борис Александрович. Ведь что греха таить, еще существует у нас инерция, текучка, бюрократизм... До сих пор новое, передовое с трудом пробивает себе дорогу. Находятся люди, даже занимающие высокие посты, которые кладут под сукно ценные для народного хозяйства изобретения... так меньше риска, хлопот. И вы отлично знаете, если бы я пошел по проторенной дорожке, проекты Любомудрова еще долго не были бы осуществлены.

— Значит, вы пошли на риск в надежде, что если вас ожидает удача, то победителей не судят?

— Очевидно, эта формулировка устарела,— усмехнулся я.— Меня осудили.

— И все-таки я не пойму, на что же вы рассчитывали?

— Просто мне, как коммунисту и руководителю, стало совершенно ясно, что выпускать плохую продукцию я больше не имею права, это и есть самый настоящий обман государства, заказчиков, тем более что под руками великолепные проекты, которые можно внедрить в производство без ощутимых затрат, а под боком качественное сырье, которое не надо привозить бог знает откуда!

— Вы по-прежнему работаете начальником строительства у Васина? — перевел разговор на другое Куприянов.

— Мой договор с колхозом скоро кончается. Дело в том, что у нас нет деталей для строительства в колхозе домов оригинальной конструкции. Как вам известно, завод прекратил выпуск новой, с таким трудом налаженной продукции и снова штампует детали для типовых стандартных домов...

— И каковы ваши дальнейшие планы? Не собираетесь покинуть наши края?

— Я еще не думал об этом,— ответил я.— Надеюсь, что если я попрошу открепительный талон, вы мне в этом не откажете!

— А я думал, вы борец,— усмехнулся Куприянов.

— Я уже победил,— отомстил я ему.— Больше мне не с кем и незачем бороться.

— Станный вы человек, Максим Константинович,— задумчиво сказал секретарь горкома.— Неужели вас совершенно не волнует ваша личная судьба?

— Да нет, почему же?

— Вы даже не спросите, что же решило бюро обкома партии, не собираемся ли мы вас восстановить в прежней должности?

— Меня вполне удовлетворила и та информация, которую вы мне любезно сообщили,— усмехнулся я.

— А если мы вам снова предложим возглавить руководство заводом, что вы на это скажете?

— Я вам дам совершенно точный ответ: я не приму должность директора, если завод будет выпускать старую

продукцию, если же предполагается пусть даже постепенный переход к новому производству, я готов хоть сейчас приступить к работе даже рядовым инженером.

— Это последнее ваше слово?

— Больше мне нечего добавить.

Куприянов и вида не подал, что его это задело.

— Я обо всем доложу секретарю обкома,— сказал оп.

Поняв, что аудиенция закончена, я поднялся. Пожимая руку и глядя на меня с улыбкой, Куприянов спросил совсем другим тоном:

— Как вас это угораздило, Максим Константинович?

— Не в пьяной драке,— сказал я, с трудом сдерживая улыбку, так как знал, что тогда мое непропорциональное лицо примет еще более ужасное выражение.— Я вступился за девушку, которую ударил один негодяй.

— Кстати, вы еще не женились?

— Моя девушка с поровом,— сказал я.

— Мы ее обяжем в партийном порядке...— пошутил Куприянов.

Я не стал ему говорить, что это не поможет: Юлька беспартийная...

7

Любомудров первничал, то и дело бросал взгляды на автобусную остановку, отвечал на мои слова невпопад. Его волнение было понятно: Ростислав Николаевич уезжал в Ленинград и, по-видимому, ожидал, что его придет проводить и Валерия, но до отхода поезда оставалось пятнадцать минут, а ее все еще не было.

Заразившись его волнением, я тоже поглядывал на остановку. К ней подъезжали большие автобусы, но среди пассажиров Валерии не было. День выдался пасмурный, моросил мелкий дождь. Блестела крыша серой громады вокзала, блестели зеленые вагоны пассажирского поезда «Полоцк — Ленинград», стоявшего на первом пути. Пофыркивая, медленно подкатил красный тепловоз и мягко прицепился к составу. Раздался шипящий звук: машинист проверил тормоза. В багажный вагон грузчики заталкивали тяжелые ящики, бумажные пакеты.

— Вы должны меня понять, Максим Константинович,— глядя на отъезжающий автобус, говорил Ростислав

Николаевич. — Конечно, работа для меня главное, но и жить в постоянном ожидании и напряжении я больше не могу. Вы знаете, я не нытик. Эта жепщина для меня — все. В институте мне казалось, что я полюбил, но это был самообман, только встретив Валерию, я понял, что такое настоящая любовь... Она говорит, что я несовременный человек... Дескать, понятия у меня устаревшие! Ее, видите ли, вполне устраивает жить под одной крышей с мужем и изредка встречаться со мной. Меня это унижает! Неужели для того, чтобы чувствовать себя современным человеком, нужно закрывать на все глаза? Какими бы старомодными она ни считала мои понятия, я не могу так. Я нормальный человек и хочу жить семьей, с женщиной, которую люблю. Но она не может порвать с ним... Выходит — я третий лишний... Вот почему я уезжаю из этого города. Пожалуй, так будет лучше для нас всех... — Он быстро взглянул на круглые вокзальные часы: до отхода поезда оставалось семь минут. — Если вас восстановят в должности, а я в этом не сомневаюсь, напишите... У меня есть кое-какие наброски... Кстати, знаете, что мне пришло в голову? Из этих же панелей можно собирать и двухэтажные дома. Ну, конечно, потребуются и дополнительные формы, но фундамент почти не нужно усиливать, я вечером сделал последние расчеты...

— Стоит ли вам уезжать, если вы оставляете здесь самое дорогое? — спросил я.

— Я не от нее уезжаю, — невесело усмехнулся он. — Я бегу от себя самого...

— Вам надо отдохнуть, — сказал я.

Он смотрел на меня и молчал, но я чувствовал, что у него на языке вертится один вопрос...

— Вы хотите меня спросить: не жалею ли я, что связался с вами? — помог я ему.

— Тропинин говорил, что вы умеете угадывать чужие мысли, — проговорил он. — Признаться, я ему тогда не поверил...

— Я искренне рад, Ростислав, что встретился с тобой, — заверил я его. — Кажется, я перешел на «ты»?

— Это естественно, — улыбнулся он.

— Я хотел бы с тобой и дальше работать, — сказал я.

— Дай знать, и я приеду, — сказал он.

— Это может случиться очень скоро...

— Ладно,— кивнул он головой, грустно улыбаясь.— Я не буду в Ленинграде оформляться на работу...

Внезапно улыбка исчезла с его лица, глаза стали отрешенными: он уже не слышал и не видел меня. Рука его машинально пригладила волосы, дотронулась до бороды. И это мимолетное движение будто стерло с его лица усталость и напряжение, осветив его мягкой мальчишеской улыбкой. Я оглянулся: у вокзала остановилась заводская «Волга», и из нее торопливо вылезли Валентин Спиридонович Архипов и его жена. В руках Валерии полиэтиленовый мешочек с пакетами. Архипов первый заметил нас и, помахав рукой, почти бегом бросился к перрону, но тут же остановился и, повернувшись к жене, взял ее под руку.

С Любомудровым снова произошла метаморфоза: теперь он стоял бледный и смотрел на часы, будто взглядом торопил стрелки. С мокрых волос и бороды стекали на кожаную куртку тоненькие струйки дождя. Мне показалось, что Ростислав сейчас повернется и, проскочив мимо проводницы, скроется в тамбуре.

— Чуть не опоздали!— немного запыхавшийся Архипов дружески двинул кулаком Любомудрова в плечо.— Ты что же, дезертир несчастный, не зашел попрощаться?

— Я вчера заходил...— с несчастным видом проямлил Любомудров.— Тебя дома не было.

— Напрасно уезжаешь, Ростислав,— посерьезнев, сказал Архипов.— Тут у нас на заводе такое начинается, ты и представить себе не можешь! — Он с улыбкой взглянул на меня.— Когда же дела будете принимать, Максим Константинович? Аделаида снова все в кабинете расставила, как было при вас... И каждое утро спрашивает: скоро ли вы выйдете на работу?

— Передайте ей привет,— сказал я.

Ростислав и Валерия молча смотрели друг другу в глаза. Он был бледным и угрюмым, она же выглядела веселой, оживленной. Наверное, она выпила чего-нибудь крепкого. Я уже давно обратил внимание, что Валерия всегда не прочь выпить.

Взглянув на часы, Валентин Спиридонович крепко пожал руку Любомудрову и сказал:

— Отдохни как следует... И не в Ленинград, а смойся на юг. Вон как похудел, одни глаза остались! И не

дури, старик, возвращайся. Это я тебе серьезно. Сбывается все, о чем ты мечтал. Могу тебе уже точно сказать, что в министерстве будет положительно решен вопрос о переходе завода на выпуск новой продукции. Утверждена смета на оборудование экспериментального цеха... Хорош же ты гусь! Сматываешься в самый неподходящий момент!

— Я ведь тебе все объяснил...— вяло ответил Ростислав.

— Чепуха это,— сказал Архипов.— Не будь идиотом, старик, быстрее возвращайся. Место и квартира остаются за тобой. Мало покажется тебе месяца — гуляй два, но приезжай! Обязательно приезжай!

— Мы тут уже с Максимом Константиновичем говорили...— сказал Ростислав и как-то испуганно взглянул на неумолимые стрелки.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Валентин Спиридонович. Еще раз двинул его кулаком в бок и зашагал к машине.

Я тоже крепко пожал руку Любомудрову, по-моему, он этого и не заметил, и пошел вслед за Валентином Спиридоновичем.

Ни Ростислав, ни Валерия больше и не посмотрели в нашу сторону: все так же стояли, глядя друг другу в глаза. Казалось, для них перестало и время существовать. И действительно, поезд уже должен был отправиться, но он, будто замороженный, продолжал стоять, могуче гудя дизелями. Машинист, повернув голову в новой железнодорожной фуражке с блестящим козырьком в сторону станции, чего-то ждал. На путях ядовито рдел красный светофор. Из окон вагонов, тамбуров высывались пассажиры, прощаясь с провожающими.

Вместо красного ярко вспыхнул зеленый сигнал, и поезд тронулся с места. В какой-то момент мне показалось, что Валерия — у нее было такое лицо...— сейчас вскочит в тамбур и уедет вместе с Любомудровым... Но ничего подобного не случилось. Валерия даже не пошла рядом с вагоном, как другие: она стояла на перроне и смотрела вслед уходящим в туманную дождливую даль вагонам. Лицо ее было мокрым, и не поймешь, дождь это или слезы.

— Жаль будет, если он не вернется,— сказал Архипов.— Такие инженеры не валяются на дороге.

— А мне казалось, что для вас это лучший выход,— заметил я.

Архипов поднял на меня глаза, невеселая улыбка появилась на его сухих губах. И я вдруг понял, как смертельно этот человек устал: под глазами глубокие тени, в углах рта залегли горькие морщинки, даже щеголеватые усики сейчас намокли и выглядели жалко.

— Напрасно вы так думаете,— сказал он.— Ростислав всегда останется моим хорошим товарищем... А что касается этого...— он мельком взглянул на приближающуюся к нам Валерию,— тут уж ничего не поделаешь... Я люблю свою жену и... верю ей. А Ростислава я давно знаю... порядочный человек... Вам это покажется странным,— он опять грустно улыбнулся,— но я полностью разделяю вкус Валерии...— И снова задумчиво повторил: — Жаль, если он не вернется. Это будет большой потерей для завода и... для нас.

— Он вернется,— подходя к нам, сказала Валерия и зябко передернула плечами.— Вот увидите, он вернется!

Она улыбнулась, но улыбка получилась грустной.

8

Как и в тот пасмурный день, я снова стою на перроне и смотрю в туманную даль. Только на этот раз я не провожаю, а встречаю. Встречаю вместе с Бутафоровым его жену Машу, которая через несколько минут должна приехать с гастролей со скорым «Рига — Москва». Получив телеграмму, Николай заехал за мной в Стансы и уговорил поехать на вокзал вместе с ним. Он не видел свою жену почти три месяца.

Ведь им предстояло в этом месяце забрать близнецов из детдома. Уже все формальности по усыновлению детей закончены. Близнецов звали Володя и Ира. Им было по четыре года. Днем с детьми будет нянчиться мать Николая — Анисия Ивановна. Она уже согласилась. Все это мне Николай рассказал по дороге на вокзал.

Приехали мы за полчаса до прихода поезда. Заглянули в ресторан, выпили по две рюмки коньяку. Николай нервничал: поминутно смотрел на часы, без всякого повода улыбался и тут же снова хмурился, неожиданно срывался с места и бежал в ларек, чтобы купить сигарет.

А за несколько минут до прихода поезда вдруг вспомнил, что забыл купить цветы... Это его так расстроило, что мне жалко было смотреть на него. Я сходил в ресторан и купил в буфете шоколадный набор и отдал Николаю, сказав, что это вполне заменит цветы...

— Черт возьми! — сокрушался Николай. — Ведь у меня дома ничего не прибрано... Что Маша обо мне подумает?

— Она бы могла о тебе плохо подумать, если бы, наоборот, все было прибрано... — успокоил я его. — А так сразу видно, что в доме ни к чему не прикасалась женская рука...

— Маша никогда не унилась бы до ревности, — сказал Николай, вглядываясь в перекрестье мокрых блестящих рельсов, убегающих в сторону центра города. — Кстати, я ей ни разу не дал повод.

— Так уж ни разу и не изменил? — поддразнил я его. — Что же ты за мужчина!

— По-твоему, доблесть мужчины измеряется количеством измен жене?

— Ты не уклоняйся от ответа! — сказал я. — Изменил или нет?

— Уверяю тебя — мне бы это не доставило никакого удовольствия, — нехотя сказал Николай. Врать он не умел.

— Никак поезд опаздывает, — снова заволновался он.

— Не терзайся, — усмехнулся я.

Николай провел рукой по щеке и опять расстроился:

— Как назло, сегодня утром электрическая бритва вышла из строя...

— Для меня ты, Коля, что бритый, что не бритый — одинаково красив! — рассмеялся я. Давно я не видел его, обычно трезвого и хладнокровного, таким возбужденным, порывистым. Глаза его сияли, он, казалось, помолодел. Да, Николай любил свою Машу так же, как и много лет назад, когда часами ждал ее у черного хода театра, чтобы преподнести после премьеры цветы, которые, рискуя собственными штапами, рвал с чужих клумб... Что ж, можно лишь позавидовать такой молодости чувств!

Когда поезд с грохотом и шипением подкатывал к вокзалу, Николай, смущенно улыбаясь, попросил меня не присутствовать при их встрече, пояснив, что при мне и он и Маша будут чувствовать себя связанно.

— Какого же черта ты меня притащил сюда? — прервал я его невнятные объяснения.

Но Николай уже не смотрел на меня: он шарил глазами по проплывающим мимо вагонам, высматривал свою Машу. Под мышкой нелепо торчала помятая коробка конфет «Белочка». Ветер растрепал его короткие седые волосы.

Я отошел в сторонку и закурил. Мимо пробежали люди: одни спешили в буфет, другие на поезд, носильщики везли на маленьких тележках чемоданы и сумки. Обычная вокзальная сутолока. С неба все еще брызгал дождь. Стоя под навесом, я чувствовал себя здесь совсем лишним, никому не нужным. И как всегда, глядя на уезжающих и встречающих, испытывал легкое чувство грусти. У всех какие-то большие и маленькие перемены в жизни, а у меня все по-прежнему... Я пока числился на службе у Васи́на, но, по сути дела, все работы по строительству поселка были закончены. Построенный мною и Любомудровым поселок в Стапсах заселялся. Я видел, люди довольны новыми домами, меня наперебой приглашали на новоселье, приятно было видеть праздничные лица.

В Москву я так и не съездил: разговаривал по телефону с Дроздовым. Он сказал, чтобы я хвост держал морковкой... Более ясно он почему-то не пожелал высказаться. В горком партии меня тоже больше не вызывали. Бутафоров сообщил, что вопрос о моем утверждении снова на должность директора завода утрясается в областном комитете партии и министерстве. Сказал мне Николай и о том, что Куприянов после нашей последней встречи изменил свое мнение обо мне в лучшую сторону (это несмотря на синяк!) и перестал возражать против моей кандидатуры на пост директора, хотя раньше и слышать об этом не хотел. Очевидно высказывая точку зрения горкома партии, Бутафоров посоветовал мне пока никуда из города не уезжать, потому что в любой момент могут вызвать в Москву или в обком партии...

От него я узнал, что Тропинин добился приема у первого секретаря обкома партии и пробыл у него около часа. Вместо меня съездил в Москву, где имел большой разговор с замминистра. В портфеле Анатолий Филиппович возил фотографии нового поселка, копии проектов Любомудрова, всю документацию, расчеты и свой собственный доклад. И вот плоды всей этой деятельности начинают

сказываться... Прав был Николай Бутафоров, говоря, что под лежащий камень вода не течет...

Когда вот такая погода — дождь и дождь, на душе как-то беспокойно, тревожно. Тяготило меня и это вынужденное безделье, хотя я каждый день исправно приезжал в правление колхоза «Рассвет», где мне Васин выделил отдельный кабинет. Здесь я корпел над проектами Любомудрова, вместе с прорабом, который будет строить следующий поселок, делал все необходимые расчеты, иногда мы выезжали на будущие строительные площадки. Васин хотел во что бы то ни стало построить второй поселок в лесистой местности и тоже на берегу речки. Новые проекты предусматривали строительство и двухэтажных зданий. Планировалось построить два Дома культуры. И хотя я был занят весь день, кабинетная работа меня не захватывала. Много времени отнимали беседы с приезжими председателями колхозов, директорами совхозов, которые собирались заказать заводу такие же дома, как в Стансах. Каким-то образом все узнавали, что я бывший директор завода, и разговаривали со мной как с директором, не считаясь с тем, что я не был правомочен решать какие бы то ни было вопросы, связанные с производством завода... После того как ты ворочал огромным заводом, трудно работать на должности мелкого служащего. И вместе с тем это было неплохой для меня школой: я убедился, что отныне при любом ударе судьбы смогу удержаться на ногах. И даже дать сдачи. А к этому человек сможет прийти, лишь немало испытав и закалившись в борьбе...

В сутолоке я потерял из виду Николая. Маша не сообщила номер вагона, и он побежал разыскивать ее вдоль всего состава. И вот я увидел их медленно идущих по перрону. Маша была в светлом плаще, все такая же видная, моложавая, хотя некоторая дородность и выдавала ее далеко не девичий возраст. Николай тащил огромный кожаный чемодан и вместительную сумку. Маша прижимала к груди коробку конфет. Они прошли совсем близко, но меня даже не заметили. У обоих взволнованные, просветленные лица. Вот Николай вскинул голову, взглянул Маше в глаза и что-то негромко сказал. Та кивнула и рассмеялась...

Надо было выйти навстречу и поздороваться с Машей, но меня что-то удержало, и они прошли мимо. В какой-

го песне поется, что бывает черная зависть и белая. Так вот я им позавидовал белой завистью... Наверное, потому позавидовал, что моя личная жизнь была по-прежнему сложной и беспокойной. Хотя Юлька и говорила мне, что я современный, наверное, она не права: я старомодный, хотя и стараюсь не осуждать молодежь, а лучше понять ее. И это мне дается с трудом. Известная истина: старое поколение всегда критически относится к молодому поколению. То и дело слышишь древние, как мир, разговоры, мол, в наше время молодежь была совсем другая... А нынче что? Носят джинсы, отпускают длинные волосы, сзади не поймешь: парень или девушка, к старшим относятся безо всякого уважения и так далее...

А когда мы были молодыми, точь-в-точь так же толковали про нас наши родители, хотя мы тогда вместо джинсов носили морские клеши и стриглись под полубокс...

Юлька современная девушка. Ее внутренний мир иной, чем у Рыси — девушки моей юности. Теперь жизнь совсем другая: люди имеют возможность красиво одеваться, жить со всеми удобствами, больше досуга отдавать культуре, искусству. А о войне, которая на корню опалила мое поколение, сегодняшние юноши и девушки знают из книг и кинофильмов. Они сейчас живут так, как мечтали жить их деды и бабки, которые хлебнули лиха в войну, да и после войны жили кое-как, а работали за двоих-троих, чтобы вытащить страну из послевоенной нищеты и разрухи. Недоедали, недосыпали на восстановлении городов, экономики, сельского хозяйства. И все это во имя будущего поколения...

И вот оно, это будущее поколение. Оно все приняло как есть, готовое и удобное. Оно, это поколение, не знало войны, разрухи, трудностей. И, как говорится, слава богу! Но и благодарить дедов и отцов за подаренный им мир это поколение не собирается. Оно просто не знало другого мира. Это поколение живет и развивается по иным законам, чем раньше. У него другие требования к жизни.

Да, я стараюсь понять и оправдать Юльку, хотя это для меня нелегкая задача. Юлька для меня стала всем. Или, точнее, единственной, которая для меня значит все. Научиться понимать другое поколение можно, но как же мне жить с Юлькой! А я ее до сих пор не понимаю. Я не

знаю утром, что она сделает вечером. Малейшее с Юлькиной точки зрения посягательство на ее свободу вызывало у нее бурный протест, настоящий взрыв. А посягательством на свою драгоценную свободу она считала даже невинное предложение с моей стороны, например, в воскресенье поехать за грибами. Замужество ее пугало, казалось тяжким ярмом, которое сразу пригнет, придавит ее до самой земли. «Я тебя люблю, Максим,— говорила она, когда была в хорошем настроении.— Чего же тебе еще нужно? Зачем нам быть мужем и женой? Чтобы я сидела в твоей квартире и ждала тебя с работы? Готовила тебе обеды, мыла и стирала? Я не хочу этого делать по обязанности! Будет желание, я и так все сделаю, что нужно... Мы с тобой часто ругаемся, а поженимся, тогда еще хуже будет. Я боюсь, что тогда разлюблю тебя, Максим...»

И отказаться от Юльки я ни за что не смог бы! Я думал о ней постоянно, готов был терпеть все ее капризы и выходки, лишь бы хоть изредка видеть ее рядом... Я часто задумывался над тем, что еще двадцать—тридцать лет назад все было проще и определеннее. К женитьбе люди относились очень серьезно и, вступив в брак, прилагали всяческие усилия для того, чтобы сохранить семью, а теперь выйти замуж и разойтись ничего не стоит. Правда, по старой традиции некоторые девушки смолodu стремятся выйти замуж для того, чтобы как-то самоутвердиться, доказать людям и, главное, самим себе, что они не хуже других и могут нравиться мужчинам, но, выйдя замуж и соприкоснувшись с суровым бытом, быстро остывают и, особенно не терзаясь, легко разводятся... Все чаще и чаще девушки начинают рассуждать так же, как и моя Юлька: зачем надевать на себя ярмо замужества, взваливать на себя какие-то обязанности, когда можно и так наслаждаться жизнью, любить и быть любимой?!

А может быть, действительно, женитьба отделяет чем-то одну половину рода человеческого? Мужчина, беря в жены девушку, ждет от нее верности, хозяйственности, семейных удобств. Девушка, выходя замуж, как правило, стремится создать семью, родить и воспитывать детей, создать в доме уют... И все это мужчина предоставляет ей делать самой, предпочитая пользоваться всеми благами брака, но почти ничего не давая взамен. Мужчина

быстро свыкается с удобствами семейной жизни, конечно, при условии, что жена попалась хозяйственная, считает это в порядке вещей, а сам не затрачивает на все это ни время, ни энергию, предпочитает использовать досуг на свое полное усмотрение. И яростно отстаивает это свое право, которое, кстати, никто ему не давал. Уже несколько поколений советских людей лишь понаслышке знают о Домострое. И тем не менее домостроевские настроения каким-то непостижимым образом проникают в сознание сильной половины рода человеческого, вызывая не менее яростный отпор со стороны слабого пола, который теперь не считает себя слабым...

Может быть, в этом и кроется корень зла современной семьи? По сути дела, ведь с первых же шагов во многих молодых семьях начинается скрытая борьба за личную свободу и независимость друг от друга. Та самая изнуряющая борьба, которая не ведет ни к победе, ни к поражению, а лишь к разводу, к разрушению семьи?..

Погруженный в эти раздумья, я совсем позабыл, зачем я здесь мокну под дождем? И лишь услышав сигнал машины, очнулся от своих дум и осмотрелся: шофер помог Николаю уложить вещи в багажник и теперь сигнализировал мне. Маша забралась в машину, а мой друг стоял у распахнутой дверцы и вертел головой, разыскивая меня взглядом. Я спрятался за выступ вокзальной стены, и он меня не заметил. Секунду спустя он пробежал мимо по направлению к буфету. Воспользовавшись этим, я юркнул в дверь камеры хранения.

Мне почему-то не захотелось ехать к ним, лучше вечером зайду.

Сейчас мне захотелось побыть одному.

9

На Лазавицком мосту произошла авария: самосвал зацепил «Жигули» и чуть не опрокинул в речку. Сильно побитые «Жигули», выставив серое, залепленное грязью брюхо, лежали на берегу вверх колесами. Вокруг собралась толпа, в стороне инспектор ГАИ толковал со свидетелями аварии. Из обрывочных реплик прохожих я узнал, что виноват шофер самосвала. Наверное, был выпивши, потому что его повезли на экспертизу. Никто из водителей не пострадал.

Я уже намеревался свернуть к своему дому, когда услышал скрип тормозов. Рядом со мной остановился потрепанный «Москвич» — пикап цвета слоновой кости. Из машины вывалился Аршинов и, улыбаясь, подошел ко мне. Что-то в облике его изменилось, Геннадий Аршинов будто ростом стал выше, еще солиднее, в небольших глазах довольство собой. Он сделал движение, собираясь протянуть руку, но, наткнувшись на мой взгляд, раздумал.

— Ты ведь теперь безлошадный, — сказал Аршинов. — Дай, думаю, подвезу человека... Ты ведь меня тоже в свое время выручал.

— Дурак был, — ответил я.

— Интересная штука эта жизнь, — пропустив мои слова мимо ушей, продолжал Аршинов. — Тебя, слышал, турнули с завода, а меня неделю назад начальником стрелочных мастерских назначили... — Он бросил взгляд на «Москвич». — Вот и казенная машина досталась. Конечно, это не «Волга», но помаленьку бегает...

— Наверное, ты Куприянову очень понравился, — заметил я.

— Хороший мужик, — сразу посерьезнев, ответил Аршинов. Иронии в моем голосе он не уловил. — Не чета Кольке Бутафорову... Борис Александрович уважает старые кадры. Ценит. А кто я был в дистанции пути? Считай, никто, а я все-таки высшее образование имею! Сейчас у меня солидное хозяйство. Одной рабочей силы больше двух сотен, а в дистанции сторожами да уборщицами командовал.

— Значит, доволен жизнью?

— Я слышал, тебя собираются восстановить в должности...

— Поэтому и остановился, — усмехнулся я. — Может, еще снова пригожусь тебе? Материалу для дачи подкину или грузовичок понадобится...

— Мы все-таки не чужие, — сказал Аршинов. — Не грех и помочь друг другу. Будешь железнодорожную ветку прокладывать к заводу, без меня не обойдешься...

Аршинов не знал, что Куприянов на бюро горкома назвал его фамилию, когда заговорил о моем моральном облике. Генка укоризненно смотрел на меня ясными глазами: мол, я понимаю, ты обижен, тебе сейчас трудно, поэтому и не обращаю внимания на твои колкие реплики... А может, и знал, да совесть у него чугунная, и ее

ничем не прошибешь... И я понял, что этого человека устыдить или хотя бы вызвать в нем раскаяние невозможно. Генка, будто в панцире, заостенел в своем узком мещанском мирке и искренне не понимает, чего я от него хочу. Встретились старые приятели, поговорили и разошлись. Зачем нервничать, сердиться? Он, Генка, ко мне со всей душой. Вот остановился, хотел подвезти человека... Я уже ничего от него не хотел: мне стало смертельно скучно. Есть на свете такие люди, которые на нас навевают скуку,— и тут уж ничего не поделаешь. Генка был именно таким человеком. Возможно, таким он был и в молодости, когда мы вместе учились в техникуме, просто я тогда об этом не задумывался. Рыси он помогал, как теперь выяснилось, из собственной корысти. Лез из кожи, чтобы ей понравиться... Еще там, в техникуме, зрел в Генке Аршинове этакый кулачок и мещанин... И вот созрел фрукт!..

В багажнике пикапа лежали пухлые серые мешки, два новых топорика, жестянка с дегтем или мазутом, толстая пачка резиновых прокладок.

— На дачу везешь? — кивнул я на это добро.

— Погребок оборудую, — оживился Генка.— Понимаешь, отпотевают под полом весной и летом, вот я и решил все зацементировать... Ты у меня на даче не был?

Я только улыбнулся, вспомнив, как он меня настойчиво приглашал в гости, позабыв дать адрес своей квартиры.

— Приезжай как-нибудь на денек-два. У меня под бок такое озеро! Порыбачим, ушлицу заварим... В прошлое воскресенье на перемет десять угрей взял!

— Везет тебе, — сказал я, не зная, как от него отделаться. Надо бы повернуться и уйти, но вроде неудобно.

— И Алла тебя как-то вспоминала, — продолжал Генка.— Знаешь, как она угрей коптит? Ты таких и не пробовал... Человек ты сейчас свободный, приезжай...

Его толстое лицо так и светилось добродушием, а в голосе было столько искренности, что я готов был поверить, что он и впрямь будет рад мне...

— Уговорил! — улыбнулся я, придав своему лицу простецкое выражение.— Так и быть, приеду... Наверное, под угорька-то у тебя что-нибудь найдется в твоём зацементированном погребе? Пожалуй, в эту субботу можно...

— В субботу? — сразу поскущел Аршинов. — В субботу ничего не выйдет. Партийное собрание, наверное, задержусь и не поеду на дачу.

— Вы разве и по субботам работаете? — сделал я удивленные глаза.

— Нынче ведь черная суббота, — нашелся Аршинов.

— Ну тогда в воскресенье, — сказал я, с трудом сдерживаясь, чтобы не улыбнуться. Очень уж уморительная физиономия была у Аршинова. Наверное, у него сейчас происходила бешеная работа мысли, как бы получше выкрутиться из затруднительного положения. Генка явно не ожидал, что я так легко приму его приглашение.

И все-таки в этой ожиревшей, зачерстневшей душе осталось что-то человеческое. Тяжело вздохнув, он вдруг широко улыбнулся, наконец приняв твердое решение, и сказал:

— Я за тобой заеду в субботу... после собрания. У меня переночуешь, а утром на рыбалку. И Алла будет рада, а то все упрекает, мол, гостей у нас не бывает... Я как-то пригласил Куприянова — отказался. Да он и не рыбак... — Аршинов понизил голос. — Кстати, ты учти, Куприянов из тех, кто мягко стелет, да жестко слать... Когда я ему сказал, что мы с тобой друзья-приятели, он сразу давай расспрашивать: не давал ли ты мне строительных материалов на дачу и все такое...

— Что ты говоришь? — сделал я удивленное лицо. Нет, Генка неисправим: только что говорил, что Куприянов хороший мужик, старые кадры ценит, а теперь и его охаял!

— Так я заеду за тобой вечером, — сказал Генка и сделал широкий жест. — Резиновые сапоги и снасти можешь не брать с собой, у меня все есть.

— Передавай привет жене, — сказал я. — А на дачу я к тебе не приеду. Слишком разные мы с тобой люди, Аршинов!

— Заболтался я, а ведь путь не близкий, — заторопился Генка. Мои слова его ничуть не расстроили. Наоборот, он даже почувствовал облегчение, когда я отказался поехать с ним на дачу. Он снова шевельнул плечом, собираясь протянуть руку, но опять не протянул. — Звони, — уже втискиваясь в тесную кабину и на этот раз без всякого энтузиазма сказал он, разумеется, не назвав номер своего телефона.

Я только головой покачал, подивившись способности Аршинова никогда не отвечать на трудные вопросы.

Пикап, тяжело оседая на задние колеса, — шутка ли, четыре мешка цемента! — покатил по шоссе, а я свернул к своему дому. Хоть и скучный человек Генка Аршинов, однако на сей раз он меня все-таки сумел развеселить...

Утром в пятницу позвонила Юлька и сказала, что придет вечером. И вот не пришла. Не пришла и в субботу, хотя я, как дурак, прождал ее весь день, не решаясь сбегать даже в магазин. Впрочем, я уже привык к ее необязательности. И если раньше злился, переживал, то теперь лишь невесело посмеивался над самим собой... А что я еще мог сделать? Юлька, что птица, куда вздумает, туда и полетит, и ничто ее не остановит. А мне, видно, выпала такая судьба — ждать ее в пустом гнезде и грустить. Ведь все птицы рано или поздно возвращаются домой...

В воскресенье я уже не посмеивался и не подшучивал над собой. Я свирепо мерил шагами комнату из угла в угол и со злобой посматривал на телефон, который молчал, как проклятый. Ну ладно, не смогла прийти, но позвонить-то можно было?.. Неужели человек, которого где-то ждут, не чувствует этого? Спокойно занимается своими делами, шутит, пьет чай и ему совершенно безразлично, что другой человек мучительно ждет его, считает минуты и часы?..

Мефистофель настороженно следил за мной двумя узкими полосками прижмуренных глаз. Голова его поворачивалась то в одну, то в другую сторону. Длинный черный хвост свесился вниз и чуть заметно шевелился.

Неожиданно в комнате стало светло, солнечные зайчики запрыгали по полу. Наконец-то после долгих дождливых дней выглянуло солнце. Мефистофель лениво передвинулся с края на середину стола, где яркий солнечный луч выстлал широкую дорожку.

В последний раз бросив взгляд на молчавший телефон, я надел плащ и, хлопнув дверью, вышел из дома. На лестничной клетке вспомнил, что не налил Мефистофелю в блюдце молока, и вернулся. На резиновом коврике валялся кусок штукатурки. Обругав себя, привыкшего в сердцах громко хлопать дверьми, подмел пол. Мой кот

лишь сверкнул на меня зелеными глазами и снова прижмурил их, нежась на солнце.

Я пересек пустынную площадь и направился к небольшому оштукатуренному дому, где помещался краеведческий музей. Я уже давно собирался побывать там и не спеша обойти все залы. И потом, мне очень захотелось увидеть Ягодкина. Несколько раз я вспоминал о нем и хотел забежать хоть на минутку, да все не получалось, как это обычно бывает: то одно, то другое...

В музей, как я и ожидал, было пусто. Местные жители почему-то в родной музей не ходят, а туристы пока редко навевывались в Великие Луки, хотя не каждый город может похвастаться таким славным героическим прошлым.

С час я бродил по музею, знакомясь с достопримечательностями и историей родного края. В зале современного искусства, к своему великому удивлению, увидел прекрасно выполненный макет нашего поселка в Стапсах...

Почти бегом я направился в кабинет Германа Ивановича. Когда же это он успел?

Сразу я к Ягодкину не зашел: не хотелось отвлекать старика от работы. Он наверняка отправился бы меня сопровождать по музею, а мне хотелось побродить по залам одному.

Германа Ивановича в кабинете не было. Вместо него сидел за столом с лупой в руке, углубившись в старую рукопись, молодой широколицый человек в очках. Рыжие нестриженные волосы топорщились на затылке. Отчеркнув ногтем страницу, он вопросительно уставился на меня.

— Я к Ягодкину, — сказал я, испытывая какое-то смутное беспокойство.

Молодой человек снял очки и принялся меня с любопытством разглядывать. Глаза у него светлые и неглупые.

— Вы случайно не родственник ему? — спросил он.

— Знакомый.

— Странно... — пробормотал молодой человек, продолжая меня изучать живыми близорукими глазами. От очков у него на переносице осталась красная полоска. — Странно, что вы его ищете здесь...

— А где же я его должен искать? — теряя терпение, спросил я.

— На Казанском кладбище, — невозмутимо сообщил молодой человек и снова нацепил очки. — Направо у каменной стены. В будущем году на его могиле будет установлен мраморный памятник, уже есть решение горсовета...

Я прислонился к стене. В кабинете все переменялось: на полках пронумерованные папки, письменный стол не захламлен, нигде не видно экспонатов, если не считать двух заспиртованных ящериц в стеклянных колбах и чучела совы на шкафу красного дерева.

— ...он работал над монографией «История нашего города», — как сквозь вату доносился до меня ровный голос молодого человека. — Должен вам сказать — это весьма любопытная работа. Не имея специального образования, Герман Иванович оказался на высоте. Совершенно иной подход к известным историческим фактам... Мы постараемся ее издать. Так и умер за этим самым письменным столом. Инфаркт. Болезнь века. Могу вас лишь одним утешить: смерть его была легкой, так и похоронили с улыбкой. Я мало знал Ягодкина: совсем недавно сюда приехал, — но все сотрудники его любили. Да что сотрудники! Хоронил весь город... А вы, судя по всему, приезжий?

— Когда он умер? — спросил я.

Молодой человек сказал. Так и есть, я в это время жил на турбазе в Сенчитском бору. И даже газет не читал. Умер замечательный человек, а я и не знал.

Молодой человек в очках еще что-то говорил, но я уже его не слышал. Почувствовав огромную усталость, вышел из музея и, спустившись к Ловати, присел на гладкий серый валун. Обмелевшая летом река снова ожила после дождей. Желтые кустики речной травы, выросшие на отмели, почти полностью скрылись под водой. У берегов образовались островки из опавших листьев. Ветер будоражил мутноватую воду, пытался бороться с течением, вздыбливая посередине волны, но, не славив, отступал, сорвав с гребней поздраватые клочки пены.

Только теперь я вспомнил, что последние дни меня все время что-то тревожило и сегодняшнее желание посетить музей не было случайным. Мне давно хотелось увидеть Ягодкина. Этот человек снова, как и в далекой юности, вошел в мое сердце. И вот его не стало. Помнится, на озере мне как-то пришла мысль его повидать, причем

это желание было сильным. Еще тогда какое-то нехорошее предчувствие кольнуло меня в сердце... Нужно было все бросить и помчаться в город, может быть, я еще и застал бы его живым?..

Я по берегу Ловати побрел к кладбищу. Напротив Дятлинки нарвал поздних осенних цветов на длинных стеблях и принес их на могилу Германа Ивановича Ягодкина. Могила была свежая, вокруг навалены завядшие венки с черными лентами, на которых друзья и различные организации выразили свои добрые чувства к этому человеку. Гигантские клены, липы и сосны шумели над головой. Шестидесяти восьми лет от роду скончался Герман Иванович Ягодкин.

На Казанском кладбище давно уже никого не хоронили, но Германа Ивановича, как почетного гражданина города Великие Луки, похоронили здесь у каменной монастырской стены, которая еще помнит нашествие Стефана Батория. Из-за деревьев белеет гораздо позднее построенная церковь с двумя зелеными куполами. На солнце ярко сверкают позолоченные православные кресты.

10

Бывает такое настроение, когда человеку осточертеет все па свете. Взял бы вскочил на первый попавшийся поезд и уехал куда глаза глядят... Мне надоело вечно ждать Юльку, все еще не решился вопрос о моем назначении, хотя из горкома позвонили и попросили пока никуда не уезжать из города, надоело сидеть в конторе колхоза «Рассвет» и составлять документацию на новый поселок, который неизвестно когда будет построен. Ждать, ждать, ждать... Мне надоело ждать у моря погоды. Надоело бессонной ночью ждать, когда наступит хмурое осеннее утро.

Как-то вечером я набрал номер телефона начальника треста «Севзаптрансгипрострой» и снова предложил ему свои услуги. Мой дорогой бывший шеф, ни минуты не раздумывая, сказал, что рад снова принять меня в свои отеческие объятия. Должность прежняя, квартирой со временем обеспечат, а пока поживу в общежитии. И посоветовал, не мешкая, собирать свои манатки и приезжать в Ленинград.

Это меня подбодрило, и я позволил Бутафорову. Услышав, что я собираюсь уезжать из Великих Лук, Николай вспылил и обозвал меня тряпкой и предателем. Таких трудов стоило восстановить меня на работе (пока еще никто меня не восстановил!), а я дезертирую!.. В общем, мы с ним крепко поругались и оба в раздражении бросили трубки. Я энергично стал готовиться к отъезду. На первое время я решил взять с собой самое необходимое, а потом, когда устроюсь в Ленинграде, вернусь сюда и сдам квартиру, а вещи отправлю контейнером.

Главное, принять какое-нибудь решение, покончить с этой проклятой неопределенностью! Бегом из этого города! Не было и, видно, не будет мне счастья в Великих Луках!

В разгар моих лихорадочных сборов раздался настойчивый звонок в дверь. Я открыл: на пороге стояла Юлька. И была она сегодня на удивление нарядная, в шерстяном с разноцветными полосами платье, светлом, расстегнутом на все пуговицы плаще. На волосах и ресницах блестели мелкие капельки. Косынок и шапочек Юлька не носила.

— Здравствуй, дорогой,— улыбнулась она.— Не ждал?

Я молча пропустил ее в прихожую и закрыл дверь. Юлька сразу увидела чемоданы на полу, вытащенные из шифоньера костюмы и рубашки. В лице ее что-то дрогнуло, глаза потемнели, и в них обозначились зеленые ободки. Однако ничего не сказала, перешагнув через раскрытый чемодан, подошла к Мефистофелю, разлегшемуся на письменном столе, и стала его гладить. Кот приоткрыл один глаз и, узнав ее, соизволил коротко мурлыкнуть в ответ.

— На улице ветер, холодно, а у тебя тепло,— не обращиваясь, произнесла она. Что-то в ее рослой стройной фигуре неуловимо изменилось. Обычно резкая, самоуверенная Юлька сейчас показалась мне маленькой и беззащитной. Окропленные дождем волосы распались на отдельные пряди. Белый лоб наморщен: Юлька о чем-то напряженно думает. О чем? Я никогда не знаю, о чем она думает. Может быть, это и хорошо? Юлька всегда вызывает у меня глубокий интерес и любопытство. С ней не соскучишься. Всегда что-нибудь новенькое... Интересно, что она мне сегодня приготовила?..

Мне захотелось подойти к ней, обнять и зарыться лицом в пахнущие свежестью и дождем волосы. Глядя на ее профиль, я подумал, что куда бы я ни уехал, хоть на край света, эта девушка повсюду в мыслях будет со мной. Где бы я ни был и ни жил, я всегда буду думать о ней. И это мучительное ожидание встречи с ней протянется через всю мою жизнь...

Юлька почувствовала мой взгляд и обернулась. На губах улыбка, но я заметил в ее широко раскрытых глазах маленькие горячие искорки. Это были слезы. Я никогда не видел Юльку плачущей. Да и сейчас она, наверное, и не подозревала, что в ее глазах родились слезы.

Я швырнул в широко распахнувший свою пасть чемодан скомканный свитер, затем присел на корточки, чтобы плотнее втиснуть его, но тут крышка чемодана опустилась и ударила меня по пальцам.

— Так тебе и надо,— сказала Юлька.— Вытряхивай свои чемоданы!

— И не подумаю,— сказал я.— Мой поезд отправляется через четыре часа.

— Покажи билет...— не поверила она.

Продолжая возиться с чемоданом, я кивнул на письменный стол. Юлька взяла придавленный бронзовым подсвечником купейный билет до Ленинграда. Долго рассматривала его, даже компостер на свет посмотрела. Потом безвольно опустила руки и растерянно уставилась на меня. Губы ее припухли, как у ребенка, который собирается заплакать, но плакать Юлька не умела. Зеленый ободок в ее чуть раскосых глазах становился все шире. Теперь глаза у нее стали зеленые, как у Рыси...

Глядя в эти глаза, я чувствовал, как моя уверенность в необходимости срочного отъезда тает, как снежный ком... Однако я гнал эти мысли прочь и убеждал себя, что отступать теперь поздно...

— А как же он? — тихо спросила она.

— Кто он? — не понял я.

— Мефистофель.

— Возьму с собой,— сказал я.— А хочешь — подарю тебе?

— Его нельзя подарить,— сердито ответила Юлька.— Мефистофель сам себе выбирает хозяина. И сдается мне, что ему никуда уезжать не хочется.

— Мне тоже,— вздохнул я.

— Зачем же ты тогда уезжаешь?

— Ты знаешь, — ответил я.

— Но ведь я люблю тебя!

— Нет, Юлька, ты любишь только себя.

— О, как ты ошибаешься! — покачала она головой. — Я себя ненавижу!

— А я люблю тебя.

— Тогда распакуй чемоданы, — потребовала она. — Пусть все будет, как было.

— Как было, больше никогда не будет, — твердо скавал я. — Уж в этом-то я уверен.

— Чего же ты хочешь?

— Уехать отсюда, так будет лучше для нас обоих, — не очень-то уверенно ответил я.

— Тебе, может быть, будет и лучше, — живо возразила она. — Мне — нет!

— Мне надоело вечно тебя ждать, Юля, — честно признался я, опускаясь на заскрипевшее кресло. — И потом, ты и сама не знаешь, любишь меня или нет.

— Я все время об этом думала, Максим, — сказала она, садясь в своем нарядном платье на пол, рядом со мной. — Поэтому и не приходила к тебе...

— И что же ты надумала? — полюбопытствовал я.

— Я ведь никогда не любила и не знаю, что это такое.

— Тут я тебе ни в чем не могу помочь, — вздохнул я.

— Наверное, все-таки я тебя люблю, — помолчав, сказала Юлька. — Потому что... — она прикусила пухлую губу. — Потому что я хочу от тебя ребенка...

— Юлька! — ошарашенно воскликнул я и, не в силах справиться с охватившим меня радостным волнением, вскочил на ноги.

Юлька тоже поднялась и, сверкая зелеными глазищами, гневно крикнула:

— А ты бесчувственный чурбан! Ты знаешь, где я сейчас была? Знаешь? — подбежала к письменному столу и, напугав Мефистофеля, схватила сумку. Вывернув содержимое на пол, схватила пузырек с какими-то таблетками и показала мне. — Я была у знакомой медички... Я уже три месяца беременна!

— Что это? — спросил растерянно я.

Юлька метнулась к окну, распахнула форточку и вышвырнула пузырек в сквер. Когда она подошла ко мне, глаза у нее были несчастными.

— У тебя будет ребенок,— сказала она.— А теперь, если хочешь, уезжай...

— Что же ты молчала, Юля,— ошалело бормотал я, целуя ее, тормоша, заглядывая в глаза.— Маленькая ты моя дурочка!

Юлька высвободилась, нагнулась за чемоданом и, раскрыв его, вытряхнула все вещи в распахнутый шифоньер.

— Сейчас же порви билет! — приказала она.

Я разорвал твердый прямоугольник на несколько кусочков и подбросил в потолок, затем схватил свою Юльку на руки. Она обхватила мою шею руками, прижалась горячими губами к щеке.

— Веришь теперь, что я тебя люблю? — требовательно спрашивала она.— Веришь?

— Я в это окончательно поверю, когда ты станешь моей женой,— сказал я.

— Максим, я боюсь, что буду для тебя плохой женой,— шепчет Юлька.— И ты меня скоро бросишь... Моя бабка говорит: кому я достанусь в жены, будет самый несчастный человек...

— Я самый счастливый человек,— отвечаю я.— И потом — я не верю бабкам.

— И все равно я боюсь.

— Кого?

— Тебя,— и, немного помолчав: — И себя тоже... А вдруг мы разлюбим друг друга?

— Я не разлюблю,— говорю я.

— Неужели ты и вправду уехал, если бы я не пришла?

— Что об этом вспоминать,— беспечно отвечаю я.

Но Юльке почему-то эта мысль не давала покоя.

— Только подумать, он взял бы и уехал, даже не попрощавшись со мной! Нет, вы, мужчины, не умеете сильно страдать...

— Ну, это как сказать,— говорю я.

— Ты мне должен всегда верить, Максим. Я никогда не обманываю. Не улыбайся... Я хотела сказать, не обманываю в главном... Я не знаю, что такое происходит со мной, но иногда не хочется никого видеть. Даже тебя. И тогда я уезжаю к подруге и у нее живу. Понимаешь, когда у меня дурное настроение, я уйду, а когда все проходит, всегда к тебе возвращаюсь.

— На этот раз чуть не опоздала, — говорю я.

— Если по-настоящему любишь, вернулся бы, — улыбается она.

— Вернулся бы, — соглашаюсь я.

Юлька перебирает мои волосы, на смуглом плече чернеет такая знакомая родинка. Она улыбается, и глаза у нее чистые-чистые, лишь вокруг зрачка угадывается тоненький зеленый ободок. Густые жесткие Юлькины волосы блестят, даже когда в комнате темно. Волосы пахнут осенней свежестью, дождем и опавшими кленовыми листьями. Я забываю все свои тревоги и сомнения. Остановить бы это мгновение! Пусть всегда будет так, как сегодня...

Юлька перемахивает через меня, ее нежная кожа шелковиста и прохладна, и соскальзывает на ковер. Я с удовольствием смотрю на ее стройную гибкую фигуру. Солнце за лето вызолотило Юльку с головы до ног, оставив лишь две молочных полосы на бедрах и груди.

— Я поставлю пластинку, — говорит она.

Я загадываю: если поставит на проигрыватель пластинку с современной музыкой, ничего у нас с ней не получится, а если классическую, то все будет хорошо... Или нет, если легкая музыка — родится девочка, а серьезная — мальчик...

Послышалось шипение и легкое потрескивание. Хотя я в общем-то человек не суеверный, но почему-то весь напрягся, даже от волнения услышал торопливый стук своего сердца.

Полилась нежная мелодия. Концерт для скрипки и фортепиано Моцарта... Мои губы сами собой складываются в счастливую улыбку. Теперь я твердо верю, что у нас с Юлькой действительно все будет хорошо. Я сразу заметил сегодня, она пришла ко мне какая-то не совсем обычная. Не то чтобы изменилась, но вроде бы стала немого мягче и более женственнее. В голову лезут глупые счастливые мысли, что теперь нас в квартире не двое, а трое...

Я лежу на тахте и смотрю на Юльку. Стоя на месте, она плавно покачивается в такт музыке. У Юльки точечная фигура танцовщицы, и я всегда смотрю на нее с восхищением. Юлька сложена как греческая богиня. Линии ее тела безупречны. Я всегда отдаю себе отчет, что такая

женщина способна любому мужчине вскружить голову. Но я знаю и другое: очень трудно вскружить голову самой Юльке... Редкая девушка так безразлично относится к своей внешности, как Юлька. Она неделями может не вылезать из своих джинсов и мужской рубашки. Правда, на ней все сидит как влитое. Она почти не красит губы и не пользуется косметикой, не мудрит с прической, а из таких роскошных волос можно любую соорудить, не торчит часами перед зеркалом, не мажется, и так красивая. И в красоте ее что-то дикое, первобытное, как в купринской Олесе.

Моцарт слишком нежен и лиричен для Юлькиного темперамента. Я вижу, ей хочется танцевать, а когда Юлька танцует, я люблю ее еще больше. И, будто угадав мое желание, Юлька быстро меняет пластинку и начинает танцевать.

И хотя Юлька не смотрит на меня, она вся уходит в ритм быстрой современной мелодии, я знаю, она танцует сегодня для меня. В этом негритяпском, полном страсти танце она рассказывает мне то, что не выразишь никакими словами. Это не танец, а настоящая поэзия... Юльке богом дан талант! И я с ужасом думаю, не приди она сегодня, я, возможно, никогда не увидел бы этого чуда! Как мне могла в голову прийти мысль уехать? Одному, без Юльки! И даже билет взять...

Мелодия неожиданно обрывается, и разгоряченная, запыхавшаяся Юлька навзничь падает на тахту рядом со мной. Я молча глажу ее волосы, целую пылающее лицо, руки...

А потом подхожу к телефону и набираю домашний номер Бутафорова. Трубку долго не снимают, потом слышится покашливание и недовольный хрипловатый спросонья голос Николая:

— Я слушаю... Кто это?

— Коля, мне завтра нужна твоя машина, — говорю я.

— И ты мне за этим звонишь в два часа ночи? — рычит он в трубку. — Никакой машины ты не получишь! Доедешь до вокзала и на такси... И вообще...

— Мне не на вокзал, Коля, — ласково перебиваю я. — В загс.

— Куда? — после некоторого молчания переспрашивает Бутафоров.

— Я, кажется, женюсь, Коля!

— Значит, остаешься? — сразу сбавляет он тон. — Так бы сразу и сказал, чертов сын... Пригласишь на свадьбу?

— В воскресенье! — ору и я в трубку. — Свадьба состоится только в воскресенье, и в никакой другой день, слышишь, Колька?

— Ты никак пьяный? — спрашивает приятель.

— Я просто счастливый, — хохочу я в трубку. — Приходите с Машей в воскресенье, я познакомлю вас с моей невестой! Ее зовут Юлька! И она...

Юлька нажимает на рычаг и качает головой:

— Ты с ума сошел! Разве о таких вещах говорят?

— Это наша семейная тайна? — спрашиваю я.

— И потом, я еще не дала тебе своего согласия... — смеется Юлька.

Я вешаю гудящую трубку и поворачиваюсь к ней.

— Поздно, Юлька... Я уже пригласил на свадьбу своего лучшего старого друга.

— Приходи в воскресенье... — задумчиво повторяет Юлька. — Вот ты наконец и пришел!

— Это судьба, Юлька...

— Судьба... — тихо повторяет она. — Красивое и вместе с тем какое-то жуткое слово... Это, наверное, про нас сказано: от судьбы не уйдешь?

— Не приди ты сегодня, сколько бы я глупостей натворил... — говорю я.

— Я так к тебе спешила, — улыбается она.

— С завтрашнего дня, Юлька, начнем новую жизнь, — говорю я.

— Новую, — как эхо повторяет она.

— Мы поделим весь мир на двоих и третьего или третьей у нас не будет.

— Не будет третьего, — соглашается Юлька и тут же спохватывается: — А он? — и дотрагивается пальцем до своего живота.

— Я имел в виду другое, — улыбаюсь я. С Юлькой невозможно быть серьезным.

— Если ты мне хоть когда-нибудь изменишь, бестия! — кричу я. — Я... я не знаю, что с тобой сделаю!

— Я постараюсь быть верной, — как ребенка успокаивает меня «чертовка».

— К черту инженера Потапова и...

— К черту! — перебивает хитрая Юлька. Она не хо-

чет, чтобы вслед за Потаповым я послал в тартарары и ее лучшую подружку — Машу Кривину.

— Теперь мы будем говорить друг другу только здравствуй и никогда — прощай, — не могу я остановиться. Это нервная разрядка после такого долгого ожидания.

— Здравствуй, Максим!

Я умолкаю. Не могу сказать ни слова. Да и не хочется. К чему пустые слова, когда у нас вся жизнь впереди?..

Слышится шорох, скрипит форточка, затем раздается мягкий стук. Это с крыши возвращается Мефистофель. Вслед за ним в незанавешенное окно заглядывает полная голубоватая луна. По полу ползут призрачные тени, сверкают замки на чемодане, тени испуганно прыгают на стену и прячутся под самым потолком.

Сверкают и тут же гаснут глаза Мефистофеля.

Наконец-то вся моя семья собралась вместе. И, кажется, надолго.

**Козлов
Вильям Федорович**

ПРИХОДИ В ВОСКРЕСЕНЬЕ
Роман

**Редактор М. Соколова
Художественный редактор Б. Мокин
Технический редактор Л. Анашкина
Корректоры В. Марычева, Т. Храпонова**

Сдано в набор 1/IX-1975 г. Подписано к печати 14/I-1976 г. А07009. Формат изд. 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Печ. л. 11,5. Усл. печ. л. 19,32. Уч.-изд. л. 20,22. Тираж 75 000 экз. Заказ № 5734. Цена 86 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР

121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4
Рязанская областная типография
390012, г. Рязань, 12, ул. Новая, 69

X

450

v. 83